

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

2026. Том 13. № 1

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2026

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала **«Гуманитарные и юридические исследования»** – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информацию о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала: Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право; уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 06.05.2026.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»
Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.
E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

© Северо-Кавказский федеральный университет, оригинал-макет, оформление, 2026

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

2026. Volume 13. No. 1

Published four times a year

Stavropol
2026

“Humanities and law research” journal

“Humanities and law research” journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of “Humanities and law research” journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of research articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal’s activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

“Humanities and law research” journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal “Legal Research” (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name “Humanitarian and Law Research”

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 05.06.2026.

Postal code 94078 “Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines”.

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office and publisher: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkina Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – доктор исторических наук, доцент, доцент департамента мировой политики и зарубежного регионоведения Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, Бард-колледж (Аннандейл-он-Гудзон, США);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т. Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. – д-р. филол. наук, профессор, профессор департамента медиакommunikаций Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. – д-р филол. наук, доцент, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каширина Т. В. – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);

Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);

Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Мехди Хоссейни Тагиабал – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);

Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);

Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Радбиль Т. Б. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);

Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Старилов Ю. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);

Цихорацкий П. – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);

Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Чичман Л. – д-р полит. наук Университета Иштвана Сечени (Дьер, Венгрия);

Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);

Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, ректор Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ширяева Т. А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

Марченко Т. В. – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Professor, Head, Department of World History, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – Doctor of History, Associate Professor, Associate Professor, World Politics and Foreign Regional Studies Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaraş Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károlyi Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Bard College (Annandale-on-Hudson, USA);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Department of World History, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguistics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Media Communications Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mikhail V. Kamensky – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);

Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Department of World History, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);

Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);

Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mehdi Hosseini – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);

Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);

Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);

Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);

Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);

Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);

Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor, István Széchenyi University (Győr, Hungary);

Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);

Tatiana A. Shebzuhoa – Doctor of History, Professor, Rector of the North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

Tatiana V. Marchenko – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абдулаев К. А. Роль Кизляра в пограничной политике России в XVIII в.	11
Дитковская С. А. Восстановление учебно-материальной базы высших учебных заведений Ворошиловградской области в 1943–1945 годы	18
Епифанова Т. В. Периодизация истории развития теории справедливой войны	28
Казаров С. С., Михайлов В. Б. Предсказания будущего в Древней Греции: между рациональным и иррациональным (к вопросу о некоторых чертах менталитета эллинов)	35
Капшук А. Ю. География деятельности выездных студенческих строительных отрядов Краснодарского и Ставропольского краёв (1965–1980-е гг.)	41
Крохмаль Е. В. Роль религии в формировании американской национальной идентичности (XVII – начало XX века)	49
Кулиш Н. Ю. Раскрепощение» и труд: черкешенки в эпоху коллективизации (1930–1940-е гг.)	58
Кулумбегов Р. П. Хозяйство и хозяйственный быт Алании в V–XIII вв. Скотоводство	67
Плиев Р. И. Эволюция западного взгляда на российский ориентализм на Северном Кавказе: ключевые особенности	74
Потапов А. Е. М. Д. Скобелев в среднеазиатских походах второй половины XIX века	81
Радченко М. Л. Либаний, βουλευταὶ и πολιτευόμενοι в социальной сети позднеантичного города	90
Семиков М. О. Портрет итальянского кондотьера: казусы жизни Муцио Атендоло-Сфорца	98
Степаненко Н. С. Эпизоды детского пленопродавства на Северо-Западном Кавказе во второй трети XIX века	105
Танцеева А. В., Федякин А. В. «130 лет на службе транспортной отрасли страны»: страницы истории Российского университета транспорта в зеркале институтской печати	111
Харьковский Р. Г. Британская оккупация Египта 1882 г.: целенаправленная акция или результат череды случайных событий?	122

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Доборез И. А., Долгополов К. А. Малозначительность в уголовном праве: теоретические и практические аспекты	129
Хвостиков Д. В. Высокоавтоматизированные транспортные средства гражданского назначения: вопросы классификации	141
Чилингарян Р. С. Экспертиза как способ доказывания в административном процессе по делам об экологических правонарушениях на особо охраняемых территориях	148

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Грязнова В. М. К проблематике семантической неаддитивности мотивированных лексем в русском языке	155
Микичян А. С., Марченко Т. В. Лингвоаксиологическая интерпретация семьи в системе этнокультурных и общекультурных ценностей	161
Щуринов Ю. С., Серебрякова С. В. Лингвопрагматические характеристики полемических высказываний (на материале немецкоязычных газетных статей по проблемам энергетики)	169

РЕЦЕНЗИИ

Колесникова М. Е. Оконова Л. В. Кочевая цивилизация калмыков в XVII – начале XX вв.: монография: в 5 ч. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2025. – Ч. 4. Историческая демография российских кочевий калмыков в посл. трети XVIII в. – XIX в. 279 с.	177
--	-----

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Abdulaev KA. The role of Kizlyar in the border policy of Russia in the 18th century	11
Ditkovskaya SA. Restoration of the educational and material base of higher educational institutions of the Voroshilovgrad region in 1943–1945	18
Epifanova TV. Periodization of the history of the theory of just war	28
Kazarov SS, Michaylov VB. Predicting the future in Ancient Greece: between the rational and the irrational (on some traits of Hellenic mentality)	35
Kapshuk AYu. Geography of the activities of visiting student construction brigades of the Krasnodar krai and the Stavropol krai (1965 – 1980s)	41
Krokhaml EV. The role of religion in the formation of American national identity (XVII – early XX century)	49
Kulish NYu. Liberation and labor: Circassian women during collectivization (1930s-1940s)	58
Kulumbegov RP. Economy and household life of Alanya in the V – XIII centuries. Cattle breeding	67
Pliev RI. The evolution of the western view on Russian orientalism in the North Caucasus: the key features	74
Potapov AE. M. D. Skobelev in Central Asian campaigns in the second half of the 19th century	81
Radchenko ML. Libanius, βουλευταί and πολιτευόμενοι in the social network of a late antique city	90
Semikov MO. Portrait of an Italian condottiere: the incidents of Muzio Attendolo-Sforza's life	98
Stepanenko NS. Episodes of child captives' trade in the Northwest Caucasus in the second third of the 19th century	105
Tantsevova AV, Fedyakin AV. 130 years of serving the national transport industry: the history of the Russian university of transport as reflected in the institute press	111
Kharkovskiy RG. The British occupation of Egypt in 1882: a deliberate action or the result of a series of random events?	122

LEGAL SCIENCES

Dobrorez IA, Dolgoplov KA. Insignificance in criminal law: theoretical and practical aspects	129
Khvostikov DV. Highly automated civilian vehicles: classification issues	141
Chilingaryan RS. Expertise as a method of proof in administrative proceedings on environmental violations in specially protected areas	148

PHILOLOGICAL SCIENCES

Gryaznova VM. On the problem of semantic non-additivity of motivated lexemes in the Russian language	155
Mikichyan AS, Marchenko TV. Linguistic and axiological interpretation of the family in the system of ethnocultural and general cultural values	161
Shchurinov YuS, Serebriakova SV. Linguopragmatic characteristics of polemical statements (based on the analysis of German-language newspaper articles on energy issues)	169

REVIEW

Kolesnikova MYe. Okonova LV. Nomadic civilization of the Kalmyks in the 17th – early 20th centuries: monograph: in 5 parts. Elista: Publishing house of Kalm. University, 2025. – Part 4. Historical demography of Russian nomadic Kalmyks in the last third of the 18th – 19th centuries. 279 p.	177
---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.1>

РОЛЬ КИЗЛЯРА В ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В XVIII В.

Карим Абдулаевич Абдулаев

Дагестанский государственный университет (д. 43а, ул. Магомеда Гаджиева, 367000, Махачкала, Российская Федерация)
Аспирант
abdulaevamadi@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5079-887X>

Аннотация. Введение. В российской пограничной политике на Северном Кавказе широко использовались фортификационные сооружения, которые, помимо военной функции, начинали приобретать значение экономических центров влияния на народы региона. Некоторые из них в итоге превращались в города, играя заметную роль в деле интеграции края к империи. История города-крепости Кизляра является наглядным примером воздействия империи на социально-экономические процессы на Северном Кавказе в XVIII в. **Материалы и методы.** В статье использованы принципы историзма и объективности. Применялись методы исторического исследования, такие как: историко-системный, ретроспективный и хронологический. Исследование основывается на комплексе первоисточников, часть из которых впервые вводится в научный оборот. **Анализ.** После упразднения крепости Святой Крест в 1735 г. российские войска отходят на Терек. Им предстояло обустроиваться в Кизлярском урочище, которое уже использовалось местными жителями как торговая площадка, и теперь перед ним открывались новые перспективы. Для города изначально была характерна полиэтничность, причем власти подчеркивали необходимость привлечь сюда на поселение выходцев из числа северокавказских народов. Кизлярский рынок делал рентабельными ремесленные занятия местных жителей. Кизляр оказался перевалочным пунктом, через который товаропоток перенаправлялся в Астрахань. Соответственно, и российские товары завозились на Северный Кавказ через этот город. Местные предприниматели довольно быстро

выстроили логику, благодаря которой в обе стороны направлялись грузы, связанные с постоянными поставщиками и потребителями. Кизляр не воспринимался горским населением как угроза и источник опасности. Здесь были сосредоточены экономические интересы самых разных сторон налаживавшегося в пограничье межэтнического диалога. **Результаты.** Военно-политическое и экономическое освоение Северного Кавказа происходило одновременно. Приграничные крепости становились центрами хозяйственного взаимодействия между подданными империи. Перспективы превращения крепости в полноценный город напрямую зависели от успехов в выстраивании взаимовыгодного экономического и культурного партнерства с местными народами. Наибольших успехов здесь достиг Кизляр, который стал ключевым пунктом в связях России с горскими и кочевыми народами региона и с рынками Востока.

Ключевые слова: Пограничная политика, империя, горцы, Северный Кавказ, крепость, Кизляр, торговля

Для цитирования: Абдулаев К. А. Роль Кизляра в пограничной политике России в XVIII в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 11–17. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.1>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025

Статья одобрена после рецензирования: 13.02.2026

Статья принята к публикации: 28.02.2026

Research article

THE ROLE OF KIZLYAR IN THE BORDER POLICY OF RUSSIA IN THE 18TH CENTURY

Karim A. Abdulaev

Dagestan State University (43a, Magomed Gadzhiev St., 367000, Makhachkala, Russian Federation)
Postgraduate student
abdulaevamadi@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-5079-887X>

Abstract. Introduction. Fortifications were widely used in Russian border policy in the North Caucasus. Along with their military function, they began to acquire the significance of economic centers of influence on the peoples of the region. The history of the fortress city of Kizlyar is a clear example of the empire's influence on socio-economic processes in the North Caucasus in the 18th century. **Materials and methods.** The article uses the principles of historicism and objectivity. The study is based on a set of primary sources, some of which are introduced into scientific circulation for the first time. **Analysis.** After the abolition of the Holy Cross fortress in 1735, Russian troops retreated to the Terek. They had to settle in the Kizlyar tract, which was already used by local residents as a trading platform, and now new prospects were opening up for it. The city was initially multi-ethnic, and the authorities emphasized the

need to attract people from the North Caucasian peoples to settle there. The Kizlyar market made the local crafts profitable. Kizlyar turned out to be a transit point through which the flow of goods was redirected to Astrakhan. Accordingly, Russian goods were also brought to the North Caucasus through this city. Local entrepreneurs quickly built logistics, thanks to which cargoes connected with regular suppliers and consumers were sent in both directions. Kizlyar was not perceived by the mountain population as a threat or a source of danger. The economic interests of the most diverse parties of the interethnic dialogue being established in the borderland were concentrated there. **Results.** The military-political and economic development of the North Caucasus took place simultaneously. Border fortresses became centers of economic interaction between the subjects of the empire. The prospects for turning a fortress into a full-fledged

city directly depended on the success in building mutually beneficial economic and cultural partnerships with local peoples. Kizlyar achieved the greatest success here, becoming a key point in Russia's connections with the mountain and nomadic peoples of the region and with the markets of the East.

Keywords: border policy, empire, highlanders, North Caucasus, fortress, Kizlyar, trade

For citation: Abdulaev KA. The role of Kizlyar in the border policy of Russia in the 18th century. Humanities and law

research. 2026;13(1):11-17. (In Russ).
https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.1

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.11.2025

The article was approved after reviewing: 13.02.2026

The article was accepted for publication: 28.02.2026.

Введение. В качестве инструмента российской пограничной политики выступали основанные на Северном Кавказе укрепления, которые, помимо военной функции, начинали приобретать значение экономических центров влияния на народы региона. Некоторые из них в итоге превращались в города, играя заметную роль в деле интеграции края к империи. Данная тема уже давно привлекает внимание кавказоведов и имеет обширную историографию [9; 5; 7]. Мы акцентируем внимание на истории города-крепости Кизляра как наглядного примера воздействия империи на социально-экономические процессы на Северном Кавказе в XVIII в. Это позволяет отразить магистральную тенденцию в развитии российско-горских отношений.

К началу 30-х гг. XVIII в. стало понятно, что расчеты Петра Великого на обустройство трансконтинентального торгового маршрута оказались ошибочными. Изменилась и ситуация в Иране, где постепенно изживались последствия временной дезорганизации власти и укреплялось желание вернуть под свой контроль уступленные земли. Российское правительство сочло это приемлемой ценой за мир с персами, которые отвлекали на себя османскую угрозу. В результате заключенных договоренностей (первоначально в Реште в 1732 г., а потом в Гяндже в 1735 г.) Россия возвращала полученные при Петре I территории и вместо крепости Святого Креста возводила новый форпост на Тереке – Кизляр.

Он в значительной степени впитал уже имеющийся опыт создания в пограничье центра, не только военно-политического, но и экономического, социокультурного воздействия империи на народы северокавказского «лимеса». Кизлярскому начальству предстояло стать для местных жителей олицетворением российской власти, говорящим «голосом Петербурга» [7, с. 62–64].

Материалы и методы, использованные в ходе подготовки статьи, были обусловлены поставленной целью и задачами по ее достижению. Исследование опирается на принципы историзма и объективности. Это значит, что действительность изучалась с учетом конкретно-исторической ситуации, с выявлением объективных закономерностей, присущих пограничной политике Российской империи на Северном Кавказе. Исходя из требований познания общества, в работе делался упор на концепцию всеобщих связей, то есть единства социально-экономических и политических факторов, с применением диалектического подхода.

Использовались методы исторического исследования, такие как: историко-системный, с помощью которого политические события в регионе рассматривались как единое целое; ретроспективный метод, позволяющий дать оценку происходящим событиям, опираясь на мнения современников; хронологический метод, при котором различные аспекты пограничной политики рассматривались в той очередности, в которой они происходили.

В работе используются материалы, выявленные в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД), которые касаются проблем военно-политических и социально-экономических процессов в крае, а также сведения из источников, уже введенных в научный оборот, опубликованные в тематических сборниках, и воспоминания современников и участников изучаемых событий.

Анализ. К началу XVIII в. форпостом России на Северо-Восточном Кавказе оставалась крепость Терки, где современники отмечали весьма бурную торговую активность населения, благотворно сказывающуюся на благосостоянии местных жителей. Наличие торговых рядов и постоянных дворов, общественных бань и тому подобных учреждений, призванных обеспечить комфорт не только проживавшим здесь людям, но и приезжим купцам говорило о том, что Терки находились на подъеме. Многие иноземные купцы годами жили здесь и даже перевозили свои семьи, считая нецелесообразным надолго покидать это доходное место. Но только этим коммерческие связи крепости, ставшей городом, не ограничились. Сюда регулярно по торговым нуждам приезжали и местные торговцы, причем как из различных дагестанских владений, так и с территории Центрального Кавказа и Закавказья. Сюда горцы и кочевники привозили товары, связанные с собирательством, земледелием, животноводством, рыболовством. В свою очередь, они приобретали завозимые из России котлы, булавки, иглы, ножницы, одежду, железные ведра и прочие ремесленные товары. Отметим, что торговые предпочтения были важным элементом политического влияния на северокавказских владетелей.

Но город Терки решением Петра I утрачивает свой статус. Вместо него основывается крепость Святого Креста, которая лучше подходила для воплощения в жизнь замысла императора по созданию на Каспии транспортных коммуникаций, которые бы обеспечили надежную

связь с рынком восточных товаров. Предполагалось, что народы Северного Кавказа также будут задействованы в этом амбициозном проекте. Правительство рассчитывало привлечь их для производства шелка, красителей, вина, различных пряностей. Появление на Сулаке новой крепости привело к тому, что сюда перебралось немало купцов, ранее находившихся на Тереке. Сказывались налоговые льготы, которые были предоставлены желающим перенести свою торговлю в новую фортецию. Учитывая потребности гарнизона, Сенат весной 1824 г. повелел обеспечить беспешинную доставку сюда продовольствия, вина и табака. Аналогичные преференции получили те, кто привозил такой товар в Баку и Дербент. Солдаты и офицеры гарнизона обеспечивали устойчивый спрос на продовольственные товары, что привлекало многочисленных купцов к стенам крепости. Благодаря покровительству со стороны империи армянскому и грузинскому населению выходцы из этой среды, поселившиеся в Дагестане, активно включились в налаживание контактов России с рынками Закавказья и Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии. Армянские купцы уже имели хорошо налаженные связи с этими регионами, чем и постарались воспользоваться российские власти. Однако военно-политическая турбулентность последующих десятилетий не позволила удержать территориальные приобретения Петра Великого.

После упразднения крепости Святой Крест согласно условиям Гянджинского мирного договора 1735 г., российские войска отходят на Терек. Вместе с ними уходили к новому месту жительства и те поселенцы из числа кавказских народов, которые считали себя подданными империи. Им предстояло обустраиваться в Кизлярском урочище, которое уже использовалось местными жителями как торговая площадка, и теперь перед ним открывались новые перспективы [24, с. 223]. Один из современников писал: «...прибыли мы в Сулак... из всех мест сюда сошлось армян и грузинцев около 300 человек... потом все они остались в Кисларе и там поселились» [13, с. 79]. К сожалению, поспешность, с которой вынуждены были выводить гарнизон и проживавших в Святом Кресте людей, привела к значительным имущественным издержкам. Часть собственности пришлось бросить, так как транспорта для ее вывоза не было. К тому времени, когда укрепление было оставлено, командование уже определилось с новым местом дислокации [13, с.81].

Считается, что здесь уже небезуспешно действовали армяне, персы, кумыки, сумевшие создать общее поселение. Они торговали с Ираном, Тифлисом, Астраханью, горскими народами Северного Кавказа. Их успехи привлекали алчные взоры любителей легкой поживы, которые грабили удачливых купцов. По легенде, Петр I якобы задумал основать для их защиты крепость, но воплотить в жизнь замысел смогли

только его преемники [23, с. 193]. И хотя прямых доказательств присутствия на месте будущей крепости упомянутого поселения нет, по косвенным данным, его наличие видится вполне реалистичным [8, с. 176–179]. Российские власти старались использовать уже имеющийся экономический потенциал региона, вкладывая ресурсы туда, где можно было получить гарантированный результат. И в случае с Кизляром они не ошиблись. Город-крепость вскоре станет «кавказской столицей» империи, притягивая сюда всё новых сторонников российской державности.

Для города изначально была характерна полиэтничность, причем власти подчеркивали необходимость привлекать сюда на поселение выходцев из числа дагестанских народов. Для этого коменданту было дано распоряжение «для приохочивания» желающих выделять им большие участки земель под строительство домов и «под пашню». Кроме того, власти готовы были жаловать следующие «привольности»: не чинить препятствия «в свободных торгах и промыслах, в рыбных, звериных ловлях и в прочем» [4, с. 165].

В город стали приезжать купцы не только из Дагестана, но и из Чечни, Осетии, Кабарды. Возникло сразу три рынка, имеющих свою этническую специализацию (армянскую, татарскую и русскую). Действовали они на постоянной основе, или, как говорили, для «всегдашней продажи», поскольку торговля в Кизляре не приостанавливалась. Для нужд купцов возвели караван-сарай, так как число приезжих негоциантов сразу же сделало эту потребность первоочередной и жизненно необходимой задачей. Торгово-экономические функции Кизляра с самого начала не уступали его военному предназначению [5, с. 96].

Кизлярский рынок позволил реализовать крупные партии товара и делал рентабельными ремесленные занятия местных жителей. Даже отдельные торговцы могли привозить на городские рынки десятки наименований различных товаров, явно ориентируясь в местном спросе и предложении. Из Кабарды, к примеру, завозили товары, связанные с животноводством, причем не только сырье, но и готовые изделия [20, с. 21, 23]. Порой приходилось даже останавливать некоторых торговцев, объем товара которых не вмещали базары города. Власти пытались регулировать эти процессы, и ситуация доходила до того, что комендант лично с воинской командой запрещал обозам прибывать в Кизляр со своей продукцией [5, с. 96–97].

Политика российской администрации была направлена на удовлетворение потребностей прежде всего местных народов. Известен случай, когда для иностранных купцов был запрещен вывоз холста, но горцы могли свободно приобретать этот востребованный товар. Во время нашествия Надир-шаха были введены ограничения на поставки персам продовольствия. На местные народы в данном случае та-

кие ограничения не распространялись. Кроме того, для горцев отменялись пошлины, что еще больше ориентировало их на участие в торговом обмене с российской стороной [16, с. 85–86]. Связано это было с политикой «ласканий», с помощью которых предполагалось заручиться доброжелательным отношением к империи со стороны северокавказских сообществ. Наиболее прочные связи, судя по фигурирующим в документах названиям поселений и оценке стоимости завозимых оттуда товаров, у города-крепости имелись с Аксаем, Тарками, Эндери, Старым Юртом и Брагунами [21, л. 35–72]. Привлекал городской рынок и выходцев из Чечни, которые завозили сюда дрова, таркалы, доски для бочек, а также различное продовольствие и ремесленные изделия [9, с. 64].

Впрочем, при необходимости эмбарго могло распространяться на враждебные владения и местных правителей, чтобы таким образом принудить их к политическим уступкам [2, с. 36]. Но такими мерами старались не злоупотреблять, и к середине столетия в Кизляр завозилось ежегодно товаров на сумму 6–7 тыс. рублей, что по местным меркам было весьма внушительно, тем более что были все основания еще больше увеличить эти показатели [9, с. 72].

Отметим и роль кизлярских предпринимателей в выкупе особого «товара» – пленников. Это была отнюдь не бескорыстная практика, так как выкупленные невольники должны были в дальнейшем отработать на виноградниках, принадлежащих местным владельцам, в течение шести или семи лет [3, с. 190].

Специфика торговли заключалась в том, что купцы могли попасть в самые отдаленные районы Кавказа, не опасаясь за свою жизнь и сохранность товара, лишь в том случае, если имели среди горцев кунаков. Таких товарищепокровителей было много у кизлярских армян, которые наиболее активно занимались предпринимательской деятельностью. На данное обстоятельство обратил внимание И. Я. Лерх, отметивший на страницах своих мемуаров, что это была своего рода услуга, за которую приходилось отдариваться подарками. В противном случае осмелившийся появиться без сопровождения купец был бы не только ограблен, но и мог оказаться в неволе [13, с. 88]. Естественно, что подобная практика удорожала конечную цену товара. К этому следует добавить и те поборы феодальных владетелей, которые были вынуждены платить купцы. Так, в шамхальстве Тарковском и уцмийстве Кайтагском за одну груженую товаром телегу купец должен был отдать до 2 руб. 50 коп., всадник и просто пеший человек платили по 1 руб. [11, с. 135].

На этом фоне освобождение торговцев от пошлин, практиковавшееся в Кизляре, способствовало привлечению на рынки города всё новых продавцов и покупателей. Но и здесь нередко

можно было столкнуться с нечистоплотностью местных чиновников, которые были не прочь заработать на поборах с торговцев. Видимо, проблема временами была настолько серьезной, что попала на страницы воспоминаний современников, отмечавших распространение данного порока. По крайней мере, у И. Г. Гербера данное обстоятельство трактуется как причина отсутствия рентабельности владений, присоединенных в Прикаспии при Петре I [10, с. 163–164]. Вряд ли ситуация в Кизляре кардинально отличалась от других городов. Впрочем, правительство само провоцировало эту ситуацию, когда весьма скудно снабжало местные гарнизоны, вынуждая изыскивать не всегда законные способы для жизнеобеспечения.

Кизляр оказался перевалочным пунктом, через который товаропоток переправлялся в Астрахань. Соответственно, и российские товары завозились на Северный Кавказ через этот город. Местные предприниматели довольно быстро выстроили логистику, благодаря которой в обе стороны направлялись грузы, связанные с постоянными поставщиками и потребителями. Как правило, если речь шла о завозимых изделиях, то это были товары повседневного спроса, рассчитанные на условного среднестатистического потребителя (хлопчатобумажная ткань, зеркала, ножницы, холст, обувь, блюда, сундуки и тому подобное). Регулярно встречались упоминания о муке, которая пользовалась постоянным спросом [18, л. 81, 19, л. 49–53, 21, л. 65–72]. Это позволяет говорить о том, что в торговле с Россией были заинтересованы широкие массы горцев, на которых и была рассчитана данная номенклатура товаров. Это была та социальная прослойка, которая являлась основой пророссийской ориентации. Рядовые общинники в меньшей степени, чем представители знати, были подвержены конъюнктурным колебаниям в своих внешнеполитических предпочтениях.

В свою очередь, в Астрахань регулярно поставлялись местное вино и марена. Объемы последней, издревле собираемой в Притеречье, неуклонно возрастали [5, с. 26]. Российская текстильная промышленность испытывала огромную потребность в красителе, что обеспечивало не только устойчивый спрос на эту культуру, но и весьма выгодную для продавца цену [6, с. 251].

Нельзя не отметить роль кочевого населения края в налаживании торговых связей, в том числе и с использованием кизлярской площадки. И здесь речь идет не только о продаже скота или изделий, связанных с переработкой шерсти, шкур и кож. Важной сферой деятельности кочевников была организация перевозки грузов, без которой успешность занятия коммерцией была бы невозможна [12, с. 58–63].

В рассматриваемый период торговля носила преимущественно меновый характер. Чаще всего в качестве мерила стоимости выступал холст, за который можно было получить различ-

ные вещи. Что касается денег, то в большинстве случаев они не вызывали интереса, так как приобрести на них в местных условиях что-либо было крайне затруднительно. Это касается и равнинных районов края, где торговые контакты получили гораздо большее распространение, чем в горах. С данным обстоятельством сталкивались прибывавшие для закупки марены фабриканты-текстильщики, которые просили у местной администрации разрешения на провоз материи в горские селения, так как они «на деньги ничего не продают» [22, л. 17].

Не игнорировали торговлю с жителями Северного Кавказа и крупные компании, которые получили от государства монополию на внешние экономические связи. Речь идет о «Торгующем в Персии купеческом обществе», открывшем в Кизляре собственную контору. Правительство позволяло ему «товары от Астрахани и Кизляра в Персию отпускать водою и сухим путем, а другим, не записавшимся в компанию, запрещено торговать с Персией» [15, с. 174]. Комендант крепости даже считал необходимым уточнить у вышестоящего начальства, не будет ли препятствовать она торговле с горцами, так как прекрасно понимал, что это может оттолкнуть их от российского государства. И. Л. Фрауендорф отмечал, что «горским кабардинским, так и кизлярским азиатским народам от того последует вместо купецких авантажей немалое неблагополучие и оскорбление, от которого иные притти могут, а паче кизлярския от неторговли, в убожество» [14, с. 93].

В итоге правительство сочло наличие монополии убыточным для интересов государственной казны, и в 1762 г. она была ликвидирована. Судя по данным статистики привоза и отпуска товаров, зафиксированных астраханской таможней, торговля от этого не только не пострадала, но с каждым десятилетием только возрастала [3, с. 89].

Кизляр был включен в логистику поставок товаров с Востока, которые организовала Джульфинская торговая компания. Главную роль в ней играли армянские предприниматели. Компания обладала огромными возможностями по бесперебойному обеспечению российского и европейского рынка шелком. Учитывая многочисленные опасности, с которыми сталкивались купцы, государство поддерживало их с помощью гибкой налоговой политики и системы страхования. Только шелком коммерция не ограничивалась. Закупались любые виды товара, который мог бы принести прибыль. Считается, что участвующие в этом кизлярские купцы имели до 50 % дохода от каждого вложенного в торговлю рубля [1, с. 8–9].

С 1755 г. в Кизляре начинает действовать таможня. Это достаточно болезненно сказалось на интересах мелких производителей и торговцев, или, как они фигурировали в документах того времени, «маломочных промышленников». Но в условиях пограничья такая практика не столько способствовала пополнению казны, сколько загоняла население в «теневую» сферу экономической деятельности. Реакция последовала незамедлительно. Борясь с ограничениями, население начинает активно промышлять контрабандой, борьба с которой заметными успехами не отличалась. Не помогли даже угрозы физической расправы над нарушителями [17, с. 99]. Сказывалось отсутствие необходимой численности таможенного персонала. Да и его увеличение не гарантировало исправление ситуации. Сборы, получаемые от горцев, вызывали их многочисленные жалобы, суть которых сводилась к тому, что они являются подданными империи и, следовательно, таможня творит произвол [17, с. 114–115].

При всех имеющихся разногласиях Кизляр не воспринимался горским населением как угроза и источник опасности. Здесь были сосредоточены экономические интересы самых разных сторон налаживавшегося в пограничье межэтнического диалога. Маркером этого можно считать те показатели доходов, которые, судя по материалам Кизлярской таможни, увеличивались с каждым годом [7, с. 188]. И хотя город к 80-м гг. XVIII в. постепенно утрачивает свои лидирующие позиции политического центра российского Кавказа, его экономические позиции сохраняются до конца столетия. До 90% торговых оборотов Кавказской линии принадлежало этому городу [9, с. 72].

Результаты. Военно-политическое освоение Северного Кавказа происходило одновременно с экономическим. Многие российские укрепления становились центрами хозяйственного взаимодействия народов региона с империей. Более того, перспективы превращения крепости в полноценный город напрямую зависели от того, сможет ли его комендант наладить взаимовыгодные связи с горскими и кочевыми обществами. Наибольших успехов здесь достиг Кизляр, который к тому же стал важным пунктом, связывающим Россию с рынками Востока. Транзитная торговля была выгодна всем сторонам, участвующим в товарообмене. Российские власти были заинтересованы, чтобы с Кавказа они могли получать шелк, вино, марену и прочие товары, в которых нуждалась империя. Это, в свою очередь, стимулировало хозяйственные процессы в регионе, позволяло снизить накал конфронтации, который имел место в российско-горских отношениях.

Литература

1. Абдурахманова М. С. Роль армянского купечества в развитии транзитной торговли через Дагестан в XVII – XVIII вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 4. С. 7–11.
2. Акбиев А. С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1998. 152 с.

3. Броневский С. М. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах: т. 1, т. 2 / Подготовка текста к изданию, предисловие, примечания, словарь малоупотребительных слов, указатели И. К. Павловой. СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. 464 с.
4. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб: тип. имп. Акад. наук, 1869. 545 с.
5. Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека: (Досоветский период). Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1986. 248 с.
6. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 392 с.
7. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала: б.и., 2007. 275 с.
8. Гарунова Н. Н. К вопросу о дате основания крепости Кизляр в XVIII в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (126). С. 176–179.
9. Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. Грозный: «Грозненский рабочий», 1961. 197 с.
10. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / Составление, введение, вступительная статья к текстам и примечания В. Г. Гаджиева. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. 304 с.
11. История, география и этнография Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы. / Под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. С. 125–137.
12. Кидирниязов Д. С. Из истории торговых отношений ногайцев с Россией (XVI–XVIII вв.) // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала: ДНЦ АН СССР, 1991. С. 58–63.
13. Лерхе И.Я. Выписка из путешествия Иоанна Лерхе, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб, 1790. Часть XLV. Март. С. 66–100.
14. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. / отв. ред. В. Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. 357 с.
15. Семенов А. Изучение исторических связей о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб, 1859. Часть I. 295 с.
16. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 244 с.
17. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. М.: Таус, 2008. 256 с.
18. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 1. Д. 111.
19. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 259.
20. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 275.
21. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 320.
22. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 480.
23. Шидловский Ю. Записки о Кизляре // Журнал Министерства Внутренних дел. 1843. Часть IV. С. 161–208.
24. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 214–243.

References

1. Abdurakhmanova MS. The role of Armenian merchants in the development of transit trade through Dagestan in the 17th – 18th centuries. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015;2(62), 4:7–11. (In Russ.)
2. Akbiev AS. Kumyks. Second half of the 17th – first half of the 18th century. Makhachkala: Dagestan book publishing house; 1998. 152 p. (In Russ.)
3. Bronevsky SM. The latest news about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky: In 2 volumes: v. 1, v. 2 / Preparation of the text for publication, preface, notes, dictionary of rarely used words, indexes by I.K. Pavlova. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 2004. 464 p. (In Russ.)
4. Butkov P.G. Materials for a new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part I. St. Petersburg, 1869. 545 p. (In Russ.)
5. Vasiliev DS. Essays on the history of the lower reaches of the Terek: (Pre-Soviet period). Makhachkala: Dagestan book publishing house; 1986. 248 p. (In Russ.)
6. Gadzhiev VG. The role of Russia in the history of Dagestan. Moscow: Nauka; 1965. 392 p. (In Russ.)
7. Garunova NN. Russian fortress cities in the context of Russia's policy in the North-Eastern Caucasus in the 18th – first half of the 19th century: problems of political, economic and cultural integration. Makhachkala, 2007. 275 p. (In Russ.)
8. Garunova NN. On the date of the foundation of the Kizlyar fortress in the 18th century. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018;3(126):176–179. (In Russ.)
9. Gritsenko NP. Socio-economic development of the Priterechny districts in the 18th – first half of the 19th centuries. Grozny: "Groznenky Rabochy", 1961. 197 p. (In Russ.)
10. Dagestan in the news of Russian and Western European authors of the 13th – 18th centuries / Compilation, introduction, introductory article to the texts and notes by VG. Gadzhiev. Makhachkala: Dagknigoizdat; 1992. 304 p. (In Russ.)
11. History, Geography and Ethnography of Dagestan in the 17th – 19th Centuries. Archival Materials. / edited by M.O. Kosven and H.-M. Khashaev. Moscow: Eastern Literature Publishing House; 1958. p. 125–137. (In Russ.)
12. Kidimiyazov DS. From the history of trade relations of the Nogais with Russia (16th – 18th centuries). Tovarno-denezhnye otnosheniya v dorevolucionnom Dagestane. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the USSR Academy of Sciences; 1991. p. 58–63. (In Russ.)

13. Lerche IYa. Extract from the journey of John Lerche, which lasted from 1733 to 1735 from Moscow to Astrakhan, and from there to the countries lying on the western shore of the Caspian Sea. New Monthly Works. St. Petersburg, 1790. Part XLV. March. Pp. 66–100 (In Russ.)
14. Russian-Dagestani relations in the 18th – early 19th centuries: Collection of documents. / ed. V.G. Gadzhiev. Moscow: Nauka; 1988. 357 p. (In Russ.)
15. Semenov A. Study of historical connections about Russian foreign trade and industry from the middle of the 17th century to 1858. St. Petersburg, 1859. Part I. 295 p. (In Russ.)
16. Smirnov NA. Russia's Policy in the Caucasus in the 16th – 19th Centuries. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature; 1958. 244 p. (In Russ.)
17. Feodaeva FZ. Russian-Dagestani relations in the second half of the 18th – early 19th centuries. Moscow: Taus; 2008. 256 p. (In Russ.)
18. Central State Archive of the Republic of Dagestan (CGA RD). F. 379. Inv. 1. D. 111. (In Russ.)
19. CGA RD. F. 379. Inv. 1. D. 259. (In Russ.)
20. CGA RD. F. 379. Inv. 1. D. 275. (In Russ.)
21. CGA RD. F. 379. Inv. 1. D. 320. (In Russ.)
22. CGA RD. F. 379. Inv. 1. D. 480. (In Russ.)
23. Shidlovsky Yu. Notes about Kizlyar. Zhurnal Ministerstva Vnutrennih del. 1843:IV;161–208. (In Russ.)
24. Shikhsaidov AR., Aitberov TM., Orazhev GM.-R. Dagestan Historical Works. Moscow: Nauka. Eastern Literature; 1993. 302 p. (In Russ.)

Научная статья

УДК 378.091.6-048.38(470.6) «1943/1945»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.2>

ВОССТАНОВЛЕНИЕ УЧЕБНО-МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЫ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1945 ГОДЫ

Светлана Алексеевна Дитковская

Луганский государственный педагогический университет (д. 2, ул. Оборонная, 291011, Луганск, Российская Федерация)

Кандидат педагогических наук, доцент

s.ditkovskaya@yandex; <https://orcid.org/0009-0001-5172-3335>

Аннотация. Введение. Статья посвящена рассмотрению процесса восстановления учебно-материальной базы вузов Ворошиловградской области на завершающем этапе Великой Отечественной войны, выявлению ключевых проблем и путей их преодоления. Современные научные исследования уделяют недостаточно внимания проблеме и имеют неточности в отображении событий. **Материалы и методы.** Источниковую базу составили материалы пяти фондов Государственного архива Луганской Народной Республики, а также материалы архива Луганского государственного педагогического университета. Исследование основывается на таких основополагающих принципах исторической науки, как историзм и объективность, которые позволили выявить материальные проблемы вузов Ворошиловградской области в конкретных исторических условиях. Для изучения объекта исследования использовались проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и историко-генетический методы. **Анализ.** Процесс возобновления деятельности вузов Ворошиловградской области начался после их эвакуации в 1943 – 1944 гг. и проходил в экстремальных условиях разрухи и продолжающихся боевых действий. Утверждается, что восстановление замедлялось по причине нехватки рабочих рук, строительных материалов и неравномерного распределения средств между институтами. Подчеркивается, что для преодоления трудностей вузам области выделяли подсобные хозяйства, закрепляли за совхозами и пригородными хозяйствами, открывали на их базе спе-

циальные столовые, мастерские, предоставляли квартиры для преподавателей. **Результаты.** Делается вывод, что ключевая роль в восстановлении учебно-материальной базы принадлежала коллективам преподавателей и студентов, которые, несмотря на сложные материально-бытовые условия, самостоятельно разбирали завалы, приспособляли помещения для учебной деятельности, восстанавливали кабинеты, лаборатории, библиотеки, участвовали в агитационно-пропагандистской работе среди населения. Параллельно с трудовой и учебной деятельностью активизировалась культурно-досуговая работа как инструмент духовно-нравственного, гражданско-патриотического и художественно-эстетического воспитания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ворошиловградская область, высшие учебные заведения, эвакуация, процесс восстановления, учебно-материальная база, материально-бытовые трудности

Для цитирования: Дитковская С. А. Восстановление учебно-материальной базы высших учебных заведений Ворошиловградской области в 1943–1945 годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 18–27. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.2>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 11.11.2025

Статья одобрена после рецензирования: 23.02.2026

Статья принята к публикации: 28.02.2026

Research article

RESTORATION OF THE EDUCATIONAL AND MATERIAL BASE OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE VOROSHILOVGRAD REGION IN 1943–1945

Svetlana A. Ditkovskaya

Lugansk State Pedagogical University (2, Oboronnaya str., 291011, Lugansk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor,

s.ditkovskaya@yandex; <https://orcid.org/0009-0001-5172-3335>

Abstract. Introduction. The article studies the process of restoring the educational and material base of universities in the Voroshilovgrad region at the final stage of the Great Patriotic War, identifying key problems and ways to overcome them. Modern scientific researches deprive the problem of due attention and lack the accuracy in the representation of events. **Materials and methods.** The source base consists of materials from five collections of the State Archive of the Luhansk People's Republic, as well as materials from the archive of the Lugansk State Pedagogical University. The research is based on such fundamental principles of historical science as historicism and objectivity, which made it possible to identify the material problems of Voroshilovgrad region universities in specific historical conditions. Problem-chronological, comparative-historical and

historical-genetic methods were used to study the research object. **Analysis.** The process of resuming the activities of universities in Voroshilovgrad region began after their re-evacuation in 1943–1944 and took place in extreme conditions of devastation and ongoing hostilities. It is claimed that the recovery was slowed down due to a shortage of workers, construction materials and an uneven distribution of funds between institutions. It is emphasized that to overcome the difficulties, subsidiary farms were allocated among the universities of the region, the institutions were assigned to state farms and suburban farms, special canteens and workshops were opened on their basis, and apartments were provided for teachers. **Results.** It is concluded that the key role in the restoration of the educational and material base belonged to the teams of teach-

ers and students, who, despite difficult living conditions, independently dismantled the rubble, adapted rooms for educational activities, restored classrooms, laboratories, libraries, and participated in propaganda work among the population. In parallel with work and educational activities, cultural and leisure activities have intensified as a tool of spiritual, moral, civic, patriotic, artistic and aesthetic education.

Keywords: the Great Patriotic War, Voroshilovgrad region, higher educational institutions, re-evacuation, restoration process, educational and material base, material and household difficulties

Введение. «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденные указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809, определяют историческую память одним из ключевых нравственных ориентиров, формирующим мировоззрение граждан России. В повседневной жизни мы сталкиваемся с потоком информации, которая искажает историю России, события Великой Отечественной войны. По нашему мнению, анализ и обобщение процесса восстановления вузов Ворошиловградской области после реэвакуации позволит осветить одну из доблестных страниц прошлого населения края, показать массовый героизм, который проявили преподаватели и студенты в борьбе за возобновление работы образовательных учреждений.

Вопросы, связанные с изучением функционирования высших учебных заведений Ворошиловградской области в советский период, рассматривались в начале 2000-х гг. рядом региональных исследователей. Так, работа Н. А. Романоф посвящена развитию профессионального образования в Восточноукраинском регионе во второй половине XIX – первой половине XX вв. [21], исследование Е. А. Гниздиловой – становлению и развитию научных школ высших учебных заведений Восточной Украины в XX веке [19], диссертация В. С. Курило – трансформации образования и педагогической мысли Восточноукраинского региона в XX в. [20]. Однако функционирование вузов Ворошиловградской области в годы ВОВ затрагивается ими вскользь. Например, в работе В. С. Курило этому периоду уделено одно предложение, в котором указывается, что после оккупации региона деятельность вузов была остановлена и возобновлена лишь в 1943 г. Во-первых, вузы не прекращали работать, а продолжали функционировать в эвакуации, во-вторых, реэвакуировались они с 1943 по 1944 гг. Такое слабое внимание к проблеме и неточности в отображении событий позволяют авторам избежать позитивной оценки роли советского руководства, преподавательского состава и студенчества в деле сохранения и восстановления системы высшего образования на Донбассе. С учетом данных обстоятельств и был сделан выбор темы исследования.

Исходя из практической и теоретической актуальности темы, целью статьи определено

For citation: Ditkovskaya SA. Restoration of the educational and material base of higher educational institutions of the Voroshilovgrad region in 1943–1945. Humanities and law research. 2026;13(1):18–27. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.2>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 11.11.2025

The article was approved after reviewing: 23.02.2026

The article was accepted for publication: 28.02.2026.

выявление ключевых проблем, с которыми сталкивалась высшая школа Ворошиловградской области в ходе восстановления материальной и производственной базы, улучшения материально-бытовых условий, а также путей их преодоления. Объектом исследования является высшая школа СССР, предметом – процесс восстановления учебно-материальной базы вузов Ворошиловградской области на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Хронологические рамки исследования охватывают период с октября 1943 по конец 1945 гг. Нижняя хронологическая граница определена реэвакуацией педагогического и учительских вузов Ворошиловградской области, верхняя – принятием четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР (1946–1950 гг.), который определил основные направления развития высшей школы страны в целом, так и регионов в частности.

Материалы и методы. Исследование основывается на таких основополагающих принципах исторической науки, как историзм и объективность, которые позволили рассмотреть развитие высшего образования Ворошиловградской области в конкретных исторических условиях. Для изучения объекта использовались следующие методы: проблемно-хронологический (позволил выделить проблемы материального и бытового характера, с которыми столкнулись вузы Ворошиловградской области после реэвакуации, и изучить их в динамике), сравнительно-исторический (дал возможность выявить особенности процесса восстановления учебно-материальной базы каждого учреждения высшего образования региона и сопоставить ряд показателей с общесоюзным и республиканским уровнем), историко-генетический (помог автору выявить причинно-следственные связи развития высшей школы Ворошиловградской области с 1943 по 1945 гг.). Источниковую базу исследования составили архивные документы, преимущественно впервые вводимые в научный оборот. Основу составили материалы фондов Государственного архива Луганской Народной Республики: П–179. Ворошиловградский областной комитет КП(б)У, П–5. Луганский городской комитет КП(б)У, Р–2519. Луганское областное управление статистики, Р–842. Ворошиловградский сельскохозяйственный институт,

Р-2250. Рубежанский химико-технологический институт. Особую ценность представляют материалы архива Луганского государственного педагогического университета фонда 1. Старобельский учительский институт, которые были обнаружены и стали доступны после освобождения г. Старобельска от украинских боевиков в ходе специальной военной операции.

Анализ. Великая Отечественная война стала одним из трагических событий в истории СССР. К моменту освобождения – 14 февраля 1943 г. – областной центр лежал в руинах, немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили 1,7 тыс. жилых домов, корпуса педагогического и сельскохозяйственного институтов, медицинского и машиностроительного техникумов, 30 школ, помещения краеведческого музея и музея революции, драматического театра, кинотеатров, клубов, больниц. Материальный ущерб, нанесённый ими городу, составил свыше 1 млрд. рублей [14, с. 94].

Бои за освобождение территории Ворошиловградской области шли вплоть до 4 сентября 1943 г. В целом народному хозяйству области был нанесён ущерб в размере более 17 млрд. руб. За период оккупации были уничтожены 527 шахт, 2,558 тыс. производственных сооружений, 4,76 тыс. жилых домов; практически полностью разрушены заводы, фабрики, колхозы, совхозы и разветвлённая система железных дорог; выведены из строя электростанции, значительная часть районных подстанций, система водоснабжения; превращены в руины школы, клубы, театры, библиотеки и лечебные учреждения [14, с. 47].

Сразу после освобождения Ворошиловграда население приступило к возрождению народного хозяйства. Программа первоочередных мероприятий по восстановлению промышленности, транспорта, сельского хозяйства, учреждений науки, культуры и образования была принята постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации», а также в решениях VI сессии Верховного Совета СССР (февраль 1944 г.) [18, с. 131]. В связи с этим перед руководством и общественностью области встали следующие задачи: по мере освобождения территории обеспечить возобновление деятельности вузов, создать необходимую материальную и учебную базу. Решению этих задач и была подчинена деятельность работников высшей школы Ворошиловградской области.

На оккупированной территории СССР фашисты разрушили полностью или частично 334 вуза, где обучались 233 тыс. студентов, а оборудование лабораторий и кабинетов, уникальные экспонаты вузовских коллекций и библиотеки вывезли в Германию [16, с. 3]. В СССР были превращены в руины 116 учебных корпу-

сов площадью 643,6 тыс. м²; разрушено 104 общежития и более 100 других помещений 385,2 тыс. м² жилой площади; на три четверти был уничтожен библиотечный и лабораторный фонд [13, с. 64].

Сеть вузов Ворошиловградской области за короткий срок была восстановлена. Если в октябре 1943 г. работало 3 вуза, то в октябре 1944 г. – 5 (83% от довоенного количества): Ворошиловградский педагогический институт им. Т.Г. Шевченко и Ворошиловградский учительский институт (имели общий профессорско-преподавательский состав, но являлись самостоятельными юридическими единицами), Старобельский учительский институт Народного комиссариата просвещения УССР; Ворошиловградский сельскохозяйственный институт Народного комиссариата земледелия УССР; Рубежанский химико-технологический институт Народного комиссариата химической промышленности СССР [9, л.1; 10, л. 31–33, 55, 57]. Из эвакуации не вернулся Ворошиловградский вечерний машиностроительный институт, т.к. по постановлением СНК СССР № 1828 от 16 ноября 1942 г. был реорганизован в Омский машиностроительный институт с дневным и вечерним отделениями. Эта была серьезная потеря машиностроительного комплекса области.

С целью оптимизации руководства системой высшего образования УССР в условиях военного времени Президиум Верховного Совета УССР издал приказ от 5 июля 1944 г. «О создании Управления по Делах Высшей школы при Совнарком УССР», которое было призвано осуществлять общее руководство всеми вузами и техникумами республики [17, с. 51]. Создание такого единого координационного центра в условиях подчинения вузов различным министерствам позитивно сказалось на восстановлении сети учебных заведений и их материальной базы.

Особенно трудным был первый после освобождения год. Все вузы Ворошиловградской области остались без помещений и материальной базы: практически полностью были разрушены корпуса, библиотеки, общежития, дома преподавателей, которые располагались на территории студенческих городков. Поэтому восстановление учебно-материальной и производственной базы стало неотложной задачей вузовских коллективов. Прежде всего необходимо было подготовить учебные помещения.

В октябре 1943 г. в Ворошиловград вернулись педагогический и учительский институты из села Владимировка Сталинградской области. Первоочередной задачей являлось восстановление взорванного фашистами учебного корпуса. В октябре–ноябре 1943 г. коллектив своими силами приспособил здание к работе и в ноябре возобновились занятия. Однако этого было явно мало. Так, в отчете о работе институтов за

1943/1944 учебный год говорится, что осенью в аудиториях шел дождь, занятия проводились в неотапливаемых помещениях, в которых замерзали чернила и химические реактивы. Ощущалась острая нехватка мебели, преподаватели и студенты по 8 часов в день читали и слушали лекции стоя, записывая на стенах и на спинах друг у друга, а практические работы проводились на подоконниках или на полу [3, л. 1].

Весной – летом 1944 г. силами преподавателей и студентов без затрат средств учебный корпус был очищен от грязи, произведена побелка, добавлены 200 посадочных мест к имеющимся 400-м. Начала работать читальня, кабинеты биологии, зоологии, географии, математики, русского языка и литературы, кабинет физики, химическая лаборатория, библиотека (13 тыс. экземпляров). При этом отсутствовали кабинеты педагогики, истории, основ марксизма-ленинизма, украинского языка и литературы. Кроме того, для нормальной работы института требовалось еще на 50% восстановить крышу, полностью отремонтировать отопительную систему, остеклить 70% световой площади помещения, установить вторые переплеты для оконных рам, завести необходимое количество угля. Еще хуже обстояло дело с тремя общежитиями, которые были взорваны немцами при отступлении. Уцелели только стены, поэтому их восстановление было равносильно новому строительству [3, л. 4, 23].

Вопрос о работе пединститута три раза слушался на заседаниях обкома КП(б)У (26 июля, 23 сентября, 23 октября 1944 г.). 26 октября 1944 г. первый секретарь Ворошиловградского обкома КП(б)У А. И. Гаевой, выступая на VI пленуме обкома, заявил: «Мы имеем серьезные недостатки в области работы наших институтов. Особенно хочу сказать о пединституте. Если вы зайдёте в помещение, то увидите, что студенты занимаются стоя, столов, скамеек нет. В то время как в городе леса достаточно, имеются две мебельные фабрики» [2, л. 11; 3, л. 4].

В октябре 1944 г. И. С. Орешко, председатель Ворошиловградского облисполкома областного Совета депутатов трудящихся, и А. И. Гаевой, секретарь Ворошиловградского обкома КП(б)У, направили письмо С.В. Кафтанову, председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совнаркоме СССР, с просьбой оказать помощь в восстановлении старейшего вуза Донбасса. В документе указывалось, что в 1944 г. Наркомпрос УССР запланировал восстановление учебного корпуса и одного из общежитий института на 350 мест и ассигновал средства в сумме 800 тыс. рублей (500 тыс. на общежитие и 300 тыс. рублей на корпус). Однако Народный Комиссариат отпустив средства, не обеспечил их строительными материалами, чем лишил руководство института возможности своевременно развернуть строительные работы. Подчеркивалось, что власти области имеют ограниченные

возможности выделения фондируемых остродефицитных строительных материалов и не могут в полном объеме удовлетворить потребности института. Поэтому руководство области просило С. В. Кафтанова ходатайствовать перед правительством СССР об отпуске для первоначальных строительных работ из государственных фондов для пединститута 950 м³ пиломатериалов, 300 м³ кругляка, 7,5 тонн кровельного железа, 16,5 тыс. штук этернита, 3 тыс. м² оконного стекла, 5 тонн олифы, 8 тонн красок, 4 тыс. м. электроосветительного провода, одного трактора [3, л. 23–24].

Письмо возымело действие, и 13 марта 1945 г. Ворошиловградский обком КП(б)У официально констатировал, что корпус пединститута не пригоден для занятий, требует капитального ремонта и поручил строительно-монтажным управлениям в срок до 1 января 1946 г. завершить внутренние и внешние отделочные работы и отремонтировать систему отопления; обязал Госплан Горисполкома выделить лес, кровельное железо, а Облеспромсоюз – изготовить окна и двери. В результате была отремонтирована крыша, кофегарка, находившаяся в подвальной части, первый этаж, кабинеты языка и литературы, истории, географии, марксизма-ленинизма, зоологии, физики; восстановили системную работу читального зала и библиотеки, фонды которой к 1946 г. увеличились до 46 тыс. экземпляров; студентов разместили по квартирам. Таким образом, было отремонтировано левое крыло корпуса, восстановить же правое не удалось [8, л. 118–119].

В начале октября 1943 г. Старобельский учительский институт эвакуировался в Ворошиловградскую область из села Владимировка Сталинградской области. Его основной учебный корпус, расположенный по адресу пл. Гоголя, д. 1, был наполовину разрушен и занят госпиталем № 6118. После эвакуации институт получил во временное пользование помещение по улице Володарского, д. 3, которое хотя и не отвечало его потребностям, но позволяло сконцентрировать в одном месте учебную работу [1, л. 161]. В 1944 г. сотрудниками были самостоятельно изготовлены примитивные лавки и столы, однако они требовали замены, классные доски не удовлетворяли ни размером, ни качеством, не хватало шкафов и стеллажей. Недостаток мебели и учебного оборудования остро ощущался вплоть до 1945 г. Основной корпус был возвращен вузу летом 1945 г. Сразу был начат ремонт здания и общежития на 40–50 студентов. Облисполком выделил институту стекло (150 м²) и строевой лес (40 м³), однако доставка материалов задерживалась по причине нехватки транспорта [5, л. 74–75].

За период Великой Отечественной войны Ворошиловградский сельскохозяйственный институт разделился на три части:

– в октябре 1941 г. в город Ленинабад Таджикской ССР эвакуировано ценное учебное оборудование и профессорско-преподавательский персонал: Белецкий, Рогатнёв, Владимиров, Калышников и другие;

– в июле 1942 г. в село Ивановка Саратовской области выехали студенты и следующие преподаватели: Н.Н. Холодилин, В.С. Скороход, С.К. Кравченко, А.А. Орлов, Н.П. Лубовский, Каймакан, Котелевец и другие;

– в Ворошиловграде находились сотрудники, которые обрабатывали учебно-опытное хозяйство.

Преподаватели и студенты эвакуировались частями с декабря 1943 г. по апрель 1944 г. Учебные и жилые здания находились в следующем состоянии:

– главный учебный корпус (корпус № 1) и химический корпус взорваны и нуждались в полном восстановлении под руководством высококвалифицированного инженера-строителя. Для этого требовалось 413 320 рублей и 84 630 рублей соответственно;

– общежитие № 1 было в значительной степени разрушено (отсутствовали двери, пол, окна, частично стены и потолки) и нуждалось в капитальном ремонте с затратами в 261,75 тыс. рублей;

– общежитие № 2 и столовая подверглись частичному разрушению и могли быть быстро отремонтированы при затратах сравнительно небольших средств и материалов;

– электропровода и трансформатор, от которого был запитан институт, разрушены; водопровод выведен из строя, вследствие взрыва двух заданий, но колодец уцелел и его восстановление не представляло особого труда.

Остальные жилые и хозяйственные здания центральной усадьбы и учебно-опытного хозяйства были практически полностью сохранены и нуждались только в текущем ремонте. Библиотечный фонд, часть посуды, химикаты химической лаборатории сохранились практически полностью [3, л. 26–27].

Учитывая острую нехватку специалистов в сельском хозяйстве 7 апреля 1944 г. Народным комиссариатом земледелия УССР был издан приказ № 738 «О восстановлении Ворошиловградского сельскохозяйственного института», согласно которому вузу выделялись 800 тыс. руб., лес, автотранспорт, рабочая сила и техника для учебного хозяйства. Несмотря на то, что выделенные строительные материалы, машины и хозяйственное оборудование поставлялось с задержками, к 1 ноября были частично отремонтированы помещения первой очереди – корпус № 1 (частично), общежитие № 2, столовая, водогон парового котла, электросеть, помещения для животных и хозяйственных нужд [7, л. 157–158]. Благодаря этому институт возобновил проведение учебной и производственной практик студентов, а

также научно-экспериментальной работы в условиях учебного хозяйства. В 1945 г. прибыль хозяйства составила 500 тыс. рублей, к октябрю 1946 г. посевная площадь была освоена на 95% и по ряду культур хозяйство стало оказывать помощь семенами колхозам и совхозам Донбасса [6, л. 13]. В 1945 г. дипломы о высшем образовании получили 40 студентов, которые вынуждены были приостановить обучение на время войны [22]. При этом необходимо отметить, что восстановить главный корпус института удалось только к началу 1946/1947 учебного года.

После эвакуации в июне 1944 г. Рубежанский химико-технологический институт восстановил здание учебного корпуса, пострадавшего в ходе боевых действий, однако два общежития, столовая, прачечная, гараж, тир, склады для кислот, горючего и других материалов были переданы под госпиталь МВД № 6011 для военнопленных. Осенью 1944 г. по приказу Народного комиссара химической промышленности институту было поручено организовать Рубежанский химико-технологический техникум при химкомбинате. Однако последний помещением не выделил, и техникум был размещен также в здании учебного корпуса института. Тем самым проблема дефицита учебной и жилой площади ещё более усугубилась [12, л. 5]. В 1944 г. состоялся набор студентов, которые стали последними выпускниками института в 1949 г., а на его базе открыт Рубежанский индустриальный техникум. За 20 лет существования РХТИ подготовил около одной тысячи специалистов.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях острого дефицита кадров проблема восстановления учебных корпусов, общежитий, библиотек, лабораторий, мастерских решалась силами преподавателей и студентов. Так, в Ворошиловградском педагогическом и учительском институтах осенью 1943 г., сразу после возвращения из эвакуации, они сформировали строительные бригады из 200 человек, которые за 15 дней расчистили взорванный немцами учебный корпус от мусора, заложили окна, восстановили электропроводку и водопровод и уже к концу года приспособили здание к занятиям. Ими было перенесено и перевезено вручную 200 тонн грузов на расстояние более 1 км. А с 1 июня по 1 сентября 1945 г. по причине нехватки рабочих рук дирекция института направляла на работы по 100 студентов ежедневно, что позволило к началу нового учебного года восстановить левое крыло учебного корпуса. Кроме того, преподаватели и студенты института принимали участие в восстановлении городского хозяйства: работали на лесоразработке, на строительстве трамвайной линии, привлекались к расчистке парка 1-го мая [8, л. 118–119; 4, л. 14].

Аналогичной была ситуация и в Ворошиловградском сельскохозяйственном институте, где после возобновления работы кафедры при-

ступили к восстановлению учебных, учебно-вспомогательных помещений, продовольственной базы; студенты и преподаватели совмещали обучение с работой, не жалея сил [7, л. 157].

Высшие учебные заведения области функционировали в условиях нехватки не только помещений для проведения учебной работы, но и для проживания студентов. По причине отсутствия общежитий студенты были вынуждены снимать комнаты в частных квартирах, оплата которых полностью или частично компенсировалась государством. В период оккупации фашистами были уничтожены общежития Ворошиловградского педагогического и учительского институтов, средства на их восстановление власти города и области не выделяли. В результате к октябрю 1944 г. 597 обучающихся этих вузов (58% от общего количества студентов) были размещены на частных квартирах [10, л. 32, 55]. Остро стоял вопрос о размещении студентов и в Старобельском учительском институте, т.к. его общежития были заселены посторонними людьми или заняты различными учреждениями [1, л. 161]. В результате в приспособленном под общежитие помещении было поселено 30 человек, а 147 человек (52% от общего количества студентов) разместили на частных квартирах [10, л. 31].

Только Ворошиловградскому сельскохозяйственному и Рубежанскому химико-технологическому институтам частично удавалось обеспечить жильем студентов, которые в нем нуждались. Так, ввод в действие общежития сельскохозяйственного вуза позволил к октябрю 1944 г. обеспечить жильем большинство студентов, нуждающихся в поселении, – 308 человек (95 % от общего количества студентов). Лишь незначительная часть обучающихся – 18 человек (6 % от общего количества студентов) – вынуждена была арендовать жилье [9, л. 33]. Химико-технологический институт разместил в учебном корпусе вспомогательные помещения и общежитие, в котором поселили 75 первокурсников (37 % от общего количества студентов). Мест на всех нуждающихся не хватило, и 50 человек (26% от общего количества студентов) разместили на частных квартирах [10, л. 57].

Таким образом, можно констатировать, что на 10 октября 1944 г. на частных квартирах проживало 44 % студентов области, а в общежитиях – лишь 23 %.

Ощущалась в вузах области острая нехватка учебников и книг. В условиях дефицита печатных изданий и оборудования пополнение материальной базы вузов в военное время осуществлялось путем перераспределения литературы между высшими учебными заведениями СССР. Так, Рубежанский химико-технологический институт в 1944/1945 учебном году получил от Московского химико-технологического института имени Менделеева и Харьковского химико-технологического института часть библиотечного фонда, а также лабораторное оборудование [11, л. 12].

Согласно распоряжению Главного управления вузов и техникумов Наркомзема СССР Ворошиловградскому сельскохозяйственному институту при реэвакуации из Саратовской области была выделена часть учебного оборудования Днепропетровского и Саратовского сельскохозяйственных институтов. Кроме того, из Ленинабада был доставлен вагон оборудования, вывезенного из института в 1941 г. Однако этот объем не удовлетворял потребностей нормальной организации учебного процесса, а лишь давал возможность организовать лабораторно-практические занятия по отдельным разделам ботаники, физики и геодезии. Институт нуждался в пополнении оборудования по всем кафедрам [7, л. 1 об.].

Коллективы вузов самостоятельно восстанавливали библиотеки путем размещения их в небольших помещениях. Так, в Старобельском учительском институте сотрудники в одной комнате разместили книгохранилище, а во второй – читальню, вмещающую 40 человек (при контингенте 281 человек). До войны книжный фонд насчитывал 30 тыс. экземпляров, к маю 1945 г. – 3 тыс. Особо ощущался дефицит учебников, которых имелось в количестве 1–2 экземпляров, многих наименований не было в наличии. Для удовлетворения минимальных потребностей института необходимо было иметь основных учебников в количестве 30–50 экземпляров. На пополнение фондов было выделено по бюджету 15 000 рублей, однако такая сумма была совершенно недостаточна [5, л. 62].

Неудовлетворительным было обеспечение вузов документацией и письменными принадлежностями. По причине дефицита бумаги и ограниченных возможностей издательств вузы были вынуждены пользоваться довоенными учебными программами, часть из которых устарела. Кроме того, в институтах области на 8 января 1945 г. в среднем на одного студента приходилось три тетради [5, л. 182, 182 об.].

Оборудование кабинетов и лабораторий вузов Ворошиловградщины после реэвакуации сохранилось на 15–20%, но в большинстве случаев было уничтожено полностью. Процесс их восстановления шел тяжело по причине нехватки помещений и оборудования. Например, в 1944/1945–1945/1946 учебных годах Рубежанский химико-технологический институт не смог приступить к организации крайне необходимых лабораторий (электротехники, металловедения, спецоборудования, насосов и компрессоров, физической и коллоидной химии), ряда кабинетов, механической мастерской и помещения для научно-исследовательских работ [12, л. 5].

В Старобельском учительском институте ситуация с кабинетами складывалась лучше, т.к. имелись помещения пропускной способностью в 30 человек каждое. Так, в 1944/1945 учебном году силами преподавателей, лабо-

рантов и студентов были организованы кабинеты физики, основ марксизма-ленинизма, языкознания и литературный. Из довоенного имущества кабинетов не сохранилось ничего, поэтому все приборы, таблицы, плакаты, карты, портреты либо реставрировались, либо изготавливались своими силами. В кабинете языкознания удалось сконцентрировать всю необходимую программную литературу в 2–3 экземплярах путем использования межбиблиотечного абонементов библиотеки имени Ленина, переписывания или конспектирования дефицитных работ, полученных Ворошиловградским педагогическим институтом на короткий срок, использования передвижного фонда Центральной городской библиотеки. Благодаря проделанной работе ежедневно в читальне и кабинетах работало до 50% студентов института [5, л. 62].

В годы ВОВ исключительно тяжёлым было материально-бытовое положение преподавателей и студентов: не хватало одежды, постельного белья, кроватей, топлива, отсутствовало полноценное питание. Для преодоления трудностей СНК СССР принимает постановление № 145 от 10 февраля 1943 г. «Об улучшении питания студентов высших учебных заведений», в котором остро ставились вопросы улучшения работы столовых. Правительство обязывало Наркомторг СССР с 1 марта 1943 г. снабжать студентов вузов продовольственными товарами по нормам, установленным постановлением Совнаркома СССР от 19 октября 1941 г. № 2148 для рабочих промышленности, транспорта и связи. Кроме того, при Всесоюзном комитете по делам высшей школы и Главных управлениях учебными заведениями наркоматов создавались отделы рабочего снабжения, ответственные за организацию материально-бытового обслуживания вузов [15, с. 83]. Для выполнения положений документа вузы закреплялись за совхозами и колхозами с целью осуществления самозаготовок, им выделяли подсобные хозяйства, открывали на их базе столовые, магазины закрытой торговли, хозяйственные службы, мастерские. Контроль всех имеющих товарных фондов вуза осуществляли созданные отделы рабочего снабжения. Государство таким образом стимулировало хозяйственную инициативу вузов и компенсировало недостаточность централизованных товарных поступлений за счет использования децентрализованных источников, таких, как подсобные хозяйства, самозаготовки и т.д.

Указанные нововведения дали определенные позитивные результаты. Старобельскому учительскому институту был выделен земельный надел в 30 га (обрабатывался преподавателями и студентами), руководством института приобретены 4 лошади для хозяйственных нужд, открыта столовая Смешторга с пропускной способностью 300 человек [5, л. 75].

В сентябре 1944 г. Ворошиловградский педагогический институт получил земельный надел площадью 63 га для организации подсобного хозяйства. Также при вузе был создан отдел рабочего снабжения, который просуществовал вплоть до 1948 г. Однако работы в подсобном хозяйстве осуществлялись собственными силами и нередко во время занятий. Так, в 1944 г. по причине неумелой организации сельскохозяйственных работ студенты института целыми факультетами осуществляли обработку подсобных хозяйств за счет учебного времени [4, л. 22]. С января 1945 г. в восстановленной столовой были организованы горячие завтраки, однако работала она с перебоями, элементарно не хватало посуды, студенты тратили на приём пищи 2–3 часа. К 1945 г. в институте не были восстановлены прачечная и медпункт [8, л. 43].

После окончания боевых действий остро стоял жилищный вопрос для преподавателей, т.к. основной жилищный фонд был либо уничтожен, либо заселен другими людьми. К 1945 г. стала распространяться практика возврата преподавателям жилья через суд. Так, Старобельский учительский институт получил решение суда о выселении частных лиц из трех многоквартирных домов для преподавателей [5, л. 74].

Сложной была ситуация в Ворошиловградском педагогическом институте, где дома для сотрудников были уничтожены немцами. На октябрь 1945 г. из 72 преподавателей 21 человек (29%) не были обеспечены квартирами и проживали «в уголках». Ситуация с материально-бытовыми условиями в педагогическом институте накалилась до такой степени, что 11 октября 1945 г. «Правда Украины» вышла с заголовком «Навести порядок в Ворошиловградском Пединституте». Лишь после этого Ворошиловградский обком КП(б)У решением от 31 октября предпринял меры, направленные на частичное решение проблемы:

- для улучшения питания студентов отпущено без зачета в основную норму на период с 30 октября 1945 г. по 30 января 1946 г. 4,5 тонны муки и макаронный изделий;

- для профессорско-преподавательского состава выделено: 64 тонны овощей на зиму (картофель, капуста, помидоры, свекла, морковь, лук), которые полностью обеспечивали коллектив в овощах, а также промтовары: 120 пар галош мужских, женских, детских, 12 штук мужских костюмов, 28 штук мужской верхней одежды, 20 штук женской верхней одежды, по 36 штук дамских платьев и мужских сорочек;

- для преподавателей выделено в восстанавливаемом доме 5 жилых квартир и отпущено 150 тонн угля;

- для окончания ремонтных работ выделено стекло оконное и железо кровельное (за счет перевыполнения сентябрьских планов,

100% от потребности), 23 кафедры и стулья к ним [5, л. 2–3, 5].

Если вышеназванным вузам выделялись подсобные хозяйства, то Ворошиловградский сельскохозяйственный институт имел его в своем распоряжении под названием «учебно-опытное хозяйство». В 1943 г., несмотря на расположение территории в прифронтовой зоне, сотрудники вуза засеяли всю овощную площадь (165 га, не считая многолетних трав и многолетних овощных культур) и собрали на 1 октября 505 тонн овощной продукции, 125 тонн из них были засолены (помидоры, капуста, огурцы). Указанное количество овощей было достаточно для питания студентов, профессорско-преподавательского состава, рабочих и служащих института, которые в декабре 1943 г. вернулись из эвакуации.

Несмотря на наличие общежития, все же материально-бытовое положение студенчества института было сложным. Так, 19 апреля 1945 г. бюро Ворошиловградского горкома КП(б)У констатировало, что «в общежитиях нет твердого инвентаря – столов, стульев, тумбочек, тазов и т.д.; баня-прачечная не работает, имеющиеся сапожная и портняжная мастерские не удовлетворяют нужды студенчества; столовая работает неудовлетворительно, находится в антисанитарных условиях, имеются факты обščета и обвешивания» [8, л. 54].

Невзирая на материально-бытовые трудности, партийная и комсомольская организации вузов пытались наладить идейно-воспитательную и культурно-досуговую работу среди студентов. Так, в 1944 г. в Ворошиловградском педагогическом институте начал работать клуб выходного дня, эстрадный оркестр, танцевальный и драматический коллективы, организовывались вечера художественной самодеятельности и торжественные собрания, походы в кинотеатры и театры. Раз в неделю проводились доклады по международному обзору; лекции, направленные на патриотическое воспитание («О зверствах немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах. По материалам судебных процессов», «О годовщине Красной Армии» и т.д.), формирование уважительного отношения к страницам собственной истории («О Лобачевском и его неевклидовой геометрии», «Памяти выдающегося полководца генерала армии Ватутина»), выработку ценностно-мировоззренческих ориентиров, расширение нравственного опыта («Творчество Чехова», «Творчество Шевченко», «Толстой – классик русской и мировой литературы», «Памяти А. М. Горького») [8, л. 43; 3, л. 2–3].

В Старобельском учительском институте в 1944/1945 учебном году начали функционировать хор, драматический, литературный и танцевальный кружки, проводились конкурсы на

лучшего чтеца, вечера художественной самодеятельности, литературные вечера и диспуты. Последние вызывали неподдельный интерес у студентов. Например, в ходе диспута по произведению Ванды Василевской «Просто любовь» выступили 28 студентов и преподавателей, в итоге мероприятие затянулось до 24.00. Единственным минусом являлось отсутствие специального помещения для такого рода мероприятий, и проводились они в столовой.

С целью расширения кругозора студентов в институте в течение года по пятницам работал лекторий, в ходе работы которого освещались вопросы международного положения («О Великой отечественной войне»), естественно-научная и медицинская тематика («Переливание крови», «Погода и предвидение»), история Родины («Полководец Брусилов», «М.И. Кутузов»), духовно-нравственные и культурно-просветительские темы («О любви и дружбе», «О культуре работы над книгой», «Московский Художественный Академический театр»).

С начала 1944/45 учебного года в Старобельском учительском институте начал работать агитколлектив, который возглавил А. Е. Штутман, секретарь первичной парторганизации и 10 лучших студентов-комсомольцев. В группах они читали сводки Совинформбюро, статьи и очерки из газет (например, статья А. К. Касименко «Украинско-немецкие националисты – злейшие враги украинского народа», изданная в «Правде Украины» 10 декабря 1944 г.), проводили повседневную агитационно-массовую работу по вопросам посещения занятий, ликвидации академических задолженностей, участия в субботниках.

Преподавательский состав очень много помогал отделу пропаганды и агитации районного комитета КП(б)У в проведении политико-воспитательной работы среди населения города и района. Достаточно сказать, что с октября по май 1944/1945 учебного года ими было прочитано свыше 150 лекций и докладов для партактива, интеллигенции, молодежи, воинских частей, раненых, рабочих и колхозников. Эта цифра станет яснее, если учесть, что преподавательский коллектив к весне состоял из 20 человек, из которых не все могли принять участие в лекционной работе. Фактически большинство лекций и докладов было прочитано девятью преподавателями, которые отличались трудоспособностью и были перегружены такой общественной нагрузкой. Особенно много работала А.П. Галкина (имела физический недостаток – слепота), заведующая кафедрой марксизма-ленинизма. Она прочитала свыше 60 лекций и докладов (по 5–10 в месяц) об истории ВКП(б), российских полководцах, по международному положению и вопросам философии [5, л. 68, 71–72].

Результаты. Рассмотрев вышеизложенное, можно сделать вывод, что система высшего образования Ворошиловградской области в

1943–1945 гг. переживала самый сложный этап в своем развитии. Вместо шести эвакуированных вузов возвратились только пять. Процесс восстановления их деятельности проходил в экстремальных условиях разрухи, усложнялся продолжающимися боевыми действиями на фронтах Второй мировой и характеризовался одновременным проведением нескольких процессов – реэвакуации, возобновлением учебно-воспитательного процесса и восстановлением материальной и производственной базы. Учебные корпуса и вспомогательные помещения институтов были либо уничтожены, либо переданы местными властями под госпитали.

Процесс восстановления замедлялся по причине нехватки рабочих рук и строительных материалов, которыми вузы области обеспечивались по остаточному принципу, и неравномерного распределения средств между ними. Сравнительно лучше обеспечивались сельскохозяйственный и химико-технологический, хуже – педа-

гогический и учительские вузы, которые к началу 1945/1946 учебного года не имели полностью восстановленных корпусов и общежитий. Для преодоления трудностей вузам области выделяли подсобные хозяйства, закрепляли за совхозами и пригородными хозяйствами, открывали на их базе специальные столовые, мастерские.

Ключевая роль в восстановлении учебно-материальной базы принадлежала коллективам преподавателей и студентов, которые, несмотря на сложные материально-бытовые условия, самостоятельно разбирали завалы, приспособляли помещения для учебной деятельности, восстанавливали кабинеты, лаборатории, библиотеки, участвовали в агитационно-пропагандистской работе среди населения. Параллельно с трудовой и учебной деятельностью активизировалась культурно-досуговая работа различных направлений – духовно-нравственного, гражданско-патриотического, художественно-эстетического.

Литература

1. Архив Луганского государственного педагогического университета. Ф. 1. Старобельский учительский институт. 1941–1957 гг. Оп. 1. Д. 815.
2. Государственный архив Луганской Народной Республики (далее – ГАЛНР). Ф. П–179. Ворошиловградский областной комитет КП(б)У. Оп. 1. Д. 324.
3. ГАЛНР. Ф. П–179. Ворошиловградский областной комитет КП(б)У. Оп. 3. Д. 246.
4. ГАЛНР. Ф. П–179. Ворошиловградский областной комитет КП(б)У. Оп. 3. Д. 247.
5. ГАЛНР. Ф. П–179. Ворошиловградский областной комитет КП(б)У. Оп. 3. Д. 385.
6. ГАЛНР. Ф. Р–842. Ворошиловградский сельскохозяйственный институт. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАЛНР. Ф. Р–842. Ворошиловградский сельскохозяйственный институт. Оп. 1. Д. 40.
8. ГАЛНР. Ф. П–5. Луганский городской комитет КП(б)У. Оп. 3. Д. 74.
9. ГАЛНР. Ф. Р–2519. Луганское областное управление статистики. Оп. 10. Д. 10.
10. ГАЛНР. Ф. Р–2519. Луганское областное управление статистики. Оп. 10. Д. 21.
11. ГАЛНР. Ф. Р–2250. Рубежанский химико-технологический институт. Оп. 1. Д. 2.
12. ГАЛНР. Ф. Р–2250. Рубежанский химико-технологический институт. Оп. 1. Д. 13.
13. Елютин В. П. Высшая школа в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1975. № 5. С. 61–69.
14. История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. К.: Ин-т истории АН УССР: Укр. сов. энциклопедия АН УССР, 1974–1983. / [Т. 4]: Ворошиловградская область. 1976. 726 с.
15. Круглянский М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Высшая школа, 1970. 314 с.
16. О материальном ущербе, причинённом немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР // Правда. 1945. 13 сентября (№ 219). С. 2–3.
17. Павлов Д. И. Среднее специальное образование в Украинской ССР. Киев: Вища школа, 1976. 215 с.
18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг. / Сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. 754 с.
19. Гнізділова О. А. Становлення і розвиток наукових шкіл у вищих педагогічних навчальних закладах Східної України в XX столітті: автореф. дис. ... док. пед. наук: 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки». Харків, 2012. 40 с.
20. Курило В. С. Освіта та педагогічна думка Східноукраїнського регіону у XX ст. Луганськ: ЛДПУ, 2000. 460 с.
21. Романов Н. О. Розвиток професійної освіти в східноукраїнському регіоні в другій половині XIX – першій половині XX століття: дис. ... канд. пед. наук. Луганськ, 2012. 200 с.
22. Яковлев П. Кузня сільськогосподарських кадрів // Прапор перемоги. 1971. 26 жовтня. С. 4.

References

1. 1. Archive of Lugansk State Pedagogical University. F. 1. 1941–1957 gg. Inv. 1. D. 815. (in Russ.).
2. Archive Service of the Lugansk People's Republic (GALNR). F. P–179. Inv. 1. D. 324. (in Russ.).
3. GALNR. F. P–179. Inv. 3. D. 246. (in Russ.).
4. GALNR. F. P–179. Inv. 3. D. 247. (in Russ.).
5. GALNR. F. P–179. Inv. 3. D. 385. (in Russ.).
6. GALNR. F. R–842. Inv. 1. D. 2. (in Russ.).
7. GALNR. F. R–842. Inv. 1. D. 40. (in Russ.).

8. GALNR. F. P-5. Inv. 3. D. 74. (in Russ.).
9. GALNR. F. R-2519. Inv. 10. D. 10. (in Russ.).
10. GALNR. F. R-2519. Inv. 10. D. 21. (in Russ.).
11. GALNR. F. R-2250. Inv. 1. D. 2. (in Russ.).
12. GALNR. F. R-2250. Inv. 1. D. 13. (in Russ.).
13. Elyutin VP. Higher education during the Great Patriotic War. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 1975;5;61–69. (in Russ.).
14. The history of towns and villages of the Ukrainian SSR: in 26 volumes. Vol. 4. Kiev: Institute of History, SA of USSR, 1976. 726 p. (in Russ.).
15. Kruglyanskii MR. Higher School of the USSR during the Great Patriotic War. Moscow: Higher School, 1970. 314 p. (in Russ.).
16. On the material damage caused by the Nazi invaders to state enterprises and institutions, collective farms, public organizations and citizens of the USSR. *Pravda*. 1945;219;2–3. (in Russ.).
17. Pavlov DI. Secondary specialized education in the Ukrainian SSR. Kiev: Vishha shkola, 1976. 215 p. (in Russ.).
18. Decisions of the party and the government on economic issues. In 5 volumes: Collection of documents for 50 years. Vol. 3. 1941–1952 gg. / KU. Chernenko, MS. Smirtyukov. Moscow: Politizdat. 754 p. (in Russ.).
19. Gnizdilova OA. Formation and development of scientific schools in higher pedagogical educational institutions of eastern Ukraine in the twentieth century: abstract of thesis. Kharkiv, 2012. 40 p. (in Russ.).
20. Kurilo VS. Education and pedagogical thought of the East Ukrainian region in the twentieth century. Lugans'k: LDPU, 2000. 460 p. (in Russ.).
21. Romanof NO. Development of vocational education in the eastern Ukrainian region in the second half of the XIX – first half of the XX century: thesis. Lugansk, 2012. 200 p. (in Ukr.).
22. Yakovlev P. Kuznya sil'skogospodars'kikh kadrov. *Prapor peremogi*. 1976: October 26;4. (in Ukr.).

Научная статья

УДК 94(4+7) + 327

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.3>

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ

Татьяна Валерьевна Епифанова

Дипломатическая академия МГИМО МИД России (53/2, строение 1, Остоженка, 119021, Москва, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент
tanjaepi@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-5127-0434>

Аннотация. Введение. Теория справедливой войны представляет собой этико-философскую и правовую доктрину, оказывающую влияние на формирование международного гуманитарного права и внешнеполитический курс западных стран. Актуальность исследования обусловлена начавшейся на рубеже XX – XXI вв. ревизией доктрины, используемой для оправдания гуманитарных интервенций и контртеррористических операций, а также недостаточной изученностью вопросов периодизации теории в российском академическом дискурсе. Целью работы является выявление основных периодов развития теории справедливой войны, их особенностей и преемственности. Научная новизна заключается в обобщении и сравнении существующих вариантов периодизаций, выделении этапов современного периода развития доктрины. **Материалы и методы.** Источниковую базу исследования составили фундаментальные труды мыслителей различных исторических эпох, а также работы современных российских и зарубежных авторов – приверженцев как традиционной, так и ревизионной версий теории. В работе применялись историко-генетический, компаративный и системный методы. **Анализ.** Констатируется отсутствие единой академически признанной хронологии развития доктрины. Анализируются подходы к структурированию истории теории, представленные в работах А. Д. Куманкова, К. Л. Сазоновой, Д. МакМаана, С. Маффеттоне и др. Выявлено, что при всем разнообразии терминологии исследователи сходятся в выделении водораздела между средневе-

ковой христианской мыслью и секулярной легалистской парадигмой Нового времени. Особое внимание уделено специфике современного этапа, характеризующегося столкновением западной интерпретации с альтернативными взглядами (марксистская традиция), а также ревизией теории в контексте гуманитарных вмешательств. **Результаты.** Предложена авторская интерпретация современного периода теории справедливой войны. Выделены два периода: 1) «Традиционный», включающий теологический (христианский) этап и светский (легалистский) этап; 2) «Современный», разделенный на этап биполярного мира (сосуществование с альтернативной социалистической концепцией) и этап однополярного мира (обретение интеллектуальной монополии и развитие ревизионистской школы).

Ключевые слова: теория справедливой войны, традиционный период теории справедливой войны, современный период теории справедливой войны, эволюция теории справедливой войны, развитие теории справедливой войны

Для цитирования: Епифанова Т. В. Периодизация истории развития теории справедливой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 28–34. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.3>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 11.12.2025

Статья одобрена после рецензирования: 23.02.2026

Статья принята к публикации: 28.02.2026

Research article

PERIODIZATION OF THE HISTORY OF THE THEORY OF JUST WAR

Tatiana V. Epifanova

Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (53/2, Building 1, Ostozhenka, 119021, Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
tanjaepi@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-5127-0434>

Abstract. Introduction. The theory of just war is an ethical, philosophical and legal doctrine that influences the formation of international humanitarian law and the foreign policy of Western countries. The relevance of the study is due to the revision of the doctrine that began at the turn of the 20th-21st centuries, used to justify humanitarian interventions and counter-terrorism operations, as well as the lack of study of the periodization issues of the theory in Russian academic discourse. The purpose of the work is to identify the main periods of development of a just war theory, their features and continuity. The scientific novelty lies in the generalization and comparison of existing variants of periodizations, the identification of the stages of the modern period of the development of the doctrine. **Materials and methods.** The source base of the study was the fundamental works of thinkers of various historical eras, as well as the work of modern Russian and foreign authors – adherents of both traditional and revision versions of the theory. Historical genetic, comparative and systemic methods were used in the work. **Analysis.** It is stated that there is no single academically recognized chronology

of the development of doctrine. Approaches to structuring the history of the theory presented in the works of A. D. Kumankov, K. L. Sazonova, D. McMahan, S. Maffettone and others. It has been revealed that, with all the variety of terminology, researchers agree on the separation of the watershed between medieval Christian thought and the secular legalist paradigm of the New Age. Particular attention is paid to the specifics of the modern stage, characterized by the collision of Western interpretation with alternative views (Marxist tradition), as well as the revision of theory in the context of humanitarian interventions. **Results.** The author's interpretation of the modern period of the theory of just war is proposed. Two periods are distinguished: 1) the "Traditional," including the theological (Christian) stage and the secular (legalist) stage; 2) "Modern," divided into a stage of a bipolar world (coexistence with an alternative socialist concept) and a stage of a unipolar world (gaining an intellectual monopoly and developing a revisionist school).

Keywords: the theory of just war, the traditional period of the theory of just war, the modern period of the theory of just

© Епифанова Т. В., 2026

war, the evolution of the theory of just war, the development of the theory of just war

For citation: Epifanova TV. Periodization of the history of the theory of just war. Humanities and law research. 2026;13(1):28-34. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.3>

Введение. Теория справедливой войны представляет собой этико-философскую и правовую доктрину западной мысли, полагающую, что некоторые войны носят справедливый характер и могут быть оправданы. Теория налагает ограничения на право ведения войны, характер и масштаб применения силы. В процессе своего развития доктрина оказала влияние на формирование Международного гуманитарного права, нашла отражение в деятельности международных организаций, внешнеполитическом курсе США. В последнее десятилетие XX – начале XXI вв. началась ревизия теории, в результате которой под знаменем доктрины справедливой войны западные страны стали осуществлять гуманитарные интервенции и контр-террористические операции. Поэтому актуальность темы заключается исследовании сути основных периодов широко распространенной и очень популярной за рубежом доктрины для недопущения ее навязывания, а также политических манипуляций ею коллективным западом в собственных интересах.

Кроме того, актуальность обоснована малым числом исследований проблем теории справедливой войны в российском академическом сообществе в целом и отсутствием изучения периодизации доктрины в частности. Целью исследования стало выявление периодов развития теории, их особенностей и преемственности. Новизна работы заключена в выделении этапов современного периода, обобщении и сравнении существующих вариантов периодизаций, ранее российскими исследователями не предлагавшиеся.

Материалы и методы. Источниками исследования стали труды мыслителей разных исторических периодов, составляющие в совокупности теорию справедливой войны, а также работы российских авторов и зарубежных разработчиков теории, приверженцев как традиционной, так и ревизионной ее версий. В процессе исследования использовались историко-генетический метод для определения начала периодов и этапов обновления содержания доктрины, компаративный метод для сопоставления существующих вариантов периодизаций, определения сходства между ними и выявления отличий, системный метод для построения собственного варианта периодизации как упорядоченной совокупности этапов и периодов.

Анализ. В настоящее время отсутствует единая, академически признанная хронология развития доктрины справедливой войны. Это обусловлено как сложностью определения точ-

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 11.12.2025

The article was approved after reviewing: 23.02.2026

The article was accepted for publication: 28.02.2026.

ного момента зарождения соответствующих идей, так и значительной протяженностью начального периода формирования концепции. Существующие подходы к структурированию истории теории, как правило, имеют утилитарный характер и разрабатываются под конкретные задачи исследователей.

В научной литературе наиболее распространено деление эволюции теории на две основные стадии, несмотря на различие в терминологии у разных авторов. Для решения задач данного исследования их целесообразно именовать «традиционным» и «современным» периодами.

В частности, А. Д. Куманьков отмечает, что каноническая история теории справедливой войны традиционно начинается с Отцов Церкви IV–V вв. Амвросия Медиоланского и Августина Аврелия [5, с. 137]. А в XX в. произошло серьезное обновление теории справедливой войны [5, с. 138].

К. Л. Сазонова пишет, что в историческом развитии концепции «справедливой войны» выделяются два этапа. Первый этап – собственно зарождение и развитие концепции в трудах таких выдающихся мыслителей, как Цицерон, Фома Аквинский, Блаженный Августин, Г. Гроций, Ф. де Виттория, Ф. Суарес и др. Второй этап – это последние 50–60 лет истории международных отношений, когда название «справедливая война» сохранилось, а содержание концепции было изменено, причем именно в правовом ключе [11, с. 119].

И. А. Панафидин связывает понятие *iustum bellum*, с одной стороны, с теорией, сформулированной во второй половине XX в. и представляющей собой совокупность принципов: *ius ad bellum* (справедливого или законного начала войны); *ius in bello* (правомерного ведения войны); *ius post bellum* (справедливого окончания войны). С другой стороны, по его мнению, понятие *iustum bellum* связано с традицией морального ограничения войны, берущей начало ещё в античности [10, с. 159 – 160].

А. В. Давыдова также полагает, что теория справедливой войны характеризуется двумя основными этапами развития. Первый этап, предусматривающий возникновение и формирование основных положений теории, во многом обязан трудам Цицерона, А. Медиоланского, Ф. Аквинского, Блаженного Августина, Г. Гроция и др. В свою очередь, второй этап, относящийся к 50-60 гг. XX в., характеризуется изменением понимания справедливой войны, которая уже стала рассматриваться больше в правовом ключе, нежели в религиозном или философском, как это было первоначально [2, с. 27].

Принято считать, что концептуальные корни теории справедливой войны уходят в античную эпоху. Однако первые систематизированные представления о праве на применение силы начинают складываться на стыке поздней античности и раннего средневековья. Поворотным историческим моментом стала легитимация христианства: оказавшись на положении официальной религии, церковь была вынуждена отказаться от первоначальной пацифистской доктрины. Перед теологами возник запрос на моральное обоснование военных действий, без которого существование раннесредневековых государств было бы невозможным. Именно в этот период запускается многовековой процесс формирования доктрины, последовательно прошедшей через стадии католической ортодоксии, протестантской мысли и, наконец, секулярного юридического подхода, впитав в себя интеллектуальные традиции различных исторических эпох.

Сопоставляя традиционный и современный периоды развития теории, нельзя не заметить их глубинные содержательные различия. Как точно подмечает исследователь Джон Фордж, концепция справедливой войны сохраняла свою значимость на протяжении многих веков – от эпохи Августина до наших дней, обсуждаясь в самых разных культурных и исторических контекстах. В связи с этим корректнее вести речь о непрерывной традиции осмысления феномена войны, а не о существовании некоего унифицированного свода правил или единой завершенной теории [13, р. 15]. Из этой традиции вытекают два основных принципа: война может быть оправдана, а если она оправдана – должна быть ограничена. Оправдание – это, по сути, моральное оправдание [13, р. 16].

Учитывая многогранность и хронологическую протяженность традиционного периода развития доктрины, закономерно возникает необходимость в систематизации ее ключевых этапов. В современной научной литературе представлены различные подходы к такой периодизации.

Исследователь Масакадзу Мацумото предлагает разграничивать две основные традиции: домодернистскую, восходящую к трудам Августина, и современную, родоначальником которой считается Гуго Гроций. Примечательно, что обе эти линии, по наблюдению автора, прослеживаются в американских теоретических разработках XXI века, что во многом объясняет расхождения в оценках одних и тех же вооруженных конфликтов разными представителями академического сообщества [15].

В свою очередь, Себастьяно Маффеттоне обращает внимание на устоявшуюся терминологию: период от Августина через Фому Аквинского к Франсиско де Витория традиционно маркируется как «классический». Наступление Но-

вого времени ознаменовалось усилением позиций естественно-правовой доктрины, что придало теории справедливой войны отчетливый легалистский характер. Данный вектор, как отмечает автор, сохранялся на протяжении столетий [8]. Однако, по справедливому замечанию Маффеттоне, экстраполировать правовой формализм XVII – XVIII вв. на реалии XX – XXI столетий было бы некорректно. В связи с этим ученый предлагает более дробную градацию внутри современного этапа, разделяя нормативную политическую теорию справедливой войны на «современную» и «сегодняшнюю». Критерием разграничения выступает эволюция подходов: если первый вариант формировался под влиянием политического реализма, то второй развивается в русле его критики с позиций нормативного либерализма [8].

Альтернативу периодизации Себастьяно Маффеттоне предлагает видный представитель ревизионистского направления Джефф МакМаан. В его трактовке «классический» этап развития доктрины датируется не Средневековьем, а более поздним временем – с начала XVI по середину XVII в. Критерием выделения этого периода служит мировоззренческая целостность: в ту эпоху постулаты теории справедливой войны мыслились как неотъемлемая часть универсального свода нравственных императивов, распространявшихся на все аспекты человеческого бытия.

Далее, с XVII столетия и вплоть до конца XX в., исследователь фиксирует параллельную эволюцию доктрины и международного гуманитарного права. При этом характер их взаимодействия со временем кардинально менялся. Если на начальном этапе именно теоретические представления о морали задавали вектор развития правовых норм, то к XIX веку, и особенно в XX столетии, ситуация зеркально изменилась. Право обрело столь весомое практическое значение, что именно специалисты в области права стали главными проводниками трансформации нормативных взглядов на природу войны.

Особняком в концепции МакМаана стоит третий, послевоенный этап, начало которому положило окончание Второй мировой войны. В этот период сформировалось устойчивое убеждение, что моральные принципы ведения войны нашли свое наиболее полное и аутентичное воплощение в системе категорий «справедливой войны». Более того, данная система, стала практически тождественна нормам, зафиксированным в Уставе ООН и Женевских конвенциях [7, с. 141-142].

Предложенная Джеффом МакМааном периодизация, как можно заметить, ограничена рамками секулярной легалистской традиции. Ее отправной точкой, судя по контексту, становится наследие Гуго Гроция, тогда как христианская теология справедливой войны (*justum bellum*)

остается за скобками – подобный подход вполне типичен для ревизионистского направления. Примечательно, что первый этап в данной схеме исследователь именует «классическим», что вносит терминологическое расхождение с традиционной (неревизионистской) трактовкой классического периода. Если соотносить этапы МакМаана с более общей периодизацией, то два первых этапа укладываются в границы так называемого «традиционного» периода, тогда как третий знаменует переход к современной фазе развития доктрины.

Резюмируя рассмотренные подходы к хронологии, нельзя не отметить их содержательное разнообразие. Тем не менее при всех различиях в терминологии и интерпретациях исследователи единодушно фиксируют водораздел между средневековой христианской мыслью, стоявшей у истоков традиции, и секулярной легалистской парадигмой, утвердившейся в Новое время. Подобное разграничение видится вполне оправданным и логически состоятельным. В связи с этим представляется целесообразным внутри выделенного ранее «традиционного» периода провести дополнительную границу, разделив его на два самостоятельных этапа: теологический (христианский) и светский (легалистский).

Рассматривая начальный этап эволюции доктрины в рамках первого периода, нельзя обойти вниманием феномен, порожденный христианской схоластикой – концепцию «священной войны», которая легла в основу идеологии крестового движения. Как отмечает Д. А. Беляев, именно опираясь на постулаты «справедливой войны», Бернар Клервоский в XII столетии разработал доктрину «войны священной», ставшую идейным фундаментом Крестовых походов. В рамках этой концепции война (если она, конечно, направлена против язычников, отстаивая торжество «божественной справедливости»), причем в самых разрушительных и кровопролитных формах, окончательно освящается авторитетом Церкви и инкорпорируется в культурную практику Средневековья как явление богоугодное и подлинно этическое [1, с. 34]. Важно, однако, подчеркнуть принципиальное различие: священная война носила откровенно завоевательный, агрессивный и наступательный характер, что в корне расходится с изначальной логикой доктрины справедливой (или оправданной) войны, призванной легитимизировать применение силы лишь в строго определенных рамках.

Второй этап первого (традиционного) периода развития доктрины также отличается значительной хронологической протяженностью, занимая несколько столетий – с XVII по XX в. Его содержание далеко не однородно, поскольку формировалось под воздействием различных интеллектуальных течений, среди которых ключевую роль играли естественно-правовая док-

трина, позитивизм и другие философские и политико-правовые направления. Основоположителем легалистской традиции на этом этапе по праву считается Гуго Гроций с его фундаментальным трудом «О праве войны и мира». Хронологически данный этап совпадает со становлением Вестфальской системы международных отношений и укреплением принципа государственного суверенитета, что не могло не отразиться на эволюции теории справедливой войны. Именно в этот период закладываются основы международного права в целом и международного гуманитарного права как его важнейшей составляющей.

Что касается современного этапа развития теории, его начало приходится на вторую половину XX столетия. Мощным импульсом для обновления доктрины послужила вышедшая в 1977 г. работа Майкла Уолцера [16]. Сам автор связывал необходимость осмысления подходов традиции справедливой войны с двумя ключевыми обстоятельствами. Во-первых, требовалось преодолеть засилье политического реализма, доминировавшего в западной академической и политической мысли 1950 – 1960-х гг. Во-вторых, глубокое переосмысление природы вооруженных конфликтов было продиктовано травматичным опытом Вьетнамской войны, заставившим исследователей по-новому взглянуть на моральные аспекты ведения боевых действий [12, с. 117].

Результаты войны для США заставили американское академическое сообщество переосмыслить произошедшее и обратиться к теории справедливой войны как к сдерживающему фактору. Ведь «теория справедливой войны не является ни апологией той или иной конкретной войны, ни отречением от войны как таковой» [12, с. 136].

Тем самым был дан старт современной фазе эволюции доктрины справедливой войны, подведшей черту под многовековым развитием традиции. Можно констатировать, что именно в эпоху биполярного мироустройства уже в русле современного подхода обрела свои окончательные очертания традиционная версия теории.

Сформировавшись и пройдя долгий путь становления в лоне западной интеллектуальной традиции, теория справедливой войны вступила в современную стадию своего развития, оставаясь доктриной, атрибутивной прежде всего западному миру – доктриной лишь одного из противостоящих блоков. В странах социалистического лагеря, в свою очередь, сложилось собственное, отличное понимание природы справедливых войн.

В. А. Литвиненко совершенно справедливо полагает, что марксистскую точку зрения наиболее ярко выражает «Краткий курс истории ВКП(б)» [6, с. 55]: «Большевики считали, что война бывает двух родов: а) война справедли-

вая, незахватническая, освободительная, имеющая целью либо защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения, либо освобождение народа от рабства капитализма, либо, наконец, освобождение колоний и зависимых стран от гнета империалистов, и б) война несправедливая, захватническая, имеющая целью захват и порабощение чужих стран, чужих народов» [4, с. 161].

Сформулированное в «Кратком курсе» понимание справедливой войны, расходящееся с западной интерпретацией, имело под собой солидную теоретическую базу. Весьма показательной в этом контексте представляется исследовательская работа Джессики Уайт, посвященная анализу дискуссий о природе справедливых и несправедливых вооруженных конфликтов, которые развернулись в ходе подготовки Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям. Уайт убедительно демонстрирует, что в период работы Дипломатической конференции Международного комитета Красного Креста (1974 – 1977 гг.) именно представители государств Третьего мира и Советского Союза активно апеллировали к терминологии «справедливой войны» с целью провести разграничение между национально-освободительными движениями и военными кампаниями, квалифицируемыми как «империалистическая агрессия» [17].

Исследовательница подчеркивает принципиальное различие в аргументации: в отличие от западных участников конференции, делегации социалистических и развивающихся стран выстраивали свою позицию, опираясь на идеи антиимпериализма и право наций на самоопределение, а не на традиции христианской теологии. Тем самым они формулировали альтернативное представление о справедливости в контексте военных конфликтов. Более того, свою деятельность по совершенствованию международно-правовых норм эти государства рассматривали как прогрессивную, призванную заменить устаревшие правовые конструкции колониальной эпохи реалиями деколонизационных процессов современности. Результатом дебатов о справедливой войне на Дипломатической конференции стал пункт 4 статьи 1 Дополнительного протокола 1, в котором признается, что ситуации, к которым применяется Протокол, «включают вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение» [3].

Исходя из вышесказанного, вступление теории справедливой войны в современную фазу своего развития ознаменовалось столкновением с конкурирующей интерпретацией и выработкой собственных содержательных параметров. В связи с этим представляется обоснованным подвергнуть современный период даль-

нейшему внутреннему членению, выделив в нем два последовательных этапа. Ключевым рубежом между ними, как нам видится, послужил распад биполярной системы международных отношений и утверждение однополярной модели мироустройства. В новых геополитических условиях конкуренция со стороны альтернативной трактовки справедливой войны существенно ослабевает, уступая место иным факторам, определяющим развитие доктрины. Именно в эпоху однополярности разворачивается процесс пересмотра (ревизии) традиционной теории.

Сама ревизионистская школа, по признанию ее представителей, обязана своим появлением трансформации глобальной политической повестки. На передний план выдвигаются вопросы легитимации – оценки с позиций справедливой войны – таких феноменов, как гуманитарные интервенции 1990-х гг. и контртеррористические операции начала XXI в. Ревизионисты подвергают критическому анализу как концепцию права на начало справедливой войны, так и концепцию справедливого ведения войны, настаивая на необходимости корректировки ряда норм международного гуманитарного права и пересмотра концептуальных основ миротворческой деятельности ООН. Вопросов, по которым предлагается пересмотр очень много. Но следует отметить, что предпринимаемые усилия по ревизии традиционной теории справедливой войны реальных результатов пока не принесли.

А. В. Неронова полагает, что в качестве «инструмента внешней политики гуманитарная интервенция обрела... масштабное применение после распада СССР, в условиях разрушения мирового стратегического баланса сил, став эффективным орудием в руках единственной мировой сверхдержавы – США. Утрата преемницей СССР – Россией, позиций, завоеванных Советским Союзом, являвшегося практически единственным реальным оппонентом США на международной арене, и, как следствие, возможности активного противостояния Соединенным Штатам и их союзникам в осуществляемой ими агрессивной внешней политике, позволили США, по существу, закрепить понятие “гуманитарной интервенции” в арсенале мер так называемого “мирового сообщества”» [9, с. 165]. С этой мыслью трудно не согласиться за исключением одной поправки. Мировое сообщество отвергло почти укоренившееся в миротворчестве ООН при генеральном секретаре Кофи Аннane понятие гуманитарной интервенции из-за полной ее дискредитации операциями в Югославии 1999 г. и Ираке 2003 г.

И. Маноха пишет, что «роль гуманитарного вмешательства... была довольно незначительна во времена Холодной войны, поскольку вопросы международной стабильности были выше других ценностей, и случаев гуманитарно-

го вмешательства было немного. Однако с исчезновением «смирительной рубашки» времён Холодной войны происходит настоящий взрыв в практике гуманитарного вмешательства» [14].

В настоящее время термин «гуманитарная интервенция» утратил свою былую актуальность, уступив место доктрине «Ответственность по защите» (R2P). Однако, как и предшествующая концепция, эта новая доктрина не находит поддержки со стороны Российской Федерации. Обе теоретические модели объединяет общая черта – они предполагают ограничение суверенитета государств в пользу приоритета защиты прав человека. При этом существенное отличие R2P заключается в том, что она не оспаривает обязательность получения мандата Совета Безопасности ООН для придания вооруженному вмешательству легитимного характера. Иными словами, наличие резолюции СБ ООН становится необходимым условием для признания интервенции справедливой (оправданной) и соответствующей международному праву.

Результаты. Обобщая исследование существующих подходов к хронологии теории справедливой войны и опираясь на сложившийся в литературе консенсус, выделим два магистральных периода в ее развитии, которые условно обозначаются как традиционный и современный.

Традиционный период отличается значительной временной протяженностью, охватывая эпоху Средневековья, Новое время и начало

Новейшего времени. В его рамках принято разграничивать два качественно различных этапа. Первый этап представлен христианской теологической традицией, сформировавшейся в средние века. Второй этап знаменует переход к светской (легалистской) парадигме, доминировавшей в Новое время и в первые десятилетия XX столетия.

Современный период, стартовавший во второй половине XX в., также целесообразно подвергнуть внутренней периодизации, выделив в нем два самостоятельных этапа. Начальный этап разворачивался в условиях биполярной конфигурации международных отношений. Его отличительной чертой стало существование альтернативной версии справедливой войны, разрабатывавшейся в социалистическом лагере и странах Третьего мира. Эта альтернативная концепция не позволяла западной доктрине обрести статус единственно возможной и одновременно ограничивала возможности политической манипуляции теорией.

Второй этап современного периода наступает после разрушения биполярной системы. В новых условиях теория справедливой войны завоевывает интеллектуальную монополию, что открывает путь для ее ревизии. Эволюция доктрины начинает осуществляться в направлении приоритета индивидуальных прав и обязанностей над государственным суверенитетом, что служит теоретическим обоснованием практики гуманитарных интервенций.

Литература

1. Беляев Д.А. Легитимация и апология войны в истории культуры // Наука. Искусство. Культура. Выпуск 3 (19). 2018. С. 31-36.
2. Давыдова А.В. Теория справедливой войны и ее понимание через призму современного международного права вооруженных конфликтов // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 3. С. 26-32.
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изменениями и дополнениями) // Справочная правовая система Гарант. Сайт. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/chapter/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 06.03.2026).
4. Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938. 353 с.
5. Куманьков А.Д. Война как наказание: исторические основания и современное состояние // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 137-151.
6. Литвиненко В.А. Понятие «справедливой» и «несправедливой» войны в контексте миропроектной конкуренции // Метаморфозы истории. 2019. № 13. С. 52-62.
7. Макмаан Дж. Переосмысляя «Справедливую войну» // Философско-литературный журнал «Логос». 2019. № 3 (130). С. 139-156.
8. Маффеттоне С. Справедливая война и гуманитарная интервенция // Валдайские записки. № 19. Июнь 2015. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22164/?ysclid=mmf1z5z63j418014596> (дата обращения: 06.03.2026).
9. Неронова А. В. Гуманитарная интервенция: угроза мировому правопорядку // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 11. С. 165-168.
10. Панафидин И.А. JUSTUM BELLUM как философская традиция морального ограничения войны // Актуальные проблемы духовности. 2014. № 15. С. 159-174.
11. Сазонова К.Л. Концепция «справедливой войны» в современном международном праве // Журнал российского права. 2014. № 5 (209). С. 117-125.
12. Уолцер, Майкл Триумф теории справедливой войны (и опасности успеха) // Философско-литературный журнал «Логос». 2019. №3 (130). Р. 117-138.
13. Forge, John Proportionality, Just War Theory and Weapons Innovation. Science and Engineering Ethics 15(1):25-38. October 2008.
14. Manokha, Ivan The History of Modern Military Humanitarianism: from Just War as a God-ordained punishment of sins to the enforcement of individual human rights. January 2009. In book: Religion, Conflict and Military Intervention (pp.129-146). Chapter: Chapter 8. Publisher: Ashgate. Editors: R. Durward, L. Marsden. URL:

https://www.academia.edu/36784074/The_History_of_Modern_Military_Humanitarianism_from_Just_War_as_a_God_ordained_punishment_of_sins_to_the_enforcement_of_individual_human_rights (accessed: 06.03.2026).

15. Matsumoto, Masakazu The American just war theory in the 21st century: continuity or renewal? *Protestantismo em Revista*. São Leopoldo. jan./abr. 2013. V. 30. P. 11-31. URL: <http://periodicos.est.edu.br/index.php/nepp/article/view/518> (accessed: 06.03.2026).
16. Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. 4rd ed., N. Y.: Basic Books, 2006. 388 p.
17. Whyte, Jessica "The 'Dangerous Concept of the Just War': Decolonization, Wars of National Liberation, and the Additional Protocols to the Geneva Conventions," *Humanity*, no. 3 (2018): 313–341. <http://humanityjournal.org/issue9-3/the-dangerous-concept-of-the-just-war-decolonization-wars-of-national-liberation-and-the-additional-protocols-to-the-geneva-conventions/> (accessed: 06.03.2026).

References

1. Belyaev DA. Legitimization and Apology of War in the History of Culture. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2018;3(19):31-36. (In Russ.).
2. Davydova AV. The Theory of Just War and Its Understanding through the Prism of Modern International Law of Armed Conflicts. *Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya*. 2017;3:26-32. (In Russ.).
3. Additional Protocol to the Geneva Conventions of 12 August 1949, relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts, of 8 June 1977 (Protocol I) (as amended and supplemented). URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/chapter/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (accessed: 06.03.2026). (In Russ.).
4. A Brief History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Moscow, 1938. 353 p. (In Russ.).
5. Kuman'kov AD. War as Punishment: Historical Foundations and Current State. *Eticheskaya mys'l*. 2019;19;2:137-151. (In Russ.).
6. Litvinenko VA. The concept of "fair" and "unfair" war in the context of world project competition. *Metamorfozy istorii*. 2019;13:52-62. (In Russ.).
7. McMahan J. Rethinking the "Just War". *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»*. 2019;3(130):139-156. (In Russ.).
8. Maffettone S. Just war and humanitarian intervention in Valdai Notes. No. 19. June 2015. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22164/?ysclid=mmf1z5z63j418014596> (accessed: 06.03.2026). (In Russ.).
9. Neronova AV. Humanitarian intervention: a threat to global law and order. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavyanskogo universiteta*. 2014;14;11:165-168. (In Russ.).
10. Panafidin IA. JUSTUM BELLUM as a philosophical tradition on a global scale. *Aktual'nye problemy duhovnosti*. 2014;15:159-174. (In Russ.).
11. Sazonova KL. The concept of "just war" in modern international law. *ZHurnal rossijskogo prava*. 2014;5(209):117-125. (In Russ.).
12. Walzer Michael. The Triumph of the theory of just war (and the dangers of success). *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»*. 2019;3(130):117-138. (In Russ.).
13. Forge J. Just War Theory and Weapons Innovation. *Science and Engineering Ethics* 15 (1):25-38. October 2008.
14. Manokha I. The History of Modern Military Humanitarianism: from Just War as a God-ordained punishment of sins to the enforcement of individual human rights. January 2009. In the book "Religion, Conflicts and Military Intervention" (pp. 129-146). Chapter: Chapter 8. Title: The Gates of Hell. Editors: R. Durward, L. Marsden. URL: https://www.academia.edu/36784074/The_History_of_Modern_Military_Humanitarianism_from_Just_War_as_a_God_ordained_punishment_of_sins_to_the_enforcement_of_individual_human_rights accessed: 06.03.2026)
15. Matsumoto M. The American just war theory in the 21st century: continuity or renewal? *Protestantism and the Renaissance*. San Leopoldo. January/April 2013; Issue 30: 11-31. URL: <http://periodicos.est.edu.br/index.php/nepp/article/view/518> (accessed: 06.03.2026).
16. Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. 4th ed., New York: Basic Books, 2006. 388 p.
17. Whyte J. The 'Dangerous Concept of the Just War': Decolonization, Wars of National Liberation, and the Additional Protocols to the Geneva Conventions. *Humanity*, № 3 (2018): 313-341. URL: <https://humanityjournal.org/issue9-3/the-dangerous-concept-of-the-just-war-decolonization-wars-of-national-liberation-and-the-additional-protocols-to-the-geneva-conventions/> (accessed: 06.03.2026).

Научная статья

УДК 94 (3)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.4>

ПРЕДСКАЗАНИЯ БУДУЩЕГО В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ: МЕЖДУ РАЦИОНАЛЬНЫМ И ИРРАЦИОНАЛЬНЫМ (К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ МЕНТАЛИТЕТА ЭЛЛИНОВ)

Саркис Суренович Казаров^{1*}, Владислав Борисович Михайлов²

^{1, 2} Южный федеральный университет (д.105/ 42, ул. Большая Садовая, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация)

¹доктор исторических наук, профессор
ser-kazarov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

²кандидат исторических наук, преподаватель
wlad_27@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-7044-4781>

*Автор, ответственный за переписку

Аннотация. **Введение.** Человеку любой эпохи, в том числе и античной, было свойственно стремление заглянуть в свое будущее. Наиболее распространенным способом получения информации было обращение к оракулам, ответы которых вызывали доверие. С другой стороны, запросы, адресованные богам, позволяют нам понять особенности менталитета греков. **Материалы и методы.** Раскрытие данной темы предполагает сочетание нарративных (труды Геродота, Ксенофонта, Плутарха, Павсания), и эпиграфических источников (свинцовые таблички из Додоны, содержащие вопросы и просьбы, адресованные богам). Основным методом исследования является сравнительно-исторический и метод системного анализа, позволяющий сравнивать и систематизировать содержащуюся в источниках информацию. **Анализ.** Неопределенность побуждает людей пытаться получить знания, которые, по их мнению, необходимы для принятия правильного решения в конкретной ситуации. Для развития этих (предполагаемых) знаний, которые могут относиться к прошлому, настоящему или будущему, требуется внешняя информация. Данные, и интерпретации этих данных необходимы для осмысления мира. Для этого мы можем обратиться к специалистам, таким как психологи, журналисты или экономисты. Их внешняя информация позволяет нам обдумать ситуацию, в которой мы оказались. Это облегчает принятие решений: внешняя информация уменьшает неопределенность, поскольку мы считаем, что руководствуемся надежной информацией. В древнем

мире, особенно в Древней Греции, важной частью этой внешней информации было гадание: признание и интерпретация знаков, которые, как считалось, исходили от сверхъестественного. Результаты гадания внушали чувство уверенности, облегчая принятие решений, которые приходилось принимать в повседневной жизни. **Результаты.** Таким образом, любой грек, от царя до раба — был потенциальным пользователем гадания. Публичное (официальное) и частное (неофициальное) гадание, с экспертом или без него, было очень распространено. Если использовался эксперт, люди либо консультировались с местным экспертом, либо преодолевали большие расстояния, чтобы удовлетворить свою потребность в экспертных знаниях.

Ключевые слова: Древняя Греция, менталитет эллинов, древнегреческая мантика, восприятие прошлого

Для цитирования: Казаров С. С., Михайлов В. Б. Предсказания будущего в Древней Греции: между рациональным и иррациональным (к вопросу о некоторых чертах менталитета эллинов) // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 35–40. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.4>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2025

Статья одобрена после рецензирования: 23.01.2026

Статья принята к публикации: 28.01.2026

Research article

PREDICTING THE FUTURE IN ANCIENT GREECE: BETWEEN THE RATIONAL AND THE IRRATIONAL (ON SOME TRAITS OF HELLENIC MENTALITY)

Sarkis S. Kazarov^{1*}, Vladislav B. Michaylov²

^{1, 2} Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation)

¹Dr. Sc. (History), Professor
ser-kazarov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2292-4787>

²Cand. Sc. (History), Lecturer
wlad_27@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-7044-4781>

*Corresponding author

Abstract. Introduction. People of any era, including ancient times, have always had a desire to glimpse into the future. The most common way to obtain information was by consulting oracles, whose answers were considered trustworthy. On the other hand, the inquiries addressed to the gods allow us to understand the peculiarities of the Greek mentality. **Materials and Methods.** This topic is explored using a combination of narrative (the works of Herodotus, Xenophon, Plutarchus, and Pausanias) and epigraphic sources (lead tablets from Dodona containing questions and requests addressed to the gods). The primary research method is comparative historical analysis and systems analysis, which allows for the comparison and systematization of information contained in the sources. **Analysis.** Uncertainty motivates people to seek knowledge they believe is

necessary to make the right decision in a given situation. Developing this (presumed) knowledge, which may relate to the past, present, or future, requires external information. Data and interpretations of that data are essential for making sense of the world. For this, we can turn to experts such as psychologists, journalists, or economists. Their external information allows us to consider the situation we find ourselves in. This facilitates decision-making: external information reduces uncertainty because we believe we are guided by reliable information. In the ancient world, especially in ancient Greece, an important part of this external information was divination: the recognition and interpretation of signs believed to originate from the supernatural. The results of divination inspired the sense of confidence, facilitating the decisions we had to make in everyday life.

© Казаров С. С., Михайлов В. Б., 2026

Results. Thus, any Greek, from king to slave, was a potential client of divination services. Public (official) and private (informal) divination, with or without an expert, was very common. In case of an expert, people either consulted a local expert or traveled long distances to satisfy their need for expert knowledge.

Keywords: Ancient Greece, the mentality of the Hellenic people, ancient Greek mantics, perception of the past

For citation: Kazarov SS, Michaylov VB. Predicting the future in Ancient Greece: between the rational and the irrational (on some traits of Hellenic mentality). Humanities and law research.

2026;13(1):35-40. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.4>

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article

The article was submitted: 01.11.2025

The article was approved after reviewing: 23.01.2026

The article was accepted for publication: 28.01.2026

Введение. Неопределенность – это двойственное чувство: иногда люди нуждаются в ней, но гораздо чаще стремятся ее уменьшить. Неопределенность побуждает людей пытаться получить знания, которые, по их мнению, необходимы для принятия правильного решения в конкретной ситуации.

Материалы и методы. Исследование заявленной темы предполагает использование как нарративных (труды Геродота, Ксенофонта, Плутарха, Павсания и т.д.), так и эпиграфических источников, среди которых особое место занимают свинцовые таблички из Додоны, содержащие вопросы и просьбы, адресованные богам [9, р.1–8]. Как отмечала Э. Эйдинов, именно материалы из Додоны дают представление о «социальном конструировании риска в древнегреческой культуре» [6, р.21]. Основными методами исследования являются сравнительно-исторический и метод системного анализа, позволяющие сравнивать и систематизировать содержащуюся в источниках информацию.

Анализ. В древнем мире, особенно в Древней Греции, важным способом получения внешней информации было гадание: признание и интерпретация знаков, которые, как считалось, исходили от сверхъестественного. Гадание было повсеместно распространено в древнем мире: «если древний средиземноморский мир был полон богов, то он был полон и их посланий» [1, р.371]. Результаты гадания внушали чувство уверенности, облегчая принятие решений, которые приходилось принимать в повседневной жизни.

Греческое представление о времени имеет прочную связь с природой: можно сказать, оно биологическое. Каждое живое существо и все человеческие творения предназначены для начала, полной зрелости и конца. Течение времени – жизнь индивида и сама история – рассматривается как падение, неизбежное движение к тленности и концу, и это просматривается на разных уровнях в бесконечных поэтических вариациях на тему зла старости; в мифе о пяти эпохах человеческого рода, изложенном в работе «Трудах и дни» Гесиода, в полибианской концепции циклической последовательности форм правления, которая предвещает неизбежный упадок в будущем даже для самой совершенной из них, «смешанной» конституции римлян [10, р.656]. Повторение монотонного характера этой схемы (хотя детали индивидуальных судеб бесконечно разнообразны) «превращает будущее в

нечто неприятное, стимулирующее, или привлекательное, в определенной степени снижает его интерес и притягательную силу, поскольку ослабляет любопытство и ожидание нового»; поэтому для греков представлялось гораздо более интересным и поучительным заниматься исследованием прошлого, обращать внимание на архетипы (городов, искусств, человеческих рас): и, безусловно, именно по этой причине греческая культура больше любила фантазировать о прошлом, чем о будущем, и поэтому создавала «больше мифов, чем иллюзий» [8, р.24].

Но это, конечно, не означало, что греческий разум был свободен от человеческого любопытства к будущему и желания держать его под контролем, или что он не пытался развивать методы прогнозирования. Наоборот, изучение гаданий, пророчеств, оракулов помогает более четко определить греческое представление о времени: поэтому неудивительно, что даже в этой области (по определению, ориентированной на будущее) греки уделяли столько внимания прошлому, проблеме причин, ответственности и происхождения нынешней ситуации, на основе которой может прогнозироваться и будущее.

Оракулы и оракульные тексты изучались в связи с эволюцией религиозных и культовых практик в Древней Греции, как более или менее надежные индикаторы политико-дипломатической направленности крупных оракульных центров (особенно это касалось Дельф); как повествовательные приемы, используемые древними поэтами, историками и ораторами; как центральные элементы в процессе постепенного формирования местной идентичности. В последние годы их стали рассматривать как ценное свидетельство способов формулирования и представления будущего (и его познаваемости) в данном обществе. С этой точки зрения оракулы и другие формы предсказания будущего предстают как инструменты для минимизации риска, сомнений и беспокойства, а в случае принятия совместных решений – для придания им большей авторитетности и коллективности.

Как нам представляется, мы движемся в рамках дисциплин, которые кажутся нам совершенно иррациональными, ближе к магии, чем к проверяемому знанию, и лишены какого-либо строго технического содержания [4, р.110–112]. Но если мы попытаемся взглянуть на Древнюю Грецию с «эмической» точки зрения, используя термин, принятый в культурной антропологии,

что означает максимальное использование стандартов и системы ценностей, присущих изучаемому обществу, такие различия становятся менее ясными и потенциально вводящими в заблуждение. Поэтому необходима дополнительная аргументация, чтобы объяснить определяющую роль пророчества и гадательных техник в предсказательных дисциплинах древнегреческого мира.

В древних обществах невозможно отличить религиозный опыт от любой другой сферы жизни, от любой другой области, как частной, так и публичной. Как точно заметила Э. Эйдинов, можно увидеть в древнегреческой концепции судьбы, удачи и везения человека, в которой смертное и божественное были неразрывно связаны [5, р.22]. Разделение этих сфер на частные и общественные, а также их специфичность характерны для некоторых современных обществ. В древнем мире обращение к оракулам, принесение жертв и совершение обрядов по правилам, а также принятие клятв были важными процедурами, сопровождавшими важные и рутинные моменты в жизни города-государства или армии в походе. Многочисленные свидетельства – от гомеровских поэм до позднеантичной литературы и огромного количества эпиграфических текстов – подтверждают это наблюдение [10, р. 659].

В толковании «знаков», как и в толковании снов и оракулов, древние разработали формы техники, профессионально задуманного «искусства», практикуемого специалистами. Прорицатель – это, прежде всего, знаток религии, своего рода «техник», практикующий различные способы гадания: исследование внутренностей, интерпретация полета птиц, объяснения земных и небесных явлений, толкование снов и т. д. Перед принятием серьезных решений с ним консультировались лично или от имени гражданской общины. Прорицатель практиковал формы гадания, называемые индуктивными. В порыве вдохновения прорицателя бог говорил устами «пророка»: в этом и есть смысл его слова. Пророк не должен подтверждать свою компетентность: он лишь передавал свой голос богу, и подчинялся требованиям чистоты или даже воздержания; его увлекала только одна вера и приводила в состояние энтузиазма [3, р. 28]. Дельфийская Пифия и другие пророки и жрецы, говорившие «от имени» бога, рассматривались только как ретрансляторы, не несущие ответственности за содержание пророчеств и не знающие их смысла, но существовала целая сеть «техников» гадания и оракульных ответов: от гадателей, сопровождавших царей, государственных чиновников и полководцев при исполнении ими своих обязанностей или контролировавших отдельные моменты общественной жизни, до специальных магистратов, которым в некоторых городах было поручено иметь дело с оракулами (в Спарте, по Геродоту, они носили

особое название пифийцы: избранные царями, они разделяли с ними исключительное знание дельфийских ответов, за хранение которых, в свою очередь, цари несли ответственность) (Herod. VI.57. 3-4). Правда, к некоторым категориям странствующих гадателей относились с подозрением, но в целом к профессиональным прорицателям относились серьезно и неплохо оплачивали за их услуги [2, р.55 и сл.].

Если бы оно основывалось на «систематической организации явлений, причинно-следственной связи с другими повторяющимися явлениями, создании расширяемых теоретических категорий и эмпирических методах использования наблюдений» (согласно авторитетному современному определению), мы бы почти были вынуждены признать его «научную природу», по крайней мере, используя шкалу ценностей, присущую изучаемому нами обществу [11, р.343]. Внутренне согласованная система толкования знаков, лежащая в основе любой гадательной практики, в основном работает так же, как медицинские прогнозы или прогнозы погоды. Разница с точки зрения современного человека (но не древнего грека) заключается в том, что гадание предполагает божественное вмешательство, будь то простые «знаки», которые нужно истолковать, или же реальное пророческое послание. В гадании и пророчестве именно божественное гарантирует передачу той высшей формы знания, к которой в конечном счете стремится каждая научная дисциплина: по словам Ксенофонта, даже Сократ не сомневался в этом фундаментальном предположении (Xenoph. Memor. I. 1.6-9). Для обществ, признающих достоинство пророчества или гадания, поэтому нет логического скачка. Как заметил Ж.-П. Вернан, в обществах, где гадание представляло собой нормальную, регулярную, даже обязательную процедуру, логика оракульных систем была не более чужда общественному сознанию, чем функция прорицателя. Рациональность, проявляющаяся в гадании, в этих цивилизациях не представляла собой отдельный сектор, изолированное мышление, в отличие от форм рассуждения, регулирующих практику права, управления, политики, медицины или повседневной жизни. Вместо этого оно органично вписывается в общую социальную мысль, подчиняясь в своих интеллектуальных процедурах аналогичным нормам, подобно тому как статус прорицателя представляется очень строго сформулированным в иерархии функций по отношению к функциям других социальных субъектов, ответственных за жизнь группы [13, р. 10].

Действительно, многие древние авторы демонстрируют убеждение, что сами пророческие предсказания – это часто таинственные слова, которые бог передает через пророка, не являясь набором нелогичных звуков, которым только коллективное суеверие может придать

полный смысл, представляют собой высшую форму логического и рационального мышления. Другими словами, бог задает людям логически построенные загадки, чтобы стимулировать их мышление и позволить им достичь более высокой формы знания.

Плутарх предлагает нам такую «этническую» перспективу, какую только можно пожелать: перспективу знатока и жреца святилища. Он изображает Аполлона, сочетающего в себе качества пророчества и рационального мышления (поэтому бог является не менее философом, чем прорицателем), его «загадки» выражают высшую степень логики: бог, далекий от случайного бросания игральных костей, рационален в высшей степени. Плутарх приводит конкретные примеры: когда Аполлон через оракула приказал удвоить размер алтаря в святилище Дейоса, поставив перед своими толкователями сложную геометрическую задачу, он сделал это не для того, чтобы запутать греков или развлечься за их счет, а, чтобы «побудить их к изучению геометрии», и, бросая вызов людям, предлагая им истолковать его неоднозначные ответы, бог «увеличивает и организует логическое мышление, необходимое тем, кто хочет правильно понять бога»). Для Плутарха не только нет противоречия между пророческим языком и рациональным мышлением, но и предсказание будущего – это операция, основанная прежде всего на рациональном знании прошлого и настоящего.

Как уже упоминалось, и отдельные личности, и представители городов-государств проводили консультации в Дельфах и в Додоне. Оракулы, консультации с божествами, слово бога, передаваемое устами пророка, являются мощными повествовательными механизмами. Поэтому неудивительно, что упоминания о консультациях с оракулами так распространены в античной литературе от гомеровских поэм до трагической поэзии, от лирической поэзии до историографии. И, прежде всего, в традиции доминирует Дельфийский оракул: современные издания ответов, приписываемые Пифии, насчитывающие несколько сотен текстов [12], в основном опираются на свидетельства античной литературы: среди наиболее значимых источников, помимо христианских авторов, открыто полемизировавших с обычаями языческой религии, таких как Иоанн Златоуст, следует, по крайней мере, упомянуть труды Геродота и «Дельфийские диалоги» Плутарха, упомянутые выше.

В рамках этой обширной и неоднородной литературной традиции преобладают повествования, созданные постфактум, которые приписывают оракулу подлинную способность предвидеть или даже предугадывать будущее, выражая предсказание в словесной форме, в основном в поэтической форме. Состояние источников по самым известным греческим оракулам оказывает значительное влияние на наше по-

нимание прогностических и коммуникативных техник мантики в целом, характера задаваемых вопросов, а также происхождения и характеристик клиентов: хотя многие частные лица, безусловно, обращались в Дельфы и Додону за советом, дошедшие до нас свидетельства (в силу самой природы источников) сосредоточены, прежде всего, на публичных консультациях, в основном касающихся вопросов первостепенной важности. К оракулам обращаются по поводу важных внешнеполитических решений и деликатных конституционных реформ, введения новых культов, основания святилищ, принесения жертв или, очень часто, «колониальных» предприятий – миграции греков в земли, более или менее удаленные от родины). Часто встречающийся сценарий, который служит для объяснения ритуальных или священных предписаний, восходящих к Аполлону, – это желание предотвратить катастрофу, угрожающую или затрагивающую общину (голод, эпидемии, засуха). В этой богатой литературной традиции немало случаев, когда Пифию спрашивают, можно ли узнать что-либо заранее [10, р. 662]. Почти все ключевые моменты греческой истории – начиная с мифических событий, таких как Троянская война, в античной литературе связаны с ответами в Дельфах.

В Додоне, в отличие от Дельф, сохранились письменные записи об оракульных консультациях: среди прочего, выясняется, что к Зевсу и Дионе (божеству, которое делило эпирское святилище с Зевсом) обращались не столько за предсказанием будущего, сколько для лучшего понимания настоящего и получения совета относительно принимаемых решений, или просто для того, чтобы окончательно принять решение. Предположение о том, что в Дельфах ситуация была аналогичной, основывалось на известном свидетельстве Ксенофонта, который в последние годы V в. до н.э., решив присоединиться к другим греческим наемникам в военной экспедиции, когда царь Кир, претендент на персидский престол накануне выступления против своего брата Артаксеркса, обратился к Пифии не с вопросом о том, что с ним случится или уместно ли ему уезжать, а с вопросом о том, какому богу он должен принести жертвы и вознести молитвы, чтобы наилучшим и наиболее удачным образом завершить задуманное путешествие и вернуться целым и невредимым»: хитрый способ обойти возможное противодействие оракула, за что учитель Сократ не преминул его упрекнуть (Xenoph. Anab. III.1. 5-8).

С другой стороны, додонские таблички подтверждают, что к великим оракулам обращались и на государственном, и на общественном уровне (хотя последнее гораздо реже) с вопросами подобным тем, по которым в литературе, посвященной Дельфам, построено так много сложных и, скорее всего, вымышленных,

повествований: война и мир, дипломатические соглашения, политические и религиозные реформы, «колониальные» предприятия. Способ обращения к оракулу, по-видимому, схож с тем, который уже рассматривался для частных консультаций: в большинстве случаев уже принятое решение представляется Зевсу и Дионе, или же рассматривались возможные альтернативы. Интересный пример касается темы, также очень распространенной в Дельфийской традиции, а именно, о выводе колоний и оснований апойкий: вероятно, группа лиц в IV в. до н.э. просит Зевса и Диону подтвердить возможность поселиться «именно в стране Хемариоев». Возможно, эти люди, в отличие от того, что сделал Ксенофонт в Дельфах перед отправкой в экспедицию десяти тысяч, первоначально спрашивали Додонский оракул только о возможности отъезда, а теперь же они представили богам более точный выбор, в том числе и в географическом плане; возможно также, что они просили подтверждения относительно места назначения, которое их не убедило, или в котором их попытка поселиться ранее закончилась неудачей [9, пг. 131]. Анализ источников из Дельф и Додоны, двух групп собраний совершенно разных материалов, причем обе, в частности, имеет совершенно разную историческую ценность, но, полезных для взаимного сопоставления, дает представление о социальном, психологическом, а также религиозном значении, которое имели великие оракульные центры в древнегреческом мире. Это значение, безусловно, очень высокое в архаическую эпоху, по-видимому, сохранилось вплоть до римской эпохи, пережив более или менее нетронутой трансформацию религиозных чувств и культовых обычаев на протяжении ряда веков. Цитируя краткую и блестящую формулировку проблемы, недавно предложенную М. Ниссином, который писал: «Гадание, как правило, ориентировано на будущее, не обязательно в смысле предсказания будущих событий, а как метод борьбы с тревогой по поводу неуверенности в жизни и преодоления риска, порождаемого человеческим невежеством» [11, р. 341]. В капитальной монографии К. Бирдена о греческом гадании в сравнении с другими контекстами древнего мира есть целая глава под названием «Управление неопределенностью», в которой убедительно доказано, что предпочтительнее говорить о «неопределенности», а не о «риске» (очень популярная категория в социальных науках, применяемая к современным обществам) при обсуждении функции древнего гадания и оракулов. Понятия «риск» и «оценка риска», по сути, предполагают статистические и вероятностные вычисления, совершенно чуждые передовым математическим знаниям греческого мира. [2, р. 195]. Если начать с базового уровня оракульных ответов, которые, безуслов-

но, носят исторический характер, и прежде всего с тех, которые записаны на табличках Додоны, то, прежде всего, как мы видели, все индивидуальные и частные консультации подробно освещены: круг вопросов, находящихся в центре забот простых людей, по которым люди у божества искали утешения или подтверждения, простирается от здоровья до семейных проблем, от управления бизнесом до решения об эмиграции [9, пг. 118]. При всем уважении к Плутарху, как мы видели, это, должно быть, были и самые часто задаваемые вопросы Дельфийскому оракулу. Еще более удивительно, что в додонских надписях есть особая категория вопросов, затрагивающая правовые и юридические темы: здесь мы видим в мельчайшей форме, что обращение к оракулу во многих случаях, не для того, чтобы узнать будущее, а служит для исправления ущерба настоящего, для его лучшего понимания и, возможно, для того, чтобы избежать неопределенного и дорогостоящего юридического конфликта. В некоторых случаях оракул спрашивает о виновности, кого-либо в случаях кражи, отравления, убийства. Религиозный ответ, слово божье, во многих случаях воспринимался, как более успокаивающий, чем правовые нормы, или, по крайней мере, не противоречащий последним и, безусловно, представлял собой – как и во всех обществах, а не только в древних, – психологическую поддержку, к которой можно было обратиться в трудные моменты жизни или при столкновении со сложным выбором [10, р. 660].

Полисные магистраты, полководцы, правители и города использовали методы предсказания, как инструменты для «управления неопределенностью», решения сложных вопросов путем обращения к высшей власти и предотвращения или смягчения социальных конфликтов. Как в частной, так и в публичной сфере использование гадания и пророчества, по-видимому, тесно связано с механизмами принятия решений, позволяя им справляться с кризисами и предпринимать сложные инициативы. И снова эпиграфические источники представляют особенно ценными, поскольку они, безусловно, современные событиям, которые они описывают, и подвержены меньшей степени манипуляциям.

Гадание было широко распространено в древнем мире: «если древний средиземноморский мир был полон богов, он был полон и их посланий». Мы знаем, что каждый – от царя до раба – был потенциальным пользователем гадания. Публичное (официальное) и частное (неофициальное) гадание, с экспертом или без него, было очень распространено. Если использовался эксперт, люди либо консультировались с местным экспертом, либо преодолевали большие расстояния, чтобы удовлетворить свою потребность в экспертных знаниях.

Результаты. Таким образом, древние греки по своему менталитету, мало чем отличались от современных людей. Как справедливо заметила в одной из своих монографий Э. Эйдинов, с одной стороны греки были похожи на нас, но с другой не были полностью подобны

нам [5, р. 9]. Им было свойственно острое желание заглянуть в свое будущее. Для этой цели служили оракулы, которые пользовались большим авторитетом, а одним из средств познания будущего было гадание.

Литература / References

1. Aune DE. Divination and prophecy // *Religions on the ancient World* / ed. S.I. Johnston. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. P. 370 – 391
2. Beerden K. *Worlds full of signs. Ancient Greek divination in context*. Leiden-Boston: Brill, 2013. 248 p.
3. Cabouret B. La religions des Grecs // *De Zeus a Allah. Les Grandes religions du monde Meditteraneeen* / ed. Y. Le Bohec. Nantes: Du Temps, 2004. P. 13-52
4. Dodds ER. *The Greeks and the Irrational*. Berkeley-Los Angeles – London, 1951 University of California Press, 1951. 327 p.
5. Eidinow E. *Oracles, curses and risk among the Ancient Greeks*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 533 p.
6. Eidinow E. Oracular consultation, Fate and the Concept of the Individual // *Divination in the Ancient World: Religious Options and the Individual* / Ed. V. Rozenberger. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013. P. 21-39
7. Flower MA. *The Seer in Ancient Greek*. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 2008. 305 p.
8. Hanna R. *Time in Antiquity*. London-New York: Routledge, 2009. 224 p.
9. Lhote E. *Les lamelles oraculaires de Dodone*. Geneve: Librairie Droz. 2006. 454 p.
10. Mari M. Gli oracoli nella Grecia antica. Previsione del futuro o gestione dell presente? // *Quaderni Storici*. Nuova Serie. Anno LII, Fasc. 3, 2017. P. 655-680
11. Nissinen M. Prophecy and Omen Divination. Two Sides and the Same Coin // *Divination and Interpretation of signs in the ancient world* / ed. Annus A. Chicago: University of Chicago, 2013. P.341 – 347.
12. Parke HW, Wormell DEW. *The Delphic Oracle*. Oxford: Blackwell, 1956. 707 p.
13. Vernant J.-P. *Divination et rationalite*. Paris: Editions de Seuil, 1974. 318 p.

Научная статья

УДК: 9.908

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.5>

ГЕОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫЕЗДНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ КРАСНОДАРСКОГО И СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЁВ (1965 – 1980-Е ГГ.)

Антон Юрьевич Капшук

Кубанский государственный университет (д. 149, ул. Ставропольская, 350040, Краснодар, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший преподаватель
RedRebel-5@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6173-4436>

Аннотация. Введение. В исследовании рассматриваются основные направления дислокации студенческих строительных отрядов, сформированных в учебных заведениях Краснодарского и Ставропольского краёв в период с 1965 г. по конец 1980-х гг. Новизна заключается в том, что в настоящий момент в историографии отсутствуют работы, рассматривающие данный аспект деятельности стройотрядов исследуемых регионов. **Материалы и методы.** Основным источником исследования служат отчёты о деятельности краевых штабов ССО, находящиеся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края, государственном архиве новейшей истории Ставропольского края и в Российском государственном архиве социально-политической истории. Для более подробного раскрытия темы так же используются материалы периодической печати и воспоминания бывших участников выездных студенческих строительных отрядов. Основным методом исследования является историко-сравнительный. Он применялся для выявления общего и различного в развитии выездных ССО в Краснодарском и Ставропольском краях. Так же использовался историко-генетический метод для анализа развития движения в хронологической взаимосвязи и другие. **Анализ.** В работе рассматривается как изменялись направления дислокации студенческих строительных отрядов, сформированных в учебных заведениях Краснодарского и Ставропольского краёв. Сравнивается численность отрядов, работавших в разных республиках, краях и областях СССР. Выявляется доля выездных

отрядов от общей численности движения в исследуемых регионах. **Результаты.** Основным направлением дислокации студенческих строительных отрядов Краснодарского края с 1965 г. по 1974 г. являлась Казахская ССР. С 1975 г. и до прекращения существования движения от 80% до 90% выездных ССО трудились в Калининской области. Остальные регионы играли менее значимую роль. При этом для стройотрядов Ставрополья, на протяжении всей истории главным направлением дислокации была Казахская ССР. В республике ежегодно трудилось от 60% до 80% от общей численности выездных ССО. Так же выездные стройотряды обоих регионов работали за границей в рамках обменных групп.

Ключевые слова: Студенческие строительные отряды, Краснодарский край, Ставропольский край, студенчество, молодёжь, СССР, комсомол

Для цитирования: Капшук А. Ю. География деятельности выездных студенческих строительных отрядов Краснодарского и Ставропольского краёв (1965 – 1980-е гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 41–48. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.5>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 01.10.2025

Статья одобрена после рецензирования: 23.01.2026

Статья принята к публикации: 28.01.2026.

Research article

GEOGRAPHY OF THE ACTIVITIES OF VISITING STUDENT CONSTRUCTION BRIGADES OF THE KRASNODAR KRAI AND THE STAVROPOL KRAI (1965 – 1980S)

Anton Yu. Kapshuk

Kuban state university (149, Stavropolskaya St., 350040, Krasnodar, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), senior lecturer
RedRebel-5@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6173-4436>

Abstract. Introduction. The study examines the main areas of deployment of student construction brigades formed in educational institutions of the Krasnodar Krai and the Stavropol Krai in the period from 1965 to the end of the 1980s. The novelty lies in the fact that at present there are no works in historiography examining this aspect of the activities of construction brigades in the regions under study. **Materials and methods.** The main source of the study is the reports on the activities of the regional SCB headquarters, which are in the Center for Documentation of Contemporary History of the Krasnodar Krai, the State Archive of Contemporary History of the Stavropol Krai and the Russian State Archive of Socio-Political History. For a more detailed disclosure of the topic, periodicals and memoirs of former participants in mobile student construction brigades are also used. The main research method is historical and comparative. It was used to identify similarities and differences in the development of mobile SCB in the Krasnodar and Stavropol Krai. The historical and genetic method was also used to analyze the development of the movement in a chronological relationship, etc. **Analysis.** The work examines how the areas of deployment of stu-

dent construction brigades formed in educational institutions of the Krasnodar and Stavropol regions changed. The number of brigades working in different republics, territories and regions of the USSR is compared. The share of mobile brigades from the total number of the movement in the studied regions is determined. **Results.** The main direction of deployment of student construction brigades of the Krasnodar Krai from 1965 to 1974 was the Kazakh SSR. From 1975 until the cessation of the movement, from 80% to 90% of mobile SCB worked in the Kalinin region. Other regions played a less significant role. At the same time, for the construction brigades of Stavropol, throughout their history, the main direction of deployment was the Kazakh SSR. From 60% to 80% of the total number of mobile SCB worked in the republic annually. Mobile construction brigades of both regions also worked abroad as part of exchange groups.

Keywords: student construction brigades, Krasnodar Krai, Stavropol Krai, students, youth, USSR, Komsomol

For citation: Kapshuk AYU. Geography of the activities of visiting student construction brigades of the Krasnodar krai and the Stavropol krai (1965 – 1980s). Humanities and law research.

© Капшук А. Ю., 2026

2026;13(1):41-48. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.5>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 01.10.2025

The article was approved after reviewing: 23.01.2026

The article was accepted for publication: 28.01.2026

Введение. Привлечение студентов к производительному труду начинается ещё в 1920-е гг. Тогда, например, они принимали участие в возведении Волховской гидроэлектростанции, строительстве железной дороги Москва – Омск и других объектов. Помимо работы в строительстве студенты заготавливали лес, а также трудились в сельском хозяйстве. В 1930-е гг. студенты принимали участие в индустриализации страны [39, с. 127]. В 1950-е гг. учащиеся в вузах молодёжь активно привлекали к освоению целины. Это было связано, как с нехваткой рабочих рук, так и с демократическими тенденциями, позволявшими использовать энтузиазм молодёжи [30, с. 131]. При этом стоит отметить, что привлечение студентов к производительному труду в 1920-е – 1950-е гг. не носило планового характера, а их объединения не имели организационно-производственной самостоятельности [1, с. 10].

Идея создать первый строительный отряд (далее – ССО) возникает у студентов физического факультета Московского государственного университета в 1958 г. Инициатива была поддержана руководством вуза. Особенностью студенческого строительного отряда стало, что он являлся самоуправляющимся коллективом с самостоятельным фронтом работ, внутренним трудовым и бытовым распорядком, с коллективной ответственностью за всю деятельность. ССО формировался на принципах добровольности и демократического централизма (то есть решения принимались голосами большинства бойцов отряда, но принятые решения были обязательны для исполнения), а также имел собственный устав, обязательный для исполнения всеми членами коллектива. Первый студенческий строительный отряд, численностью в 339 человек трудился на целинных стройках Казахстана в 1959 г. Его опыт был признан успешным и получил распространение в Москве, а затем и в вузах других городов. ЦК ВЛКСМ своими решениями стимулировал формирование стройотрядов для работы в Казахской ССР. Так, например, в 1962 г. было принято постановление «Об участии комсомольских организаций вузов гг. Москвы, Ленинграда и Киева в строительстве на целинных землях», после которого создаются первые стройотряды в Ленинграде и Киеве [1, с. 13–33]. В 1965 г. ЦК комсомола рекомендовал всем комитетам ВЛКСМ создавать ССО для отправки в Казахскую ССР, что становится важным стимулом для развития движения во многих краях, областях и республиках СССР [5, с. 28–29]. Поэтому изначально студенческие строительные отряды возникают именно как выездные. Но постепенно с развитием движения,

они начинают работать и в регионах формирования. При этом значительная доля ССО оставалась выездными.

Цель настоящей работы – исследовать основные направления дислокации выездных студенческих строительных отрядов, сформированных в учебных заведениях Краснодарского и Ставропольского краёв.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1965 г. по конец 1980-х г. Они определены тем, что в 1965 г. формируются первые студенческие строительные отряды в Краснодарском и Ставропольском краях, а в 1990 г. Центральный штаб ССО прекратил своё существование.

В настоящее время в историографии отсутствуют работы, в полной мере раскрывающие географию деятельности выездных студенческих строительных отрядов, сформированных в учебных заведениях Краснодарского и Ставропольского краёв. Некоторые исследования рассматривают отдельные направления дислокации выездных стройотрядов. Можно выделить труды Т. А. Красновой [37], изучающей деятельность кубанских стройотрядов в Казахской ССР, а также в Калининской и в Иркутской областях РСФСР, А. Р. Салчинкиной и С. В. Жабчик [44], А. Н. Еремеевой, О. Н. Марковой и И. Т. Краева [29], исследующих вопросы деятельности ССО Кубанского сельхозинститута в Калининской области.

Материалы и методы. Основным источником исследования являются итоговые отчёты о деятельности Краснодарского и Ставропольского краевых штабов студенческих строительных отрядов с 1965 г. по конец 1980-х гг., хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории, Центре документации новейшей истории Краснодарского края и в Государственном архиве новейшей истории Ставропольского края. В большинстве из них содержатся таблицы с указанием краёв, областей и республик, в которых дислоцировались ССО исследуемых регионов, а также число бойцов выездных стройотрядов. Периодические издания позволили выявить информацию по дислокации линейных строительных отрядов, а также выявить объём выполненной ими строительной и воспитательной работы. В исследовании используются материалы, опубликованные в газетах «По заветам Ленина» (Кубанский государственный университет), «За инженерные кадры» (Краснодарский политехнический институт), «За педагога-ленинцы» (Ставропольский педагогический институт) и других.

Нельзя обойти вниманием и источники личного происхождения. В исследовании использованы опубликованные воспоминания

бойцов стройотрядов и интервью, проведённое автором с участником движения. Они позволяют увидеть, как отразилась в памяти стройотрядовцев работа в выездных ССО, а также лучше понять атмосферу эпохи. Среди них можно выделить коллективные воспоминания бойцов студенческого строительного отряда «СКИФ» Кубанского государственного университета, работавших в 1981 г. в Иркутской области на строительстве Байкало-Амурской магистрали [2], воспоминания командира линейного ССО «Историк-85» В. М. Забелина Ставропольского педагогического института, работавшего в Тульской области [32], а так же Г. А. Мхитарянца – командира первого стройотряда, сформированного в Краснодарском крае в 1965 г., дислоцировавшегося в Казахской ССР [38].

Основным методом исследования является историко-сравнительный. Он применялся для выявления общего и различного в развитии выездных ССО в Краснодарском и Ставропольском краях. Так же использовался историко-генетический метод для анализа развития движения в хронологической взаимосвязи и другие.

Анализ. Первый студенческий строительный отряд, сформированный в учебных заведениях Краснодарского края, был создан в 1965 г. и работал на целинных стройках Казахстана. В нём трудились студенты из шести вузов трёх городов: Краснодара, Армавира и Майкопа. Всего в отряде работало около 200 человек [46, л. 18–19]. Студенты Кубани выполняли большой объём строительных работ. Например, в 1965 г. они, работая в совхозе села Налобино Северо-Казахстанской области, построили 12 домов, спортивный зал, манеж в детском доме и оштукатурили школу [38, с. 7]. По итогу своего первого трудового семестра ССО был награждён памятным Красным знаменем [6, с. 1]. В 1969 г. студенты Краснодарского политехнического института в совхозе «Целинный» возвели 12 домов общей площадью в 360 кв. м., коровник на 200 голов скота, и другие объекты, кроме того был выполнен ремонт нескольких животноводческих и хозяйственных помещений [45, с. 2]. В течение 1960-х гг. выездные студенческие строительные отряды, сформированные в учебных заведениях Краснодарского края, трудились только на территории Казахской ССР. За этот период число их бойцов колебалось от 200 до 310 человек. За период с 1965 г. по 1968 г. объём освоенных ССО капиталовложений вырос в 2,5 раза с 390 тыс. руб. до 976,5 тыс. руб. [46, л. 18–19]

В первую половину 1970-х гг. студенческие строительные отряды Краснодарского края продолжили работать в Казахской ССР. За 4 года число их бойцов возросло в 3 раза: если в 1971 г. в них трудилось всего 109 студентов, то в 1974 г. уже 300 человек. Последний раз кубанские ССО выехали на работу в эту республику в 1974 г. [34, с. 210].

В 1974 году были приняты постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечернозёмной зоны РСФСР» [36, с. 394] и «О строительстве Байкало-Амурской магистрали» [36, с. 437]. Которые утвердили инициативу ЦК ВЛКСМ о объявлении этих объектов Всесоюзными ударными комсомольскими стройками. После чего изменяются приоритетные направления работы комсомольцев Кубани за пределами своего региона. В постановлении XX конференции Краснодарской краевой организации ВЛКСМ было подчёркнуто: «Считать важнейшей задачей краевой комсомольской организации шефство над ударными комсомольскими стройками: Байкало-Амурской магистрали, нечернозёмной зоной РСФСР...» [47, л. 183]. В связи с этим меняется, и география деятельности выездных стройотрядов, сформированных в учебных заведениях Кубани.

С 1975 г. студенческие строительные отряды из Краснодарского края начинают работать на территории Калининской области, которая входила в нечернозёмную зону РСФСР. Например, в 1975 г. в Калязинском районе на строительстве коровников работал ССО «Салют», сформированный в Кубанском государственном университете [10, с. 2], в 1977 г. работали отряды «Ритм» и «Целинник», состоявшие из студентов Краснодарского политехнического института, которые освоили около 900 тыс. руб. за трудовой семестр [4, с. 2]. Именно Калининская область становится основным направлением, куда выезжали стройотряды Краснодарского края с середины 1970-х – до конца 1980-х гг. В 1977 г. на её территории трудилось около 86 % от общего числа бойцов выездных ССО (538 из 628 человек [50, л. 26]), в 1980 г. – около 93 % (573 из 613 [52, л. 26]), в 1985 г. – около 86 % (503 из 583 [56, л. 14]), а в 1988 г. – 92 % (184 из 202 [43, л. 15]).

Другим регионом нечернозёмной зоны РСФСР, в которой трудились бойцы ССО, сформированных в учебных заведениях Краснодарского края, стал город Гагарин Смоленской области. Здесь работал сводный студенческий строительный отряд из разных городов Советского Союза. От Краснодарского края в его состав вошли бойцы Новороссийского коммунально-строительного техникума [48, л. 17]. После этого кубанские студенты на протяжении нескольких лет ежегодно формировали отряд для работы в городе Гагарин. В 1976 г. в его составе трудилось 36 бойцов [49, л. 28], в 1977 г. и в последующие по 40 человек [50, л. 26; 51, л. 17а; 52, л. 26; 53, л. 17]. Последний раз «трудовой семестр» бойцов из Краснодарского края в Смоленской области состоялся в 1983 г. Тогда в регионе трудился стройотряд численностью в 35 человек [54, л. 13].

Для строительства Байкало-Амурской магистрали кубанские ССО выезжали в Иркутскую область. Первый отряд, численностью в 35 человек был направлен в этот регион в 1976 г. [49, л. 28]. На следующий год на строительстве БАМа работало 40 студентов [50, л. 26], объединённых в отряды «Прометей» и «Хариус», сформированные на физическом факультете Кубанского государственного университета. Они дислоцировались в городе Усть-Илиме. Бойцы «Прометей» возводили двухэтажные дома для строителей станции «Железнодорожная», а «Хариуса» строили котельную и прокладывали теплотрассу. Всего на этих работах было освоено 40 тысяч рублей капиталовложений [8, с. 1].

Вновь на строительстве Байкало-Амурской магистрали бойцы ССО из Краснодарского края выехали в 1981 г. Это был стройотряд «СКИФ» им. Анатолия Хуторянского, сформированный из студентов исторического и филологического факультетов Кубанского государственного университета. Отряд был задействован на благоустройстве города Усть-Кут, расположенного на берегу реки Лены. В основном стройотрядовцы занимались бетонными и плотничными работами [2, с. 161–163]. В дальнейшем отряды численностью в 30 человек выезжали на работу в Иркутскую область ещё несколько раз. В частности, в 1984 г. [55, л. 26], в 1985 г. [56, л. 14], и в 1986 г. [57, л. 10].

В отдельные годы студенческие строительные отряды Краснодарского края выезжали и в другие регионы. Например, в 1976 г. 30 студентов трудились в Коми АССР [49, л. 28], в 1983 г. такое же число бойцов работало в Якутской ССР [54, л. 13], в 1985 г. 50 студентов направились на работу в Москву [56, л. 14], в 1987 г. 2 линейных стройотряда численностью в 42 человека трудились в Гомельской области [42, л. 18], в 1988 г. – 18 бойцов – в Томской области [43, л. 15].

Помимо работы на территории СССР стройотряды, сформированные в учебных заведениях Краснодарского края, работали за границей в рамках безвалютного обмена. Одним из направлений являлась Болгария. В эту страну впервые бойцы ССО из Краснодара приехали в 1974 г. Это были студенты Краснодарского политехнического института. Они вошли в состав интернационального отряда им. Георгия Димитрова, который дислоцировался в городе Бургас. Помимо советских студентов в его составе работала молодёжь из Чехословакии, Болгарии и ГДР. Юноши участвовали в строительстве студенческого общежития, а девушки трудились на переработке фруктов и овощей на предприятии «Булгарплод» [9, с. 4]. В 1976 г. в Болгарии работало 14 студентов. На следующий год численность отряда составила 10 человек [50, л. 26]. В 1978 г. в этой республике трудился отряд «Ровесник», который был сформирован из сту-

дентов 7 факультетов Кубанского государственного университета. Отряд дислоцировался в городе Бургас и трудился вместе с молодёжью из Болгарии, Венгрии, Чехословакии и ГДР. В свободное от работы время для бойцов проводили экскурсии, а также организовывались вечера дружбы, во время которых студенты рассказывали о своих странах [7, с. 3]. В 1979 г. студенты из вузов Краснодарского края в рамках обменных групп впервые работали в двух странах. 15 студентов направились в Болгарию, где участвовали в сельскохозяйственных работах в составе отрядов Бургасского химико-технологического института. А 10 человек выехали в Германскую Демократическую республику, где трудились на строительстве вместе со студентами Дрезденского технического университета. В 1981 г. в обе страны были направлены одинаковые по численности отряды – по 15 человек. В Болгарии советские студенты работали с бойцами того же института. В Германии – занимались вспомогательными работами на заводе вместе со студентами института инженеров-педагогов [51, л. 147]. ССО аналогичного размера продолжили выезжать и в последующие годы. В течении 1980-х гг. Именно ГДР и Болгария оставались главными направлениями отправки кубанских студентов за границу в рамках обменных групп.

Доля выездных стройотрядов, сформированных в вузах и ссузах Краснодарского края, менялась. Первые четыре года все ССО были выездными. В 1969 г., когда впервые стройотряды стали работать на территории Кубани, в Казахстан выехало около 39 % бойцов [34, с. 210]. К 1976 г. доля выездных отрядов сократилась примерно до 17 % [49, л. 28]. Затем начался постепенный их рост. В 1980 г. около 20 % всех ССО, сформированных в Краснодарском крае, были выездными [52, л. 26], а в 1985 – около 25 % [56, л. 14]. Но уже во вторую половину десятилетия доля выездных отрядов стала сокращаться: в 1987 г. они составляли около 17 % [42, л. 18], а в 1988 г. лишь около 13% [43, л. 15] от общей численности.

Первый студенческий строительный отряд в Ставропольском крае так же, как и в Краснодарском, был сформирован в 1965 г. и работал в Северо-Казахстанской области. Его численность составляла около 200 человек [33, с. 202]. Студенты Ставрополя вносили большой вклад в развитие инфраструктуры Казахской ССР и проводили воспитательную работу. Только в 1967 г. они построили 24 жилых дома на 32 квартиры и 6 скотобаз, каждая из которых была рассчитана на 120 голов скота. Кроме того, был организован лагерь-спутник, для отдыха местных детей, прочитано 80 лекций и дано 10 концертов в сельских клубах [41, с. 381]. Всего за первые четыре года работы на целине бойцы студенческих строительных отрядов Ставропольского края построили более сотни жилых домов, десятки детских

садов, больниц, клубов. Огромный вклад был внесён в развитие не только социальной инфраструктуры, но и животноводческой. Бойцы построили и отремонтировали более ста строений для содержания коров, овец и других сельскохозяйственных животных [40, с. 413]. Всего за период с 1965 г. по 1968 г. студенческие строительные отряды, сформированные в учебных заведениях Ставропольского края освоил более 1 млн. рублей капиталовложений. Так же была проведена большая общественно-политическая работа: было прочитано 273 лекции и дано 137 концертов. За первые четыре года работы на целине 56 студентов из вузов Ставрополя были награждены медалями «За освоение целинных и залежных земель», 22 человека почётными грамотами ЦК ВЛКСМ [35, с. 2].

Казахская ССР оставалось ключевым направлением для выездных стройотрядов Ставропольского края и в последующие годы. Например, в 1970 г. в Уральской области работал стройотряд «Юность». В его состав входили студенты Ставропольского педагогического и медицинского институтов [31, с. 1]. За трудовой семестр они построили шесть двухквартирных, один трёхквартирный и один многоквартирный дом, а также хозяйственные постройки и животноводческие помещения. Всего бойцы отряда «Юность» освоили 121 тыс. руб. капиталовложений [3, с. 1]. В 1972 г. 214 студентов трудились в совхозах Баянаульского района Павлодарской области [12, л. 15], в 1973 г. – 353 человека работали в Северо-Казахстанской области [13, л. 48]. Более 300 человек продолжили выезжать и в дальнейшие годы, а в 1979 г. численность стройотрядов, работавших в Казахстане, превысила 400 человек. В том году в них трудилось 452 бойца [18, л. 34], что составляло 60 % от общего состава выездных ССО. Максимальной численности в 690 студентов отряд, работавший в Казахстане, достигает в 1983 г. [22, л. 24] его доля составила уже около 82%. Затем постепенно число бойцов, трудившихся в Казахстане, начинает сокращаться, при этом их доля, от общей численности выездных ССО остаётся преобладающей. В 1985 г. в Казахской ССР трудилось 575 человек [24, л. 14] (около 70 % от общей численности выездного ССО), в 1987 г. – 488 человек (78 %) [25, л. 14].

С 1975 г. студенческие строительные отряды Ставропольского края начали выезжать на работу в регионы нечернозёмной зоны РСФСР. Первый отряд численностью в 150 человек был направлен в Пермскую область [14, л. 98]. В этом регионе ССО Ставрополя работали только один год. Начиная с 1976 г. они стали выезжать в Тульскую область. В первый год на её территории трудилось 150 бойцов [10, л. 98]. В последующие несколько лет их численность начала расти. В 1979 г. в Тульской области уже работало 302 бойца [18, л. 34], а в 1982 г. – 324 [21, л. 19].

С 1983 г. число направляемых в этот регион бойцов сократилась более чем в 7 раз, составив 44 человека [22, л. 24]. В дальнейшие годы в Тульской области трудилось от 50 (в 1987 г.) [25, л. 43] до 63 (в 1985 г.) человек [24, л. 14]. Например, в 1985 г. в этом регионе работали два студенческих строительных отряда: «Историк-85» из Ставропольского педагогического института в Ясногорском районе и стройотряд Невинномысского техникума в Приокском районе [32].

Ещё одним важным направлением работы студенческих строительных отрядов Ставропольского края стало строительство Байкало-Амурской магистрали. С 1980 г. по 1982 г. ежегодно на в Иркутскую область направлялся отряд численностью в 30 человек [19, л. 18; 20, л. 22; 21, л. 19]. В 1983 г. на БАМе трудилось 35 бойцов [22, л. 24]. Это был самый многочисленный отряд, сформированный из студентов Ставропольского края, работавший на этом объекте. Начиная с 1984 г. количество трудившихся на строительстве Байкало-Амурской магистрали стройотрядовцев из Ставрополя начало снижаться. В дальнейшем она не превышала 30 человек [23, л. 15; 24, л. 14; 25, л. 43].

Неоднократно стройотряды Ставрополя выезжали для работы в трудовом семестре на стройках Краснодарского края. В 1977 г. по плану на Кубань должно было отправиться 50 человек, но по факту выехало 37 [16, л. 25]. На следующий год аналогичный план снова выполнить не удалось. Но численность выехавших студентов выросла до 42 человек [17, л. 56]. После этого бойцы ССО из Ставропольского края стали трудиться на территории Краснодарского края только через 3 года. В 1982 г. план формирования отрядов был перевыполнен: вместо 75 человек, выехало 90 бойцов [21, л. 19]. С 1983 г. по 1985 г. ежегодно на Кубани трудилось около 70 студентов из учебных заведений Ставрополя [22, л. 24; 23, л. 15; 24, л. 14].

В 1970-е – 1980-е гг. в некоторые регионы студенты стройотрядов выезжали однократно. Например, в 1976 г. 37 бойцов трудилось в Амурской области [15, л. 27], в 1981 г. 30 студентов – в Калмыцкой АССР [20, л. 22], в 1987 г. в 30 человек – в Тюменской области и 33 человека – в Гомельской области [25, л. 43]. В 1987 г. бойцы сводного ССО учебных заведений г. Ставрополя им. 25-летия студенческих отрядов Ставрополя участвовали в восстановлении Спитакского района Армянской ССР после землетрясения [28, с. 35].

За рубеж стройотряды Ставрополя стали выезжать в 1980-е гг. В 1983 г. и в 1984 г. обмен проходил с учебными заведениями ГДР [22, л. 120; 23, л. 117–118]. В 1985 г. было создано 5 таких групп общей численностью в 45 человек. Советские студенты работали уже в 5 городах 3 стран: в Дрездене, Шверине и Грайфсвальде в Германии, в Пазарджике в Болгарии и в Брати-

славе в Чехословакии [24, л. 117]. На следующий год 25 человек из Ставропольских политехнического и медицинского институтов работали в Германии, 15 – из Ставропольского сельхозинститута – в Чехословакии, 10 – из Ставропольского медицинского института – в Болгарии и 20 из Пятигорского техникума торговли – в Польше [25, л. 137]. В те же страны студенты направлялись и в 1988 г. [26, л. 12]

На протяжении 1970-х гг. и первой половине 1980-х гг. доля выездного ССО от общей численности стройотрядов, сформированных в учебных заведениях Ставропольского края, постоянно росла. Так в 1970 г. она составляла около 11 % [11, л. 3], в 1975 г. – около 14 % [14, л. 98], в 1980 г. – примерно 30% [19, л. 18], в 1985 г. – около 37,5 % [24, л. 14]. Лишь в период перестройки активный рост доли выездных отрядов прекратился. Например, в 1987 г. она составляла около 36,5 % [25, л. 43].

Результаты. Подводя итог, можно отметить, что основные направления дислокации выездных студенческих строительных отрядов, сформированных в учебных заведениях Краснодарского и Ставропольского краёв, были схожи: Казахская целина, Байкало-Амурская магистраль и области Нечернозёмной зоны РСФСР. В обоих исследуемых краях больше половины всех бойцов выездных ССО направлялось в конкретный регион страны: для Краснодарского края – это была Калининская область, а для Ставропольского – Казахская ССР. Схожа была и динамика изменения доли выездных ССО от всех сформированных в крае стройотрядов: с 1970-х гг. до середины 1980-х число бойцов от-

рядов росло, а в годы перестройки начало снижаться.

При этом можно выделить и особенности. Например, стройотряды Краснодарского края работали в Казахстане только с 1965 г. по 1974 г., а ССО Ставрополя трудились на целине на протяжении всей истории существования движения в регионе. Отличалась и работа выездных стройотрядов, работавших за границей. Если кубанские студенты трудились за пределами СССР с середины 1970-х гг., то Ставропольские только начиная с 1980-х гг. При этом, ССО Краснодарского края работали лишь в двух странах: ГДР и Болгарии, а студенты из учебных заведений Ставропольского края помимо них ещё в Чехословакии и Польше.

Стоит отметить, что места дислокации основных выездных студенческих строительных отрядов, как Краснодарского, так и Ставропольского краёв выбирались в соответствии с решениями ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. Так, если первый в стране ССО формировался по инициативе студентов, то в изучаемых регионах стройотряды появляются только после соответствующей рекомендации Центрального комитета комсомола. Аналогично, только после постановлений ЦК КПСС, выездные стройотряды начинали работать на территории Нечернозёмной зоны РСФСР и на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Это подчёркивает, что несмотря на декларируемую самостоятельность студенческих строительных отрядов, в реальности они были подчинены решениям ЦК ВЛКСМ, и краевые штабы не были свободны в выборе основных регионов дислокации для направления выездных стройотрядов.

Литература

1. Артемьев Е. Ф. Студенческие отряды и коммунистическое воспитание молодёжи. История, опыт патриотического движения студенческой молодёжи (1959–1975): монография. Москва: Высшая коммунистическая школа, 1978. 106 с.
2. Бамовские «Скифы» // Голос минувшего. 2020. № 1–2. С. 160–168.
3. Баисов Я. С полной отдачей // За педагога-ленинца. 1970. № 24. С. 1.
4. Бережной С. Студенческие отряды – школа воспитания // Инженерные кадры. 1977. № 31–32. С. 2.
5. Бурахина О. А., Олейников Д. М. Студенческие стройотряды: истоки движения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2–2. С. 28–29.
6. Буторин В. Коханов Ф. Молодцы, целинники! // За инженерные кадры. 1965. № 25. С. 1.
7. Варельджн Г. Подружились в Болгарии // По заветам Ленина. 1978. № 29. С. 3.
8. Викторова Л. Если дали слово – мы не подведём // По заветам Ленина. 1982. № 5. С. 1.
9. Водопьянова Л. Политехники в Болгарии // За инженерные кадры. 1974. № 25. С. 4.
10. Гай Б. У ребят из отряда «Салют» // По заветам Ленина. 1975. № 29. С. 2.
11. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 63. Оп. 1. Д. 101.
12. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 10. Д. 87.
13. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 12. Д. 107.
14. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 13. Д. 90.
15. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 15. Д. 109.
16. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 16. Д. 101.
17. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 17. Д. 95.
18. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 18. Д. 108.
19. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 21. Д. 101.
20. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 22. Д. 1.
21. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 24. Д. 98.
22. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 25. Д. 99.
23. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 27. Д. 96.
24. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 29. Д. 79.

25. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 31. Д. 95.
26. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 35. Д. 61.
27. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 37. Д. 140.
28. Документы расскажут какими мы были... К 100-летию ВЛКСМ: сборник документов / пред. редкол. Е. И. Долгова; сост. Т. Н. Колпикова, Т. Н. Хачитурян. – Ставрополь: губерния, 2018. 40 с.
29. Еремеева А. Н., Маркова О. Н., Краев И. Т. Кубанский государственный аграрный университет: столетие первое: монография. Краснодар: Традиция, 2022. 496 с.
30. Забродин А. В. Студенческие строительные отряды Ленинграда: исторический опыт и уроки их деятельности (1959–1977): дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: военный инженерно-космический университет, 2001. 166 с.
31. Загородний В. Прайсман Л. Счастливого пути, «Юность»! // За педагога-ленинца // 1970. № 22. С. 1.
32. Интервью с В. М. Забелиным // Личный архив автора. Ставрополь, 26 сентября 2018 г.
33. Казначеев В. А. Комсомол Ставрополя – верный помощник коммунистической партии в строительстве коммунизма // Очерки по истории Ставропольской краевой организации ВЛКСМ. Ставрополь: [б.и.], 1969. С. 200–228.
34. Капшук А. Ю. Участие стройотрядов Кубани в освоении целины (1965–1974 гг.) // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: к 85-летию Краснодарского края. Краснодар: Перспективы образования. 2023. С. 206–211.
35. Кое-что из истории ССО // Ставропольская правда. 1970. № 203. С. 2.
36. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): сборник документов. Т. 12. Москва: Издательство политической литературы, 1986. 580 с.
37. Краснова Т. А. Строили города // Молодёжь Кубани: вчера, сегодня, завтра...: очерки по истории Краснодарской краевой организации ВЛКСМ и современного молодёжного движения. Краснодар: Книга, 2018. С. 132–146.
38. Мхитарянц Г. А. Краснодарская. Студенческая. Политехническая // Вестник КубГТУ. № 6. 2019. С. 7.
39. Никифорова Э. А. История студенческих отрядов: к постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 127–129.
40. Очерки истории Ставропольского края / редкол.: А. А. Коробейников (отв. ред.) и др. Т. 2. – Ставрополь: Книжное издательство, 1986. 607 с.
41. Под знаменем В.И. Ленина. Сборник документов и материалов из истории Ставропольской краевой комсомольской организации 1918–1968 гг. / ред. П. Степанов. Ставрополь: Книжное издательство, 1970. 416 с.
42. Российский государственный архив социально-политической истории (далее –РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 8. Д. 500.
43. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 597.
44. Салчинкина А. Р., Жабчик С. В. История становления и развития студенческих строительных отрядов в Кубанском сельскохозяйственном институте (1970–1980-е гг.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 11. С. 122–127.
45. Хорошие у вас комсомольцы // За инженерные кадры. 1969. № 33. С. 2.
46. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 2006. Оп. 12. Д. 68.
47. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 16. Д. 3.
48. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 16. Д. 99.
49. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 16. Д. 317.
50. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 16. Д. 525.
51. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 20. Д. 100.
52. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 22. Д. 96.
53. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 24. Д. 56.
54. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 28. Д. 74.
55. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 30. Д. 63.
56. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 32. Д. 63.
57. ЦДНИКК. Ф. 2006. Оп. 34. Д. 48.

References

1. Artem'ev EF. Student brigades and communist education of youth. History and experience of the patriotic student youth movement (1959–1975). Moscow: Higher Communist School, 1978. 106 p. (In Russ.).
2. Bамовские «Skify». *Golos minuvshogo*. 2020;1–2:160–168. (In Russ.).
3. Baisov Ya. With full education. *Za pedagoga-lenintsa*. 1970;(24):1. (In Russ.).
4. Berezhnoi S. Student brigades – a school of education. *Inzhenernye kadry*. 1977;(31–32):2. (In Russ.).
5. Burakhina OA., Oleinikov DM. Student construction brigades: the origins of the movement. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2011;(2–2):28–29. (In Russ.).
6. Butorin V. Kokhanov F. Well done, virgin lands workers! *Za inzhenernye kadry*. 1965;(25):1. (In Russ.).
7. Varel'dzhn G. We became friends in Bulgaria. *Po zavetam Lenina*. 1978;(29):3. (In Russ.).
8. Viktorova L. If you give your word, we won't let you down. *Po zavetam Lenina*. 1982;(5):1. (In Russ.).
9. Vodop'yanova L. Polytechnics in Bulgaria. *Za inzhenernye kadry*. 1974;(25):4. (In Russ.).
10. Gai B. The guys from the Salute squad. *Po zavetam Lenina*. 1975;(29):2. (In Russ.).
11. State Archive of Contemporary History of the Stavropol Krai (GANISK). F. 63. Inv. 1. D. 101.
12. GANISK. F. 63. Inv. 10. D. 87.
13. GANISK. F. 63. Inv. 12. D. 107.
14. GANISK. F. 63. Inv. 13. D. 90.
15. GANISK. F. 63. Inv. 15. D. 109.
16. GANISK. F. 63. Inv. 16. D. 101.
17. GANISK. F. 63. Inv. 17. D. 95.
18. GANISK. F. 63. Inv. 18. D. 108.
19. GANISK. F. 63. Inv. 21. D. 101.

20. GANISK. F. 63. Inv. 22. D. 1.
21. GANISK. F. 63. Inv. 24. D. 98.
22. GANISK. F. 63. Inv. 25. D. 99.
23. GANISK. F. 63. Inv. 27. D. 96.
24. GANISK. F. 63. Inv. 29. D. 79.
25. GANISK. F. 63. Inv. 31. D. 95.
26. GANISK. F. 63. Inv. 35. D. 61.
27. GANISK. F. 63. Inv. 37. D. 140.
28. Documents will tell what we were like... For the 100th anniversary of the Komsomol. Stavropol': guberniya; 2018. 40 p. (In Russ.).
29. Eremeeva AN., Markova ON., Kraev IT. Kuban State Agrarian University: its first century. Krasnodar: Traditsiya; 2022. 496 p. (In Russ.).
30. Zabrodin AV. Student construction brigades of Leningrad: historical experience and lessons from their activities (1959–1977): thesis. St.Peterburg: Military Engineering and Space University; 2001. 166 p. (In Russ.).
31. Zavgorodnii V. Praisman L. Have a nice trip, «Yunost!». *Za pedagoga-lenintsa*. 1970; (22):1. (In Russ.).
32. Interview with VM. Zabelin (2018) in Personal archive of the author. (In Russ.).
33. Kaznacheev VA. The Komsomol of Stavropol is a faithful assistant to the Communist Party in the construction of communism in Essays on the history of the Stavropol regional organization of the Komsomol. Stavropol, 1969. p. 200–228. (In Russ.).
34. Kapshuk AYU. Participation of Kuban construction teams in the development of virgin lands (1965–1974) // Problems of Russia's National Security: Lessons of History and Challenges of the Present. A collection of articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation: Commemorating the 85th Anniversary of the Krasnodar Region. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya; 2023. p. 206–211. (In Russ.).
35. Some history of student brigades. *Stavropol'skaya pravda*. 1970;(203):2. (In Russ.).
36. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee (1898–1986). Moscow: Publishing house of political literature, 1986. 580 p. (In Russ.).
37. Krasnova TA. They built cities. Kuban Youth: Yesterday, Today, Tomorrow...: Essays on the History of the Krasnodar Regional Komsomol Organization and the Modern Youth Movement. Krasnodar: Kniga; 2018. p. 132–146. (In Russ.).
38. Mkhitaryants GA. Krasnodar. Student. Polytechnic. *Vestnik KubGTU*. 2019;(6):7. (In Russ.).
39. Nikiforova EA. History of student brigades: on stating the question. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016;(406):127–129. (In Russ.).
40. Essays on the history of the Stavropol Krai. Stavropol: Knizhnoe izdatel'stvo, 1986. 607 p. (In Russ.).
41. Under the Banner of V.I. Lenin. A Collection of Documents and Materials from the History of the Stavropol Regional Komsomol Organization, 1918–1968. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 416 p. (In Russ.).
42. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) F. 17. Inv. 8. D. 500.
43. RGASPI. F. 17. Inv. 8. D. 597.
44. Salchinkina AR., Zhabchik SV. The history of the formation and development of student construction teams at the Kuban Agricultural Institute (1970–1980s). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2022; (11):122–127. (In Russ.).
45. You have good Komsomol members. *Za inzhenernye kadry*. 1969;(33):2. (In Russ.).
46. Center for Documentation of Contemporary History of the Krasnodar Krai (CDNIKK). F. 2006. Inv. 12. D. 68.
47. CDNIKK. F. 2006. Inv. 16. D. 3.
48. CDNIKK. F. 2006. Inv. 16. D. 99.
49. CDNIKK. F. 2006. Inv. 16. D. 317.
50. CDNIKK. F. 2006. Inv. 16. D. 525.
51. CDNIKK. F. 2006. Inv. 20. D. 100.
52. CDNIKK. F. 2006. Inv. 22. D. 96.
53. CDNIKK. F. 2006. Inv. 24. D. 56.
54. CDNIKK. F. 2006. Inv. 28. D. 74.
55. CDNIKK. F. 2006. Inv. 30. D. 63.
56. CDNIKK. F. 2006. Inv. 32. D. 63.
57. CDNIKK. F. 2006. Inv. 34. D. 48.

Научная статья

УДК: 94 (73)"1607/1901"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.6>

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ФОРМИРОВАНИИ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (XVII - НАЧАЛО XX ВЕКА)

Екатерина Викторовна Крохмаль

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Ассистент кафедры

EkaterinaK06092025@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3591-5511>

Аннотация. Введение. В XXI в. понятие «национальная идентичность» приобретает всё более весомое значение в связи с усилившимися процессами глобализации. Вопрос о влиянии религии, как духовно-идеологической базы социума, на формирование национальной идентичности наиболее неопределённо стоит в США, так как это страна с изначальным вероисповедным плюрализмом. **Материалы и методы.** В статье предпринята попытка, опираясь на такие источники, как проповеди, сочинения на религиозные темы, данные публицистики и периодической печати, определить роль религии в формировании национальной идентичности американцев в XVII – начале XX в. Особой группой источников в работе являются сочинения в жанре исторической беллетристики, которая рассматривается, как инструмент формирования массового восприятия доктринального обоснования национальной идеи в XIX в. **Анализ.** На протяжении всей истории в США сложилось большое количество различных вероучений. Доминирующая религиозная доктрина отсутствовала, а религиозные организации в большинстве своём отличались веротерпимостью и функционировали на добровольной основе. Постепенно контроль со стороны церквей над духовно-нравственным состоянием общества ослабевал. В XVIII – XIX вв. по территории Северной Америки прокатилось несколько волн «Великого пробуждения», что стало следствием духовных поисков в американском обществе. Одновременно с этим в массовом сознании,

во многом благодаря процессу мифотворчества, развернувшегося вокруг событий Американской революции, как первой крупной общенациональной победы, происходила сакрализация американских ценностей, идеалов и национальной идеи. **Результаты.** По итогам проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что в США на национальную идентичность повлияла не доминирующая религиозная доктрина, а многие религиозные вероучения, которые, подключаясь к американской национальной системе ценностей, давали ей духовно-идеологическое обоснование, что привело к возникновению гражданской религии в США.

Ключевые слова: национальная идентичность, американская национальная система ценностей, религиозная идентичность, протестантизм, «договорная теология», проповеди, «Великое пробуждение», гражданская религия

Для цитирования: Крохмаль Е. В. Роль религии в формировании американской национальной идентичности (XVII – начало XX века) // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 49–57. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025

Статья одобрена после рецензирования: 13.01.2026

Статья принята к публикации: 28.01.2026.

Research article

THE ROLE OF RELIGION IN THE FORMATION OF AMERICAN NATIONAL IDENTITY (XVII – EARLY XX CENTURY)

Ekaterina V. Krokhaml

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Assistant

EkaterinaK06092025@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3591-5511>

Abstract. Introduction. In the XXI century, the concept of national identity has acquired increasing significance due to intensifying globalization processes. The issue of the influence of religion – as the spiritual and ideological foundation of society – on the formation of national identity is particularly ambiguous in the United States, as the country is originally characterized by confessional pluralism. **Materials and methods.** The article attempts to determine the role of religion in shaping American national identity from the XVII to the early XX century. The study relies on sources such as sermons, religious writings, journalistic materials, and periodical press. A special group of sources comprises works of XIX century historical fiction, which are examined as instruments for shaping mass perception and doctrinal justification of the national idea. **Analysis.** Throughout its history, the United States has hosted a wide variety of religious doctrines. There was no dominant religious doctrine, and most religious organizations were marked by tolerance and operated on a voluntary basis. Gradually, the control of church-

es over the spiritual and moral state of society weakened. In the XVIII and XIX centuries, several waves of the Great revival swept across North America, emerging as a consequence of spiritual searches within American society. Simultaneously, through the process of myth-making centered on the events of the American Revolution – the first major nationwide victory – American values, ideals, and the national idea underwent sacralization in the collective consciousness. **Results.** Based on the findings of this study, we can conclude that in the United States, national identity was shaped not by a dominant religious doctrine but by numerous religious beliefs. By aligning with the American national value system, these beliefs provided it with spiritual and ideological justification, ultimately leading to the emergence of civil religion in the United States.

Keywords: national identity, American national value system, religious identity, Protestantism, covenant theology, sermons, Great revival, civil religion.

For citation: Krokhaml EV. The role of religion in the formation of American national identity (XVII – early XX century). Humanities and law research. 2026;13(1):49-57. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.6>

Введение. В XX в. в результате масштабных военных конфликтов, крушения многовековых империй, деколонизации, на карте мира появилось большое количество новых государств, а в научной среде всё чаще стал употребляться термин «национальная идентичность». На современном этапе дискуссии вокруг данного понятия не прекращаются, что объясняется усилившимися процессами глобализации и поиском механизмов по сохранению национальной самобытности народов мира. Важнейшими элементами национальной идентичности являются общая историческая память и духовно-идеологическая связь с соотечественниками. Исходя из этого, справедливо будет подчеркнуть, что национальная идентичность тесно переплетена с идентичностью религиозной, так как религия – это целостная мировоззренческая концепция, которая во многом определяла и продолжает определять облик той или иной нации.

Актуальность, рассматриваемого вопроса связана с тем, что в современном мире глобализация ведёт к ускорению и усилению процесса секуляризации общества, тогда как многие религии сыграли важную роль в формировании системы национальных ценностей, идеалов и представлений. В США вопрос о влиянии религии на складывание элементов национальной идентичности стоит наиболее неопределённо, так как в этой стране на протяжении всей истории отсутствовала единая государственная религиозная организация, сложилось большое количество различных религиозных вероучений. Целью исследования является попытка найти ответ на вопрос: как религия повлияла на образование американской национальной системы ценностей, лёгшей в основу идентичности нации иммигрантов в XVII – начале XX в.

Материалы и методы. Данное исследование было основано на принципах междисциплинарности, что позволило провести комплексный анализ проблемного вопроса, находящегося на стыке истории, религиоведения и этнографии. Использование историко-сравнительного, историко-генетического и историко-системного методов помогло всесторонне рассмотреть процесс трансформации американской национальной идентичности в духовно-идеологической сфере в XVII – начале XX в. С опорой на следующие источники: проповеди, сочинения на религиозные темы, данные публицистики и периодической печати, нами был проанализирован процесс формирования религиозных вероучений, а также выявлены причины возникновения новых и дробления старых религиозных течений в процессе продвижения американских колонистов с

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 01.09.2025

The article was approved after reviewing: 13.01.2026

The article was accepted for publication: 28.01.2026

востока на запад континента. Параллельно в работе анализируется роль религии в формировании американской национальной системы ценностей, как комплексной системы, повлиявшей на американскую национальную идентичность. Использование такого источника, как сочинения в жанре исторической беллетристики, помогло рассмотреть процесс оформления религиозно-идеологического обоснования национальной идеи и национальных ценностей в массовом сознании в XIX веке. Затронутая в статье проблематика рассматривалась в работах выдающихся отечественных и зарубежных исследователей: Д. Д. Бурстина, Э. Кернса, Д. Е. Фурмана, П. Миллера, У. У. Свита и др.

Анализ. История развития религиозной мысли в Новом Свете по-настоящему уникальна, однако, чтобы понять особенности религиозных взглядов американцев, начать следует с процесса Реформации, охватившего значительную часть Европы уже в XVI в. В первую очередь на положение в колониях повлияла религиозная ситуация в метрополии. С переходом от католичества к англиканству в Англии установился государственный контроль над духовной сферой. Верховенство светской власти определялось ключевой ролью монарха в вопросах, связанных с церковной иерархией, подчинением целей и задач церкви интересам государства. Так король и парламент не были заинтересованы в идеологических баталиях, только обострявших ситуацию в английских колониях на территории Северной Америки. Правительство метрополии осознавало, что всякого рода религиозные притеснения, от которых бежали в Новый Свет верующие, неизбежно приведут к столкновениям между колонистами и представителями королевской власти на местах, к необходимости дополнительных финансовых затрат для установления единого идеологического порядка и контроля за ним. Такая позиция английской монархии существенно отличала её от французской и испанской монархий, строго преследовавших еретиков в своих колониях, борясь за чистоту веры. Яркой иллюстрацией отношения английского правительства к религиозной ситуации в колониях является вопрос о назначении представителей духовенства от англиканской церкви. Если конгрегационалисты и пресвитериане не желали иметь епископа, власти метрополии шли на компромисс во имя поддержания порядка. Удивительным образом это отразилось на англиканской церкви, функционировавшей на территории североамериканских колоний, которая единственная из всех не имела структурной ор-

ганизации на местах, соответствующей её внутренним потребностям [13, р. 180].

В США сформировалось огромное количество религиозных вероучений, многие из которых и сейчас существуют и активно развиваются наряду с традиционными. Гонимые на родине за свои уникальные религиозные идеи, североамериканские колонисты, обретали в Новом Свете возможность жить в соответствии со своими духовно-идеологическими убеждениями. Таким образом, большинство переселенцев из Европы принадлежали к той или иной религиозной деноминации в рамках протестантизма. Во многом общие особенности протестантских вероучений определили облик современных США, повлияли на складывание национальной системы ценностей. Однако принципиально важным моментом является то, что североамериканские колонии, впоследствии США, никогда не были едины в вопросах религии. Несмотря на некоторую схожесть всех протестантских вероучений, они имели и свои особенности, более того, в условиях американской действительности эти вероучения бесконечно дробились, приобретая новые черты. Не было в Америке и единой направляющей силы, наподобие Святого Престола в Риме, диктовавшей определённую идеологическую доктрину. И если в истории западноевропейских монархий стремление соблюсти верность религиозным принципам, исходящим от единого идеологического центра, зачастую носило крайне нерациональный характер и могло идти в разрез с интересами государства, то в истории США ничего подобного произойти просто не могло. Выше уже отмечалось, что позиция английского правительства относительно идеологического единения колоний была довольно вялой. Соответственно не было и религиозного центра, той самой направляющей силы. Более того, протестантские вероучения, носителями которых были первые колонисты, прибывающие в Новый Свет, имели несколько общих принципиально важных отличий.

Во-первых, высшим авторитетом, как единственный источник истины, обладало только Священное Писание (Библия), при этом каждый верующий мог толковать её смысл. Таким образом, признавалась ценность человеческого стремления к познанию. Процесс толкования Библии протестантом можно сравнить с желанием ученого познать окружающую его действительность, который всегда будет подтверждать свои выводы взаимодействием с эмпирической реальностью. В случае верующих протестантов результаты познания не должны противоречить Священному Писанию и только ему. Всякая ценность Священного Предания отрицалась, как и отрицался авторитет папы римского, не способного, по представлениям протестантов, наверняка судить об истинности суждений в силу своей человеческой, а не божественной природы [2, с. 639].

Во-вторых, протестантские вероучения переносят гарантии к спасению в плоскость ежедневных дел. Здесь отсутствует необходимость в «спасительных подвигах во имя веры» по типу крестовых походов или принятия монашеского пострига. Отрицается и магический формализм [7, с. 33]. Формируется рациональный и прагматичный взгляд на вещи, что существенно повлияло на складывание американской национальной системы ценностей, о которой ещё поговорим ниже. Постепенно отказ от многих практик и ритуалов, присущих традиционным церквям, привел к тому, что от верующего стала требоваться чрезмерная самодисциплина. К. Маркс писал: «Лютер ...отменил внешнюю религиозность, превратив религиозность во внутреннюю сущность человека...» [4, с. 581–582]. И действительно, остаётся мало вещей имеющих религиозно - догматическое значение, но при этом ещё меньше остаётся вещей, вообще не имеющих значение для верующих. Праздность и развлечения, а в некоторых случаях – элементарный отдых, рассматриваются как грех. Активно шёл процесс превращения верующего в «аскета в миру». Возможно, именно такие строгие самоограничения и представления о праведной жизни породили удивительный, парадоксальный феномен, когда на фоне американского рационализма и прагматизма начался Салемский процесс над ведьмами. Строгие порядки, определявшие существование человека в рамках социальной группы колонистов-пуритан, привели к страху перед любым отклонением от нормы, отходом от установки. Такие проявления рассматривались как «дьявольское вмешательство» и могли привести к массовой истерии.

Эти общие особенности протестантских вероучений в той или иной степени находили своё отражение в развитии религиозной мысли в США на протяжении всей истории государства.

Уже на раннем этапе позиция официальной церкви митрополии в колониях была довольно слабой. Англиканская церковь, история которой в Америке берёт своё начало в 1607 г., никогда не была государственной церковью во всех колониях и даже в Виргинии, где появились её первые приходы, незадолго до революции, утратила своё положение оттесненная баптизмом, пресвитерианством и методизмом. После событий 1775 – 1783 гг. англиканская церковь в США больше не могла существовать, ведь она была подчинена английской монархии. Её место заняла епископальная церковь, представляющая собой самостоятельную организацию, где епархиальный епископ избирался епархиальной конвокацией – высшим соборным органом епархии [20, р. 291-337].

Самым известным религиозным течением раннего периода является пуританство – изначально «фракция» внутри англиканской церкви, боровшаяся за дальнейшее совершенствование

этой церкви, её полное очищение от католических элементов. Пуритане выступали против обрядовости и церковной иерархии по католическому образцу. Основным местом распространения пуританизма была территория Новой Англии (особенно территория современного Массачусетса). Пуритане относились к наиболее радикальным религиозным течениям, сложившимся в Северной Америке. В истории они широко известны, благодаря их концепции града на холме, заключавшейся в стремлении построить идеальное религиозное общество и, уже упомянутому выше, печально известному Салемскому процессу. С пуританами так же связана известная группа религиозных диссидентов – пилигримы, которые стремились полностью отказаться от англиканской церкви, а не просто реформировать её изнутри. В 1620 г. они прибыли в Северную Америку на корабле «Мейфлауэр» и основали знаменитую Плимутскую колонию – символ американской независимости. Многие исследователи сходятся во мнении, что именно пилигримы заложили основы демократического самоуправления в колониях [7, с. 47].

В целом пуританство было довольно аморфным движением. Его представители не порывали до конца с англиканством, за исключением пилигримов, и в то же самое время по своим убеждениям тяготели к кальвинизму [7, с. 47]. На современном этапе пуританство, как отдельное религиозное движение, не существует. Однако оно оказало существенное влияние на трудовую этику, мораль, демократию и образование, словом, легло в основу формирования американской национальной системы ценностей.

Пожалуй, самой демократичной ветвью американского протестантизма являлось учение квакеров, сложившееся в XVII в. В 1681 г. У. Пейн получил от английской короны территорию для создания Пенсильвании. Он основал колонию, где квакерство стало доминирующим вероучением. Д. Вулман, один из идейных лидеров квакеров, писал, что все квакеры друг для друга «Друзья». Само это слово было принято писать с большой буквы, ибо оно несло основную идеологическую нагрузку: отражало принципы веротерпимости, пацифизма, отказа от насилия [8, с. 303].

Ещё на раннем этапе становления религиозного учения в США в среде американских колонистов-протестантов получила широкое распространение «договорная теология». Смысл этой теологии заключался в том, что отношения человека и Бога рассматривались как своего рода договор. Если люди вели истинно христианскую жизнь, то Бог, по представлениям верующих, обязывался даровать им путь к спасению. Общество, построенное на божественных законах, уподоблялось обществу древнего Израиля. Оно наделялось статусом «избранного народа» пока все условия соблюдались. Строгое выполнение договора, таким образом, сулило верую-

щим не только спасение в жизни будущей, но и материальное благосостояние в жизни земной. Судьба такого общества в конечном итоге определялась им самим, а не божественным предопределением [7, с. 45-46].

Второй этап эволюции протестантских религиозных течений в Америке (XVIII в.) характеризуется распространением баптизма и методизма. Баптизм перекочевал в Северную Америку из Европы еще в XVII в. В 1639 г. Р. Уильямс основал в Род-Айленде первую баптистскую общину на Американском континенте. Благодаря активной миссионерской политике баптизм уже к XVIII в. стал одним из самых распространённых религиозных течений на территории будущих США [4]. Главный принцип баптизма, который находим в «А Baptist Manual», составленном профессором практического богословия Чикагского университета, Т. Д. Соаресом, был принцип независимости каждой церкви: «Если бы случилось так, что в мире была только одна баптистская церковь, она могла бы быть полностью баптистской церковью» [19, р. 3]. Несмотря на это, существовали добровольные ассоциации баптистских церквей, которые объединялись между собой не в принудительном порядке, а, по словам Т. Д. Соареса, «из-за ощущения непреодолимой духовной связи» [19, р. 3-4]. Многие принципы баптистского религиозного учения не слишком отличались от общепринятых в протестантизме, однако следует подчеркнуть, что баптисты особо выделяли право каждого человека на свободу совести, выбора религиозного пути или отказа от религиозного мировоззрения. Такая позиция наиболее полно соответствовала духу американской демократии, что также способствовало распространению баптистских церквей.

Методизм появился в тринадцати колониях в результате усилий Р. Стробриджа в Мэриленде и Ф. Эмбери в Нью-Йорке после 1760 г. Главным отличительным признаком методизма было наличие иерархической системы, признавалась необходимость назначения служителей церкви сверху. Однако уровень иерархии, в отличие от церкви епископальной, был один. Епископы назначали пасторов в поместные церкви [4].

На распространение новых религиозных учений, таких как баптизм и методизм, повлияло религиозное движение, охватившее все колонии накануне Американской революции, под названием «Великое пробуждение». Данный феномен стал ответной реакцией на формализацию христианства. Основные принципы протестантских вероучений, согласно которым путь к спасению переводился из сферы возвышенного в сферу обыденного, «договорная теология», добровольность церковных объединений, веротерпимость, большое количество толкований Священного Писания и возможность толковать его самостоятельно приводили к тому, что границы религиозной картины мира человека постепенно

размывались. Духовно-нравственный контроль со стороны церквей, функционировавших в большинстве своём на добровольной основе, постепенно ослабевал. В этих условиях человек подсознательно находился в поисках некоего морального ориентира, дававшего безусловные представления о добре и зле, о праведном и неправедном поведении. Большим успехом в подобной ситуации стали пользоваться проповеди миссионеров. Зачастую проповедником был человек со стороны, который выводил индивида, привыкшего воспринимать местное церковное учение на уровне соблюдения правил общины, из состояния религиозного равнодушия. Ключевой идеей, звучащей в речах проповедников, как правило, была необходимость возвращения к «истинной вере» [7, с.52-53]. К примеру, в 1726 г. волна «Великого пробуждения» прокатилась в голландских реформатских конгрегациях штата Нью-Джерси, что явилось результатом проповедей Т. Фрелингуйзена. Большой популярностью пользовались проповеди Д. Уитфилда, совершившего семь миссионерских поездок от Джорджии до Массачусетса. Д. Уитфилд выступал с резкой критикой рационализма и атеизма. Он отстаивал идею необходимости глубокой веры и личного религиозного опыта, которые должны были заменить формальное восприятие религиозной морали [9, с. 191–192].

Третий этап развития религиозной мысли в США – XIX в. – ознаменовался вторым «Великим пробуждением», что привело не только к дальнейшему распространению методизма, баптизма и пресвитерианства, но и стало причиной появления новых религиозных вероучений, таких как миллеризм. В этот период времени идёт наиболее интенсивное освоение подвижной западной границы американскими переселенцами. Ещё Ф. Д. Тёрнер отмечал, что фронтир стал тем местом, где начали формироваться идеалы, определившие облик американской нации. Главным из них был «идеал конкурентного индивидуализма», который обеспечивался равенством условий, большим количеством незаселенных земель, и равенством возможностей [5, с. 257–258]. Постепенно свободных территорий становилось всё меньше, все острее ощущалось давление крупного капитала. Более того, уже к 1840 г. начинается этап зрелости в развитии американской промышленности. Появляется постоянная потребность в рабочей силе. Контраст между жизнью наёмного рабочего и вольного жителя фронтира становился всё более явным. Однако условия существования за пределами освоенных земель, помимо очевидных плюсов, включали в себя и существенные минусы. Казалось бы, человек не испытывал давления со стороны закона или деятельности промышленных магнатов, но в тоже самое время не было гарантий социальной защищенности. Характерными чертами жизни на территории от

запада Великих равнин до Тихоокеанского побережья, известной как «Wild West» (от англ. «Дикий Запад»), были: массовые убийства, грабежи, линчевание. Закон не мог иметь реальной силы в условиях разрозненности поселений. Сложившаяся ситуация привела к необходимости нового духовного возрождения. Общество остро нуждалось в некоем психологическом барьере, находясь между крупными промышленниками, посягавших на американский индивидуализм, с одной стороны, и ганфайтерами, диктовавшими свои правила по ту сторону Великих равнин, с другой стороны.

В 1840-х гг. большой популярностью начало пользоваться религиозное течение миллеризм, последователи которого верили, что второе пришествие Христа должно случиться в ближайшем для них будущем (между 1843, 1844 годами) [16, р.4-5]. Подобная убежденность во многом объяснялась духовными запросами американского общества. Если граница фронтира будет неизбежно достигнута, если крупный капитал непременно распространит свое влияние вплоть до Тихоокеанского побережья, если жизнь на последнем рубеже фронтира полна аморальности и жестокости, то Америка больше не может быть землёй обетованной, градом на холме, о котором говорили пуритане. Таким образом, жизнь в Америке утрачивала свою былую идейную привлекательность для желающих создать «идеальное общество», а Европа рассматривалась как старый мир, построенный на принципах социальной несправедливости. В таких условиях проповеди У. Миллера о конечности земной истории и начале тысячелетнего царства, где Христос будет править совместно с праведниками [16, р. 4-5], выглядели весьма привлекательно. После того как пророчество не было исполнено, в 1846 г. из миллеристов выделились адвентисты седьмого дня. Произошло очередное дробление в рамках одного вероучения.

На рубеже XIX–XX вв. начался четвертый этап эволюции религиозных течений в США, который ознаменовался возникновением новых взглядов, соответствующих духу времени. Яркий контраст представляли собой учения фундаменталистов, отстаивавших принципы религиозной жизни вне научного прогресса, и либеральных христиан, считавших, что религии необходимо идти в ногу со временем. Если одни отвергали теологический модернизм, считая, что такие вещи как теория эволюции, либерализация морали, приверженность ценностям светского мира неизбежно приведут к утрате религиозного духа, то другие, напротив, были убеждены, что со временем наука и религия совместно приведут человечество к светлому будущему [7 с. 66–67].

К началу XX в. в США активно распространяются сектантские вероучения. Секта – это религиозная организация, которая складывается вокруг нового, только что провозглашенного

учения. Зачастую оно исходит от духовного лидера, опровергающего принципы современного ему общества. Как отмечает Д. Е. Фурман в таких учениях люди делятся на две социальные группы: «истинную элиту», немногих избранных следующих за тем, кому открыт «свет истины», и «псевдоэлиту», господствующий класс, который добился успеха в мире, где «властвует дьявол», а, следовательно, с его помощью [7, с. 109 – 110]. Таким образом, последователи секты получают необходимую психоэмоциональную установку, что их вины в собственном низком социальном положении нет. Такое положение, напротив, своего рода «привилегия», показатель избранности. Именно поэтому в США, где господствует культ успеха, сектантство приобрело такой широкий размах.

Отличительными чертами сект являются их закрытость, отсутствие официального признания и четкой организационной структуры, неофициальная деятельность, узкий круг последователей, радикальность взглядов. Секты бывают двух видов: мягкие секты и радикальные секты. Характерной чертой мягких сект является их стремление «удваивать» значение своей религии, признавая Библию, но дополняя её божественными откровениями. Например, по легенде, основателю мормонов Д. Смиту явился ангел и открыл ему Книгу Мормона, дополняющую, а где-то и заслоняющую Библию. Адвентисты седьмого дня дополняют Священное Писание откровениями Е. Уайт и т.д. [9 с. 105].

Второй вид – это радикальные секты. Как правило, в таких учениях действует следующая цепочка событий: был идеальный мир – люди согрешили – наступили темные времена – появился пророк и выбрал ограниченный круг избранных, в который входят те, кто изначально был «истинной элитой», но впал во грех – проповедуется искупление и возвращение прежнего состояния – в перспективе происходит великая битва добра и зла – устанавливается царство истины и порядка [7, с. 102–103]. Эта цепочка прослеживается во взглядах представителей религиозной организации «Нации ислама», основанной в 1930 г. У.Ф. Мухаммадом. На современном этапе в данном учении наблюдается переход от расистских позиций к более умеренным взглядам, однако в первой половине XX в. это движение можно смело обозначить как пример радикальных сект.

Итак, рассмотрев несколько протестантских вероучений, господствовавших в США, и некоторые религиозные секты, зададимся вопросом: смогли ли они повлиять на развитие американского общества, на формирование американской национальной идентичности при условии отсутствия доминирующей религиозной доктрины? Чтобы ответить на данный вопрос необходимо сначала обозначить, как различные вероучения повлияли на американскую национальную систе-

му ценностей, и какое значение формирование этой системы имело для определения американской национальной идентичности.

Первая ценность – это открытость новым знаниям. Однако не всякое знание признавалось полезным. Так, в книге Р. Гофштадтера «Антиинтеллектуализм в американской жизни» различие между европейскими и американскими знаниями состоит в том, что европейцы «увековечивают в письменных памятниках плоды гениального безумия, не имеющего реальной пользы», в то время как американцы признают только то знание, которое применимо на практике [14, р. 306]. Такая установка во многом поддерживалась и церковью. Обращаясь к текстам проповедей американских конгрегационалистов, находим там следующее убеждение: «Человек ценен не тем, что справляется с пониманием научных условностей, но тем, что его труд работает на благо общества» [13, р. 97].

Вторая ценность в системе американской национальной системы ценностей – юридическое равенство. На современном этапе юридическое равенство заключается в равных правах всех граждан перед законом, отсутствии дискриминации по возрастному, половому, расовому признаку. Конечно, в эпоху освоения подвижной западной границы данную ценность воспринимали совершенно по-другому. Под равенством буквально понималась возможность для каждого сбежать на вольный фронт, а не равноправное положение представителей различных рас и народов. Как отмечал Л. Харц, такая ситуация имела под собой религиозное обоснование. Так, католическое равенство в шансе на спасение исследователь объяснял логической связью с иерархической системой церкви и общества. Методы спасения для разных людей отличались по степени их вовлеченности в католический мир. Кому-то добиться спасения было легче, кому-то приходилось тяжелее. Выстраивалась своего рода иерархия, где на вершине стояли те, чей путь к спасению был облегчен праведной жизнью. В протестантизме, особенно в тех его вариантах, что господствовали в североамериканских колониях, ничего подобного не было. Общество делилось на спасенных и погибших. Между теми и другими имелось равенство внутри групп, но между группами была абсолютная пропасть. Подобно тому, как один пуританин в шансе на спасение был равен другому, любой индеец или афроамериканец не был равен христианину [7, с. 59–60]. Отсюда бесчеловечное отношение к данным категориям населения. Протестантство не терпело никаких полутонув. Католик мог признать человека человеком, не признавая его равенство с собой. Для протестанта это было невозможно из-за отсутствия какой-либо иерархии.

Ещё одна важнейшая составная часть американской национальной системы ценностей

– это республиканская форма правления, что вполне естественно, учитывая историю возникновения США. В рамках рассматриваемой темы важно отметить, что республиканская форма правления прекрасно могла сосуществовать с «договорной теологией», господствующей в среде американских протестантов: колонисты сами устанавливали законы, платили налоги своим же выбранным людям. Таким образом, человек вступал в договор как с Богом, так и с обществом [7, с.63 – 64].

Сюда же в американскую национальную систему ценностей входит и особое почтение к закону. Для американцев закон – это не просто выражение народной воли, но и важнейшая скрепляющая сила для нации иммигрантов. Молодое государство, родившееся благодаря революции, оформило свой дух через конституцию. Примечательно, что в эпоху Гражданской войны, когда произошёл крупнейший раскол общества в американской истории, споры велись вокруг толкования конституции США. Эти споры служили мощнейшим идеологическим обоснованием позиций воюющих сторон, что невольно вызывает аналогию с теми спорами, которые возникали вокруг толкования Священного Писания в эпоху Реформации. Именно поэтому, несмотря на то что закон естественным образом модифицируется, он неприкосновенен, как основная цементирующая база американского общества [7, с. 85–86].

Следующим важным элементом американской национальной системы ценностей является стремление к социальному успеху, подразумевающее собой авторитет в обществе и финансовое благополучие. Согласно многим протестантским верованиям, если труд – внешний признак спасения, делать меньше, чем ты можешь – грех, а добиться успеха – высшее благо. Особо следует подчеркнуть, что не достичь социального благополучия в Новом Свете, где не было сословных привилегий и всякого рода притеснений, означало не исполнить своего предназначения ввиду собственной греховности. В процессе секуляризации религии культ успеха переключался из религиозной сферы в светскую жизнь, родилась формула: если ты не успешен, значит ты аутсайдер [7, с. 118]. Особое отношение к труду формировало и особое отношение к материальным благам, как к результатам этого труда. Так как конечный продукт реализовывался через торговлю, то и торговля считалась делом божеским, объединяющим верующих. Так, в проповедях конгрегационалистов второй половины XIX века находим: «Наш обычный путь – создать свою собственность своим трудом» [12, р. 148]; «Общество строится на условиях выгоды, люди нужны друг другу, как в дружеских, так и в чисто экономических отношениях. И экономические отношения дарят чувство сопричастности» [12, р. 152]. В проповеди под названием «Как быть христианином в торговле» автор уподобляет торговцев дождевым облакам, распределяющим жи-

вительную влагу, ведь торговцы своей деятельностью распределяют материальные блага в обществе [10, р. 250]. Не осуждается прибыль, как основная цель торговых операций: «Все опасения по поводу особо вредного воздействия в торговле ошибочны. То, что называется прибылью, на самом деле является таким же заработком, как и любые плоды ручного труда» [10, р. 249].

Интересное определение в проповедях американских конгрегационалистов находим такому феномену, как «власть денег». Эта самая власть рассматривается здесь как особая сила, способная стать проводником для создания общества всеобщего благополучия и построения великой нации. «Во время нашей последней Гражданской войны денежная власть, насколько мне известно, впервые с начала мира честно возложила себя на алтарь и от всего сердца посвятила себя общественному благосостоянию. Она даже приняла на себя, можно сказать, тяжелую и огромную массу нации и величественно пронесла ее» [10, р. 264]. Таким образом, по мнению автора проповеди, только в Америке проявилось истинное предназначение силы денег. Только Америка смогла использовать эту силу для служения высшей цели.

Следующим ключевым элементом американской системы ценностей является стремление к свободе. Особым статусом, в связи с этим наделяются носители «мистического духа американской свободы». Переселенцы из Европы не имели общего исторического прошлого. Оглядываясь назад, они видели первую крупную победу, которая дала им возможность построить собственное государство, подарила национального героя, стала предметом национальной гордости. Война за независимость США со временем в сознании людей из реального исторического трансформировалась в полуполюгендарное событие. Д. Вашингтон, сыгравший в ней ключевую роль, получил высокий статус «отца нации». Мифологизированный образ первого президента представлял собой нечто среднее между «легендарным вождём прошлого» и «святым покровителем страны». Если мы обратимся к самому знаменитому жизнеописанию Д. Вашингтона, составленному М. Л. Уимсом, то увидим характерные для агиографического жанра черты и некоторую долю фантастического вымысла, в который многие американцы охотно поверили. Как отмечал Д. Бурстин: «В Новом Свете нет лучшего примера, подтверждающего собой желание поверить» [1, с. 430]. В знаменитом эпизоде книги М. Л. Уимса о коленопреклонённой молитве Д. Вашингтона в Велли-Фордж, Война за независимость Америки рассматривается, как священная борьба за свободу, имеющая значение для всего страдающего от несправедливости человечества. Д. Вашингтона здесь рисуют как человека, голубого верующего, однако не указывается его принадлежность к какой-либо религиозной

деноминации [21, р. 183–184]. В данном случае важен сам факт религиозности лидера Американской революции. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что стремление к свободе и религиозность в американской системе ценностей переплетены между собой. Святость цели по достижению истинной свободы определяется глубокой верой, которая сама по себе не терпит принуждения и церковной иерархии.

Отсутствие чётких представлений о национальной религии, да и вообще о национальной истории и культуре, удивительным образом также стали скрепляющим звеном для молодой нации. Все это многообразие, в том числе и религиозная свобода, породили миф об универсальности американских ценностей для всего человечества [7, с. 87], что легло в основу американской национальной идеи. Наиболее показательным в данном отношении является сочинение Д. О'Салливана, опубликованное им в 1845 г. на страницах журнала «Democratic Review». В своей статье, посвященной аннексии Техаса, автор начал развивать концепцию, названную им в дальнейшем «Предначертание судьбы». Д. О'Салливан, согласно своим убеждениям, определяет американскую нацию, как нацию прогресса: «Наша миссия благословенна по отношению к другим странам мира, для которых закрыт свет истины» [18, р. 5–6]. Он высказывает свою полную убежденность в исключительности Америки, так как она имеет «незапятнанное в прошлом сознание» [18, р. 5–6].

Подобные рассуждения привели к идее «американской исключительности», и обоснование этой идеи часто носило мистический, религиозный характер. Для американцев национальная цель по утверждению принципов «истинной свободы и справедливости» во всем мире происходила из убеждения в том, что Америка получила независимость, выполняя часть «божественного замысла», дабы нести «мистический дух свободы» всему остальному человечеству. Эта мысль красной линией проходит во многих произведениях американской беллетристики XIX в., через которые формировалось общественное сознание. К примеру, в книге Д. Липпарда «Вашингтон и его генералы 1776, или Легенды Американской революции» примечателен эпизод, где отшельник-пророк нарекает Д. Вашингтона «служителем Бога в великом деле освобождения нации» со словами: «Во имя

того, кто дал Новый Мир миллионам человечества, как последний алтарь их прав, я посвящаю тебя в его воины!» [15, р. 97]. Таким образом, в США патриотизм подкрепляется религиозностью, верой в «божественную защиту» американских национальных ценностей. О связи патриотизма с религией очень ярко свидетельствует высказывание второго президента США Д. Адамса: «Патриот без религии, по моему мнению, парадокс столь же большой, как честный человек без страха Божия» [7, с. 89]. Приведём так же слова французского мыслителя А. де Токвиля: «Я не знаю все ли американцы верят в свою религию... но я уверен, что они признают её необходимой для поддержания республиканских учреждений» [6, с. 439]. Тесная связь религиозного и гражданского компонента в национальном самосознании впоследствии привела к формированию такого феномена, как гражданская религия. США не является исключительным примером в истории, где сложилась подобная система взглядов, однако здесь она получила значительное распространение и играет важную роль в общественной жизни.

Результаты. Развитие религиозной мысли на территории североамериканских колоний, впоследствии ставших США, было напрямую связано с процессом формирования американской национальной системы ценностей. Многие элементы данной системы подкреплялись духовно-идеологическими убеждениями, не связанными с конкретной конфессией или религиозной деноминацией. Идея «американской исключительности» опиралась на веру в «особую миссию США» по отношению к остальному миру, что легло в основу американской национальной цели. Подобное убеждение исходило из религиозных представлений о «богоизбранности американского народа» из-за уникальности исторического развития США и породило миф об «универсальности» американских ценностей для всего человечества. Всё вышечисленное: национальные идеалы, убеждения, ценности, идеи – это неотъемлемые составные части национальной идентичности любого народа. Поэтому, хотя говорить о доминирующем влиянии какой-либо религиозной доктрины в США не приходится, религия сыграла значимую роль в становлении американской национальной идентичности.

Литература

1. Бурстин Д. Д. Американцы. В 3-х тт. Т.2. Американцы: Национальный опыт: монография. М.: Прогресс-Литера, 1993. 621 с.
2. Джонсон Д. Ф. Лютеранская традиция // Теологический энциклопедический словарь. М.: Духовное возрождение, 2003. 1468 с.
3. Кернс Э. Дорогами христианства. История церкви. URL: https://royallib.com/read/kerns_er/dorogami_hristianstva.html#1351680 (дата обращения: 21.10.25).
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 689 с.
5. Тёрнер Ф. Д. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
6. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Субъект, 2024. 735 с.
7. Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США: монография. М.: Наука, 1981. 256 с.

8. Хроника христианства. М.: Терра, 1999. 464 с.
9. Хрулева И.Ю. Джордж Уитфилд: жизнь, эпоха, наследие // Исторические исследования. 2017. № 7. С. 189-192.
10. Bushnell H. How to be a Christian in trade // Sermons on living subjects. New York: Scribner, Armstrong & Co., 1872. P. 243-267.
11. Bushnell H. The completing of the soul // Sermons on living subjects. New York: Scribner, Armstrong & Co., 1872. P. 96-113.
12. Bushnell H. The property right we are to get in souls // Sermons on living subjects. New York: Scribner, Armstrong & Co., 1872. P. 148-165.
13. Cross A. L. The Anglican Episcopate and the American Colonies. New York; etc: Longmans, Green and Co., 1902. 380p.
14. Hofstadter R. Anti-Intellectualism in American Life. New York: Knopf, 1963. 434 p.
15. Lippard G. The legends of the American revolution «1776» Or, Washington and his generals. Philadelphia: T. B. Peterson, 1876. 527 p.
16. Millerism // The Spirit of Democracy. 1844. № 37. Vol. 1. P. 2-5.
17. Miller P. The New England Mind from Colony to Province. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 513 p.
18. O'Sullivan J. L. Annexation // Democratic Review. 1845. № 85. Vol. 17. P 5-10.
19. Soares T.D. A Baptist Manual. Philadelphia: American Baptist Publication Society, 1911. 156 p.
20. Sweet W. W. Religion in Colonial America. New York: C. Scribner's Sons, 1942. 367 p.
21. Weems L. M. The Life of George Washington. Philadelphia: Lippincott, 1800. 292 p.

References

1. Burstin DD. The Americans. In 3 volumes. Vol. 2. Americans: National experience. Moscow: Progress-Litera, 1993. 621 p. (In Russ.).
2. Johnson DF. The Lutheran tradition in Theological encyclopedic dictionary. Moscow: Dukhovnoe vrozozhdenie, 2003. 1468 p. (In Russ.).
3. Kerns E. The Roads of Christianity. The history of the Church. URL: https://royallib.com/read/kerns_er/dorogami_hristianstva.html#1351680 (accessed: 21.10.25). (In Russ.).
4. Marx K. Economic and philosophical manuscripts of 1844 in Marx K., Engels F. From early works. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956. 689 p. (In Russ.).
5. Turner FJ. The Frontier in American history. Moscow: Ves' mir, 2009. 304 p. (In Russ.).
6. Tocqueville A. Democracy in America. Moscow: Subekt, 2024. 735 p. (In Russ.).
7. Furman DE. Religion and social conflicts in the USA. Moscow: Nauka, 1981. 256 p. (In Russ.).
8. Chronicle of Christianity. Moscow: Terra, 1999. 464 p. (In Russ.).
9. Khruleva IY. George Whitfield: life, epoch, legacy. Istoricheskie issledovaniia. 2017; 7: 189-192. (In Russ.).
10. Bushnell H. How to be a Christian in trade in Sermons on living subjects. New York: Scribner, Armstrong & Co., 1872. p. 243-267.
11. Bushnell H. The completing of the soul in Sermons on living subjects. New York: Scribner, Armstrong & Co., 1872. p. 96-113.
12. Bushnell H. The property right we are to get in souls in Sermons on living subjects. New York: Scribner, Armstrong & Co., 1872. p. 148-165.
13. Cross AL. The Anglican Episcopate and the American Colonies. New York; etc: Longmans, Green and Co., 1902. 380p.
14. Hofstadter R. Anti-Intellectualism in American Life. New York: Knopf, 1963. 434p.
15. Lippard G. The legends of the American revolution «1776» Or, Washington and his generals. Philadelphia: T. B. Peterson, 1876. 527 p.
16. Millerism. The Spirit of Democracy. 1844; 37 (1): 2-5.
17. Miller P. The New England Mind from Colony to Province. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 513 p.
18. O'Sullivan J. L. Annexation. Democratic Review. 1845; 85 (17): 5-10.
19. Soares TD. A Baptist Manual. Philadelphia: American Baptist Publication Society, 1911. 156 p.
20. Sweet WW. Religion in Colonial America. New York: C. Scribner's Sons, 1942. 367 p.
21. Weems LM. The Life of George Washington. Philadelphia: Lippincott, 1800. 292 p.

Научная статья

УДК 947 (470.6)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.7>

«РАСКРЕПОЩЕНИЕ» И ТРУД: ЧЕРКЕШЕНКИ В ЭПОХУ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1930-1940-Е ГГ.)

Наталья Юрьевна Кулиш

Государственный архив Ростовской области (д. 28, пр-кт Ворошиловский, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
Заведующая отделом информации и публикации
n.coolish@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0003-7101-678X>

Аннотация. Введение. 1930-е гг. – переломная эпоха в истории Советского Союза: происходили реструктуризация органов управления страной и становление современной экономической системы, был создан мощный производственный и оборонный потенциал. Модернизация затронула и женский вопрос. Весомый вклад в процесс «раскрепощения» горянки внесла деятельность Отделов по работе с работницами и крестьянками («женотделов»). С самого основания в 1919 г. и до их ликвидации отделы занимались вопросами бытового, политического и образовательного «раскрепощения» горянок, и настолько результативно, что, благодаря планомерно предпринятым за этот период мероприятиям, в 1937 г. в Совет Национальностей ВС РСФСР были впервые избраны женщины-кабардинки, балкарки, черкешенки и активистки из других Северо-Кавказских регионов. В научной литературе прослеживается тенденция рассматривать упразднение женотделов в 1930 г. как маркер окончательного решения «женского вопроса». Но, на наш взгляд, предпринятая мера явилась не прекращением, а реорганизацией работы с женщинами. Функции отдела были переданы в женский сектор при отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), что указывает на интеграцию работы с женским населением в общую стратегию работы партии. Особенный интерес представляет процесс организации работы с женщинами-горянками (в частности, в предлагаемом исследовании – с черкешенками) после ликвидации женотделов и возможности для самореализации, предлагавшиеся в тот период женщинам. **Материалы и методы.** Методология исследования сочетает принципы историзма, объективности и системного анализа. Источниковая база включает нормативно-правовые акты, научные работы по кавказоведению, архивные документы (государственные архивы Ростовской области, Адыгеи, КБР и КЧР) и

материалы периодической печати, обеспечивая комплексный подход к изучению темы. **Анализ.** На основе комплексного анализа документальных источников делается вывод о том, что реорганизация системы работы с женским населением в 1930-е гг. не привела к снижению уровня социальной активности женщин. Интеграция «женского вопроса» в общепартийную повестку сочеталась с расширением доступа женщин, в том числе и черкешенок, к образованию на различных уровнях и активным вовлечением в производственную деятельность, что способствовало формированию нового поколения управленческих кадров, в том числе, представленных в органах государственной власти. **Результаты.** Анализ архивных источников и нормативных актов демонстрирует изменения в жизни черкешенок Адыгеи, КБР и КЧР после упразднения женотделов. Рост образованности, участие в производстве, вовлечение в политическую деятельность, вплоть до избрания в Совет Национальностей, свидетельствуют о расширении возможностей социальной мобильности и участия в управлении государством.

Ключевые слова: женский вопрос, модернизация, Кавказ, традиционное общество, черкешенки, Адыгея, КБАО, КЧАО, коллективизация, раскрепощение горянок, женотдел

Для цитирования: Кулиш Н. Ю. «Раскрепощение» и труд: черкешенки в эпоху коллективизации (1930-1940-е гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 58–66. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.7>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025

Статья одобрена после рецензирования: 13.01.2026

Статья принята к публикации: 28.01.2026.

Research article

LIBERATION AND LABOR: CIRCASSIAN WOMEN DURING COLLECTIVIZATION (1930S-1940S)

Natalia Yu. Kulish

State Archive of Rostov Region (28, Voroshilovsky av., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation)
Head of Information and Publication Department
n.coolish@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0003-7101-678X>

Abstract. Introduction. The 1930s were a turning point in the history of the Soviet Union: there was a restructuring of the country's governing bodies, the formation of a modern economic system, and a powerful industrial and defense potential. Modernization also affected the women's issue. A significant contribution to the process of emancipation of the North Caucasian women was made by the activities of the Departments for work with workers and peasant women (women's departments). From the very foundation in 1919 until their liquidation, the departments dealt with issues of domestic, political and educational emancipation of the North Caucasian women. The activity was effective and thanks to the measures systematically undertaken during this period, in 1937, Kabardian, Balkarian, Circassian and activists from other North Caucasus regions were elected to the Council of Nationalities of the RSFSR for the first time. The liquidation of Zhenotdels (Women's

Departments) in 1930 is often interpreted as the definitive resolution of the "woman question" in the Soviet Union. However, this study argues that the measure represented not a cessation, but rather a reorganization of work with women. The functions of the Zhenotdel were transferred to the Women's Sector within the Agitation and Propaganda Department of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), indicating an integration of work with the female population into the party's overall strategy. The organization of work with women from Caucasus regions (particularly, in this study, with Circassian women) after the liquidation of the Zhenotdels, and the opportunities for self-realization offered to women during this period, are of particular interest of the research. **Materials and Methods.** The research methodology combines the principles of historicism, objectivity, and systemic analysis. The source base includes normative legal acts, scientific works on

© Кулиш Н. Ю., 2026

Caucasian studies, archival documents (from the state archives of the Rostov Region, Adygea, Kabardino-Balkaria, and Karachay-Cherkessia), and materials from the periodical press, ensuring a comprehensive approach to the study of the topic. **Analysis.** Based on a comprehensive analysis of documentary sources, it is concluded that the reorganization of the system of work with the female population in the 1930s did not lead to a reduction in the level of women's social activity. The integration of the "woman question" into the general party agenda was combined with an expansion of women's, including Circassian women's, access to education at various levels and active involvement in productive activities, which contributed to the formation of a new generation of managerial personnel, including those represented in government bodies. **Results.** Analysis of archival sources and normative legal acts demonstrates changes in the lives of Circassian women in Adygea, Kabardino-Balkaria, and Karachay-Cherkessia after the abolition of the Zhenotdels. Increased education levels, participation in production,

Введение. 1930-е гг. – переломная вежа в истории Советского Союза. В этот период происходила реструктуризация органов управления страной, становление современной экономической системы, был создан мощный производственный и оборонный потенциал. Модернизация затронула и женский вопрос.

Значительную роль в процессе «раскрепощения» женщин Северного Кавказа сыграла деятельность специализированных государственных структур – отделов по работе среди работниц и крестьянок («женотделов»). С момента своего учреждения в 1919 г. и до упразднения в 1930-х данные органы последовательно реализовывали комплексную программу социально-политического и образовательного развития горянок. Многолетняя системная работа отделов, направленная на их интеграцию в общественную жизнь, продемонстрировала высокую эффективность.

Подтверждением результативности принятых мер стало, например, историческое событие 1937 г., когда в состав Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР впервые вошли представительницы женского населения региона: кабардинки, балкарки, черкешенки и активистки других северокавказских территорий. В 1930 г. в русле происходивших в стране перемен состоялась и реорганизация системы работы с женскими массами. Произошел отказ от концепций «новой женщины» и «нового быта», «откат» к традиционному формату семьи, возвращение к традиционным гендерным ролям. Формировался образ женщины, как одновременно работницы и матери, воспитательницы молодого поколения, выразившийся в появлении мифа о «суперженщине», способной успевать всё – научные открытия, работу на производстве, ведение быта и рождение, и воспитание детей.

Активно проявившие себя на ниве «раскрепощения» в предыдущее десятилетие специализированные органы – отделы по работе среди работниц и крестьянок (в быту – «женотделы»), подчиненные ЦК ВКП (б), были упразднены. Согласно распространенной интерпрета-

involvement in political activities (up to and including election to the Council of Nationalities), testify to the expansion of opportunities for social mobility and participation in the governance of the state.

Keywords: gender issue, modernization, traditional society, Caucasus, Circassian women, Adygea, Kabardino-Balkar Autonomous Oblast (KBAO), Karachay-Cherkess Autonomous Oblast (KChAO), collectivization, liberation of women from Caucasian regions, Zhenotdels (Women's Departments)

For citation: Kulish NYu. Liberation and labor: Circassian women during collectivization (1930s-1940s). Humanities and law research. 2026;13(1):58-66. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.7>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 01.09.2025

The article was approved after reviewing: 13.01.2026

The article was accepted for publication: 28.01.2026

ции, это свидетельствовало о признании «женского вопроса» решенным на государственном уровне. Однако альтернативная точка зрения, разделяемая нами, состоит в том, что новый подход в организации работы с женской аудиторией без использования для этого обособленной специфической структуры предполагает не прекращение работы с женщинами, а ее интеграцию в более широкую партийную структуру. В частности, после упразднения женотделов при отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) был создан женский сектор [11]. Таким образом, работа с женским населением продолжилась, но в рамках более универсальной и комплексной партийной стратегии, а не как функция специализированного, отдельно существующего органа.

Материалы и методы. Методология исследования базируется на принципах историзма, объективности и системного подхода к анализу привлеченного материала. В ходе историко-сравнительного анализа значительное внимание уделено работе с обширной источниковой базой изученных регионов. Ее, в частности, составили нормативно-правовые акты, труды ученых-кавказоведов и исследователей советского и современного периода, таких, как В. Ф. Кудинов, З. М. Налоев, Л. Х. Сабанчиева, архивные документы Государственных архивов Ростовской области, Карачаево-Черкесской Республики, Национального архива Республики Адыгея, Центра документации новейшей истории Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики, Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики, Управления Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики, а также материалы периодической печати республик.

Анализ. В 1930-е гг., в эпоху индустриализации и коллективизации в СССР, произошел рост активности и вовлеченности женщин в трудовую деятельность. Это было вызвано потребностью в увеличении трудовых ресурсов для реализации масштабных экономических задач.

В национальных областях Кавказа процессы индустриализации и коллективизации сопровождались существенными социокультурными изменениями, оказавшими негативное воздействие на социально-экономическое положение женщин. Так, по мнению З. М. Налоева, заслуженного деятеля науки КБАССР, народного писателя КБР, ученого-филолога и общественного деятеля, коллективизация привела к размыванию границ традиционного гендерного разделения труда, что выразилось в увеличении общей трудовой нагрузки на женщин. Помимо производственной деятельности, которую они осуществляли наравне с мужчинами, на женских плечах продолжала лежать ответственность за ведение домашнего хозяйства и уход за семьей. Наблюдалось несоответствие между трудовым вкладом женщин и степенью их официального признания и материального поощрения в сравнении с мужчинами, что, по словам З. М. Налоева, выражалось в преобладании мужчин среди награжденных орденами и медалями. Он писал, что ситуация в тот период сложилась следующим образом: «...Мужчины получали ордена и медали, а их жены – право гордиться ими» [5]. Такая диспропорция отражала сохранение патриархальных установок в социуме и вытекающее из этого гендерное неравенство, несмотря на провозглашаемое в советском обществе равноправие.

В контексте вышеприведенных обстоятельств, принятие в 1936 г. новой Конституции явилось значимым этапом социокультурной трансформации, оказавшим существенное влияние на повседневную жизнь женщин всего Советского Союза. Обновленный Основной закон стал правовой основой для трансформации в политической системе, включая расширение политических прав женщин, в том числе и в национальных автономных областях Северного Кавказа. Это выразилось в предоставлении женщинам возможности участвовать в работе законодательных и исполнительных органов власти на различных уровнях, однако, который гендерный дисбаланс все же сохранялся. В качестве иллюстрации данного процесса можно привести участие представительниц балкарской (Ш. М. Беппаева) и кабардинской (Б. Ш. Мисостишова) национальностей в работе первого созыва Верховного Совета СССР (1937 – 1946 гг.). Кроме того, важно отметить рост представительности женщин на местном уровне: например, в первом созыве Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР (1938 – 1947 гг.) на депутатскую работу были избраны 20 женщин [13, с. 36].

Выборы в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г. ознаменовались избранием значительного числа женщин-депутатов, представлявших различные регионы и республики страны. Избранные женщины внесли существенный вклад в развитие представляемых ими территорий. Среди женщин, представлявших Кавказ

и Закавказье, особого внимания заслуживают такие деятельные и активные депутаты, как: Чимназ Асланова, занимавшая пост заместителя председателя Совета Национальностей ВС СССР (1938 – 1950 гг.) и активно участвовавшая в ликвидации неграмотности и работе среди женского населения, а также занимавшая ряд руководящих должностей в сфере образования Азербайджанской ССР; Басти Багирова, передовик хлопководства, одна из первых стахановок Азербайджана и дважды Герой Социалистического Труда, чье звено благодаря внедрению азотных удобрений достигало рекордных урожаев хлопка [16]; Сона Нуриева, считающаяся первой женщиной-депутатом от Азербайджанской ССР и одной из первых женщин-пилотов республики. К сожалению, биографические данные о других женщинах-депутатах, представлявших национальные автономные области Северного Кавказа, до настоящего времени практически не дошли.

В 1937 г. Кабардино-Балкарская автономная область направила в Совет Национальностей Верховного Совета СССР рекордное количество представителей среди черкесских регионов, анализируемых в данной работе. Помимо Ш. М. Беппаева (от Черекского округа) и Б. Ш. Мисостишова (от Урванского округа), депутатами стали еще девять мужчин [15]. Таким образом, Кабардино-Балкария продемонстрировала наиболее высокую степень представленности в высшем законодательном органе страны.

Адыгейская автономная область в том же году в Совете Национальностей ВС ССР была представлена пятью избранными народом депутатами, среди которых была одна черкешенка – Б. С. Шхачева; в это же время представленность Черкесской автономной области в той же структуре выражалась в пяти избранных депутатах, из которых двое были женщинами, а именно – М. А. Сельгеева от Хабезского округа и Ф. Д. Шутукова от Икон-Халковского округа.

Если же перейти к теме трудовой жизни женщин, и, в частности, черкешенок, то следует отметить, что 1930-е гг. в Адыгейской автономной области, как и во многих регионах Советского Союза, характеризовались, в первую очередь, возросшей активностью властей региона (что соответствовало указаниям из центра) в вопросе привлечения черкешенок к общественному труду. Проанализировав опыт организации женских сельских слетов в 1935 г., уже в марте 1936 г. президиум Адыгблсполкома постановил провести по всей области женские сельские совещания, посвященные, в первую очередь, обсуждению таких важных вопросов, как задачи женщин в период весенне-полевых работ, и непосредственно связанный с ним вопрос о готовности детских учреждений к периоду этих работ [6, л. 29]. Как полагали местные власти, в подобных съездах суммарно приняли

бы участие от 50 до 100 женщин из числа членов советов и секций, лучших стахановок со всех районов области, бригадиров, звеньевых, качественников (рабочих, на общественных началах осуществлявших контроль за качеством выполнения сельскохозяйственных работ), работников детских учреждений, женорганизаторов, учетчиц.

Во многом благодаря организации такого мероприятия дело общественного воспитания в Адыгее получило толчок к развитию, которое выразилось в таких результатах: если летом 1935 г. в области работало всего 313 сезонных яслей, то на 1936 г. намечалось увеличение их количества до 315. При этом существовали также стационарные детские сады, которых в 1935-1936 гг. насчитывалось 51 [6, л. 25]. Сезонными же детсадами в 1936 г. планировалось охватить 9000 воспитанников – детей работников колхозов, совхозов, консервного комбината и завода (название которого в источнике не уточняется), количественный охват стационарных детсадов, к сожалению, в сведениях не приводится.

Но не один вопрос организации общественного воспитания находился во главе угла в 1930-1940-х гг. Ещё одним важным направлением работы в Адыгее, как и в других национальных автономиях Северо-Кавказского края, было привлечение образованных, активных и деятельных женских кадров на советскую работу. В 1934 г. областной исполком Северо-Кавказского края поручил районным партийным ячейкам выдвинуть в председатели и заместители председателей сельских и аульских советов девушек и женщин, прошедших подготовку на специальных профильных курсах, причем, в каждом районе был свой план по выдвижению.

В соответствии с этими планами Понежукаевский райисполком направил в областной исполком сведения о выдвижении на советскую работу шести женщин [7, л. 3-3об]. Среди них было четыре черкешенки, на каждую из которых давались такие характеристики:

1. Хаджат Хуако (Пчагатлукаевский сельсовет) – 24 года, беспартийная, с 1930 г. – член колхоза, рядовая колхозница, ранее на руководящих должностях не пребывавшая, курсы окончила удовлетворительно;

2. Айшат Мешлок (Джиджихабльский сельсовет) – 20 лет, кандидат в члены ВКП (б) с 1930 г., с этого же времени трудилась в колхозе, была заместителем председателя сельсовета, курсы окончила удовлетворительно;

3. Мин Женетль (Лакшукаевский сельсовет) – 57 лет, кандидат в члены ВКП (б) с 1930 г., в колхозе трудилась с этого же времени, к 1934 г. два года являлась членом сельсовета и год – членом правления колхоза, курсы также окончила удовлетворительно;

4. Хаджат Котле (Афипсипский сельсовет) – 29 лет, беспартийная, с 1930 года являлась членом колхоза, а с 1933 г. занимала должность заместителя председателя сельсовета; за свой труд была дважды премирована: один раз по линии колхоза, второй – по линии сельсовета; курсы, как отмечается, окончила хорошо.

Анализируя вышеприведенные характеристики, на примере одного из районов Адыгейской автономной области можно увидеть, что среди выдвинутых на руководящие должности женщин было представлено немало черкешенок (в данном конкретном примере – половина от всего количества выдвинутых), причем, здесь интересна и их возрастная градация. Присутствие в списке выдвинутых на советскую работу черкешенок 57-летней активистки не только говорит о ее результативной и самоотверженной работе в колхозе, но и может косвенно свидетельствовать о том, что в черкесском обществе в 1930-е гг. по-прежнему сохранялся авторитет старшей женщины (гуащэ), которая испокон веков традиционно была хозяйкой в сфере женского труда и семейно-бытовых отношений [14, с. 34].

Признавая сложность и многогранность процесса выдвижения женщин на советскую работу и поддержки их в ходе трудовой деятельности в различных организациях, важно отметить, что они трудились не только в сельсоветах, речь о которых уже шла выше. Так, женщин выдвигали на руководящую работу и в областном суде. Примером тому служит Довлетхан Измаиловна Ачмиз, которая к моменту выдвижения порядка 3-4 лет уже отработала в областном суде (была членом суда с 6 марта 1931 г.), кроме того, являлась членом партии, а по образованию была учительницей [7, л. 1-2]. Ее предлагали включить в руководящий состав областного суда Адыгеи в 1934 – 1935 гг.

Кабардино-Балкарская автономная область тоже не отставала в организации процессов выдвижения женщин на советскую работу. 22-29 декабря 1935 г. в Москве проходило всесоюзное совещание передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства. Среди выступивших на этом мероприятии была и черкешенка Биля Мисостишхова, та самая, которая впоследствии, почти двумя годами позже – 12 декабря 1937 г. – была избрана в Совет Национальностей Верховного Совета СССР первого созыва от Урванского округа КБАО (все-го в Совет тогда избрали 186 деятелей).

В конце 1935 г. на совещании передовиков Биля на родном кабардинском языке доложила И. В. Сталину, лично присутствовавшему на этом знаменитом мероприятии, и другим членам партии и правительства, о своих индивидуальных и коллективных заслугах. В то время Б. Ш. Мисостишхова была звеноводом колхоза имени Сталина, располагавшегося в селении

Псыгансу Урванского района Кабардино-Балкарской автономной области. Он состоял из 800 хозяйств и имел 14 полеводческих бригад, являясь при этом одним из передовых коллективных хозяйств в Кабардино-Балкарии; звено же Б. Ш. Мисостишховой, при этом, в колхозе было самым передовым [4]. Это выражалось в достижении им следующих показателей: за 1935 г. колхозу удалось добиться таких внушительных объемов урожая с одного гектара, как: 49 центнеров кукурузы, 27 центнеров пшеницы, 24 центнера овса; и, кроме того, распределить по 17 килограммов на трудодень зерновых культур (помимо других овощей и продуктов животноводства) [4, с. 6].

Необходимо отметить достижения Б. Ш. Мисостишховой, которые предшествовали ее выступлению на совещании передовиков. В возрасте 17 лет она уже имела статус «рекордистки» колхозных полей, обладала значками «Готов к труду и обороне» и «Ворошиловский стрелок». Кроме того, она инициировала создание первого в регионе клуба «Ворошиловских всадниц», где девушки осваивали навыки верховой езды по программе, аналогичной мужским кавалерийским клубам. Помимо этого, Б. Ш. Мисостишхова являлась «рекордисткой-альпинисткой» — это звание было присвоено ей за участие в составе группы Б. Э. Калмыкова в первом восхождении на Эльбрус, высочайшую гору Европы. Данное событие, произошедшее за полгода до совещания в конце 1935 г., имело важное значение не только для развития туризма, но и для расширения участия женщин в альпинизме — ранее представить, что женщина отправится в поход покорять горные вершины, было практически невозможно. Перед восхождением военные альпинисты получили приветствие от имени Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) и трудящихся региона, содержащее призыв к соревнованию с колхозниками в проведении восхождений. В числе 500 колхозников, заявивших о намерении подняться на Эльбрус под руководством Бетала Калмыкова и Сеида Хаджиева, была и юная Б. Ш. Мисостишхова [3].

Активно демонстрируя личный пример трудовых достижений и общественной деятельности, Б. Ш. Мисостишхова оказывала влияние и на повышение эффективности работы в колхозе. В звене, которым она руководила в колхозе имени Сталина, отмечались следующие результаты: горянка Хасанова получила 1224 пуда зерновых на трудодень, а некоторые работники — до 1700 пудов. Подобные количественные показатели, представленные Б. Ш. Мисостишховой, были положительно восприняты и горячо поддержаны аудиторией бурным потоком аплодисментов.

Несмотря на уже достигнутые показатели, в колхозе имени Сталина выражали стремление к дальнейшему улучшению результатов, обещая И. В. Сталину увеличить урожайность в 2-3 раза

в 1936 г. [4, с. 7]. Б. Ш. Мисостишхова, выступая от имени своего звена, заявила о намерении довести урожайность до 100

— Мы дожили до такого периода, когда мы должны заставить землю дать столько хлеба, сколько мы хотим от нее получить, — эти слова звеновода Б. Ш. Мисостишховой были встречены аплодисментами собравшихся делегатов [4, с. 7].

Наряду с интенсивным трудом на ниве сельского хозяйства, о чем свидетельствуют представленные статистические данные, колхозникам колхоза имени Сталина предлагались условия для культурного досуга. По словам Б. Ш. Мисостишховой, жили колхозники «культурно» и «зажиточно» под знаком «сталинской заботы о живом человеке». Социокультурная инфраструктура колхоза включала в себя радио, телефонную связь, электроснабжение, клуб, школу, столовую; также выходила местная газета [4, с. 9].

В период, предшествовавший Великой Отечественной войне, в Кабардино-Балкарии наблюдалось значительное развитие сфер культуры и образования. К концу первой пятилетки функционировали 248 школ, 5 техникумов, 5 школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), 28 школ колхозной молодежи и Кабардино-Балкарский педагогический институт. В 1932–1933 годах 60 горянок проходили подготовительные курсы для поступления в высшие учебные заведения [20]. Общее число девушек, получавших образование в учебных заведениях Кабардино-Балкарии, в то время достигало 800, а за её пределами — 30 090 [21]. В 1926 году был открыт научно-исследовательский институт, началось издание литературно-художественных альманахов на кабардинском и балкарском языках. Однако в этот период женщины ещё не были представлены ни в сфере науки, ни в литературе. К концу второй пятилетки были сформированы профессиональные коллективы искусств: Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца (1933), симфонический оркестр (1933), Кабардино-Балкарский драматический театр (1937). Горская молодежь региона получила возможность обучения в высших учебных заведениях Москвы и других городов Советского Союза.

В отчете Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ, составленном в сентябре 1940 года, подробно освещалась деятельность женщин, в том числе черкешенок, в различных сферах [17]. Отмечалось, что двадцать комсомолок были избраны депутатами Верховного Совета КБАССР, семь женщин занимали должности председателей сельсоветов, а 63 — заместителей председателей. Документировались достижения женщин в разных областях труда: Фатимат Деппуева заняла должность заместителя прокурора автономной республики, Мищерякова (упоминается без имени) — председателя Дворца пионеров. Особое внимание уделялось

стахановкам, таким как Сапрыкина (упомянута также без имени), работница кондитерской фабрики, перевыполнявшая план на 20-25%, и звеньевая Цаца Шувалова из колхоза им. Молотова, получившая в 1939 году урожайность кукурузы 43,2 центнера с гектара и пшеницы – 22 центнера с гектара. В сельском хозяйстве выделялись достижения доярки Бачиевой (упомянута без имени) из колхоза им. Мусукаева, демонстрировавшей высочайшие надои молока (1846 литров).

Наряду с достижениями женщин в сфере образования, организационной работе, сельском хозяйстве и промышленности, в отчете особо отмечались успехи комсомолок, освоивших искусство управления самолетом. В качестве примера приводились Лёля Дышекова, первая летчица из числа горянок, и Аня Маремукова, первая горянка-парашютистка, получившие широкую известность не только в Кабардино-Балкарии, но и по всему Советскому Союзу.

Л. Дышекова и А. Маремукова были выпускницами Нальчикского аэроклуба, основанного в 1934 г. в рамках общесоюзной кампании по созданию подобных учреждений. Нальчикский аэроклуб, широко известный во всем СССР, сыграл важную роль в подготовке кадров для военной авиации, став кузницей будущих летчиков-асов, парашютистов и авиамехаников, участвовавших в Великой Отечественной войне.

В 1940 г. формирование последней группы обучающихся в аэроклубе осуществлялось с отрывом от производственной деятельности. В ответ на лозунг «Комсомол на самолет!», около 900 абитуриентов, среди которых были как юноши, так и девушки, продемонстрировали заинтересованность в профессиональной деятельности в сфере авиации. Кандидаты на поступление в аэроклуб приезжали со всей территории республики. Однако по результатам прохождения строгой медицинской комиссии лишь 250 человек были признаны соответствовавшими установленным критериям. Из числа успешно прошедших отбор были сформированы 12 учебных групп для дальнейшего обучения летному делу.

После завершения обучения и первого выпуска, который состоялся 5 августа 1936 года, инструкторы-горянки Л. Дышекова и А. Маремукова продолжили свою профессиональную деятельность в Нальчикском аэроклубе. Они же осуществляли обучение курсантов, прошедших отбор в 1940 году, обеспечивая преемственность опыта и знаний в рамках процесса подготовки будущих героев Великой Отечественной войны.

В Карачаево-Черкесской автономной области с конца 1930-х гг. проводилась политика, направленная на вовлечение как горцев, так и горянок в освоение сельскохозяйственной техники. В апреле 1939 г. газета «Орджоникидзевская правда» сообщила о положительном отклике женской молодежи Кувинского района на

призыв передовых трактористок страны. В публикации приводились слова колхозницы Щащи Ионовой, произнесенные на комсомольском собрании в сельхозартели «Вторая пятилетка»: «Я призываю девушек делом ответить на обращение молодых депутатов. Обещаю хорошо овладеть трактором. А по первому зову партии и правительства пересяду с трактора на бронетанк». Указывалось, что после этого собрания еще шесть девушек-горянок выразили желание посещать курсы трактористок при Зеленчукской МТС без отрыва от производства. Также сообщалось, что 24 колхозницы-горянки Кувинского района – будущие трактористки – приступили к обучению, получив необходимую техническую литературу и наглядные пособия [9].

Согласно данным, опубликованным в газете «Красная Черкесия» в 1939 году, в колхозе «Казьма №2», расположенном в Кувинском районе Черкесской области КЧАО, проводилось обучение управлению трактором четырех колхозниц. В той же заметке сообщается, что одна из обучающихся, Х. Джегутанова, уже приступила к самостоятельной работе на тракторе в дневную смену, находясь под методическим руководством тракториста Ш. Хапиштова [12].

На наш взгляд, рассматривая процесс постепенного реформирования сознания горцев и горянок с целью активного вовлечения в общественную, производственную и кооперативную жизнь последних важно не только рассматривать массовые мероприятия, проводившиеся для достижения конечной цели, но также обратиться и к примерам персональной истории. Так, например, показательна в отношении вовлечения в рабочую, колхозную жизнь история черкешенки Г. Кештовой, происходившей из трудовой горской семьи.

После ранней смерти супруга, оставшись с четырьмя несовершеннолетними детьми, Г. Кештова, в силу обстоятельств, вступила в повторный брак, в котором родилось еще четверо детей. Несмотря на значительную нагрузку, связанную с ведением домашнего хозяйства, в первой половине 1930-х годов Г. Кештова начала трудовую деятельность в колхозе. Проявив высокую трудовую способность, ответственность и дисциплину, она быстро достигла статуса передового работника колхоза «Чертлеук». За выдающиеся трудовые показатели Г. Кештова неоднократно отмечалась премиями и выдвигалась в качестве кандидата на съезд передовиков Черкесии, проводившемся в 1937 году [8].

Через четыре года состоялось очередное награждение горянок Карачая и Черкесии. За прошедший период в сельскохозяйственном секторе региона произошла некоторая стабилизация, и даже наблюдался прогресс, что закономерно привело к появлению новых передовиков производства среди колхозниц, получивших

наименование «стахановок» (по аналогии с фамилией известного шахтёра-рекордсмена). Одним из ключевых критериев для номинирования на награды являлось участие активистов во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, запланированной к открытию осенью 1937 г., но фактически начавшей свою работу лишь 1 августа 1939 г. Из числа участников данной выставки были отобраны наиболее отличившиеся представители, которые впоследствии и были удостоены наград.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 марта 1940 года, по одной представительнице от Карачаевской автономной области и Черкесской автономной области, как передовые работники Орджоникидзевского края, были удостоены высшей государственной награды – ордена Ленина [10].

В Черкесской автономной области первой горянкой, удостоенной ордена Ленина, стала Фатимат Ибрагимовна Кушхова (1894 года рождения). Она родилась в ауле Касаевский Баталпашинского отдела Кубанской области (в настоящее время – аул Хабез) в семье, принадлежавшей к малообеспеченным слоям крестьянства. Интенсивный и продолжительный труд, сначала в хозяйстве родителей, а затем в семье супруга в селе Хахандуковский (в настоящее время – аул Али-Бердуковский), не позволил ей получить даже базовое образование в виде умения читать и писать [19].

В 1931 году Ф. И. Кушхова вступила в колхоз имени С. Орджоникидзе, где до 1935 г. являлась рядовым членом колхоза, а в 1935 году была избрана звеньевой. За достижения в трудовой деятельности она неоднократно удостоивалась премиальных выплат, а также была избрана делегаткой на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку 1939 г.

Анализ сохранившейся документации, в частности, многочисленных характеристик Ф. И. Кушховой, составленных в различные периоды времени, позволяет выявить специфику восприятия и оценки ее личности в рамках существовавшей в то время социально-политической системы. В частности, в характеристике, выданной Черкесским обкомом ВКП(б), подчеркивается, что «тов. Кушхова беззаветно предана своей любимой социалистической родине. Она не только сама прекрасно работает, но, силой своего личного примера, организует колхозников на выполнение задач, связанных с укреплением социалистического сельского хозяйства» [19, л. 4].

Более подробная оценка производственных показателей Ф. И. Кушховой представлена в характеристике от 29 октября 1939 года, составленной председателем колхоза им. С. Орджоникидзе, являвшимся ее непосредственным руководителем: «за время работы в колхозе к работе относилась хорошо, как хороший каче-

ственный звеньевой в 1938 г. дала сбор с одного га подсолнуха 197 кг. В 1939 г. работает звеньевой и к работе относится хорошо». Констатируется, что за первые девять месяцев 1939 г. черкешенка выработала 200 трудодней, а также принимала активное участие в общественной деятельности колхоза. Одним из значимых факторов, способствовавших выдвижению кандидатуры Ф. И. Кушховой на получение награды (как и в случае других тружеников, представленных к награждению), являлось отсутствие в ее биографии фактов, связанных с репрессированными родственниками.

Тот факт, что Ф. И. Кушхова не состояла в партии и не обладала высоким уровнем грамотности, не стал препятствием для выдвижения Черкесским обкомом ВКП(б) её кандидатуры 26 октября 1939 г. на выборах в Орджоникидзевский краевой Совет депутатов трудящихся. Она баллотировалась по Хабезскому избирательному округу, одному из пяти, существовавших тогда в области [19, л. 5-6].

Интеграция горянок в производственный процесс сопровождалась развитием социальной инфраструктуры при колхозах. Создавались «культурные коши», обеспечивавшие работников спальными местами и средствами личной гигиены. Для женщин организовывались досуговые мероприятия, такие как занятия рукоделием (вышивание, вязание). Эти меры свидетельствуют о систематических усилиях, направленных на повышение комфортности условий труда в колхозах и организацию культурного отдыха для женщин, занятых в производстве.

Осенью 1934 г. администрация Черкесской автономной области приняла постановление «О подготовке женских кадров для выдвижения на руководящую работу по перевыборной кампании Советов 1934 г.», что свидетельствует о проведении последовательной политики по продвижению женщин на руководящие должности. В данном документе, в частности, указывалось:

«В соответствии с постановлением Оргкомитета Советов С<еверо>-К<авказского> края от 16 октября сего года № 2 разверстку, преподанную последним на подготовку женских кадров в количестве 30 человек, принять и распределить по сельсоветам, обязав персонально председателей и предколхозов подобрать кандидатуру из колхозниц-ударниц, доказавших себя на производстве на 30-х месячные курсы в г. Орджоникидзе».

Документ также включал конкретные инструкции по организации проезда и предоставлению финансовой помощи женщинам, направляемым на обучение (орфография и пунктуация сохранена): «Предложить предаулсоветам обеспечить проезд до гор. Сулимова из г. Сулимова до г. Орджоникидзе отправив за счет Облоно для чего обязать тов. Хасанова обеспечить средствами до

города Орджоникидзе из расчета оплаты проезда и суточных на 5 дней. Предупредить председателей и предколхозов обеспечить посылку материала и кандидатур к 20 ноября 1934 г.» [1]. Все это указывает на то, что государство целенаправленно и системно подходило к вопросу подготовки и продвижения женщин на руководящие посты, в том числе и в национальных округах и областях Советского Союза.

Кроме того, в период 1930–1940 гг. в регионах, сегодня являющихся республиками Северо-Западного Кавказа, отмечалось активное участие горянок в образовательных программах, ориентированных на подготовку квалифицированных кадров для сельскохозяйственной отрасли. В Карачаево-Черкесии десятки женщин проходили обучение на курсах подготовки специалистов для сельского хозяйства и курсах счетоводов, организованных при Краевой школе среднего сельскохозяйственного образования, располагавшейся в помещениях бывшего Сентинского храма. С 1936 г. аналогичное областное учебное заведение функционировало и в Нижнем Архызе.

В 1938 г. состоялся выпуск Первомайского зооветтехникума, причем, в числе выпускников здесь были и женщины, что свидетельствует о расширении возможностей получения образования и профессиональной подготовки в сферах зоотехники и ветеринарии для горянок.

К концу 1930-х гг. значительная часть горянок Карачая и Черкесии принимала участие в деятельности колхозов, совхозов и сельскохозяйственных артелей. Важным фактором, стимулировавшим их трудовую активность, являлась система материального и морального поощрения. Подтверждением тому служит тот факт, что именно работницы из сферы сельского хозяйства первыми были удостоены высших государственных наград, таких как орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». Начиная со второй половины 1930-х гг., горянки не только осваивали различные трудовые специальности, но и получали среднее сельскохозяйственное образование, что позволяло им занимать руководящие должности в сельском хозяйстве. Некоторые из них были даже выдвинуты на должности руководителей сельскохозяйственных предприятий.

Результаты. Как видно из примеров, приведенных в данном исследовании, женский

вопрос действительно подвергся реформированию в начале 1930-х гг. Трансформировалось всё: органы управления страной, хозяйственная, производственная, семейная жизнь, быт – изменился и взгляд на советскую женщину. Теперь она должна была соединять в себе сразу две роли: не только трудовой и боевой подруги-работницы, но и матери, воспитывающей подрастающее поколение.

Проведенный анализ нормативно-правовых актов, в том числе, региональных, а также документального массива архивных учреждений, привлеченных к исследованию, наглядно демонстрирует репрезентацию указанных изменений в бытовой и производственной жизни черкешенок в период после упразднения женотделов и до начала Великой Отечественной войны. В этот период модернизации, затронувшей разные слои общества, горянки, ранее уже ликвидировавшие неграмотность, продвинулись в гражданской и общественно-политической самореализации. Как видно из архивных документов и материалов периодической печати, женщины и девушки Адыгейской, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей в 1930-е гг. не только учились в школах, но и получали образование на более высоком уровне – в техникумах, а затем в высших учебных заведениях. Институционализация трудовой деятельности в рамках колхозов, совхозов и промышленных предприятий сопровождалась развитием системы поощрения за высокие показатели и инновационную деятельность. Таким образом, на приведенных в статье примерах можно увидеть реализацию того самого мифа о «суперженщине» в реалиях Северо-Кавказских автономий. Еще одной характерной приметой эпохи является то, что особо отличившиеся работницы, среди которых были и черкешенки, получали возможность профессионального роста, горизонтального и вертикального, и вовлекались в политическую деятельность, в частности, путем избрания в представительные органы власти, включая Совет Национальностей Верховного Совета СССР, что свидетельствует о формировании новых каналов социальной мобильности и участия в управлении государством для горянок, и в частности черкешенок.

Литература

1. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. Л. 18.
2. Емтыль Р. Х. К вопросу о статусе адыгской (черкесской) женщины в обществе (XVIII-XIX вв.) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. № 3 (244). С. 34.
3. Кудинов В. Ф. Эльбрусская летопись. Нальчик: Эльбрус, 1976.
4. Мисостишова Б. Речь на совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства. 29 декабря 1935 года. – Нальчик, Каббалкнациздат. 1936 г. 5 с.
5. Налоев З. М. Культ женщины в адыгской традиции // Советская молодежь. 1990. 8 марта.
6. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 763.
7. НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 640.
8. Наши орденоносцы. // Красная Черкесия. 1937. 5 января.

9. Орджоникидзевская правда. №94. 1939. 24 апреля.
10. Орджоникидзевская правда. 1940. 8 марта.
11. О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б). (Утверждено Политбюро 5.I.1930 г.). Приложение № 3 к п. 14 пр. ПБ № 112 // Проект «Исторические Материалы» (istmat.org). URL: <https://istmat.org/node/58811?ysclid=Izis9q4pf7140304409> (дата обращения: 18.02.2025).
12. Пеньков Н. Девушки изучают трактор. // Красная Черкесия. 1939. 9 июля.
13. Сабанчиева Л. Х. Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). Нальчик: Издательский отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2016. 156 с.
14. Сабанчиева Л. Х. Семья и семейная обрядность кабардинцев: между традицией и модернизацией. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 180 с.
15. Список депутатов, избранных в Верховный Совет Союза ССР // Литературная газета. 1937. 15 декабря. № 68 (704).
16. Труды сектора экономики. Баку: Издательство АН АзССР, 1956. 421 с.
17. Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф.П-1. Оп.1. Д. 36. Л. 54-56.
18. Центр документации новейшей истории Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (далее – ЦДНИ ГА КЧР). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 283.
19. ЦДНИ ГА КЧР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 283.
20. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР). Ф.Р-717. Оп. 4. Д. 272. Л. 103.
21. ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп. 4. Д. 270.

References

1. State Archive of Karachaevo-Cherkessia Republic. F. P-2. Inv. 1. D. P. 18. (in Russ.).
2. Emtyl RH. On the Status of the Adyghe (Circassian) Woman in Society (18th-19th Centuries). *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2019; 3 (244): 34. (in Russ.).
3. Kudinov VF. Elbrus Chronicle. Nalchik: Elbrus, 1976. (in Russ.).
4. Misostishkhova B. Speech at the Meeting of Leading Grain Yield Producers, Tractor Drivers, and Threshing Machine Operators with Party and Government Leaders, December 29, 1935. Nalchik: Kabbalknatsizdat, 1936. 5 p. (in Russ.).
5. Naloev, Z. M. Cult of Women in the Adyghe Tradition. *Sovetskaya Molodezh*. March 8; 1990. (in Russ.).
6. National Archive of the Republic of Adygea (NARA). F. P-1. Inv. 1. D. 763. (in Russ.).
7. NARA. F. P-1. Inv. 1. D. 640. (in Russ.).
8. Our Order Bearers. *Krasnaya Cherkesiya*. 1937; January 5. (in Russ.).
9. *Ordzhonikidzevskaya Pravda*. 1939; 94; April 24. (in Russ.).
10. *Ordzhonikidzevskaya Pravda*. 1940; March 8. (in Russ.).
11. On the Reorganization of the Apparatus of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). (Approved by the Politburo on January 5, 1930). Appendix No. 3 to Item 14 of the Protocol PB No. 112. *Project "Historical Materials"* (istmat.org) URL: <https://istmat.org/node/58811?ysclid=Izis9q4pf7140304409> (accessed 18.02.2025). (in Russ.).
12. Penkov N. Girls are Studying Tractors. *Krasnaya Cherkesiya*. 1939; July 9. (in Russ.).
13. Sabanchieva LKh. Gender in Socio-Political Processes in Kabardino-Balkaria (20th Century – Early 21st Century). Nalchik: Publishing Department of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research (KBIHR), 2016. 156 p. (in Russ.).
14. Sabanchieva, L. Kh. Family and Family Rituals of the Kabardians: Between Tradition and Modernization. Nalchik: Publishing Department of the KBIHR, 2015. 180 p. (in Russ.).
15. List of Deputies Elected to the Supreme Soviet of the USSR. *Literaturnaya Gazeta*. 1937; 68 (704); December 15: 4. (in Russ.).
16. Works of the Economics Sector. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1956. 421 p. (in Russ.).
17. Department of the Central Documentation of Contemporary History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. F.P-1. Inv. 1. D. 36. P. 54-56. (in Russ.).
18. Center for Documentation of Contemporary History of the State Archive of the Karachay-Cherkess Republic (TsDNI GA KChR). F. P-1. Inv. 1. D. 283. (in Russ.).
19. TsDNI GA KChR. F. P-1. Inv. 1. D. 283. (in Russ.).
20. Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic (TsGA KBR). F. P-717. Inv. 4. D. 272. (in Russ.).
21. TsGA KBR. F. P-717. Op. 4. D. 270. (in Russ.).

Научная статья

УДК 902/904

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.8>**ХОЗЯЙСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ АЛАНИИ В V–XIII ВВ. СКОТОВОДСТВО****Роберт Петрович Кулумбеков**

Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова (8, ул. Путина, 100001, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия)
Кандидат исторических наук, доцент
kulumbegov_2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9885-0035>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается скотоводство как важнейшая отрасль хозяйства средневековой Алании. С V в. начинается постепенное возрождение политической, хозяйственной и культурной сфер жизни народа, последовавшее после нашествия гуннов. Развитие Алании продолжалось до XIII в. когда страна пала под ударами монгольских завоевателей. Аланы и созданная ими культура занимали важное место в исторических судьбах юга Восточной Европы в первых веках нашей эры и Предкавказья в эпоху средневековья. Аланская проблема в исторической науке существует с конца XVI в. и с тех пор продолжает привлекать внимание отечественных и зарубежных исследователей. В трудах об аланах нашли освещение, преимущественно, вопросы этногенеза, языковой принадлежности, политической истории расселения племенных групп, описание и хронологизация бытовых и погребальных памятников, выделение локальных вариантов аланской культуры, международные связи, чтение некоторых памятников письменности, проблема преемственности последующих этнокультур, связанных с аланами, вопросы религии (язычество, христианство), проблема Нартского эпоса. Однако в научной литературе слабо отражены производительные силы, хозяйство, уровень материальной культуры и быт, а без знаний особенностей хозяйственной деятельности того или иного народа сохраняется пробел, затрудняющий возможность глубоко осмыслить различные аспекты его исторической жизни. **Материалы и методы.** Методы сравнительного языкознания, с привлечением осетинского языка – одного из древних живых языков, относящегося к группе иранских языков, на котором

говорили аланы, дают убедительную реконструкцию некоторых сторон хозяйственного быта. Важное значение имеют находки, добытые при раскопках археологических памятников на территории средневековой Алании. В круг источников вводятся также нартские сказания в осетинской версии. Много ценного для рассматриваемой темы дает и этнография. **Анализ.** Литературные известия античных и средневековых авторов, вещественные материалы из могильников и поселений, данные сравнительного языкознания и фольклора свидетельствуют о том, что скотоводство было одним из важнейших занятий, составляющих экономическую основу средневековой Алании. **Результаты.** Скотоводство занимало ведущее место в хозяйстве, преимущественно, в горах, будучи основной предпосылкой весьма плотной заселенности гор в Средневековье. О развитости этой отрасли хозяйства подтверждают материалы археологических раскопок, данные языка и фольклора.

Ключевые слова: средневековая Алания, экономика, скотоводство, хозяйственный быт, археологические источники, лингвистические источники

Для цитирования: Кулумбеков Р. П. Хозяйство и хозяйственный быт Алании в V – XIII вв. Скотоводство // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 67–73. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.8>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.10.2025

Статья одобрена после рецензирования: 23.01.2026

Статья принята к публикации: 28.01.2026.

Research article

ECONOMY AND HOUSEHOLD LIFE OF ALANYA IN THE V-XIII CENTURIES. CATTLE BREEDING**Robert P. Kulumbegov**

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov (8, Putin St., 100001, Tskhinval, Republic of South Ossetia)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
kulumbegov_2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9885-0035>.

Abstract. Introduction. The article examines livestock breeding as the most important sector of the economy of medieval Alania. Starting from the 5th century, there was a gradual revival of the political, economic, and cultural spheres of life of the people, which followed the invasion of the Huns. The development of Alania continued until the 13th century when the country fell under the blows of the Mongol conquerors. The Alans and their culture played a significant role in the historical destiny of Southern Eastern Europe in the early centuries of our era and in the pre-Caucasus during the medieval period. The problem of the Alans in historical science has existed since the late 16th century and continues to attract the attention of domestic and foreign researchers. The works on the Alans primarily cover issues of ethnogenesis, linguistic affiliation, political history of the settlement of tribal groups, description and chronological classification of household and burial monuments, highlighting local variants of Alanian culture, international relations, reading some written monuments, the issue of continuity of subsequent

ethnocultures related to the Alans, questions of religion (paganism, Christianity), the problem of the Nart epic, and others. However, little is known about the internal history of the Alans. The literature poorly reflects the productive forces, economy, level of material culture, and daily life, and without knowledge of the peculiarities of the economic activity of a particular people, there remains a gap that complicates the possibility of deeply understanding various aspects of its historical life. **Materials and Methods.** The methods of comparative linguistics, with the involvement of the Ossetian language – one of the ancient living languages belonging to the Iranian language group, which was spoken by the Alans, provide a convincing reconstruction of some aspects of household life. Important significance is attributed to the findings obtained during the excavations of archaeological sites on the territory of medieval Alania. The circle of sources also includes Nart tales in the Ossetian version. Much valuable information for the topic under consideration is also provided by ethnography. **Analysis.** Literary accounts of ancient and medieval authors,

material evidence from burial mounds and settlements, data from comparative linguistics, and folklore indicate that livestock breeding was one of the most important occupations forming the economic foundation of medieval Alania society. **Results.** Livestock breeding occupied a leading place in the economy, primarily in the mountains, being the main prerequisite for a very dense settlement of the mountains in the medieval period.

Keywords: Medieval Alania, economy, cattle breeding, economic life, archaeological sources, linguistic sources

Введение. В эпоху средневековья северокавказские аланы жили оседло, занимая горы и предгорья бассейна Терека и верховьев Кубани. Это был период, последовавший после вторжения гуннов в Аланию во второй половине IV в. Постепенное возрождение политической, культурной и хозяйственной сфер жизни народа продолжалось до монгольского завоевания Северного Кавказа в XIII в.

Если аланы в предшествующее появлению гуннов время на Северном Кавказе занимали, преимущественно, степную область, а горы посещались ими эпизодически, во время военных походов в Закавказье, то к V в. они начинают проникать глубже в горы и здесь оседать. Сосредоточившись, в основном, в горах и предгорьях, с прилегающей полосой степи, аланы перешли к оседлости. Основой экономики в горах Кавказа испокон веков было скотоводство, базирующееся на эксплуатации тучных высокогорных пастбищ. На равнинах преобладал крупный рогатый скот и лошадь, в горах доминировал мелкий рогатый скот, прежде всего овцы [8, с.224].

Материалы и методы. Литература об аланах обширная, однако, специальных работ, освещающих хозяйственную основу аланского общества на различных исторических этапах, не существует. Только в отдельных трудах, посвященных аланской тематике или в какой-то мере затрагивающих ее, встречаются сведения по рассматриваемому вопросу. В настоящей работе для освещения скотоводства, как важнейшей отрасли хозяйства средневековой Алании, привлечены письменные источники, материалы археологических раскопок, данные языка и фольклора. Изучение хозяйства алан эпохи Средневековья основывается на историко-сравнительном и ретроспективном методах исследования.

Анализ. О развитом скотоводстве в Алании свидетельствуют литературные известия, проливающие свет на скотоводство в эпоху средневековья. В грузинской летописи Картлис Цховреба о походе царя Грузии Вахтанга Горгасала в страну осов (Аланию) во второй половине V в. сообщается, что, разбив в сражениях осов (алан) и их союзников, он прошел через все их владения, «взяв дань несметным количеством лошадей и скота, возвратился в Грузию через Абхазию». В числе военной добычи царя Вахтанга было тринадцать тысяч коней, которыми он одарил своего дядю правителя Рани и царя Персии [12, с. 430].

Шапух Багратуни, армянский автор IX в., описывая вторжение арабов в Аланию с юга через

For citation: Kulumbegov RP. Economy and household life of Alanya in the V – XIII centuries. Cattle breeding. Humanities and law research. 2026;13(1):67-73. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.8>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.10.2025

The article was approved after reviewing: 23.01.2026

The article was accepted for publication: 28.01.2026.

Аланские ворота (Дарьял), перечисляет ее богатства: «Эта страна, полная всяческих благ, есть в ней много золота и великолепных одеяний, благородных коней и стального оружия, закаленного кровью пресмыкающихся, кольчуг и драгоценных камней» [22]. О развитом коневодстве у алан можно судить и по сообщению Масуди (X в.) Он пишет: «Царь аланов выставляет тридцать тысяч всадников» [11, с. 348].

Гильом де Рубрук посетивший Аланию вскоре после монгольского завоевания Северного Кавказа, сообщает о мясной и молочной пище у алан. Из его рассказа явствует, что аланы сохраняли древнюю традицию приготовления кумыса из конского молока, что указывает на развитое коневодство. У Рубрука же мы узнаем, что аланы умели заквашивать коровье молоко [18, с. 106].

В географическом сочинении XIII в., известном под названием Аджаб ад-дуниа («Диковинки мира») на персидском языке мы читаем: «Аланийе. Это город между Абхазом и Кыпчаком. Его товары: рабы (гулам), девушки-рабыни и мерлушка» [21, с. 199].

Аланийе, один из аланских городов, на что указывает его местоположение и название. По-видимому, город был торговым центром, известным далеко за пределами Алании, если он попал в географическое сочинение того времени. Среди товаров, которые были на его базарах, мерлушка (шкурки ягненка грубошерстной породы овец) составляла важную статью в торговле местного населения. Но, возможно, что под названием Аланийе надо понимать не город, а всю Аланию. Следовательно, в то время, к которому относится источник, а может быть и раньше, овцеводство у алан стояло достаточно высоко. Это сообщение говорит о товарном характере этой отрасли хозяйства.

Как видно, часть алан и после монгольского завоевания имела свои поселения, занималась земледелием и скотоводством, находясь в даннических отношениях к ханам Золотой Орды.

В связи с вопросом о птицеводстве у алан в рассматриваемый период можно лишь указать на одно сообщение, принадлежащее Масуди: «Царство его [аланского царя] – представляет непрерывный ряд поселений, настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов» [11, с. 348]. Если это сообщение понимать не фигурально, а в буквальном смысле, то его возможно считать указанием на наличие кур в хозяйстве. Этим кратким обзором

исчерпываются известные нам письменные свидетельства, касающиеся домашних животных.

Рассмотрим теперь вещественные источники. В средневековье на Северном Кавказе существовали различные типы погребальных сооружений. На ограниченной территории, иногда в пределах одного кладбища, в одну и ту же эпоху встречаются разные погребальные типы с одними и теми же, в типологическом отношении, вещами, отмеченными печатью одной и той же культуры, которую с полным основанием можно отнести к аланской. Аланы погребали своих умерших в каменных ящиках, подземных склепах, катакомбах. На довольно значительной территории расселения народа кости домашних животных были обнаружены во многих могильниках.

В рассматриваемую эпоху аланы продолжали сохранять одну из свойственных им характерных черт погребального ритуала – сопровождение покойника пищей, которой служила часть туши домашнего животного [5, с. 61]. Наблюдается также обычай захоронения с конем [10, с. 133; 23, с. 82]. Найденные в могилах кости домашних животных дают некоторое представление о скотоводческом хозяйстве в рассматриваемое время.

Другим источником сведений о скотоводстве являются бытовые памятники, открытые поселения и городища, в культурном слое которых обычны кости животных. О широком потреблении молочной пищи можно судить по многочисленной керамической посуде, представленной различными формами. Среди столовой аланской посуды есть сосуды со сливом в виде трубки, отходящей от верхней части корпуса сосуда, которые считают молочниками [19, с. 117; 20].

К переработке скотоводческого сырья имеют отношение вещи, находимые в культурных слоях поселений и в погребениях. К ним относим известные еще в раннее время железные ножницы, которыми стригли овец, пряслица от веретен, которыми сучили шерсть и пух и заготавливали пряжу [3, с. 275].

Подавляющее количество найденных на раскопах костей домашних животных принадлежит овце, много костей коровы, меньше лошади, козы и свиньи. Разводили и домашнюю птицу, что документируется находкой птичьей кости и скорлупы яиц [19, с. 145]. В ряде случаев зафиксированы пристройки к жилищам, которые, по-видимому, служили помещением для содержания скота.

В горах и предгорьях основное занятие в хозяйстве имела овца, что объясняется экологическими факторами. Горы и предгорья Центрального Кавказа и верховьев Кубани представляют совокупность весьма благоприятных условий для овцеводства. Различные климатические условия, обусловленные зональными особенностями рельефа, давали возможность в летнее время использовать богатейшие пастбища альпийского и субальпийского поясов высокогорной зоны, а в осеннее и весеннее время – пастбища предгорий. По-

мимо овцы в захоронениях встречаются и кости козы, что свидетельствует о наличии этого животного в стаде [3, с. 243].

Второе место в числе домашних животных занимал крупный рогатый скот. Он преобладал в хозяйстве жителей степных мест и наряду с продуктивным значением был основной тягловой силой в хозяйстве.

Если иметь в виду природные и экологические факторы, то нетрудно убедиться, что крупный скот более приспособлен к условиям равнины. Это определило его доминирующее место в стаде предгорий Алании, где в хозяйстве делало успехи земледелие.

Е. И. Крупнов дает в основных чертах характеристику состояния скотоводства Алании: «Находки костей домашних животных (лошади, быка, овцы, домашней свиньи и осла) дают представление не только о развитом скотоводстве, но и о составе стада. В равнинных районах преобладал крупный рогатый скот. Наоборот, в высокогорных условиях – мелкий скот: овцы, козы» [7, с. 38].

С переходом к оседлости у алан в хозяйстве появляются свиньи. У кавказских племен свинья, как домашнее животное, известна уже в начальный период скотоводства. Возможно, что аланы стали разводить это животное под влиянием аборигенов и прежде всего предков западных адыгов [6, с. 30].

Содержание свиньи сохраняло отчасти черты дикого состояния, если поблизости поселений были леса, кустарники, заросшие речные поймы. Способность свиньи самой отыскивать себе корм без особого присмотра облегчало ее разведение в лесостепной области, в предгорьях и горах. Разведение свиньи аланами отразилось и на использовании ее мяса в поминальной трапезе [5, с. 61].

Четвертое место, согласно остеологическим материалам, принадлежало лошади. Значение лошади в жизни кавказских племен в средневековье трудно переоценить. Она была вычным и ездовым животным.

Особенно важной была роль верхового коня. Он был необходим в скотоводческом хозяйстве, во время сезонных передвижений со скотом. Конь был незаменимым военным средством, так как участие в походах близких и дальних за добычей или в качестве наемной военной силы было немыслимо без него.

У народов Северного Кавказа хороший верховой конь считался самым дорогим достоянием, его окружали заботой. Конское мясо шло в пищу, из молока приготавливали замечательный молочный напиток кумыс. Письменные и археологические данные рисуют аланского воина, как конного, по преимуществу.

В Нартовских сказаниях есть описание ухода за лошадьми – их кормили поджаренным ячменем, мыли специальным черным мылом. В эпосе представлен эпизод укрощения коня героем Батрадзом: «Вышел из горной теснины белый

конь, прыгнул на него сверху Батрадз. Понес его конь по поляне, но Батрадз схватил его за горло, стиснул и вынудил коня открыть рот. Вдвинул Батрадз ему в рот удила, надел на него уздечку и ловко положил на него седло... а затем натянул поводья и направил коня туда, куда захотел» [15].

Кости осла найдены в ряде аланских поселений и городищ: Заюково, Змейской, Нижнем Архызе [6, с. 30]. Если судить по количеству особей осла, выявленных при изучении костных находок, то роль его в хозяйстве должна была быть весьма скромной. Косвенным доказательством разведения ослов у алан может служить Нартовский эпос, где нашел широкое отражение быт алан, в нем часто упоминается осел. Возможно, в горах значение его возрастало, где он мог использоваться, как выючное животное при передвижении по горным тропам [20].

Находки костей утки, курицы и скорлупы куриных яиц расширяют наши представления о птицеводстве у алан [19, с.145]. Остеологические находки вместе с вышеупомянутым известием Масуди, а также несложность разведения домашней птицы, позволяют говорить о широком распространении птицеводства, отразившегося в погребальном обряде алан.

В Нартском эпосе нарты занимаются куроводством. В сказании «Смерть Сослана» говорится:

«Тебя прошу я, коршун, – взмолился Сослан. – Будь моим вестником печали. Полети к дому Ахсартакката и скажи, что отрезало колесо Бальсага ноги Сослану и пусть поторопятся ко мне родичи.

– Ишь ты, ишь ты, чего захотел? Бесчисленное множество кур у Сатаны, но разве ты когда-нибудь дал мне унести хоть одну? Ты тут же хватался за свой лук, – сказал коршун и полетел дальше» [15].

Некоторые данные о скотоводстве может дать иконографический материал. Иконография домашних животных у алан известна по изображениям барана, козы и лошади. В погребениях (Чми, Архон, Песчанка, Лесгор и др.) находят бронзовые литые подвески в виде изображения барана, козы или только головы этих животных. Накладки в виде головы барана встречаются в основном в аланских погребениях VI – VIII вв. [2, с. 216].

В изготовлении использованы древние приемы изображения головы барана, которые подчеркивают основные признаки этого животного: круглыми углублениями выделены его рога, закрученные вниз, подтреугольная форма накладки передает удлиненную и узкую форму головы барана [23, с. 65].

Сильно стилизованные изображения барана представляют собой зооморфные ручки-обереги сосуда с территории Северной Осетии. Это красноглиняный ангобированный лощеный кувшин небольших размеров с цилиндрическим

горлом и невысоким округлым туловом, в верхней части на ручке кувшин имеет торчащие закрученные рога барана. Кувшин был найден на средневековом селище у ст. Змейской [4, с. 48].

Стилизованные, отлитые из бронзы фигурки-подвески скачущих всадников встречаются в аланских могильниках VII – IX вв. (Зилги, Песчанка, Хасаут, Гоуст). Одна из таких фигурок происходит из с. Первомайского вблизи г. Кисловодска. Она примечательна тем, что в отличие от других таких же по типу подвесок заключена в круглую рамку с наплывами и петлей для подвешивания [8, с. 105].

Известно, что у древних народов заключение в круг было апотропическим действием. Круг был также символом солнца. Изображение на рассматриваемой подвеске лошади, заключенной в круг, могло выражать культ коня, получивший астральное значение, т.к. в зооморфных образах часто выражались космические представления.

Привлекает к себе изображение всадника на коне, выполненное на ажурной золоченой бляхе от конской сбруи из Змейского могильника. В правой руке всадника боевая секира, в левой – повод, подчеркнуты детали конского убора [8, с.105].

Несмотря на сильную схематичность всех указанных изображений, лошади по характеру экстерьера делятся на два типа верховых лошадей: низкорослый крупноголовый и высокий стройный. Возможно, что в этих изображениях, созданных руками северокавказских мастеров, отразилось существование в Алании двух пород лошадей.

На существование двух пород лошадей у алан указывает и В. А. Кузнецов. На основе анализа изображений коня на бронзовых подвесках-амулетах из аланских могильников Центрального Кавказа он делает следующее разделение: 1) низкорослые крупноголовые местного происхождения, имеющие много сходных черт «со скифо-сарматской лошадей», 2) более высокие, породистые, появившиеся в результате скрещивания местной породы «со знаменитым среднеазиатским конем ахалтекинской породы» [9, с. 78].

Прямое отношение к средневековому скотоводству на Северном Кавказе имеют некоторые постройки, сохранившиеся до наших дней. Такими являются древние коши на яйлагах.

Одно из поселений, использовавшееся во время летнего выпаса овец типа яйлага было исследовано Т. М. Минаевой в устье р. Узун-Кол, впадающей в р. Уллу-Кам. Это поселение исследователь относит к VII в. [14, с.205].

В культурном слое поселения не оказалось костей животных, что дало основание Т. М. Минаевой предположить, что поселение использовалось только в весеннее и летнее время, когда скот не забивался и потреблялась молочная пища.

Природные условия были весьма благоприятны для летнего содержания скота в данной местности. По мнению Т. М. Минаевой, на этом

поселении производилась обработка молочных продуктов, которые отсюда поступали в места постоянного жительства. На этом поселении привлекают внимание остатки загона в виде круглой площадки, обнесенной земляным валом и узкие длинные постройки, примыкающие к загону. Загон предназначался для овец и коз и мог вместить до 1500 голов. Длинные ограды, возведенные из камня, служили для крупного рогатого скота. Скотоводческое поселение принадлежало, по-видимому, коллективу родственных семей и использовалось на протяжении долгого времени. Оно было укреплено, имело две башни: одну оборонительную, боевую, другую – дозорную. С дозорной башни хорошо просматривалась широкая долина р. Уллу-Кам, где пасли скот.

Оборонительные сооружения указывают, что для обитателей поселения и, главным образом, для скота грозила опасность со стороны соседних родоплеменных групп. Угон скота в быту аланских родов был, надо полагать, обычным явлением.

Летнее содержание скота в горной и высокогорной области подтверждается древними кошами, наличие которых неоднократно отмечалось в бассейне верхнего течения р. Кубани. Встречаются они в большом количестве на территории между течением рек Большой Зеленчук и Теберда [17].

Обнаруженные коши представляют собой крепкие загоны для скота в виде невысоких каменных оград, имеющих; плане то округлую, то прямоугольную форму, с одним проемом для прохода животных. Эти коши могли быть принадлежностью отдельных родов, а разные площади, занимаемые ими, указывают, что владельцы их отличались друг от друга количеством скота.

Значительное количество загонов в горной и высокогорной областях красноречиво свидетельствует о широких масштабах яйлажного скотоводства у алан. В городище Андюх (VII – XII вв.) на берегу реки Малый Зеленчук, наряду с жилыми и хозяйственными постройками обнаружены скотные дворы и помещения для содержания мелкого рогатого скота и стойла для коней [6, с.28]. О развитии скотоводства свидетельствуют и существование множества загонов для мелкого и крупного рогатого скота в верховьях рек Марух, Аксаута и Таберда. Эти помещения представляют собой обширные пещеры, способные вместить несколько сотен домашних животных.

О важности скотоводства у алан свидетельствует и высокий статус пастуха, отраженный в Нартских сказаниях. При необходимости сторожить и пасти стада брались и отмеченные воинской доблестью благородные нарты. В сказании «Батрадз и пестробородый уаиг» мы видим описание пиршества, на котором определяли общественного пастуха: «И тогда старейшие из нартов решили устроить пир, собрать на этот пир весь народ и выбрать пастуха». Решивший взять на себя эту почетную у нартов обязанность, получал

на пиру специальное подношение: «три пирога с начинкой из сыра и ляжку быка» [15].

В рассматриваемый исторический период свидетельства языка продолжают сохранять для нас значение источника большой важности. Взаимоотношения алан с другими народами выразились, в частности, в культурных взаимных заимствованиях.

Оседание алан среди разноязычного населения Северного Кавказа и установление между ними связей способствовало взаимному проникновению в языки отдельных слов. Много слов аланского происхождения оказалось в языке балкарцев и карачаевцев. Среди этих заимствований есть и слова скотоводческого цикла, которые характеризуют не только балкаро-карачаевское скотоводческое хозяйство, но и проливают свет на скотоводство у алан в этой части Северного Кавказа в предшествующие времена. Эти слова вполне аланского (осетинского) облика и смысла.

На аланские топонимы в Балкарии и Карачае впервые обратил внимание В. Ф. Миллер. Среди них есть имеющие отношение к скотоводству. Стонуат – стойбище скота, осет. «стонуат»; Сæруæт – название урочища, осет. «сæруæт» – пастбище общего пользования; Фазæ – название местности в Хуламе, осет. «фазæ» – луг, поле. Топоним Догват – название урочища, осет. «догуат» – место для скачек [13, с.71]. Это слово свидетельствует о развитом коневодстве, и, возможно, выражает одну из наиболее типичных особенностей быта алан.

Обратимся теперь к словам не иранского происхождения в осетинском языке, имеющим отношение к домашним животным, усвоенным еще аланами. Такие слова есть в балкаро-осетинских лексических сходжениях идентичных по смыслу. Балк. «токлу» – баран в возрасте от трех месяцев и до одного года, осет. «тохъыл» – откормленный баран.

Старинными кавказскими заимствованиями в осетинском языке являются «бах» – лошадь, «гал» – вол. Из тюркской среды заимствовано «хъаз» – гусь. Эти слова встречаются в яском (аланском) глоссарии [16, с.23]. Лингвистическим свидетельством наличия утки среди домашней птицы является осет. «бабыз» – утка, тоже заимствованное из тюркского языка.

Результаты. В Одном из ключевых аспектов экономики алан эпох средневековья было скотоводство, которое играло важную роль в феодальном обществе алан. Эта отрасль хозяйствования, издавна имевшая огромное значение на Кавказе, у алан характеризовалась теми особенностями, которые выработались из сочетания различных условий, определявшихся рельефом и климатом. Формами содержания стад было пастушество и яйлажное скотоводство. Osteологические данные из погребений и поселений показывают, что в стаде были все виды домашних животных, распространенные в Средневековье

на Кавказе и в Восточной Европе. Среди домашних животных у алан были коровы, быки, овцы, козы, свиньи, лошади, куры. Количественное соотношение видов определялось экологическими факторами. Основное направление хозяйства – производство мяса и молока. Мясные и молочные продукты были важной частью рациона жителей. Скотоводство занимало ведущее место в хозяйственном быту алан, будучи основной предпосылкой весьма плотной заселенности гор в Средневековье.

Скотоводческое хозяйство и присущая ему культура в качестве аланского наследия отразились и в структуре осетинского языка. В. И. Абаев по этому поводу пишет: «Материалы языка подтверждают другие исторические свидетельства, из которых видно, что осетины[аланы] появились на арене истории как народ-скотовод. Скотоводческая терминология выступает в языке компактной цельной массой, с печатью большой древности» [1, с. 56].

Литература

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. – Л.: Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. 603 с.
2. Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Мокрая Балка. Выпуск I. Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.
3. Бакушева М. М., Леонтьева А. С. Змейский катакомбный могильник. Т. I. М.: ИА РАН, 2020. 406 с.
4. Деопик В. Б. Змейское средневековое селище // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии: труды археологической экспедиции / ред. Е. И. Крупнов. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. 151 с.
5. Кадиева А. А. Катакомбные погребения с деформированными черепами из могильника Заюково-3 // Средневековая археология и этническая история Северного Кавказа: контактные зоны и торговые пути. Карачаевск: КЧГУ, 2022. 184 с.
6. Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до нач. XX в. М.: Наука, 1993. 227 с.
7. Крупнов Е. И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик: Кабгосиздат, 1946. 51 с.
8. Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // Советская археология. 1959. №2. С.97 – 118.
9. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. 390 с.
10. Малашев В. Ю. Памятники типа «Подкумок-Хумара». Эпоха всадников на Северном Кавказе, М.: ИА РАН; 2021. 384 с.
11. Масуди. Золотые луга и рудники драгоценных камней // Алемань А. Алань в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
12. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси: Изд-во Академии наук Груз.ССР, 1959. 507 с.
13. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч.III. С.7-11. Владикавказ: СОИГСИ, 1992. 216 с.
14. Минаева Т. М. Поселение в устье р. Узун-Кол // Советская археология, 1960. №2. С.193-207.
15. Нартский эпос осетин URL: <https://ironau.ru/narty78-s-smertt.html> (дата обращения: 10.06.2025).
16. Немец Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан / пер. с нем. и примеч. В. И. Абаева. Орджоникидзе: СОНИИ, 1960. 24 с.
17. Петролевич К. М. Историко-археологическая экспедиция в Карачаевскую Автономную область // Архив Ленинградского отделения ИА АН СССР. Ф. 35. №7/1940.
18. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Госиздат географ. литературы, 1957. 272 с.
19. Савенко С. Н. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X-XII вв. н.э. // Археология евразийских степей. Вып. 24. Пятигорск, Казань: Изд. дом «Казанская недвижимость», 2017. 384 с.
20. Туригиев Т. Б. Хозяйство алан по письменным, археологическим, лингвистическим и фольклорным данным // Архив СОИГСИ. Истор. отдел. Ф.6. Оп. 1. Д.274.
21. Ученые записки института Востоковедения. Т.IX. Изд. АН СССР. М.: Изд-во восточной литературы, 1954. 245 с.
22. Шапух Багратуни. История // Архив СОИГСИ. Истор. отдел. Ф. 1. Оп. 1. Д.137а.
23. Шестопалова Э.Ю. Древний Дагом // По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI – VIII вв. Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова, 2018. 409 с.

References

1. Abayev VI. Ossetian language and folklore. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. 603 p. (In Russ.).
2. Afanasyev GE, Runich AP. Mokraia Balka. Volume I. Diary of excavations. Moscow: Scientific World, 2001. 252 p. (In Russ.).
3. Bakusheva MM, Leontieva AS. Zmeysky Catacomb Burial Ground. Vol. I. Moscow: Archeological Institute of Academy of Sciences, 2020. 406 p. (In Russ.).
4. Deopik VB. Zmeyskoe Medieval Settlement. Materials on Archaeology and Ancient History of North Ossetia: Works of the Archaeological Expedition / ed. EI. Krupnov. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 1961. 151 p. (In Russ.).
5. Kadieva AA. Catacomb burials with deformed skulls from the burial ground Zayukovo-3. Medieval archaeology and ethnic history of the North Caucasus: contact zones and trade routes, Karachayevsk: KChSU publ., 2022. 184 p. (In Russ.).
6. Kaloev BA. Livestock breeding of the peoples of the North Caucasus: From ancient times to the early 20th century. Moscow: Nauka, 1993. 227 p. (In Russ.).
7. Krupnov EI. Brief outline of archaeology of the Kabardin ASSR. Nalchik: Kabgosedizdat, 1946. 51 p. (In Russ.).

8. Kuznetsov VA. On late Alanian culture of the North Caucasus. *Sovetskaya arkheologiya*. 1959; 2: 97-118. (In Russ.).
9. Kuznetsov VA. Essays on the history of the Alans. Vladikavkaz: Ir. 1992. 390 p. (In Russ.).
10. Malyshev VYu. Monuments of the Podkumok-Khumara type. The era of horsemen in the North Caucasus. Moscow: Archeological Institute of Academy of Sciences, 2021. 384 p. (In Russ.).
11. Masudi. Golden meadows and precious stone mines. In: A.Aleman. Alans in ancient and medieval written sources. Moscow: Manager. 2003. 608 p. (In Russ.).
12. Melikishvili GA. On the history of ancient Georgia. Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the Georgian SSR. 1959. 507 p. (In Russ.).
13. Miller VF. Ossetian studies. Part III. P. 7-11. Vladikavkaz: NOIOHSS of RAS publ.. 1992. 216 p. (In Russ.).
14. Minaeva TM. Settlement at the mouth of the river Uzun-Kol. *Sovetskaya arkheologiya*. 1960; 2: 193-207. (In Russ.).
15. Nart epic of the Ossetians. URL: <https://ironau.ru/narty78-s-smertt.html> (accessed:10.06.2025). (In Russ.).
16. Nemets Yu. List of words in the language of the Yas, Hungarian Alans / trans. from German and notes by VI. Abayev. Ordzhonikidze: SONII, 1960. 24 p. (In Russ.).
17. Petrolevich KM. Historical and archaeological expedition in the Karachay Autonomous Region // Archive of the Leningrad branch of the IA of the USSR Academy of Sciences. F. 35. No. 7/1940. (In Russ.).
18. Travels to Eastern countries of Plano Carpinii and Rubruk. Moscow: State Publishing House of Geographical Literature, 1957. 272 p. (In Russ.).
19. Savenko SN. Characteristics of the social development of Alanian society in the North Caucasus based on materials from catacomb burial grounds of the 10th-12th centuries AD. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. Vol. 24. Pyatigorsk, Kazan: Publishing House «Kazan Real Estate», 2017. 384 p. (In Russ.).
20. Turigiev TB. The economy of the Alans according to written, archaeological, linguistic, and folkloric data // Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after VI. Abaev. Historical Department. F. 6. Inv. 1. D. 274. (In Russ.).
21. Scientific notes of the Institute of Oriental Studies. Vol. IX. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1954. 245 p. (In Russ.).
22. Shapukh Bagratuni. History // Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after VI. Abaev. Historical Department. F. 1. Inv. 1. D.137a. (In Russ.).
23. Shestopalova EYu. Ancient Dagom. Based on the materials of archaeological excavations of the Dagom catacomb burial ground of the 6th-8th centuries. Vladikavkaz: IPC IP Tsoponov, 2018. 409 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (470. 6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.9>

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПАДНОГО ВЗГЛЯДА НА РОССИЙСКИЙ ОРИЕНТАЛИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Руслан Ибрагимович Плиев

Пятигорский государственный университет» (9, пр. Калинина, 357500, Пятигорск, Российская Федерация)

Аспирант

pliew.r2018@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7217-9837>

Аннотация. Введение. Проблематика процессов становления русского ориентализма на Северном Кавказе в XIX в. является актуальной темой для современной исторической науки. Основной причиной, подтверждающей ее критическую релевантность, является недостаточная исследованность вклада русских общественных, политических и военных деятелей в изучение региона. В отечественной науке еще не нашел достаточного освещения вопрос об особой роли русского ориентализма, видевшего в Северном Кавказе уникальный регион, требовавшего уважительного отношения к себе, в достижении задачи успешной интеграции региона в состав России. Детальный анализ опытов русского ориентализма на Северном Кавказе, помимо собственно теоретического, содержит в себе значимое политико-идеологическое значение, поскольку в западных академических кругах набирают популярность попытки критической оценки российской политики на Кавказе в контексте «антиколониального» дискурса. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе текстов отечественных и зарубежных историков. Основной акцент был сделан на исследованиях западных авторов, рассматривавших российскую политику на Северном Кавказе. В качестве приемов историко-политического исследования использовались ретроспективный, историко-генетический и историко-сравнительный методы. Автором анализируются эволюция западных взглядов на опыты российского ориентализма на Северном Кавказе от середины XIX века до наших дней. **Анализ.** В рамках

исследования западной литературы автор делает вывод, что в XIX веке западная перцепция российского ориентализма на Северном Кавказе носила ангажированный характер. Освещение русской политики в регионе освещалось западными деятелями преимущественно в негативном ключе, что было вызвано отрицательным отношением Запада к России и необходимостью противостояния геополитическому конкуренту. **Результаты.** В современной западной перцепции русского ориентализма на Северном Кавказе преобладает иной подход, основанный на изучении вклада России с позиций практического прогресса региона и его вписывания в общемировой культурный контекст через творчество русских писателей и художников.

Ключевые слова: ориентализм, русский ориентализм, Северный Кавказ, геополитическое противостояние, интеграция, синтез культур, ислам, русификация, фронтир, имперское строительство

Для цитирования: Плиев Р. И. Эволюция западного взгляда на российский ориентализм на Северном Кавказе: ключевые особенности // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 74–80. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.10.2025

Статья одобрена после рецензирования: 23.01. 2026

Статья принята к публикации: 28.01.2026

Research article

THE EVOLUTION OF THE WESTERN VIEW ON RUSSIAN ORIENTALISM IN THE NORTH CAUCASUS: THE KEY FEATURES

Ruslan I. Pliev

Pyatigorsk State University (9, Kalinin Ave., 357500, Pyatigorsk, Russian Federation)

Postgraduate student

pliew.r2018@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7217-9837>

Abstract. Introduction. The problems of the processes of Russian Orientalism formation in the North Caucasus in the XIX century is an urgent topic for modern historical science. The main reason confirming its critical relevance is the insufficient research of the contribution of Russian public, political and military figures to the study of the region. The issue of the special role of Russian orientalism, which saw a unique region in the North Caucasus and demanded respect for itself, in achieving the task of successful integration of the region into Russia, has not yet found sufficient coverage in Russian science. A detailed

analysis of the experiences of Russian orientalism in the North Caucasus, in addition to the theoretical one, contains significant political and ideological significance, since attempts to critically assess Russian policy in the Caucasus in the context of anti-colonial discourse are gaining popularity in Western academic circles. **Materials and methods.** The research is based on the analysis of texts by domestic and foreign historians. The main focus was on the research of Western authors who examined Russian policy in the North Caucasus. Retrospective, historical-genetic and historical-comparative methods were used as meth-

ods of historical and political research. The author analyzes the evolution of Western views on the experiences of Russian Orientalism in the North Caucasus from the middle of the XIX century to the present day. **Analysis.** As part of the study of Western literature, the author concludes that in the 19th century, the Western perception of Russian orientalism in the North Caucasus was biased. Reflection of Russian politics in the region was covered by Western figures mainly in a negative way, which was caused by the negative attitude of the West towards Russia and the need to confront a geopolitical competitor. **Results.** Russian Orientalism in the North Caucasus is dominated by a different approach in the modern Western perception, based on the study of Russia's contribution from the standpoint of the practical pro-

Введение. Проблема изучения взглядов в духе российского ориентализма, имевших место на Северном Кавказе в XIX столетии на фоне событий Кавказской войны, является одним из наиболее важных направлений современной исторической науки. Ее особая релевантность связана как с необходимостью проведения более глубокого анализа развития взаимных отношений между Российским государством и локальными народами региона в рассматриваемый исторический период, так и с необходимостью подтверждения значимого вклада России в экономическую, политическую и культурную модернизацию региона. Русский ориентализм как самостоятельный историко-культурный феномен стал объектом для проведения исследования многочисленных авторов, таких как Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе, Е. А. Чач, П. В. Алексеев и так далее. В рамках данных работ было сформулировано само понятие русского ориентализма как особого стиля художественного мышления и культурной политики, основанный на различении русского народа как носителя западного культурного кода и горских народов Северного Кавказа, представляющих органичную часть восточного мира. В рамках эстетики и культурных практик русского ориентализма происходит формирование Северного Кавказа как русского образа Востока, цивилизационно противопоставленного как Западу, так и России, посредством художественных средств ориентализации и самоориентализации. Именно подобное понимание феномена русского ориентализма является основой данной научной статьи.

Материалы и методы. Основной целью проведенного исследования является выявление ключевых характеристик западного восприятия природы русского ориентализма на Северном Кавказе, активно развивавшегося в период Кавказской войны. Для достижения данной цели в работе были проанализированы как труды западных путешественников и историков девятнадцатого столетия (А. Джерсильд), так и фундаментальные труды русских и зарубежных специалистов по русскому ориентализму (Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе, Е. А. Чач, П. В. Алексеев, Ф. Бауманн, Дж. Белл). Обращение к вышеперечисленным работам позволило не только выявить идеологические, культурные и полити-

gress of the region and its integration into the global cultural context through the work of Russian writers and artists.

Keywords: orientalism, Russian orientalism, North Caucasus, geopolitical confrontation, integration, synthesis of cultures, Islam, Russification, frontier, imperial construction

For citation: Pliev R.I. The evolution of the western view on Russian orientalism in the North Caucasus: the key features. Humanities and law research. 2026;13(1):74-80. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.9>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.10.2025

The article was approved after reviewing: 23.01.2026

The article was accepted for publication: 28.01.2026

ческие факторы, приведшие к ангажированному восприятию западными учеными и путешественниками сути русской активности на Северном Кавказе, но и проследить эволюцию этого восприятия в более нейтральных условиях современности. Анализ западной оценки русского ориентализма на базе фундаментальных трудов специалистов по русскому ориентализму позволил сделать работу более ценной как с теоретической, так и практической точек зрения. Методологической основой проведенного исследования стало применение ретроспективного, историко-генетического и историко-сравнительного методов, посредством которых была проведена попытка проведения анализа эволюции западных взглядов на опыты российского ориентализма на Северном Кавказе от середины XIX в. до наших дней.

Анализ. Одной из важнейших особенностей современного западного восприятия русского ориентализма на Северном Кавказе является существование в его рамках двух основных видений данного феномена – культурологического и политико-колониального. Культурологический вектор основан на изучении вклада России с позиций практического прогресса региона и его вписывания в общемировой культурный контекст через творчество русских писателей и художников. Данный подход, хоть и имеет определенную склонность к тенденциозности и критике России, стремится к научной объективности. Политико-колониальный вектор при этом носит очевидно ангажированный характер. В его основе лежит утверждение равенства между российской политикой на Кавказе и западной политикой в заморских колониях. Ключевой задачей данного направления западной академической мысли является формирование научной основы для присвоения России статуса колониальной империи, и, как следствие, подрыв внутреннего единства через пропаганду идеи выхода из ее состава составляющих ее народов и регионов. Именно с двух данных точек зрения рассматривалась русская политика на Кавказе в работах европейских авторов девятнадцатого века.

Причиной ангажированности Запада в отношении оценки русского вклада в модернизацию Северного Кавказа стало усиление экономических, политических и культурных позиций

Российской империи на Северном Кавказе в конце XVIII и первой половине XIX в. Данный факт привел к усилению внимания к кавказской политике России со стороны политической элиты и общественного мнения целого ряда западных государств, прежде всего, Британской империи и Франции. Рассматривая российскую активность на Северном Кавказе с точки зрения ее соответствия национальным интересам своих стран, подавляющее большинство западных публицистов и общественных деятелей крайне критически оценивали то, что они называли не иначе как русской экспансией на юг, и предельная политическая ангажированность стала основой их перцепции всей кавказской политики Российской империи в целом. Наибольшим интересом к проблематике взаимоотношений России и Северного Кавказа отличалась Великобритания, сама проводившая активную внешнюю политику на Северном Кавказе и в странах Закавказья на протяжении всего XIX в. Именно британская критика действий России на Кавказе стала основой всего антирусского дискурса в западном общественном мнении XIX в. [10].

Рассматривая как западную перцепцию российской политики на Северном Кавказе в целом, так и британский подход к этой проблематике в частности, важно обратить особое внимание на тот факт, что главным тезисом, формировавшим фундамент антирусского дискурса западного общественного мнения, был тезис о колониальной, захватнической и оккупационной сути российской политики на Северном Кавказе [9, p.76]. Данный тезис удобно встраивался в прочно утвердившуюся к началу XIX в. в странах Запада схему понимания сути российской внешнеполитической, которая рассматривалась как экспансионистская. Наиболее видные деятели английского политического и культурного истеблишмента в этот период, к числу которых можно отнести публициста Дэвида Уркарта, дипломата Джона Макнейла и полковника Де Ласи Эванса, активно развивали антирусскую линию в британской печати, продвигая идею о необходимости максимального противостояния российской экспансии на Северном Кавказе. Именно этот взгляд впоследствии прочно утвердился в работах большинства западных авторов, рассматривавших вопрос об отношениях России к Кавказу [9].

Подобный ограниченный взгляд на российскую политику на Северном Кавказе можно рассматривать как результат одновременного сочетания двух факторов. Во-первых, критика имперской сути российского продвижения в южном направлении полностью соответствовала прагматическим целям британского истеблишмента первой половины XIX в., поскольку создание негативного образа Российской империи, жестоко подавляющей интересы соседствующих с ней народов, давало политическому

руководству Британии карт-бланш на реализацию собственной антирусской политики на Северном Кавказе [7].

Окончание эпохи «большой игры» на евразийском пространстве, крушение как западных, так и Российской империи в начале XX в., несколько сместили фокус внимания западных исследователей русского ориентализма с сугубо политического, на культурный аспект. При этом их интерес к данной проблематике не утратил своей остроты. Опыты российского ориентализма на Северном Кавказе, предпринятые в XIX веке, продолжают привлекать к себе особый интерес широкого ряда зарубежных авторов, политиков и общественных деятелей. Западный взгляд на них в значительной степени отражает особое представление Европы о том, чем же является в системе мировых цивилизаций Россия и каково ее отношение к культуре Востока.

Ключевая особенность западной перцепции русского ориентализма заключается в оспаривании самой возможности его существования в России, являющейся, по мнению западных историков, частью восточного, а не западного проекта. Данный посыл ярко сформулирован в фундаментальной работе американского историка Роберта Джераси «Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России». Анализируя практики отечественного ориентализма в Поволжье, набравшего свои обороты во второй половине XIX столетия на фоне острых дебатов о национальной и имперской идентичности в стране, Джераси приходит к выводу о том, что русский ориентализм не мог сохранять в себе типично европейские черты, основанные на дихотомии востока и запада. Противоречивость и уникальность русского отношения к исламскому миру Джераси связывает с тем, что «более прямая связь России с Востоком, предопределенная историей и географией, сделала невозможным для нее полностью стряхнуть «восточный» аспект своей идентичности» [1].

Прямая вовлеченность России в реалии восточного мира, обусловленная ее территориальной близостью к последнему, сформировала основу для утверждения в российском ориентализме целого ряда специфических черт, нашедших свое отражение и в отечественных исследованиях Северного Кавказа. Прежде всего, в русском ориентализме, как точно подчеркивается в работе Джераси, намного сложнее провести грань между «своими» и «чужими», колонией и метрополией. В эпоху наибольшего расцвета русского ориентализма в XIX в., в Российской империи, в отличие от колониальных империй Франции и Великобритании, все еще не был окончательно решен вопрос о природе русского народа и его отношении к нерусским народам, населявшим империю [5].

Западные исследователи русского ориентализма также отмечают, что в сравнении с евро-

пейским ориентализмом, в котором граница между цивилизациями востока и запад ясно задавалась на всех возможных уровнях- географическом, расовом, культурном и социальном, в России XIX в. не был окончательно закрыт вопрос о том, следует ли фиксировать разделение русского народа и других этнических групп или же следует проводить политику ускоренной русификации. Российская цивилизационная парадигма традиционно не требовала полного подчинения мира востока. Исторически она зиждилась на идее конвергенции русских и нерусских, при одновременном признании цивилизаторской роли русской культуры и православной веры. Наиболее явным образом это обнаруживается на примере постепенного принятия русским населением Северного Кавказа и русским казачеством в период Кавказской войны целого набора традиционных черт жителей гор, будь то в плане бытового поведения (одежды, манеры поведения или к отношениям между людьми), так и в плане способов ведения боевых действий [5, с.43].

В отличие от европейских ориенталистов, явно различавших восток и запад в плане их историко-культурной неравноценности, русские исследователи имели зачастую более сложный взгляд на взаимоотношения русских и нерусских. Данную тенденцию можно одинаково обнаружить как в практике русского ориентализма в Поволжье, в котором русские, татары, чуваша и мордва взаимно дополняли друг друга, так и в регионе Северного Кавказа, где расцвел феномен русского терского казачества, во многом близкого по своему социально-культурному укладу к местному автохтонному населению. Своеобразное отношение русского общества к миру востоку Роберт Джераси обнаруживает на примере оценки русским просветителем Николаем Ильминским нерусского населения Казанской губернии, который одновременно оценивал инородцев региона как находящихся одновременно и на высшей, и на низшей ступени развития, чем этнические русские, и рассматривал их не как явление принципиально отличное от России, но как «окно в идеальный, но по преимуществу русский мир» [1]. Аналогичное представление об взаимных отношениях англичан и индийцев или арабов и французов практически невозможно найти в системе англо-французского ориентализма, принципиально стоявшего на позициях примата запада над востоком.

Оригинальным и исключительным элементом русского ориентализма XIX столетия в западной литературе считается сложность взаимоотношений России и включенных в состав ее империи народов. В отличие от западного ориентализма, признававшего принципиальную разность европейской и восточных культур, русский ориентализм существовал в контексте нараставших попыток русифицировать малые народы России. При этом, само наличие этих попыток означало неокончательное признание

русской культурой факта несовместимости русского и восточных этносов. Данный взгляд распространялся с разной степенью радикальности в отношении различных народов империи. Наиболее четко данная политика продвигалась русским правительством на западных территориях страны и в регионе Поволжья, однако целый ряд попыток русификации был предпринят Россией и на Северном Кавказе.

Политика русификации Северного Кавказа Российской империей во второй половине XIX в. велась как многоцелевое явление, решавшее одновременно несколько важных задач: защита русского влияния на новоприсоединенных территориях, снижение влияние исламского фактора в регионе и цивилизационное просвещение местного инородческого населения через его прямое вовлечение в орбиту русского языка, веры и культуры. Подобная политика, преследовавшая своей целью смещение демографического баланса в пользу русских, в том числе посредством поощрения близкого проживания русских и горцев, и поддержки практики межнациональных браков, органично вписывалась в концепцию русского ориентализма, так отражала прагматический аспект русского ориентализма, изучавшего восточный мир не только в теоретических целях, но и с прицелом на возможную интеграцию нерусских народов в состав титульной нации [2, с.65].

Важной чертой западного восприятия русского ориентализма на Северном Кавказе традиционно является его рассмотрение сквозь призму концепции колониализма, которая переносится на русскую почву с учетом специфических особенностей территориальной экспансии России на запад, восток и юг в XIX в. Оригинальный анализ проблемы русского ориентализма на Северном Кавказе предложен в работе американского исследователя русской истории Остина Джерсилда «Ориентализм и империя: горское население Северного Кавказа и грузинский фронт в 1845 – 1917 годы». Изучение центральных тезисов этой работы позволяет более глубоко разобраться в западной перцепции русской имперской политики на Кавказе и исследуемый период [8].

Основным тезисом данной работы, во многом свойственным всем европейским оценкам русского продвижения на южном фронтире империи, является глубокая убежденность в том, что поглощение Россией территорий Северного Кавказа и Закавказья являлось центральным элементом строительства российским правительством колониальной империи, отличающейся от других государств Европы исключительно своим континентальным характером. При этом имперское строительство в России в процессе завоевания Кавказа, согласно западной точке зрения, носило не только территориальный, но и культурный характер. Покоряя и

подчиняя Кавказ, российское общество и правительство все больше ассоциировало себя с западными государствами, распространявшими европейское культурное влияние на ранее недоступные ему пространства.

В процессе покорения южного фронта, являвшегося скорее органическим продолжением исламского мира, а также ключевых исламских империй, Россия, с западной точки зрения, решала две важные идеологические задачи. С одной стороны, она преодолевала свойственный русской культуре разрыв между одинаково наполнявшими ее восточным и западным элементами. Самоидентификация Россией себя в качестве важной европейской державы на момент начала покорения Кавказа имела не столь продолжительную историю. Однозначный поворот на Запад в России состоялся лишь в восемнадцатом веке, а с точки зрения самой Европы Россия все еще рассматривалась скорее в качестве восточной, нежели западной державы, претендующей на весомую роль в европейских делах [4].

Находясь в условиях Северного Кавказа и ощущая масштабность цивилизационной разницы между локальным горским населением и собой, Российская империя утверждала себя в качестве европейской державы на контрасте с обществом, однозначно не имевшим ничего общего с западной культурой. Параллельно Российская империя, присоединяя Северный Кавказ, а в дальнейшем и территории Средней Азии, закрепляла за собой особый статус как равнозначной европейским государствам колониальной империи, тем самым укрепляя не только свою европейскую культурную идентичность, но и соответствующую ей международно-правовую роль. Вместе с тем, движение Российской империи в фарватере европейского ориентализма имело свои объективные ограничения, связанные с внутренней структурой российского общества и государства. Так, уже на фоне становления Российской империи в XIX в., в ней явно прослеживался внутренний дисбаланс, не свойственный другим колониальным империям, и он относился к сфере отношений метрополии и колоний. Уникальная специфика российского имперского строительства проявлялась в противоречии в нем политического и культурного начала, которым описывается Джерсильдом следующим образом: «До тех пор, пока Россия и сами русские воспринимали себя в качестве носителей европейской цивилизации и прогресса для отсталых народов востока, недостижимых для цивилизации и общества, традиционный западный колониальный импульс в ней оставался сильным и убедительным. Но в то же время этот импульс продолжал оставаться уникальным продуктом «русской» империи, сформированной многоэтничностью, территориальной экспансией, имперской конкуренцией, исторически напряженным и неоднозначным отношением

к европейской цивилизации и столкновением христианства и ислама» [8].

Русский ориентализм на всем протяжении имперского периода российской истории, с западной точки зрения, не мог сохранять свойственную ему и описанную Эдвардом Саидом манихейскую оппозиционность между покоряемыми и покорителями, поскольку в отличие от французской или британской колониальных империй, создаваемых на основе строго утвердившегося культурного или даже расового превосходства титульной нации империи над народами, населявшими колонии, Российская империя носила с культурной точки зрения более гибридный характер. Российское покорение Северного Кавказа в этой связи рассматривалось Европой в качестве политического, а не цивилизационного феномена, поскольку в рамках его продвижения политическое руководство страны не делало значительных различий между правами и обязанностями собственно русских подданных и горцев Кавказа, что невозможно представить в контексте европейского ориенталистского наследия. В этом аспекте особо ярко проявляется важная особенность Российской империи, действительно представлявшей собой именно «русскую», а не русскую империю, и строившейся скорее на почве политической лояльности, а не национального превосходства титульной нации над другими народами.

При продвижении данной точки зрения на природу русского ориентализма на Северном Кавказе могут возникнуть резонные вопросы относительно жесткости российской политики на Кавказе, порой прибегавшей к практикам уничтожения экономической базы местного населения и даже к депортации отдельных этнических групп. Однако даже в этом контексте подавление отдельных слоев горского населения следует рассматривать не с точки зрения национально-культурного превосходства, а с позиции различающейся оценки руководством империи степени политической благонадёжности тех или иных лиц, слоев или этнических групп. Депортация черкесского населения с территорий восточного Причерноморья и заселение этих территорий этническими русскими и прямо связывалось с перспективами сохранения этой территории за Россией и перспективой массового антирусского выступления черкесов на стороне Османской империи и западных стран в случае начала нового конфликта, аналогичного Крымской войне. Практический опыт массовых антирусских волнений на Северном Кавказе в период русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. подтвердил логичность и обоснованность данной точки зрения [3].

Дополнительным важным аспектом русско-го ориентализма на Северном Кавказе, выявленным западными исследователями, являлось сохранение у подавляющего большинства представителей русского политической и культурной элиты двойственного отношения к самой перспекти-

ве покорения Северного Кавказа. Так, в частности, русское общество в большинстве своем критически отнеслось к депортации черкесского населения западной части Кавказа. Как отмечает Остен Джерсилд: «Образованное общество и чиновники (в России) негативно отреагировали на долгую и разрушительную историю военных завоеваний и изгнаний на Северном Кавказе, что вряд ли можно назвать признаком «просвещенной» имперской политики, и были весьма разочарованы неудачами имперской интеграции горских народов» [8]. Негативная оценка Кавказской войны развивалась как в ходе ее непосредственного течения, так и долго вскоре после ее окончания. В этой связи важно отметить, что симпатии большей части русской культуры, от эпохи Лермонтова до эпохи Толстого, находились преимущественно на стороне горцев. Примечательно, что стремление к дистанцированию кавказской проблемы от более широкого круга вопросов империи, было свойственно не только русской культуре, исторически настроенной оппозиционно к российскому государству, но и самому политическому руководству империи, проявлявшему крайне ограниченное желание к вмешательству во внутренние кавказские дела.

Обозначенные выше и проанализированные западными историками особенности русско-го ориентализма на Северном Кавказе в значительной мере соответствуют действительности, что позволяет выделить русский ориентализм как самостоятельный политико-культурный феномен, не встроенный в систему западных колониальных отношений, и по этой причине не подлежащий критике с точки зрения модернистского антиколониального дискурса.

Результаты. Резюмируя итоги проведенного исследования, мы можем сделать вывод о том, что западное восприятие российского ориентализма на Северном Кавказе в XIX в. носило

преимущественно ангажированный характер. Освещение русской политики в регионе европейскими политиками, писателями и общественными деятелями отличалось ярко выраженным негативизмом, что было вызвано как отрицательным отношением европейских держав к самой России, так и рациональной необходимостью противостояния геополитическому конкуренту. Доминирующей линией западного описания российской активности на Северном Кавказе стало описание жестокости русской армии в регионе и регрессивном духе административной деятельности русских на Кавказе. Именно на создание данного видения положения вещей были нацелены все западные публикации, посвященные тематике русско-кавказских отношений. В последующие исторические периоды западная перцепция русского ориентализма на Северном Кавказе претерпела ряд трансформаций. Несмотря на тот факт, что колониальный взгляд на нее сохранил свои позиции, большее развитие получил и культурологический подход, основанный на изучении вклада России с позиций практического прогресса региона и его вписывания в общемировой культурный контекст через творчество русских писателей и художников. Данный подход, хоть и имеет определенную склонность к тенденциозности и критике России, стремится к научной объективности. Проведенный нами анализ ясно показал, что классическая схема западного ориентализма, сформулированная Эдвардом Саидом, не может быть в полной мере применена к России как к цивилизации, построенной не на идее уничтожения и подавления иных культур и использования их ресурсов на благо метрополии, а на идее конвергенции и мирного сосуществования различных народов, сохраняющих свою культуру и вносящих свой вклад в развитие сложной и поликультурной российской государственности.

Литература

1. Алексеев П. В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: От А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 348 с.
2. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Роберт П. Джераси; авторизов. пер. с английского В. Гончарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 234 с.
3. Дзалаева К. Р. Русификация Северного Кавказа в контексте интеграционной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. // Известия СОИГСИ. 2019. №33(72). С.38 – 50.
4. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. М.: Европейский дом, 2008. 400 с.
5. Матвеев О. В. К историографии завершающего периода Кавказской войны: Симон Спиридонович Эсадзе // Историческое регионоведение Северного Кавказа - вузу и школе: материалы 9-й Всероссийской научно-практической конференции. Армавир: б.и., 2005d. Ч. 1. С.60 – 63.
6. Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / пер. с англ. П. С. Бавина. М.: РОССПЭН, 2019. 285 с.
7. Турицын И. В. Парадоксы российского колониального опыта первой половины XIX века (на материалах Закавказья) // Современная научная мысль. 2013. №4. С. 25 – 38.
8. Чач Е. А. «Ориентализм» Серебряного века: факты и наблюдения. СПб.: СПбГУПТД, 2016. 287 с.
9. Baumann F. Robert. Expansion and Interaction: Russia's Turkic Frontiers (1552–1936) // The Turks. Vol.12. Ankara, 2002. P.456 – 465.
10. Bell J. S. Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. V. 1. P. VI. London: Edward Moxon, 1840. 744 с.
11. Jersild A. Orientalism and empire: North Caucasus Mountain peoples at the Georgian frontier, 1845 – 1917. Montreal [etc.]: McGill-Queen's press, 2002. 321 p.

12. Ker-Porter R. Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia, etc. during the years 1817,1818,1819, and 1820. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821. 379 p.
13. Taylor A. J. P. The trouble makers: dissent over foreign policy, 1792-1939. L.: Hamish Hamilton, 1957. 470 p.

References

1. Alekseev PV. Conceptosier of orientalist discourse in Russian literature of the first half of the 19th century: From A.S. Pukin to K.M. Dostoevsky. Tomsk: Publishing House Vol. University. 2015. 348 pages (In Russ.).
2. Gerasi R. Window to the East: Empire, Orientalism, nation and religion in Russia / Robert P. Gerasi; author. translated from English by V. Goncharov. Moscow: New Literary Review, 2013. 234 p. (In Russ.).
3. Dzalaeva KR. Russification of the North Caucasus in the context of the integration policy of the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX century. XX century. *Izvestiya SOIGSI*. 2019; 33(72): 38-50. (In Russ.).
4. Lapin VV. Russia's Armenia in the Caucasian War of the XVIII-XIX centuries. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2008. 246 p. (In Russ.).
5. Matveev OV. On the historiography of the final stage of the Caucasian War in Historical regional studies of the North Caucasus university and school (proceedings of the 9th All-Russian Scientific and practical Conference). Armavir, 2005. P.60-63. (In Russ.).
6. Schemmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism: Asia in the Russian mind from the era of Peter the Great to the White Emigration / translated from English by PS. Bavin. Moscow: ROSSPEN, 2019. 285 p. (In Russ.).
7. Turitsin IV. The paradoxes of the Russian colonization experience of the first half of the 19th century (Transcaucasia). *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2013; 4: 25-38. (In Russ.).
8. Chach EA. Orientalism of the Silver Age: facts and observations. St. Petersburg: SPbGUPTD, 2016. 287 p. (In Russ.).
9. Baumann F. Robert. Expansion and Interaction: Russia's Turkic Frontiers (1552–1936). *The Turks*. Vol.12. Ankara, 2002. P.456-465.
10. Bell JS. Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. V. 1. P. VI. London: Edward Moxon, 1840. 744 c.
11. Jersild A. Orientalism and empire: North Caucasus Mountain peoples at the Georgian frontier, 1845-1917. Montreal [etc.]: McGill-Queen's press, 2002. 321 p.
12. Ker-Porter R. Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia, etc. during the years 1817,1818,1819, and 1820. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821. 379 p.
13. Taylor AJ. P. The trouble makers: dissent over foreign policy, 1792-1939. London: Hamish Hamilton, 1957. 470 p.

Научная статья

УДК 94(47).081

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.10>**М. Д. СКОБЕЛЕВ В СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПОХОДАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА****Андрей Евгеньевич Потапов**

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А. К. Серова (д. 135, ул. Дзержинского, Краснодар, 350090, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, преподаватель
andrey140161@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-7903-150X>

Аннотация. Введение. Историческая память народа опирается на славные боевые традиции и ратные подвиги российских воинов по защите интересов и рубежей Отечества. Исследуя состояние, уклад и воинские традиции армии Российской империи II-ой половины XIX в., автор сосредотачивает свое внимание на роли и значении среднеазиатских походов в становлении и развитии полководческого таланта Михаила Дмитриевича Скобелева. **Материалы и методы.** Историческое исследование основано на анализе различных источников, воспоминаний участников и современников, описываемых событий, публикаций современных авторов, а также архивных материалов. При проведении исследовательской работы автором применялись методы: объективности, историзма, нарративно-описательный, системного анализа, позволившие проанализировать военно-служебную и боевую деятельность М. Д. Скобелева в среднеазиатском регионе. **Анализ.** Автор исследовал боевой путь М. Д. Скобелева, посвятившего всю свою жизнь служению Отечеству по защите рубежей Российской империи. Начав службу в Средней Азии, молодой офицер Генерального штаба показал себя талантливым и инициативным военным служащим, получив необходимый опыт боевого командования в Хивинском походе 1873 г. В Кокандской экспедиции 1875 – 1876 гг. и Кашгарской миссии 1875 г., по эвакуации российского посольства и свергнутого Худояр-хана за пределы Кокандского ханства, Скобелев проявил не только блестящие командирские способности, но и возможности искусного дипломата. Апогеем полководческого таланта генерала М. Д. Скобелева явился II-й Ахалтекинский поход 1880-1881 гг., где он выступал уже в роли командующего всего экспедиционного отряда, умелого военного руководителя, способного в экстремальных условиях горно-пустынной местности, принять единственно

правильное решение и мобилизовать подчиненный ему личный состав на успешное выполнение любой боевой задачи. **Результаты.** По итогам проведенного исторического исследования необходимо сделать вывод, о том что М. Д. Скобелев за 39 лет своей жизни, совершил головокружительную военную карьеру – за 21 год воинской службы, прошел боевой путь от юнкера до генерала от инфантерии, причем никогда не был «паркетным генералом», а заслужил свои звания, награды и посты в боевых сражениях, проявляя себя грамотным, дисциплинированным, отважным и инициативным офицером, верным присяге и долгу. На протяжении службы командовал различными воинскими подразделениями, как регулярными, так и иррегулярными, всегда понимая специфику организации боевой деятельности. М. Д. Скобелев отличался не только повседневной требовательностью к подчиненным, но и заботой о них, умением отстаивать интересы любого нижнего чина перед вышестоящим начальством.

Ключевые слова: М. Д. Скобелев, Российская империя, Средняя Азия; Хивинский поход 1873 г., Кашгарская миссия 1875 г., Кокандский поход 1875-1876 гг., II-я Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг.

Для цитирования: Потапов А. Е. М. Д. Скобелев в среднеазиатских походах второй половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 81–89. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2025

Статья одобрена после рецензирования: 03.02.2026

Статья принята к публикации: 18.02.2026

Research article

**M. D. SKOBELEV IN CENTRAL ASIAN CAMPAIGNS
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY****Andrey E. Potapov**

Krasnodar Higher Military Aviation School for Pilots. Hero of the Soviet Union A.K. Serov (135, Dzerzhinskiy St., Krasnodar, 350090, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), lecturer
andrey140161@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-7903-150X>

Abstract. Introduction. The historical memory of our people is based on the glorious military traditions and military exploits of Russian soldiers in defending the interests and frontiers of the Fatherland. Analyzing the state, military structure and traditions of the army of the Russian Empire of the second half of the 19th century, the author focuses on the role and significance of the Central Asian campaigns in the formation and development of the military talent of Mikhail Dmitriyevich Skobelev. **Materials and methods.** The historical research is based on the analysis of various published sources, memoirs of participants and contemporaries, events described, publications by contemporary authors, as well as archival materials. During the research, the author applied the following methods: objectivity, historicism, narrative-descriptive, system analysis, which made it possible to analyze the military service and combat activities

of M. D. Skobelev in Central Asia. **Analysis.** The author explores the military path of M. D. Skobelev, who devoted his whole life to serving the Fatherland and protecting the borders of the Russian Empire. Starting his service in Central Asia, the young lieutenant Colonel of the General Staff proved himself to be a talented and enterprising officer, gaining the necessary experience of combat command in the Khiva campaign of 1873. During the Kokand expedition of 1875-1876 and the Kashgar mission of 1875, which evacuated the Russian embassy and the deposed Khudoyar Khan outside the Kokand Khanate, M. D. Skobelev showed not only brilliant commanding abilities, but also the capabilities of a skilled diplomat. The apogee of General Skobelev's generalship talent was the II Akhal-Teke campaign of 1880-1881, where he acted as the commander of the entire expeditionary force, a skilled military leader

© Потапов А. Е., 2026

capable of making the only right decision in extreme conditions of mountainous and desert terrain and mobilizing his subordinates to successfully complete any combat mission. **Results.** Based on the results of the conducted historical research, it is necessary to conclude that M. D. Skobelev for 39 years of his life, made a spectacular military career. Over 21 years of military service, he went through the military path from a cadet to a general from the infantry, and was never a parquet general, but earned his ranks and posts in combat battles, proving himself to be a competent, disciplined, brave and enterprising officer, loyal to his oath and duty. Throughout his service, he commanded various military units, both regular and irregular, always understanding the specifics of the organization of combat activities. M. Skobelev was distinguished not only by his daily de-

mands on subordinates, but also by his care for them, and his ability to defend the interests of any lower rank before his superiors.

Keywords: M. D. Skobelev, Russian Empire; Central Asia, Khiva campaign of 1873, Kashgar mission of 1875, Kokand campaign of 1875-1876, II Akhal-Teke expedition of 1880-1881

For citation: Potapov AE. M. D. Skobelev in Central Asian campaigns in the second half of the 19th century. Humanities and law research. 2026;13(1):81-89. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.10.2025

The article was approved after reviewing: 03.02.2026

The article was accepted for publication: 18.02.2026

Мы вспомним вновь, могучий русский гений,
Об имени прославленном твоём.
Чюмина О. Н. [23, с. 121].

Введение. Память о предках, самоотверженно и беззаветно служивших нашему Отечеству, защищавших русскую землю от врагов и отстаивавших интересы России с оружием в руках, требует всестороннего изучения, не только с целью ограждения от всевозможных фальсификаций и искажений, но и для обобщения боевого опыта воинов, верных воинскому долгу и присяге. В современных исторических исследованиях большое внимание уделяется роли личности полководцев в великих воинских сражениях, благодаря которым в победе над врагом, были продемонстрированы сила духа и мощь русского оружия. Вместе с тем, на мой взгляд, довольно мало работ, посвященных истории завоевания Российской империей среднеазиатских территорий, где огромным скопищем плохо организованных кокандских, бухарских, хивинских войск, а также грозной, но недисциплинированной туркменской коннице противостояли небольшие экспедиционные отряды русской армии.

Огромная роль в освоении закаспийских территорий принадлежит великому русскому военачальнику М. Д. Скобелеву, сила полководческого гения которого, развивалась именно в это время. Поэтому перед автором исследования была поставлена цель: рассмотреть основные периоды становления и развития полководческого таланта М. Д. Скобелева, начиная с Хивинского похода 1873 г., Кокандской экспедиции 1875–1876 гг. и Кашгарской миссии 1875 г., и заканчивая триумфальной победой генерала Скобелева во II-й Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг.

Материалы и методы. Цель исследовательской работы определила основной методологический инструментарий. Используемый в работе метод системного анализа позволил автору исследовать основные направления и особенности боевой и служебной деятельности М. Д. Скобелева в среднеазиатских походах. Примененные историко-системный и нарративно-описательный методы, дали возможность изучить боевую биографию Скобелева, установить

в каких боевых походах он принимал участие, какую должность при этом занимал и в каком чине находился. Историографическую базу представленного исследования составили «Приказы по Кубанскому казачьему войску», хранящиеся в библиотеке Государственного архива Краснодарского края (ГА КК), благодаря которым удалось точно установить, что М. Д. Скобелев во время среднеазиатских походов выполнял боевые задачи и рекогносцировочные мероприятия с привлечением кубанских казаков и оценивал их боевую подготовку очень высоко. Материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) дают возможность изучить деятельность Скобелева при организации подготовки и тактику проведению боевых операций в условиях горно-пустынной местности. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) найдены материалы, в которых М. Д. Скобелев в одном из своих рапортов докладывает о необходимости привлечения сил и средств Кавказского военного округа для организации походов в Среднюю Азию и довольно интересно обосновывает свою позицию. При написании работы были использованы документы фонда «Н. И. Гродекова», хранящиеся в Государственном историческом музее (ГИМ), в которых дается характеристика капитану Скобелеву, после совершения им дерзкой рекогносцировочной экспедиции в пределы Хивинского ханства. В отделе письменных источников (ОПИ ГИМ), вышеназванного музея, хранятся походные блокноты М. Д. Скобелева, сведения из которых также были использованы при написании работы. Документы архива внешней политики Российской империи (АВП РИ) позволили автору изучить материалы о блестящей победе русского оружия над текинскими войсками и взятии крепости Денгиль-Тепе. В опубликованных материалах Центрального государственного архива Республики Узбекистан изучены и использованы в работе приказы по войскам Туркестанского военного округа. Большое внимание было уделено работе с периодической печатью того времени, такими изданиями, как «Туркестанские

Ведомости», «Вестник архивиста», «Исторический вестник», «Военный сборник» «Московский телеграф» и др., описывающие основные события завоевания Туркестана.

Историография о М. Д. Скобелеве отражена в значительном количестве научных изданий, поэтому процесс научного исследования вопроса можно условно подразделить на следующие периоды: дореволюционный, советский и современный (постсоветский).

В дореволюционный период (после смерти М. Д. Скобелева в 1882 г.), образ полководца был широко известен и почитаем во всех слоях русского общества, подтверждением тому являются личные воспоминания участников и свидетелей, описываемых событий: В. В. Верещагина, Л. А. Богуславского, Н. И. Гродекова, А. В. Диваева, Н. К. Коде, И. С. Матросова, А. Н. Куропаткина, Е. Н. Толбухова и др.. Вместе с тем чрезмерное восхваление заслуг, в какой-то мере, создало своего рода культ Скобелева, ставшего атрибутом имперской политики России.

В советский период имя М. Д. Скобелева долгое время было незаслуженно забыто. Во время Великой Отечественной войны в советской литературе предпринимались попытки возродить образ М. Д. Скобелева для подъема патриотических чувств народа и воодушевления армии. В послевоенный период следует отметить работы советских историков А. А. Гордиенко, Г. А. Ахмеджанов, П. П. Иванова, академика В. В. Бартольда, директора Центрального государственного исторического архива УзССР профессора Н. А. Халфин о политике России в Средней Азии. В своих работах, используя архивные материалы и многочисленную мемуарную литературу, воспоминания участников военных походов и дипломатических миссий, описания научных экспедиций и путешествий, они писали в том числе, и о военно-административной деятельности М. Д. Скобелева.

Для современной (постсоветской) историографии (начало 90-х годов XX в. – по настоящее время) характерен возродившийся интерес к личности М. Д. Скобелева. Среди работ, посвященных деятельности видного военачальника и государственного деятеля, важное место занимают книги таких авторов, как Б. Костин, К. В. Кренов, В. Н. Масальский, В. И. Гусаров, С. И. Воронцов, В. А. Золотарев и др.

Анализ. Имя прославленного русского полководца, генерала от инфантерии, за всю военную службу не уступившего ни одного сражения противнику, Михаила Дмитриевича Скобелева, широко известно не только у нас в стране, но и во всем мире. Освободитель Болгарии, покоритель Средней Азии, внес огромный вклад в развитие военной «науки побеждать». Вершиной его полководческой карьеры, большинство историков, считают победоносное участие в войне 1877–1878 гг. с турками. Вместе с тем, по моему мнению, среднеазиатский период

службы, как менее изученный, представляет больший интерес, потому что захватывает, не только начало военной карьеры М. Д. Скобелева, но и ее наивысший расцвет – II-ю Ахалтекинскую экспедицию 1880-1881 гг. [19, с. 215–310].

Освоение огромных среднеазиатских просторов, с их безжизненными пустынями, невыносимым зноем и противостоянием местных кочевых племен, требовали от малочисленных российских экспедиционных отрядов предельной концентрации внимания, мужества и выдержки, несмотря на огромные преимущества в вооружении и тактики ведения боевых операций.

Впервые М. Д. Скобелев в Средней Азии оказался в 1869 г., в чине капитана, выпускника академии Генштаба, но уже в марте 1871 г. был назначен начальником кавалерии Красноводского отряда, под руководством полковника Н. Г. Столетова и стал его главным помощником [19, с. 85].

В это время обострились отношения Российской империи с Хивинским ханством и сложилась ситуация, при которой встал вопрос о проведении военной операции. В начале лета 1871 г. Н. Г. Столетов получил приказ из штаба Кавказского военного округа о необходимости организации рекогносцировки пределов границ Хивинского ханства. Выполнение этой задачи было поручено капитану Скобелеву, который «за 9 дней, с тремя казаками и тремя туркменами, пройдя 760 вёрст, произвел подробнейшую разведку маршрута, и, изложил особенности оно, сделав вывод о возможности отправки к Хиве небольшого отряда» [8, л. 11-13].

Н. Столетов и М. Скобелев вынашивали идею о повторении боевого опыта генерала М. Г. Черняева, который штурмом овладел Ташкентом, без какого-либо разрешения начальства. Но их планы были раскрыты, приехавшей для инспекции комиссией Кавказского округа, в результате чего руководителя Красноводского отряда сняли с должности, а Скобелева отправили в долгосрочный отпуск.

Перед отъездом из Красноводска Скобелев подал рапорт на имя Командующего Кавказским округом, в котором обосновал необходимость привлечения при организации похода на Хиву «не только туркестанские войска, но и кавказские, переправленные в Красноводский залив» [7, л. 12 об.].

Возможно, этот рапорт как-то в дальнейшем повлиял на участие Скобелева в Хивинском походе 1873 г. Вскоре М. Д. Скобелева, по его просьбе, вернули в Среднюю Азию и назначили командиром кавалерии Мангышлакского отряда. Перед Скобелевым была поставлена задача по организации четкого и непрерывного взаимодействия разведки с подразделениями отряда, от чего всецело зависела безопасность людей и возможность беспрепятственного использования колодезев с водой.

Следуя к Хиве, Мангышлакский отряд прошел 700 вёрст, среди горячих песчаных бар-

ханов пустыни Усть-Урт, преодолевая неимоверную жару (по Цельсию свыше 40°), которую не могли выдержать даже верблюды.

Скобелев, понимая сложность ситуации, первым из офицеров отдал свою лошадь для нужд отряда, продолжая путь по пустыни пешком, наравне с подчиненными. Мало того, когда рядом с ним от изнеможения упал солдат, Скобелев, подойдя к нему, дал напиться из своей фляги, и сказал: «Так, братишка, давай, нам осталось ещё немного к вечеру придём. Давай свое ружье, давай ранец свой я поднесу» [19, с. 94]. Понятно, что именно после таких красноречивых эпизодов и зародилась солдатская молва о Скобелеве, как «отце солдатам».

М. Д. Скобелев на протяжении всего движения Мангишлакского отряда к Хиве, как начальник кавалерии, совершал постоянные рекогносцировки во главе небольших казачьих подразделений, всегда успешно выполняя любую, даже самую сложную, боевую задачу. Так случилось и ранним утром 27 мая, когда на русский лагерь, расположенный на подступах к столице, неожиданно напала группа хивинских всадников и беспрепятственно похитила верблюдов, которые в условиях пустыни были основным средством передвижения наших войск, и их катастрофически не хватало [21]. Скобелев, быстро оценив обстановку, дал четкую команду подчиненным казакам преследовать хивинцев, и, догнав их, разметать мощным прицельным огнём. Украденные верблюды были возвращены, а противнику был нанесен значительный урон.

Вечером того же дня, по указанию командования отряда, Скобелев во главе двух казачьих сотен, усиленных ракетными станками, направился к столице, с целью проведения очередной рекогносцировки и был молниеносно атакован хивинцами, которые довольно грамотно использовали резвость и неимоверную выносливость своих лошадей. В связи с чем, наши отряды не всегда успевали оперативно противостоять противнику. Скобелев, для исправления сложившейся ситуации, предпринял военную хитрость, — спрятав небольшой, вооруженный винтовками пехотный отряд в камышовых зарослях, а сам, в сопровождении нескольких казаков, выступая в роли наживки, поскакал к хивинцам, которые увидев убегающих русских, преследуя их, попали в западню. В результате предпринятого маневра практически весь отряд противника был уничтожен прицельным огнем в упор [20].

28 мая начался штурм столицы ханства. Хивинцы организовали сопротивление, но явный перевес сил был на стороне русских войск. Скобелев во главе отряда атаковал Шахабатские ворота Хивы, которые в результате точного попадания артиллерии были разрушены и соответственно путь в город для наших войск был открыт. Хива пала. При организации штурма Скобелев лично участвовал в рукопашных схватках с

хивинцами, всегда находился на острие атаки, в передовых эшелонах русских войск.

4 августа 1873 г., М. Д. Скобелев, по поручению командования, совершил довольно сложную, но необходимую рекогносцировку маршрутов к каракумским колодцам, по пути, так и не преодоленному Красноводским отрядом, возглавляемым полковником Маркозовым. Скобелев, переодевшись в одежду местных скотоводов, в сопровождении своего верного денщика, знающего особенности местных жителей и трех проверенных туркмен, в течение десяти дней, преодолев более 500 верст безжизненной пустыни, блистательно выполнил поставленную задачу.

Анализируя результаты рекогносцировки Скобелева, командованием был сделан вывод о том, что в тех экстремальных условиях, в которых действовал отряд Маркозова, вряд ли кто смог бы преодолеть выбранный маршрут. Кроме того, позже стало понятно, что боевая работа Красноводского отряда способствовала победоносному продвижению русских отрядов, отвлекая местные племена от содействия Хиве.

Подполковник М. Д. Скобелев за боевые отличия в Хивинской экспедиции 1873 г. был повышен в звании до флигель-адъютанта и награжден орденом Святого Георгия IV-ой степени, а в 1874 г. ему было присвоено звание полковник [3, с. 67].

Помимо Хивинского, на границе российских владений в Средней Азии размещалось Кокандское ханство, где время от времени случались восстания местного населения, недовольного правлением деспотичного и жестокого Худояр-хана. Вместе с тем, хан имел довольно неплохие отношения с русской администрацией Туркестанского генерал-губернаторства, возглавляемого генералом К. П. фон Кауфманом.

До губернатора доходили противоречивые слухи о подготовке заговора против Худояр-хана. С целью уточнения текущей ситуации в Коканде и организации встречи с эмиром Кашгара, района расположенного в предгорьях Памира, имеющего для Российской империи важное военно-политическое и стратегическое значение [22, с. 132], Фон Кауфман организовал дипломатическую миссию. Главой миссии был назначен дипломат, коллежский советник Вейнберг, в помощь которому, был послан полковник, флигель-адъютант М. Д. Скобелев, в должности военного агента миссии [24, с. 25]. Назначение полковника на эту должность было продиктовано, прежде всего, знанием обычаев, традиций, языка местных племен и умением действовать с необходимой осторожностью, проявляя смелость, находчивость и способность принимать решения, при этом беря на себя полную ответственность. Что и было продемонстрировано при выполнении миссии, в состав которой входили, подчиненные М. Д. Скобелеву 22 казака и 6 джигитов [6, с. 13].

После прибытия русской миссии в столицу 13 июля, ситуация в ханстве резко обострилась. Главный военный советник хана, кипчак Абдурахман-Автобачи, оказался предателем и перейдя на сторону мятежников, возглавил восстание, объявив против всех неверных газават – священную войну. Восстание охватило все ханство. В сложившейся ситуации говорить о выполнении намеченной миссии в Кашгарском эмирате, не приходилось. Перед Скобелевым встала задача по безопасной эвакуации не только русских дипломатов, оказавшихся в самой гуще мятежных событий, но и Худояр-хана, со всем его двором и семейством.

Теперь на М. Д. Скобелеве лежала вся ответственность за безопасность вверенных ему людей, от его храбрости, разумности и способности действовать в экстремальных, непредсказуемых условиях, зависел благоприятный исход операции.

В то время, когда передовой отряд мятежников приблизился к Коканду, русская миссия, под защитой М. Д. Скобелева, организованно, при полном параде проходила через центр столицы. Были и другие маршруты движения, более безопасные, позволяющие выйти из города незаметно. Но Скобелев, вспоминая опыт Хивинского похода, знал, что местным необходимо продемонстрировать свою силу и смелость, иначе победить их будет очень сложно.

Преодолев неимоверные трудности перехода через пустыню, успешно отбивая внезапные атаки кокандских мятежников, 24 июля 1875 г. небольшой русский отряд дипломатической миссии, с остатками двора Худояр-хана успешно прибыл в Ходжент. Задача, стоявшая перед Скобелевым, была выполнена блестяще. Кокандский хан, обратившись со словами благодарности за свое спасение к фон Кауфману, отметил храбрость М. Д. Скобелева, сказав, что «его послала мне судьба, и я никогда не забуду услугу, оказанную мне русскими людьми» [11, с. 125].

По итогам успешно проведенной операции, флигель-адъютант, полковник М. Д. Скобелев был награжден золотой саблей, с надписью: «За храбрость и геройское, достойное русского имени поведение» [24, с. 25].

Продолжающееся восстание в Кокандском ханстве распространилось на весь восточный Туркестан, где с особым рвением работали мусульманские проповедники, призывающие к священной войне с гяурами. Генерал Кауфман принял решение о подавлении восстания в Коканде, и как командующий туркестанскими войсками возглавил предстоящую экспедицию. Командующий взял к себе в помощники полковника Скобелева, который, как и в предыдущих походах руководил кавалерией, которая выполняла рекогносцировочные задачи и организовывала взаимодействие между различными подразделениями.

К 20 августа, подавив очаги сопротивления восставших кокандцев, экспедиционный отряд начал движение к крепости Махрам, где были собраны главные силы бунтовщиков. По пути продвижения, отряд все чаще стал встречать небольшие группы неприятелей. По мере изменения боевой обстановки, отряд перестраивался в необходимый для отражения противника боевой порядок, при котором руководимые Скобелевым казаки, защищали отряд от внезапных атак конницы противника.

Правильность выбора способов защиты отряда, была продемонстрирована буквально на следующий день, когда спустившиеся с близлежащих гор кипчаки попытались огнем напором разгромить русский отряд. Полковник Скобелев, переменяя фронт действий русской кавалерии, с применением артиллерии, лихим контрударом авангарда и окружной цепи казаков, вдребезги разбил строй противника, а затем преследовал спасающихся бегством кипчаков. «Кавалерия, под начальством флигель-адъютанта полковника Скобелева, маневрировала превосходно. Попытки неприятеля опрокинуться всюю массою на нашу кавалерию остались тщетными» - пишется в военных донесениях [6, с. 21].

22 августа, подойдя к Махраму, Кауфман узнал от лазутчиков, что предводитель восставших Абдурахман-Автобачи сосредоточил на подступах к крепости войско численностью около 30 тысяч человек [25, р. 35].

Кокандцы попытались атаковать наш отряд, но русские разбили вражеские орды, и беспрепятственно вышли к Махраму, сходу начав штурм крепости. Путем грамотных действий Скобелева, кавалерии удалось удержать на безопасном расстоянии от отряда конных кипчаков, посредством плотного ружейного огня казаков, гранат и ракет дивизиона. Несмотря на ураганный, шквалистый огонь со стороны защитников крепости, русские офицеры личным примером, первыми бросились на штурм крепостных ворот, призывая подчиненных последовать их примеру. Разметав ворота вдребезги, русские воины без особых препятствий вошли в крепость и погнались повстанцев к Сырдарье, где уже «весь берег был завален трупами, а те, кто бросились вплавь, потонули» [6, с. 29].

Молва о победоносном завершении штурма Махрама русскими войсками, быстро разнеслась по всем ханским пределам, призывая местное население к умиротворению. Кауфман, продвигая к Коканду русские войска, подготовил обращение жителям столицы: «Если они встретят наши войска с хлебом-солью, предадут себя на милосердие Государя, то войска Его Императорского Величества не сделают никому зла. Если же Кокан встретит отряд вооруженною рукою, то пощады городу не будет» [5, с. 417].

После обращения генерал-губернатора, практически по всему маршруту движения рус-

ского отряда к Коканду выстроилась вереница представителей местных племен с целью засвидетельствовать свое уважение и покорность русскому императору.

Скобелев, проводя операцию по вызволению из Коканда Худояр-хана и русской дипломатической миссии, попутно произвел скрытную рекогносцировку крепости Коканда, маршрутов движения к столице и всей прилегающей территории в окружении десяти верст. По итогам рекогносцировки был подготовлен полный отчет с картографическими приложениями и рекомендациями. По сути дела, командовавший экспедицией Кауфман, перед штурмом знал все о недостатках и достоинствах обороны столицы. Поэтому штурм Коканда 29 августа, через Сары-Мазарские ворота прошел без единого выстрела, причем горожане вели себя довольно спокойно и столица ханства, практически без сопротивления, подчинилась могуществу «Белого царя».

В соответствии с мирным договором, подписанным 23 сентября, аналогичным с договорами между Российской империей, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, Коканд брал обязательства, не заключать какие-либо соглашений с другими странами, кроме как с Россией. Договор урегулировал и некоторые территориальные проблемы – земли на правом берегу Сыр-Дарьи («Наманганское бекство»), «вошли в состав России и стали называться Наманганским отделом Туркестанского генерал-губернаторства, руководство которым было поручено М. Д. Скобелеву» [22, с. 137].

Необходимо отметить, что не все население ханства признавало победу русских, и соответственно многие не собирались складывать оружие. Так центром сосредоточения восставших, под предводительством Автобачи стал г. Андижан, но организовать какое-либо серьезное сопротивление русским у мятежников не получилось. Андижан, как и Коканд был в конечном итоге захвачен, в том числе, благодаря четким действиям и молниеносной атаке Скобелевской конницы.

За боевые заслуги перед Российской империей 18 октября 1875 г. М. Д. Скобелеву было присвоено звание генерал-майора, а 31 октября он был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», и орденом святого Владимира III-й степени с мечами [12, с. 287]. Мятежи в пределах Кокандского ханства продолжали вспыхивать вплоть до февраля 1876 г., но были успешно ликвидированы русскими войсками, при прямом участии М. Д. Скобелева. По окончании Кокандского похода «генерал-майор М. Д. Скобелев был награжден Орденом святого Георгия III-й степени и золотой шпагой «За храбрость», с бриллиантами» [12, с. 289].

Боевой друг Скобелева, известный художник-баталист Василий Верещагин хоть и критиковал товарища, как проводника политики Российской империи в регионе, по его мнению, за не

всегда оправданные жесткие действия, но всегда говорил, что «все свои награды и отличия полководец получил не по протекции, а завоевал в бою, личным примером показывая солдатам, как следует воевать» [4, с. 253].

19 февраля 1876 г. император Александр II своим указом ликвидирует Кокандское ханство, а вместо него образует Ферганскую область, в составе генерал-губернаторства Туркестанского, и первым военным губернатором назначает тридцатидвухлетнего генерал-майора М. Д. Скобелева, как позже выяснилось довольно успешного администратора [5, с. 423].

В 1879 г., поход русского экспедиционного отряда, под руководством генерала Н. П. Ломакина, в Ахалтекинском оазисе закончился сокрушительным разгромом русских войск. Вечная соперница России в Средней Азии Великобритания, решила использовать ситуацию для решения своих задач по захвату Гератского оазиса, который располагался на границе с южной Туркменией и являлся воротами для экспансии всего среднеазиатского региона.

Россию не устраивало такое развитие событий и поэтому Александр II, в конце февраля 1880 г., созвал совет высшего военно-политического руководства страны, на котором было принято решение о необходимости организации и проведения II-й Ахалтекинской экспедиции. После долгих консультаций командование экспедицией было поручено командиру 4-го армейского корпуса генерал-адъютанту М. Д. Скобелеву. Выбор императора был очевиден – Скобелев имел огромный опыт военно-административной работы в среднеазиатском регионе [15, л.7].

Командующий экспедиционным отрядом, с воодушевлением и энтузиазмом приступил к подготовке предстоящего военного похода. По прибытии в Тифлис, в штаб Кавказского военного округа (апрель 1880 г.), Скобелев провел с руководящим составом обсуждение вопросов боевой готовности и текущего состояния войск. Генерала, в сложившейся ситуации, интересовала способность командования, избежать повторения ошибок, связанных с печальностью и снабжением войск, исходя из печального опыта I-ой Ахалтекинской экспедиции [17, с. 67-72].

При подготовке похода М. Д. Скобелев повышенное внимание уделял созданию «обширных складов провианта и боевых запасов, временных госпиталей и приступил к постройке железной дороги из Михайловского залива по направлению к Кизил-Арвату» [2, с. 507].

На данном этапе экспедиции все необходимые войска были размещены по постам Атрекской линии. Все другие подразделения, которые не задействованы в подготовке экспедиции, должны были до начала похода находиться на «зимних квартирах», пока для содержания этих войск не будет заготовлено все необходимое [14, с. 117].

Скобелев, довольно хорошо знавший языки местных племен, мог легко разговаривать с туркменами, производя на них неизгладимое впечатление своей силой духа и магнетической энергетикой. После таких разговоров, многие жители, пострадавшие от постоянных грабежей текинцев, оказывали генералу услуги в разведывательно-шпионской работе. Поэтому Скобелев всегда имел объективную и свежую информацию о передвижениях и планах текинцев, учитывая которые, мог планировать боевые действия своих войск более эффективно и рационально [9, с. 101-102].

При подготовке к походу Скобелев особое внимание уделял проблемам организации и совершенствования взаимодействия между штабом Кавказского округа и экспедиционным отрядом. Решая эту задачу в короткий срок, была произведена уникальная инженерная работа по прокладке по дну Каспийского моря кабеля, от западного до восточного побережья. Между основными форпостами был проложен проводной телеграф, а вслед за продвижением экспедиционного отряда, прокладывался телеграфный кабель.

Огромное внимание Скобелев уделил вопросам качества мобильных перевозочных средств, ведь лошадь в пустыни, как средство транспортировки грузов, исходя из опыта похода 1879 г., оказалась совершенно непригодна. Успешно решить эту проблему могли исключительно верблюды. Поэтому командующий всеми силами старался увеличить их количество для нужд отряда.

В начале июля 1880 г., Скобелев, с целью проверки предварительной готовности сил и средств отряда, выявления основных, наиболее удобных маршрутов к крепости Денгиль-Тепе, оценки боевой подготовки текинцев, и изучения тактики ведения боя противником, осуществил довольно рискованную рекогносцировку. Но, скорее всего, основной целью вылазки нашего немногочисленного отряда было психологическое воздействие на текинцев, демонстрация противнику мощи оружия и боевого духа русских войск. [14, с. 123].

Рекогносцировка достигла своих целей. Кроме того, Скобелев отметил произошедшие изменения в вооружении и тактике ведения боя текинцами: «По сравнению с 1879 годом, вооружение текинцев улучшилось, появилось больше усовершенствованного оружия, обладающего повышенной дальностью и точностью стрельбы. Текинцы в ведении боя начали перенимать русский опыт. Крепость была дополнительно укреплена, обложить её со всех сторон не получится из-за неравенства численности войск, штурмовать крепость рискованно. Заодно выяснились некоторые недостатки в оснащении экспедиции, что позволило в дальнейшем лучше подготовиться к осаде Денгиль-Тепе» [16, с. 130].

Чуть позже командующий, принял решение о «необходимости многочисленной артиллерии для операций под этой крепостью, поэто-

му с Кавказа были затребованы дополнительные орудия, а в августе возникла идея организовать подвижные батареи» [10, с. 19].

И главный вывод по итогам рекогносцировки: «Все прежние рассказы, ходившие между солдатами, о непобедимости текинцев пошатнулись перед очевидным бессилием их раздавить горсть русских войск, если она находится в умелых руках». [14, с. 124].

К концу декабря 1880 г. в целом была завершена подготовка операции в Ахалтекинский оазис. Скобелев со всей тщательностью изучил план Денгиль-Тепе, рассчитал все возможные маршруты и подступы к крепости, используя опыт экспедиции 1879 г. С целью подтверждения своих выводов и заключений командующий накануне штурма провел несколько рекогносцировок в прилегающем к крепости районе, в свободное время организовал практические занятия для подчиненных, с изучением основных методов и приемов контрнаступления и штурма крепости.

Для офицеров отряда, в зависимости от того каким подразделением они командуют, генерал лично разработал инструкцию, в которой, с учётом особенностей боевой тактики текинцев, практически каждому офицеру указал его место в боевом порядке: «сомкнутым, гибким боевым порядком, чётко выполняющим приказы командира, дружными, меткими залпами и штыком, всегда страшным в руках людей, сбитых дисциплиной, чувством долга и круговой порукой в одно могучее тело – колонну. Атаку конницы встречать залпами. Если обстоятельства позволят, то строить каре. Залпы употреблять против атакующего противника, конного и пешего, с 600 шагов» [14, с. 151].

На 10 января 1881 г. М. Д. Скобелев назначил штурм крепости Денгиль-Тепе, но буквально за несколько часов до начала атаки произошел обвал поземного хода, через который наши саперы минировали крепостные стены. Поэтому штурм пришлось перенести на раннее утро 12 января. Штурм начался с ураганного артиллерийского обстрела юго-западного угла крепости. Именно в этом месте текинцы разместили свои передовые отряды, так как рассчитывали, что здесь русские нанесут главный удар, ведь еще 8 января в стене крепости была пробита огромная брешь. Командующий до начала штурма сумел оставить в полной тайне от текинцев главную «точку удара» русских войск.

Осажденные жестоко поплатились за свою ошибку – ровно в 11 часов 20 минут раздался оглушительный взрыв, в результате которого обвалилась пятнадцатисаженная стена, под руинами которой оказались отборные силы противника, расположенные на Великокняжеской позиции. Штурмовые русские отряды бросились в образовавшейся пролом. Текинцы, поняв, что не разгадали хитрый маневр русских, и ринулись к разрушенной стене, но передовые отряды Скобелева прочно обосновались на отвоеван-

ных позициях. Вместе с тем, необходимо отметить, что осажденные текинцы сражались храбро и самоотверженно, но под сильнейшим напором русских вынуждены были отступить внутрь Денгиль-Тепе, где бои продолжились практически за каждую кибитку.

Один из командиров штурмового отряда А. Н. Куропаткин, вспоминал, что «несколько рот и спешенные казаки были двинуты с обвала внутрь крепости. Опять завязался рукопашный, но на этот раз уже не долгий бой; мы овладели кибитками и землянками, вышли до внутренней площади крепости и по линии крайних к площади кибиток, густо стоявших одна к другой, начали работы по устройству ретраншементов. В это время на обвале уже были установлены три горных орудия и картечьница, которые и открыли огонь по холму внутри крепости, покрытому текинцами» [14, с. 207].

Крепость Денгиль-Тепе пала, русские войска полностью разгромили текинцев, жалкие остатки которых разбежались в окрестностях оазиса. В первый же день после победы Скобелев издал приказ об оказании помощи женщинам и детям Денгиль-Тепе: «Оградить их от разных печальных случайностей, так как внутри крепости и днем, и ночью бродили солдаты, которым было разрешено пользоваться неприятельским имуществом в течение четырех дней» [16, с. 155, 158]. Стоит отметить, что факт издания вышеназванного документа говорит о том, что, все обвинения, обличающие Скобелева в бессмысленной жестокости и геноциде туркменского народа, не имеют под собой никакого обоснования и документального подтверждения.

13 января 1881 г. генерал-майор М. Д. Скобелев доложил срочными телеграммами в военное министерство (Санкт-Петербург), штаб Кавказского военного округа (Тифлис) и в посольство в Персии (Тегеран), о блестящей победе русского экспедиционного отряда над текинскими войсками и взятии крепости Денгиль-Тепе [1, л. 158]. В этот же день командующий отрядом провел торжественный парад экспедиционных войск и всеобщий молебен по погибшим русским воинам.

Безоговорочная победа русского оружия и боевого духа над войсками текинцев, имела

огромное военно-политическое значение для закрепления Российской империи в среднеазиатском регионе. Генерал М. Д. Скобелев, стал поистине национальным героем, заслуженно получив повышение в воинском звании до генерала от инфантерии и орден Святого Георгия Победоносца II-й степени.

Результаты. Таким образом, участие М. Д. Скобелева в среднеазиатских походах второй половины XIX в. предопределило его судьбу, как талантливого и, наверное, одного из самых успешных российских полководцев, не проигравшего ни одного боевого сражения. Боевая карьера Скобелева началось в Хивинской экспедиции 1873 г., где он предстал перед нами молодым, недостаточно опытным, но перспективным и теоретически отлично подготовленным офицером. В Кокандском походе 1875–1876 гг. Скобелев, используя хивинский опыт, в полной мере применил его в ситуациях связанных с выживанием войск и ведением успешных боевых действий в неблагоприятных горно-пустынных условиях. Умение находить общий язык с местными среднеазиатскими племенами, отличало его от многих других командиров. Кокандская экспедиция явилась важнейшим этапом в карьере Скобелева, позволившем Михаилу Дмитриевичу в полной мере проявить свой поистине полководческий талант в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и II-ой Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг.

Сегодня наблюдается огромный интерес к личности легендарного военачальника генерала М. Д. Скобелева, имя которого звучит наряду с именами прославленных русских богатырей А. Невского, А. В. Суворова и М. И. Кутузова. Жизнь и боевая деятельность великих полководцев становится неотъемлемым символом наших славных побед, одержанных русской армией, и активно используется в деле патриотического воспитания молодежи и в целом всего российского народа, оказывает огромное влияние на повышение боевого настроения и морального духа российской армии, выполняющей задачи специальной военной операции.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф.147. Оп.485. Д.573.
2. Богуславский Л. История Апшеронского полка. Т. 2. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1892. 552 с.
3. Бурдун В. Н., Потапов А. Е. «Вспомним, братцы, про былое»: участники событий о роли кубанских и терских казаков в Хивинском походе 1873 г. // Военный академический журнал. 2018. № 3 (19). С. 63-70.
4. Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. М.: Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1898. 391 с.
5. Военные действия против кокандцев в 1875 году. (по официальным донесениям) // Военный сборник. 1876. № 2. С. 415-417.
6. Военные действия против кокандцев в 1875-1876 гг. (по официальным донесениям) // Военный сборник. 1876. № 12. С. 11-13.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф.728. Оп.1. Д.2943.
8. Государственный исторический музей. Ф.307. «Н.И. Гродеков». Д.11.
9. Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т. 2. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1883. 312 с.
10. Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т. 3. СПб.: Типогр. В.С. Балашева, 1883. 409 с.

11. Диваев А. Последние дни Худояр-хана // Туркестанские ведомости. 1916. № 20. С. 105-175.
12. Исмаилов Э. Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788 – 1913. М.: Тип. «Старая Басманная», 2007. 544 с.
13. Коде Н. К., Матросов И. С., Михаил Дмитриевич Скобелев, его жизнь и служба Родине. М.: Издание типографии газеты «Московский телеграф». Петровка, Дом городского кредитного общества, 1882. 79 с.
14. Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении в 1880–1881 гг. С очерками военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876. СПб.: В. Березовский, 1899. 224 с.
15. Отдел письменных источников государственного исторического музея. Ф.307. Оп.1. Д.25.
16. Потапов А. Е. Участие кубанского казачества в присоединении Средней Азии к России (70–90-е годы XIX века): дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2020. 268 с.
17. Потапов А. Е. Неудачный поход. К 140-летию окончания Ахалтекинских походов 1879-1881 гг. // Военно-исторический журнал. 2021. № 1. С. 67-72.
18. Потапов А. Е. Вторая ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг. Начальный этап. (к 140-летию окончания Ахалтекинских походов 1879–1881 гг.) // Военно-исторический журнал. 2021. № 2. С. 61-67.
19. Потапов А. Е. «Народа глас – правдивый и могучий – признал в тебе Руси богатыря». М.Д. Скобелев в Хивинском походе 1873 года // Военно-исторический журнал. 2024. № 8. С. 84-97.
20. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.489. Оп.1. Д.7749.
21. Государственный архив Краснодарского края. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1877 г. Библиотека государственного архива Краснодарского края. Инв. № 8215.
22. Толбухов Е. Скобелев в Туркестане (1869-1877) // Исторический вестник. 1916. № 10. С. 101-152.
23. Чюмина О. Н. Стихотворения 1884-1888. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1889. 346 с.
24. Шадманова С. Б. Архивные документы Туркестана: по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан. Приказ по войскам турк. воен. округа. «Туркестанские Ведомости», 1875 г. № 51. // Вестник архивиста. 2009. № 3 (107). С. 19-28.
25. Pierce, Richard A. (1960). Russian Central Asia, 1867-1917: A Study in Colonial Rule. University of California Press. p.35. URL: <http://global.factiva.com/> (accessed: 18.02.2025).

References

1. Archive of foreign policy of the Russian Empire. F.147. Inv.485. D.573.
2. Boguslavsky L. The history of the Absheron regiment. Vol. 2. Saint-Petersburg: Type. Ministry of Railways, 1892. 552 p. (In Russ.).
3. Burdun VN., Potapov AE. «Brothers, let's recall the past»: participants in the events about the role of the Kuban and Terek Cossacks in the Khiva campaign of 1873. *Voennyj akademicheskij zhurnal*. 2018;3(19):63-70. (In Russ.).
4. Vereshchagin VV. At war in Asia and Europe. Moscow: Typograph of the I. N. Kushnerev and Co. partnership, 1898. 391 p. (In Russ.).
5. Military actions against the Kokans in 1875. (According to official reports). *Voennyj sbornik*. 1876;2:415-417. (In Russ.).
6. Military actions against the Kokans in 1875-1876 (according to official reports). *Voennyj sbornik*. 1876;12:11-13. (In Russ.).
7. The State Archive of the Russian Federation. F.728. Inv.1. D.2943.
8. State Historical Museum. F.307. «N.I. Grodekov». D.11.
9. Grodekov NI. The war in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880 – 1881. Vol. 2. Saint-Petersburg: Printing house of V. S. Balashev, 1883. 312 p. (In Russ.).
10. Grodekov NI. The war in Turkmenistan. Skobelev's campaign in 1880-1881. Vol. 3. St.Petersburg: Printing house of V. S. Balashev, 1883. 409 p. (In Russ.).
11. Divaev A. The last days of Khudoyar Khan. *Turkestanskije vedomosti*. 1916;20:105-175. (In Russ.).
12. Ismailov EE. Golden weapon with the inscription «For bravery». Lists of cavaliers 1788-1913. Moscow: Publishing house «Staraya Basmanaya», 2007. 544 p. (In Russ.).
13. Kode NK., Matrosov IS., Mikhail Dmitrievich Skobelev, his life and service to the Motherland. Moscow: Publishing house of the Moscow Telegraph newspaper. Petrovka, the House of the city Credit Society, 1882. 79 p. (In Russ.).
14. Kuropatkin AN. The conquest of Turkmenistan in 1880 – 1881. With sketches of military operations in Central Asia from 1839 to 1876. Saint-Petersburg: V. Berezovsky, 1899. 224 p. (In Russ.).
15. Department of Written sources of the State Historical Museum. F.307. Inv.1. D.25.
16. Potapov AE. Participation of the Kuban Cossacks in the annexation of Central Asia to Russia (70-90s of the XIX century): thesis, 2020. 268 p. (In Russ.).
17. Potapov AE. Unsuccessful campaign. On the 140th anniversary of the end of the Akhal-Teke campaigns of 1879 – 1881. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2021;1:67-72. (In Russ.).
18. Potapov AE. The second Akhal-Teke expedition of 1880-1881. The initial stage (on the 140th anniversary of the end of the Akhal-Teke campaigns of 1879 - 1881). *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2021;2:61-67. (In Russ.).
19. Potapov AE. The voice of the people, truthful and mighty, recognized you as a hero of Russia. M. D. Skobelev in the Khiva campaign of 1873. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2024;8:84-97. (In Russ.).
20. Russian State Military Historical Archive. F.489. Inv.1. D.7749.
21. The State Archive of the Krasnodar Territory. Orders on the Kuban Cossack army for 1877. Library of the State Archive of the Krasnodar Territory. Inv. No. 8215.
22. Tolbukhov E. Skobelev in Turkestan (1869-1877). *Istoricheskij vestnik*. 1916;10:101-152. (In Russ.).
23. Chyumina ON. Poems 1884-1888. Saint-Petersburg: Printing house of A.S. Suvorin, 1889. 346 p. (In Russ.).
24. Shadmanova SB. Archival documents of Turkestan: based on the materials of the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. The order for the Turk troops. military. districts. Turkestan Gazette, No. 51, 1875. *Vestnik arhivista*. 2009;3(107):19-28. (In Russ.).
25. Pierce, Richard A. (1960). Russian Central Asia, 1867-1917: A Study in Colonial Rule. University of California Press. p.35. URL: <http://global.factiva.com/> (accessed: 18.02.2025).

Научная статья

УДК 94(393)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.11>

ЛИБАНИЙ, ΒΟΥΛΕΥΤΑΙ И ΠΟΛΙΤΕΥΟΜΕΝΟΙ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ГОРОДА

Маргарита Леонидовна Радченко

Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина (д. 71, ул. Горького, Белгород, 308024, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, преподаватель
mira.1991@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>

Аннотация. Введение. С IV в. начинается процесс византизации позднеантичных городов Восточного Средиземноморья, продолжавшийся до конца VI в. В центре внимания социальных изменений находится положение куриалов. Куриалы по-гречески могут быть переданы двумя терминами – βουλευταί и πολιτεύομενοι. Большинство ученых ныне отождествляет эти два термина после некоторого периода поиска различий между ними в историографии. Вопрос о состоянии антиохийской курии в эпоху Либания (2-я половина IV в.) и о взаимоотношениях ратора с куриалами дает возможности широкого исследовательского поиска. **Материалы и методы.** Основным источником выступает наследие антиохийского ратора второй половины IV в. Либания. Также используются некоторые другие синхронные источники. Методами исследования выступают метод контент анализа (как анализ содержания источников), сравнительно-исторический и общенаучный метод анализа и синтеза. **Анализ.** Эпоха Либания и кейс Антиохии представляют особый интерес, так как Либаний – один из наиболее плодотворных авторов своей эпохи, от которого сохранилось колоссальное письменное наследство; Антиохия – один из трех крупнейших городов империи, «метрополия Востока»; наконец, рассматриваемая эпоха имеет решающее значение в плане византизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье, когда традиционный муниципальный строй приходит в упадок, горожане-куриалы теперь не столько стремятся к должностям в городской общине, сколько тяготеют к повинностям, а в город проникает новая внешняя знать, связанная с государством и административной системой. В письмах и речах этого ратора выделено 133 куриала, из которых 57 были связаны только с Антиохией, а прочие – с другими горо-

дами. Однако интерес Либания к муниципальной жизни, а также масштабы его деятельности, исключительны даже для его времени и не имеют аналогов в последующие века. Переписка Либания позволяет нам узнать в целом о 196 учениках этого ратора, студентах его школы в Антиохии. Помимо обучения, известны 22 куриала, которые обращаются к Либанию с просьбой о рекомендательном письме с целью получения иммунитета от муниципальных обязанностей. Это отражает состояние дел в курии Антиохии. **Результаты.** Жизнь и сочинения Либания позволяют уточнить положение куриалов в Антиохии и на всем Востоке империи в заключительный, кризисный, но еще живой период их существования. Круг корреспондентов Либания из куриалов связан с двумя основными темами – это учебный процесс в его школе и проблема освобождения куриалов от их обременительных обязанностей в городе в пользу административной карьеры в империи. Либаний в целом считает куриалов основой традиционной полисной жизни, но прекрасно видит их кризисное состояние и усиление административного сегмента жизни общества и в целом усиление этатизма.

Ключевые слова: Либаний, поздняя античность, город, византизация, куриалы, Антиохия, ритор

Для цитирования: Радченко М. Л. Либаний, βουλευταί и πολιτεύομενοι в социальной сети позднеантичного города // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 90–97. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.11>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2025

Статья одобрена после рецензирования: 03.02.2026

Статья принята к публикации: 18.02.2026

Research article

LIBANIUS, ΒΟΥΛΕΥΤΑΙ AND ΠΟΛΙΤΕΥΟΜΕΝΟΙ IN THE SOCIAL NETWORK OF A LATE ANTIQUE CITY

Margarita L. Radchenko

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin (71, Gorky St., Belgorod, 308024, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), lecturer
mira.1991@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>

Abstract. Introduction. The process of Byzantinization of the late antique cities of the Eastern Mediterranean begins in the 4th century and lasts until the end of the 6th century. The focus of social changes is on the position of the curials. In Greek, curials can be rendered by two terms – βουλευταί and πολιτεύομενοι. Most scholars now identify these two terms after some period of searching for differences between them in historiography. The question of the state of the Antiochene curia in the era of Libanius (the second half of the 4th century) and the relationship of the rhetorician with the curials provides opportunities for a wide research search. **Materials and methods.** The main source is the legacy of the Antiochene rhetorician of the second half of the 4th century Libanius. Some other synchro-

nous sources are also used. The research methods are the method of content analysis (as an analysis of the content of sources), comparative historical and general scientific methods of analysis and synthesis. **Analysis.** The era of Libanius and the case of Antioch are of particular interest, since Libanius is one of the most prolific authors of his era, from whom a colossal written legacy has been preserved. Antioch is one of the three largest cities of the empire, the metropolis of the East; finally, the era under consideration is of decisive importance in terms of the Byzantinization of the late antique city in the Eastern Mediterranean, when the traditional municipal system is in decline. The curial citizens are no longer so much striving for positions in the city community as they are burdened by duties, and a new ex-

ternal nobility, connected with the state and the administrative system, penetrates the city. In the letters and speeches of this rhetorician, 133 curials are distinguished, of which 57 were connected only with Antioch, and the rest – with other cities. However, Libanius' interest in municipal life, as well as the scale of his activity, are exceptional even for his time and have no analogues in the following centuries. The correspondence of Libanius allows us to learn about 196 students of this rhetorician, students of his school in Antioch. In addition to their studies, 22 curials are known to have turned to Libanius for a letter of recommendation in order to obtain immunity from municipal duties. This reflects the state of affairs in the curia of Antioch. **Results.** The life and writings of Libanius allow us to clarify the position of the curials in Antioch and throughout the East of the empire in the final, critical, but still living period of their existence. The circle of Libanius' correspondents from the curials is associated with two main topics - this is the educational process in his

school and the problem of freeing the curials from their onerous duties in the city in favor of an administrative career in the empire. Libanius generally considers the curials to be the basis of traditional city-state life, but clearly sees their crisis state and the strengthening of the administrative segment of society and, in general, the strengthening of statism.

Keywords: Libanius, late antiquity, city, Byzantinization, curials, Antioch, rhetor

For citation: Radchenko ML. Libanius, *βουλευταί* and *πολιτεύόμενοι* in the social network of a late antique city. Humanities and law research. 2026;13(1):90-97. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.11>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.11.2025

The article was approved after reviewing: 03.02.2026

The article was accepted for publication: 18.02.2026

Введение. С IV в. начинается процесс византинизации [1, с. 196-216] позднеантичных городов Восточного Средиземноморья, продолжавшийся до конца VI в. Ключевой вопрос – можно ли назвать изменения в городах упадком, переходом, трансформацией или развитием – выдвинул историю города в центр более масштабных споров об упадке, падении или трансформации империи [8, р. 125]. Главные спорные вопросы – это скорость и сроки византизации позднеантичных городов и трансформации жизни населения.

В центре внимания социальных изменений находится положение куриалов. Этот термин общепринят в отечественной науке, хотя является латинским. Более удобные и стандартизированные латинские термины во многих случаях полезны для позднеантичного времени (например, в области образовательной лексики). Однако, в данном случае греческие оригиналы позволяют извлечь дополнительные смысловые оттенки.

Куриалы по-гречески могут быть переданы двумя терминами – *βουλευταί* и *πολιτεύόμενοι*. Первое (булевтай) означает «члены городского Совета» (булэ), то есть, это выборные из граждан городской общины члены «правительства», народного представительства. Второе (политевоменой) означает всё политическое гражданство городской общины, обладающее правами и обязанностями.

В науке более столетия существует вопрос о тождестве или различии этих понятий, которые вместе создают некоторую дополнительную сложность. В XX в. синонимия этих двух терминов была принята большинством учёных, в частности Полем Пети, который основывал свою работу на изучении трудов Либания [21, р. 30-32].

Сведения о политевоменах поступают в основном из Египта, где они засвидетельствованы с IV в. (если не со второй половины III в.) вплоть до начала VIII в. В результате большинство современных учёных, комментирующих эту терминологическую проблему, являются папирологами. В муниципальных куриях ранневизантийского Египта нет ни одного человека с определением политевоменой, который бы не был

булевтаем [11, р. 131-132]. Высказывались и иные мнения (политевоменой – более новый термин, булевтай – более традиционный; политевоменой – «гражданская» ипостась гражданина в отличие от военной; и т.п.).

В конце XX в. было высказано мнение о том, что политевоменой и булевтай не тождественны, по крайней мере, в Египте [7, р.231-247]. Кроме того, булевтай были отождествлены с декурионами, представителями городского сената, а политевоменой с куриалами.

А. Ланиадо, всесторонне рассмотрев вопрос, приходит к выводу о том, что политевоменой упоминаются в источниках Египте до начала VIII в., а булевтай исчезают уже в VI в. Это свидетельствует о том, что упадок муниципальных курий был гораздо более постепенным, чем считалось ранее [11, р. 141]. Большинство ученых ныне вновь отождествляет эти два термина.

Материалы и методы. Основным источником выступает наследие антиохийского ритора 2-й половины IV в. Либания, преимущественно его письма, и в меньшей мере речи (*oratio*). Также используются некоторые другие синхронные источники – светские и церковные истории, а также нормативные источники, получившие оформление в византийском законодательстве Юстиниана VI в.

Методами исследования выступают метод контент анализа (как анализ содержания источников), сравнительно-исторический и общенаучный метод анализа и синтеза.

Анализ. Определяющие признаки античного полиса: управление (преобладание местной элиты имущих семей, ведущих граждан, которые заседали в городских советах); тесная связь между застроенным городским центром и окружающей сельской местностью, объединенной куриальным классом, который использовал богатства на благо города; и материальный облик города: театр, бани, общественные фонтаны, храмы, вымощенные улицы, расположенные по сетчатому плану, все это чаще всего оплачивалось гражданами (куриалами), чья щедрость прославлялась в надписях.

Помимо четко определяемых элементов эволюции материальной культуры, несомненной

эволюции подверглись и черты муниципальной организации. Едва ли не важнейшим признаком этой организации в позднеантичное время (как и ранее) был городской совет (булэ, курия), тогда как деятельность народных собраний прекратилась намного раньше. При этом не всегда речь может идти о едином городском совете, булевтаи могли создавать несколько «фракций». Но в любом случае это были ведущие члены городской общины, владевшие в нем землей и отвечавшие за сбор налогов.

Во времена ранней империи городской совет был совещательным и представительным органом города, аналогом римского сената, а также официальной статусной группой, члены которой, обычно называемые булевтаями, разделяли набор привилегий и обязанностей.

Еще в IV в. при основании новых городов императорами в них тоже создавались муниципальные советы. Однако, со временем они изменяли свой традиционный античный характер. В городе к этому времени активно формировалась «новая знать» [9, р. 735-740] из внешних по отношению к городу отставников государственной службы, новых землевладельцев, епископов, настоятелей монастырей. Поэтому ряд специалистов (А. Ланиадо и др.) ставят вопрос о «посткуриальной» стадии эволюции города в поздней античности [8, р. 125-162].

В историографии существует определенное согласие в том, что новая знать – крупные землевладельцы – взяли на себя многие административные функции, ранее выполнявшиеся куриалами [24, р. 3-29]. Однако существуют различные мнения относительно того, вмешалось ли имперское правительство, чтобы создать эту структуру для собственного управления и обязывало землевладельцев выполнять эти задачи, или же землевладельцы организовались добровольно [6, р. 1-90].

Вопрос о состоянии антиохийской курии в эпоху Либания (2-я половина IV в.) и о взаимоотношениях ратора с куриалами (πολίτευοι) уже становился предметом рассмотрения в историографии [14, р. 176-192; 18]. Однако, в меньшей степени изучен вопрос о куриалах, вступавших в переписку с Либанием, студентах-куриалах антиохийского ратора, родителях студентов-куриалов, и т.д. Иными словами, ныне можно поставить вопрос о социальной сети куриалов с Либанием в центре.

Эпоха Либания и кейс Антиохии представляют для решения данного вопроса особый интерес, так как Либаний – один из наиболее плодотворных авторов своей эпохи, от которого сохранилось колоссальное письменное наследство [ср. 16, р. 80-85]; Антиохия – один из трех крупнейших городов империи, «метрополия Востока»; наконец, рассматриваемая эпоха имеет решающее значение в плане византинизации позднеантичного города в Восточном Средизем-

номорье, когда традиционный муниципальный строй приходит в упадок, горожане-куриалы теперь не столько стремятся к должностям в городской общине, сколько тягостятся повинностями, а в город проникает новая внешняя знать, связанная с государством и административной системой [2, с. 163-175].

Прежде всего Либанию современная наука обязана образом куриала, угнетаемого провинциальными и имперскими властями, и даже новой городской знатью [21, р. 353-355]¹.

С момента завоевания Восточного Средиземноморья римляне правили посредством городских советов, состоявших из местной землевладельческой элиты. Эти советники стали ответственными за сбор налогов (критически важных для имперского управления) и общее содержание города. Эта задача стала предметом гордости, поскольку семьи куриалов соревновались как в своём городе, так и с соседними, возводя самые грандиозные театры, бани, храмы и монументальные арки, увековечивая свои достижения надписями. После потрясений III века стремительный рост инфляции привел к обесценению доходов от их пожертвований. В свою очередь, города, зависевшие от финансовой поддержки куриалов, утратили экономическую автономию и начали обращаться к центральному правительству за дополнительными средствами, которое в ответ конфисковывало городские земли и налоги для покрытия местных расходов. Престиж куриалов быстро падал, а их обязанности перед империей и городом оставались неизменными, и они стали искать способы освободиться от своих обязанностей.

В IV в. куриалы, по всей видимости, испытывали крайнее финансовое давление, о чём убедительно свидетельствуют сочинения Либания. В Речи 48 он отмечает, что к 380-м годам численность курии в Антиохии сократилась с 600 до 60 членов, и, несмотря на его личные взгляды на значение курии, описание им эгоизма и некомпетентности местной элиты позволяет понять, почему имперское правительство стремилось усилить свой контроль, осуществляя прямое управление через наместников провинций (*Lib., Or. 48, 4*). В IV веке, по всей видимости, городские советы обладали уже незначительной властью.

Несмотря на свою собственную роль в уменьшении роли курии, центральное правительство по-прежнему поддерживало куриальное управление провинциальными городами, о чём свидетельствует масса принятых законов, направленных на то, чтобы обязать куриалов выполнять их традиционные обязанности. XII книга Кодекса Феодосия содержит 192 конституции, принятые в соответствии с законом о декурионах (*de decurionibus*), которые пытались удержать

¹ Для VI в. см.: Cassiod. *Variae* IX, 2 (527 г.).

куриалов на их месте и остановить их продвижение к административным должностям в столице.

Истоки вопроса об отношении Либания к куриалам лежат в происхождении самого ритора. Нередко утверждается, хотя и без точных оснований, что Либаний сам происходил из куриальной семьи, хотя и был освобожден от куриальных обязанностей из-за своей профессии.

Его личная история порой приводится в пример того, что во 2-й половине IV в. самый знаменитый ритор «метрополии Востока» не хотел заключать законный брак именно по причине реального положения куриалов.

Либаний постоянно жил со служанкой, женщиной низкого происхождения, но никогда не упоминал спутницу всей своей жизни в своих сочинениях, пока она была жива (*Ep.* 959.2 и 1063.5; *Or.* 1.278).

От этой служанки он имел сына Кимона (иногда называемого Арабием), и возлагал большие надежды на его карьеру. Хотя в источниках лишь упоминается факт неравного союза, без комментария мотивов Либания и не ставя под сомнение целесообразность его решения, в литературе часто утверждается, что он заключил этот неравный союз, прежде всего, чтобы избежать рождения законных сыновей, которые будут обременены куриальными обязанностями.

С другой стороны, не менее часто говорится о том, что, несмотря на факт отсутствия законного брака, Либаний отчаянно пытался освободить сына от куриального статуса, чтобы он мог избежать финансового бремени. Значит, сын все же имел этот статус.

В итоге надежды Кимона получить официальную должность не оправдались, так как он умер молодым.

В дополнение, Либаний подразумевает в Речи 48.30, что для города было бы нежелательно, чтобы рабыни приносили детей курии, пополняя тем самым это сословие (*Lib.*, *Or.* 48.30).

В целом, начиная с IV века, все источники и вся документация, относящаяся к куриалам, становится беднее, чем ранее. Это снижение заметно во всех категориях соответствующей документации [11, р. 130 – 131]. Что касается литературных источников, то значительная часть информации по IV веку получена именно из сочинений Либания.

В письмах и речах этого ритора Поль Пети выделил 133 куриала, из которых 57 были связаны только с Антиохией [21, р. 397 – 403], а прочие – с другими городами. Однако интерес Либания к муниципальной жизни, а также масштабы его деятельности, исключительны даже для его времени и не имеют аналогов в последующие века.

Переписка Либания позволяет нам узнать в целом о 196 учениках этого ритора, студентах его школы в Антиохии.

Из 105 учеников, социальное происхождение которых известно, 50 (47,6%) происходят из

семей куриалов (τολιτευόμενοι), 38 (36%) – из семей государственных служащих, 17 (16,2%) из семей, практикующих свободные профессии.

Из 104 студентов, чья дальнейшая карьера известна, 41 (39,4%) – государственные служащие, 22 (21,1%) – учителя, 10 (9,6%) – преподаватели высших школ, 31 (29,8%) люди свободных профессий.

Поль Пети, безусловно, был прав, отметив, что «риторическая культура позволяет куриалам выбирать профессии, избавляясь от своего первоначального статуса» [22, р. 174]. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть данные, касающиеся сокурсников самого Либания. Среди 30 его сокурсников по обучению в Афинах, чья карьера известна, 13 (43,3%) государственных служащих, 8 (26,6%) учителей, 2 (6,6%) профессора и 7 (23%) – люди свободных профессий.

Помимо обучения, по подсчетам Вольфа Либешютца, известны 22 куриала, которые обращаются к Либанию с просьбой о рекомендательном письме с целью получения иммунитета от муниципальных обязанностей. Это прямо говорит о том, что место и роль Либания в антиохийской гражданской общине были таковы, что он мог оказать содействие в этом деликатном вопросе, ибо государство никак не было расположено терпеть «бегство» (дезертирство) куриалов от своих обязанностей в городе. При этом половине корреспондентов Либания (11 чел.) в итоге удается дезертировать от своих обязанностей. При этом В. Либешютц отмечает, что в городе были покровители, более могущественные, чем Либаний [12, р. 179], которые могли оказать содействие в уходе куриалов от их обязанностей.

Деятельность Либания по содействию куриалам в уходе от куриальных обязанностей нельзя назвать полностью успешной не только потому, что эффективность прямых обращений такого рода к нему составляет 50%. Личная история с его сыном, несмотря на противоречивые сведения источников, убеждает нас в том, что в конечном итоге Либаний не смог в полной мере достичь желаемого. В этом отношении нельзя не провести аналогию с сыном Перикла в классических Афинах – если отец, преодолев огромные трудности, и добился своего, но впрямь эта победа не пошла, и сын не смог в полной мере вкушать плоды этой пирровой победы.

Одной из неудач Либания в его ходатайствах за куриалов была история с выдвижением кандидатуры его секретаря Фалассия в Сенат Константинополя. Последнему грозила опасность быть включенным в Антиохийскую курию его врагами [4, р. 156-158].

Риторическое образование в то время было одним из важнейших социальных лифтов не только на уровне города, но и всей империи. Поэтому оно было прерогативой преимущественно молодых людей из хороших семей, которые хотели иметь доступ к должностям, которые в ко-

нечном итоге также принесли бы пользу и их городам. Это Либаний специально подчеркивал в *Or.* 31, «Учителям», когда он сказал жителям Антиохии, что даже если у них нет сыновей подходящего возраста, или отцов лишь дочерей, образование граждан должно было быть их средством заработка. Молодые люди, которые учились в Антиохии, обычно принадлежали к высшему слою, за исключением сыновей нескольких второстепенных булевтаев и учителей.

Представляя Совету реалистичную картину доходов учителя в 361 г., Либаний опроверг общее мнение о том, что плата от студентов составляет большую часть его доходов и впервые признался, что не все хорошо с его профессией в материальном плане (*Or.* 31.25 и 29–32). Финансовый крах многих семей куриалов (усугубляемый все более снижавшимся престижем риторики) заставил его бесплатно обучать некоторых сыновей наиболее важных родителей [5, р. 59–70].

В нескольких поздних выступлениях он расширил свою практику бесплатного обучения с горечью, которая раньше отсутствовала в тоне его текстов (*Or.* 36.9; 3.6–9; 43.6–7 и 13). В 361 г. Либаний предлагал бесплатное обучение семьям, находившимся в финансовом положении, которое вызвало у них унижение, и за это имел искреннюю благодарность. К 380-м годам, однако, бедные, а также, предположительно, даже и состоятельные, часто пользовались такой благотворительностью Либания. Кажется, что эта практика, которая первоначально была связана исключительно с низким доходом некоторых граждан, привела к общему правилу добровольного предоставления образовательных услуг, что Либаний описал таким образом: «Те, кто желает это сделать, платят; те, кто отказываются, не делают этого»¹.

Куриал – это прежде всего гражданин. Под «гражданином» в Поздней империи понимается большинство жителей Империи, поскольку Каракалла упразднил право местного гражданства, и Либаний в своих хвалебных речах иногда различает полноправных граждан, жителей, не являющихся гражданами, и иностранцев. Куриал исторически – это элитный гражданин, он оплачивает расходы города (подобно древним литургиям), и поэтому в нём живёт древнегреческая концепция преданности человека своей Малой Родине.

При этом возникал вопрос о позднеантичных аналогах древних метеков – чужеземцах, лицах без гражданских прав, которые проживали и зарабатывали в городе. Если для такого человека (иноземца) естественно, справедливо и правильно быть куриалом на своей родине, платя налоги там, что, по-видимому, не причиняет никакого вреда городу его проживания, то не следует ли требовать платы за проживание и предпринима-

тельство с постоянно проживающих и тайно проживающих в городе иноземцев?

Императоры IV в. постоянно пытались подчинить горожан-неграждан куриальным повинностям городов их фактического проживания, но эта проблема не поднимается у Либания: мы не встречаем случаев, когда негражданин регулярно подлежал литургиям.

У Либания чужеземцы – это как правило граждане других городов, лишь проезжающие через Антиохию или приехавшие туда специально для участия в каком-либо празднестве или литургическом мероприятии. Лишь однажды имел место такой случай: в 386 г. сирийский консул Тисамен привёз куриала из Бери (совр. Алеппо), чтобы подарить народу Антиохии одно из тех охотничьих зрелищ, которые он так любил, исполнив литургию в столице Востока. Юридически это было возможно: закон CTh. VIII, 4, 11, который датируется 372 г., гласит, что куриалы Азии могут добиваться азиархии, положения отправителя императорского культа, в одной из четырёх метрополий провинции, выполнив при этом все свои обязательства в своём городе.

Происхождение новой муниципальной знати Поздней империи трудно проследить по источникам. При нынешнем их состоянии, применительно к Востоку, невозможно доказать, что тот или иной куриал или знатный человек Поздней империи происходил из куриальной семьи эпохи принципатата. Скорее всего, никакой исторической преемственности здесь не было. Она действительно редко подтверждается более чем двумя поколениями, и мы на Востоке после IV в. нет примеров, превышающих в целом четыре поколения.

С другой стороны, мы знаем знатных людей куриального происхождения, которые сами по себе уже не являются таковыми, входя при этом в «новую знать», примером чего является сам Либаний и его семья [21, р. 17–18, 326–327]. Помимо этого, в 391 г. Либаний упоминает некоего дина («сильного человека») Евсевия² из рода пальмирского князя Одената (умер в 267 г.) Потомки Зенобии, жены Одената, еще жили при Валенте (Eutrop. Brev. IX, 13, 2)³. В речи, произнесенной в пользу кандидатуры Фалассия в сенат, Либаний перечисляет восемь знатных имперских сановников низкого происхождения (*Lib.*, *Or.* 42, 23–24) [4, р. 156–158; 10, р. 11–12]⁴.

Институциональный термин *πρωτεύων* для обозначения представителя новой знати избегают такие авторы, как Либаний⁵, Дамаский или Прокопий Кесарийский, которые стремятся обойти эту техническую лексику, используя различные варианты или иносказания.

¹ В *Or.* 36.9, Либаний добавляет, что его личный пример заставил других софистов подражать этой практике.

² PLRE I, 306: Eusebius 27;

³ Zenobia autem postea, qui adhuc manent, Romae reliquit.

⁴ PLRE I, 927: Tychamenes.

⁵ Эквиваленты, используемые этим автором, см. в [21, р. 82–83].

В IV в. деятельность $\pi\rho\omega\tau\epsilon\upsilon\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ в муниципальных и провинциальных владениях наиболее известна из имперского законодательства, а для Антиохии – также из работ Либания [21, р. 84-88; 12, р. 172-173]. В V-VI вв. в неюридических источниках об этом говорится крайне редко.

Примеров упоминания протевонув Либанием немного. В 393 г. Либаний обратился к еврейскому патриарху Гамалиилу, влиятельному представителю новой знати провинции, с просьбой пощадить Иларию, правителя Палестины, которому, по-видимому, угрожали последствия выполнения его должностных обязанностей (*Lib. Ep.* 1105) [23, р. 597; 20, р. 127-128]. В 390 г. Либаний написал Речи 42, чтобы поддержать кандидатуру своего секретаря Фалассия в Сенат Константинополя, так как Фалассий активно пытался избежать невыносимого для него бремени своего куриального статуса (*Lib., Or.* 42).

Конституция 362 г. свидетельствует о попытке возложить долги старых куриалов на новых (протевонув). П. Пети отмечает молчание Либания по этому поводу [21, р. 151-152; 12, р. 165].

Конечно, Либаний не был непосредственно знаком с людьми из низших слоев, так как они не учились в его школе, не были родителями его студентов, не ходатайствовали перед ним об освобождении от обременения куриального статуса.

Его социальная сеть – только имперские администраторы, чиновники, новая знать города, куриалы и представители того слоя, что мы сегодня называем свободными профессиями. Среди корреспондентов Либания – также много иноземцев, живших без гражданства в Антиохии, и прежде всего куриалов других городов [15; 19, р. 347-350; 17, р. 38-40].

Отношение Либания к христианству и христианам – отдельная самостоятельная тема [13; 3, р. 63-76], однако его отношения с отдельными христианами лично на основе его переписки, или в отношении христиан вообще, предварительно позволяют определить Либания как «языческого традиционалиста», сдержанно реагирующего на христианство в ключевом городе поздней Восточной Римской империи.

Эллинизм того времени был религиозно «мультикультурным» в том смысле, в каком христианство им не было. Поэтому толерантность Либания требовала контекста или рамок эллинского культурного консенсуса, который он всё ещё мог различить в Антиохии своего времени.

Политическим дополнением к толкованию Либанием религиозной ситуации в Восточной империи была общая государственная политика официальной терпимости к политеизму, что означало отсутствие систематического подавления, несмотря на такие меры, как законодательство Констанция II против жертвоприношений, в течение большей части 50-х годов IV в., фактически до конца правления Феодосия I, и, таким об-

разом, позднее периода, в течение которого были написаны эти письма [3, р. 76].

Как отмечает Э. Бурр, хотя Либаний участвовал в феномене интеллектуального сопротивления христианству как принудительно универсализирующей идеологии среди элиты язычников, он также выражал решительное неприятие римской имперской централизации и политического господства над городской жизнью. Его антипатия к столице, Константинополю, и всему, что она отстаивала, хорошо документирована. По мнению Либания, если бы христианство можно было вместить в религиозно плюралистичный универсум эллинской культуры (пайдеи), то с ним можно было бы ужиться, как и со многими другими религиозными и философскими явлениями, которые отдельный человек мог бы лично не поддерживать. Но если бы христиане, как новые жесткие идеологи римской имперской монархии (имперская монархия была политическим выражением теологического монотеизма), угрожали уничтожить политеизм и узурпировать культурную «миссию» лишенного корней эллинизма, то это было бы равносильно невыносимому для Либания уничтожению эллинизма [3, р. 75].

Результаты. Таким образом, жизнь и сочинения Либания позволяют уточнить положение куриалов в Антиохии и на всем Востоке империи в заключительный, кризисный, но еще деятельный период их существования.

Круг корреспондентов Либания из куриалов связан с двумя основными темами – это учебный процесс в его школе и проблема освобождения куриалов от их обременительных обязанностей в городе в пользу административной карьеры в империи.

Либаний в целом считает куриалов основой традиционной полисной жизни, но прекрасно видит их кризисное состояние и усиление административного сегмента жизни общества и в целом усиление этатизма.

Куриалов греческого Востока позднеантичного времени не следует именовать так, а целесообразнее употреблять аутентичные термины булевтай и политевоменой в зависимости от контекста, несмотря на удобство и многолетнюю традицию употребления римского термина.

С течением времени, в V – VI вв., новая знать заняла ведущие позиции в городских общинах, административная структура управления почти полностью заменила местных куриалов, а догматы христианства (частная благотворительность и строительство церквей) заменили некоторые традиционные проявления классической культуры (общественные пожертвования и монументальную светскую архитектуру).

Наиболее ярко морально-политическое разложение старой муниципальной аристократии проявляется, по мнению Либания, в ее сервильном отношении к императорской власти и ее представителям. Долг куриалов, говорит он, –

единодушно защищать интересы городской общины (*Lib., Or.* 56, 29), быть умеренными, но твердыми по отношению к императорской власти и ее чиновному аппарату, отстаивая перед ними интересы города (*Ep.* 731). Либаний призывает куриалов действовать, опираясь на старую, но еще достаточно живучую традицию отношения города с императорской властью.

Тем не менее, вскоре после ухода Либания критическая масса нового в трансформирующемся городе перевесила, и многовековая полисная муниципальная жизнь необратимо изменилась. Тенденции к этому были заметны Либанию уже в 364 г., когда он писал: «О, сила курий, уже падающая, которая скоро превратится в призрак» (*Lib., Or.* 17, 27).

Литература

1. Болгов Н. Н. Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований.* Т. 1. СПб.: Алетей, 2023. С. 196–216.
2. Макаров Д. А. Правовые и идеологические основы византийской государственности // *Ленинградский юридический журнал.* № 3. 2011. С. 163-175.
3. Burr E.G. Libanius of Antioch in relation to Christians and Christianity: the evidence of selected letters. *Topoi. Orient-Occident. Supplément 7*, 2006. Mélanges A.F. Norman. p. 63-76.
4. Dagron J. Constantinople imaginaire. Études sur le recueil des Patria. Paris: Bibliothèque byzantine, 1984. 358 p.
5. Delmaire R. Cités et fiscalité au Bas-empire. À propos du rôle des curiales dans la levée des impost // C. Lepelley (ed.). *La fin de la cité antique et le début de la cité médiévale.* Bari, 1996. p. 59-70.
6. Gasco J. Les grands domaines, la cité et l'Etat en Egypte byzantine. *Travaux et mémoires*, 9. 1985. p. 1-90.
7. Geremek H. Les πολιτεύόμενοι égyptiens sont-ils identiques aux bouleυταί? *Anagennesis* 1. 1981. p.231-247.
8. Haarer F. Developments in the governance of late antique cities // *Governare e riformare l'impero al momento della sua divisione: Oriente, Occidente, Illirico.* Paris; Rome: École française de Rome, 2016. 386 p.
9. Haarer F.K. Urban transition in late antiquity: the decline of the curiales and the rise of the municipal notables. *Journal of Roman Archaeology*, 17. 2004. p. 735-740.
10. Heather P. New Men for New Constantines? Creating an Imperial Elite in the Eastern Mediterranean. *New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium 4th - 13th Centuries.* St. Andrews, 1992. P. 11-33.
11. Laniado A. Βουλευταί et πολιτεύόμενοι. *Chronique d'Egypte.* 72(143). 1997. p. 130-144.
12. Liebeschuetz J.W. Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. XIV+302 p.
13. Misson J. Recherches sur le paganisme de Libanios. Louvain: Bureaux du Recueil, 1914. 160 p.
14. Pack R. Curiales in the Correspondence of Libanius. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association.* 82. 1951. p. 176-192.
15. Pack R.A. 'The Medical History' and Mental Health of Libanius. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* Vol. 64. 1933. [148 p.]
16. Pack R.A. Ammianus Marcellinus and the *Curia* of Antioch. *Classical Philology.* 48. 1953. P. 80-85.
17. Pack R.A. An Interpretation of Libanius, Epistle 915. *Classical Weekly.* 45. 1951. P. 38-40.
18. Pack R.A. *Studies in Libanius and Antiochene Society under Theodosius.* Dissertation of the University of Michigan, 1935. 126 p.
19. Pack R.A. Φυσιогνωμικά in Libanius' *Antiochicus*". *The American Journal of Philology.* 56. 1935. p. 347-350.
20. Petit P. Les fonctionnaires dans l'œuvre de Libanius: analyse prosopographique. Préface de André Chastagnol et de Jean Martin / *Annales littéraires de l'Université de Besançon*, 541. Besançon: Université de Franche-Comté, 1994. 286 p.
21. Petit P. Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.-C. Paris: Geuthner 1955. 446 p.
22. Petit P. Les étudiants de Libanius. Un professeur de Faculté et ses élèves au Bas Empire. Paris: CNRS, 1957. 206 p.
23. Stern M. Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Vol. 2. From Tacitus to Simplicius. Jérusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1980. XVII+690 p.
24. Whittow M. Ruling the Late Roman and Early Byzantine city: a continuous history. *Past and Present.* 129. 1990. p. 3-29.

References

1. Bolgov NN. Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards a Problem Statement in Byzantinoturica. *Journal of Byzantine and Mediterranean Studies.* Vol. 1. St. Petersburg: Aletheia, 2023. p.196 – 216. (in Russ.).
2. Makarov DA. Legal and ideological foundations of the Byzantine statehood. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal.* 2011;3:163-175. (in Russ.).
3. Burr EG. Libanius of Antioch in relation to Christians and Christianity: the evidence of selected letters. *Topoi. Orient-Occident. Supplément 7*, 2006. Mélanges A.F. Norman. p. 63-76.
4. Dagron J. Constantinople imaginaire. Études sur le recueil des Patria. Paris: Bibliothèque byzantine, 1984. 358 p.
5. Delmaire R. Cités et fiscalité au Bas-empire. À propos du rôle des curiales dans la levée des impost in C. Lepelley (ed.). *La fin de la cité antique et le début de la cité médiévale.* Bari, 1996. p. 59-70.
6. Gasco J. Les grands domaines, la cité et l'Etat en Egypte byzantine. *Travaux et mémoires*, 9. 1985. p. 1-90.
7. Geremek H. Les πολιτεύόμενοι égyptiens sont-ils identiques aux bouleυταί? *Anagennesis* 1. 1981. p. 231-247.
8. Haarer F. Developments in the governance of late antique cities in *Governare e riformare l'impero al momento della sua divisione: Oriente, Occidente, Illirico.* Paris; Rome: École française de Rome, 2016. 386 p.
9. Haarer F.K. Urban transition in late antiquity: the decline of the curiales and the rise of the municipal notables. *Journal of Roman Archaeology*, 17. 2004. p. 735-740.
10. Heather P. New Men for New Constantines? Creating an Imperial Elite in the Eastern Mediterranean. *New Constantines: The Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium 4th - 13th Centuries.* St. Andrews, 1992. P. 11-33.
11. Laniado A. Βουλευταί et πολιτεύόμενοι. *Chronique d'Egypte.* 72(143). 1997. p. 130-144.

12. Liebeschuetz JW. Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. XIV+302 p.
13. Misson J. Recherches sur le paganisme de Libanios. Louvain: Bureaux du Recueil, 1914. 160 p.
14. Pack R. Curiales in the Correspondence of Libanius. Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 82. 1951. p. 176-192.
15. Pack RA. 'The Medical History' and Mental Health of Libanius. Transactions and Proceedings of the American Philological Association Vol. 64. 1933. [148 p.]
16. Pack RA. Ammianus Marcellinus and the *Curia* of Antioch. Classical Philology. 48. 1953. p. 80-85.
17. Pack RA. An Interpretation of Libanius, Epistle 915. Classical Weekly. 45. 1951. p. 38-40.
18. Pack RA. Studies in Libanius and Antiochene Society under Theodosius. Dissertation of the University of Michigan, 1935. 126 p.
19. Pack RA. Φυσιογνωμικά in Libanius' *Antiochicus*". The American Journal of Philology. 56. 1935. p. 347-350.
20. Petit P. Les fonctionnaires dans l'œuvre de Libanius: analyse prosopographique. Préface de André Chastagnol et de Jean Martin / Annales littéraires de l'Université de Besançon, 541. Besançon: Université de Franche-Comté, 1994. 286 p.
21. Petit P. Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.-C. Paris: Geuthner 1955. 446 p.
22. Petit P. Les étudiants de Libanius. Un professeur de Faculté et ses élèves au Bas Empire. Paris: CNRS, 1957. 206 p.
23. Stern M. Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. Vol. 2. From Tacitus to Simplicius. Jérusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1980. XVII+690 p.
24. Whittow M. Ruling the Late Roman and Early Byzantine city: a continuous history. Past and Present. 129. 1990. p. 3-29.

Научная статья

УДК 94 (450)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.12>

ПОРТРЕТ ИТАЛЬЯНСКОГО КОНДОТЬЕРА: КАЗУСЫ ЖИЗНИ МУЦИО АТТЕНДОЛО-СФОРЦА

Максим Олегович Семиков

Северо-Кавказский федеральный университет (1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Ассистент

Makssemik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1814-4056>

Аннотация. Введение. Статья посвящена жизненному пути кондотьера Муцио Атендоло-Сфорца (1369 – 1424), командира наемных отрядов, который смог не только стяжать славу успешного полководца, но и расширить владения своей семьи. Он не был столь удачлив в плане политической карьеры, но все же, подготовил почву для побед и завоеваний своего сына Франческо Сфорца (1401 – 1466), который смог значительно расширить владения семьи, а апофеозом его политической деятельности стал захват Миланского Герцогства. **Материалы и методы.** Исследование основано на принципах историзма, в рамках которого анализируется исторический источник – биография «Vite Degli Sforzeschi» («Жизнеописание представителей семьи Сфорца»), которая была написана Паоло Джовио в XVI в. Несмотря на ее некоторую гиперболизацию образа кондотьера, в труде содержится ценная и уникальная информация. Также используется хронологический подход, позволяющий оценить влияние Муцио Атендоло-Сфорца на потомков и военное и политическое поле в Италии конца XIV – начала XV в. Что касается исследований, то прежде всего следует выделить работу английского историка второй половины XX в. Майкла Маллета, посвященную проблемам феномена итальянского наемничества, в которой представлен материал о выдающихся кондотьерах и военачальниках северной и центральной Италии. **Анализ.** Расширение влияния семьи Атендоло-Сфорца началось с кондотьера Муцио Атендоло-Сфорца, ставшего наемником в достаточно раннем возрасте и сумевшего достичь значительных успехов в военной карьере, принимая контракты от крупных правителей Италии, он смог значительно расширить земельные владения своей семьи в разных регионах Апеннинского полуострова. Он пытался подвизаться

в роли политического деятеля в Неаполитанском Королевстве, но не имея большого опыта в интригах, был арестован, но затем, опираясь на свой воинский отряд, смог освободиться, хотя и оставил в заложниках своих детей. Его сын Франческо Сфорца смог проявить свои политические амбиции, и опыт, полученный от отца, для захвата Миланского герцогства, которое на несколько столетий перейдет под власть династии Сфорца. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что Муцио Атендоло-Сфорца в качестве командира отряда кондотьеров, в значительной степени смог реализовать свой потенциал полководца и получил за воинскую службу ряд территорий в центральной и отчасти южной Италии. Муцио не стал успешным политическим деятелем, оставшись в памяти поколений прежде всего, как кондотьер, однако, он дал ценные советы и образование своему сыну Франческо Сфорца, который смог усилить влияние семьи Атендоло-Сфорца, захватив Миланское Герцогство.

Ключевые слова: Италия, наемничество, Атендоло, Сфорца, Миланское герцогство, Неаполитанское королевство, Франческо Сфорца

Для цитирования: Семиков М. О. Портрет итальянского кондотьера: казусы жизни Муцио Атендоло-Сфорца // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 98–104. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2025

Статья одобрена после рецензирования: 03.01.2026

Статья принята к публикации: 18.02.2026

Research article

PORTRAIT OF AN ITALIAN CONDOTTIERE: THE INCIDENTS OF MUZIO ATTENDOLO-SFORZA'S LIFE

Maksim O. Semikov

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation)

Assistant

Makssemik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1814-4056>

Abstract. Introduction. The article explores the life of the condottiere Muzio Attendolo-Sforza (1369-1424), a mercenary commander who not only achieved fame as a successful military leader but also expanded his family property. He was not successful in his political career, yet he paved the way for the victories and conquests of his son, Francesco Sforza (1401-1466), who was able to significantly expand the family property, the apotheosis of his political activity being the capture of the Duchy of Milan. **Materials and Methods.** The study is based on the principles of historicism and analyzes a historical source – the biography Vite Degli Sforzeschi (Lives of the Sforza Family) written by Paolo Giovio in the 16th century. Despite its somewhat exaggerated image of the condottiere, the work contains valuable and unique information. A

chronological approach is also used to assess Muzio Attendolo-Sforza's influence on his descendants and the military and political landscape in Italy in the late 14th and early 15th centuries. Regarding the research, the work of an English historian from the second half of the 20th century deserves special mention. Michael Mallett's book, dedicated to the phenomenon of Italian mercenarism, presents material on prominent condottieri and military leaders of northern and central Italy. **Analysis.** The expansion of the Attendolo-Sforza family's influence began with the condottiere Muzio Attendolo-Sforza, who became a mercenary at a relatively early age and achieved significant success in his military career. He accepted contracts from leading Italian rulers, significantly expanding his family's landholdings across the Italian Peninsula.

He attempted to establish himself as a political figure in the Kingdom of Naples, but lacking experience in intrigue, he was arrested. Relying on his military corps, he was able to free himself, though he left his children hostage. His son, Francesco Sforza, used his political ambitions and the experience he gained from his father to seize the Duchy of Milan, which would come under the control of the Sforza dynasty for several centuries. **Results.** It can be concluded that Muzio Attendolo-Sforza, as the commander of a condottieri detachment, largely realized his potential as a military leader and received a number of territories in central and partly southern Italy for his military service. Muzio did not become a successful political figure, remaining in the memory of generations primarily as a condottiero. However, he provided valuable advice and education to his son, Francesco Sforza, who was able to

Введение. В Итальянских войнах XIV – XV вв. самую значительную роль играли наемные войска, которыми предводительствовали кондотьеры – наемные капитаны-полководцы, нанимаемые правителями отдельных городов-государств. К рассматриваемому времени уже сложились династии этих полководцев. Немногие династии кондотьеров смогли стяжать достаточную власть, чтобы остаться в памяти человечества, не только как военачальники, но и как успешные политики или общественные деятели. Среди сохранившихся в памяти династий, одними из самых выдающихся и значимых были кондотьеры из рода Атендоло-Сфорца.

Глава этого рода – Муцио Атендоло-Сфорца (1369–1424), на протяжении большей части своей жизни был капитаном наемных отрядов, получая за кондотту – договор о найме на военную службу – от нескольких правителей, землю и титулы. Он смог укрепить влияние своей семьи в отдельных областях Италии, а также дать своим детям лучший старт, чем был у самого Муцио для дальнейшего укрепления положения рода Сфорца в Италии первой половины XV в.

Актуальность исследования основана на недостаточной изученности феноменов итальянской кондотты в российской историографии, в том числе, немного работ, посвященных деятельности Муцио Атендоло-Сфорца, как кондотьера, и его влиянию на своих потомков из рода Сфорца.

Целью данного исследования является рассмотрение казусов жизненного пути Муцио Атендоло-Сфорца и его деятельности в качестве наемника на службе у некоторых правителей Италии, а также того влияния, которое он оказывал на своих потомков, сумевших захватить власть в Миланском герцогстве.

Научная новизна статьи состоит в том, что в отечественной историографии относительно немного работ, посвященных военной истории Италии позднего средневековья, в частности, автору не удалось найти специальные исследования о жизненном пути и деятельности Муцио Атендоло-Сфорца.

Материалы и методы. Исследование основано на анализе ряда источников, освещающих ранний жизненный путь семьи Сфорца, и то,

strengthen the influence of the Attendolo-Sforza family by capturing the Duchy of Milan.

Keywords: Italy, mercenaries, Attendolo, Sforza, Duchy of Milan, Kingdom of Naples, Francesco Sforza

For citation: Semikov MO. Portrait of an Italian condottiere: the incidents of Muzio Attendolo-Sforza's life. Humanities and law research. 2026;13(1):98-104. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.12>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.10.2025

The article was approved after reviewing: 03.01.2026

The article was accepted for publication: 18.02.2026.

каким способом Муцио Атендоло-Сфорца получал влияние, земли и титулы, в частности, в Неаполитанском королевстве и Папской области Италии.

Обращение к работам, таких современных исследователей, как Майкл Маллет «Mercenaries and their Masters: Warfare in Renaissance Italy» (Наёмники и их хозяева: Война в Италии эпохи Возрождения) [4] и Дуччо Балестрачче «Le armi, i cavalli, l'oro. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del Trecento» (Оружие, лошади, золото. Джон Хоквуд и кондотьеры в Италии XIV века) [2] позволяет провести более глубокий анализ итальянского наемничества XIV – XV вв., рассматриваемого в контексте итальянского общества и между городами-государствами, правители которых становились нанимателями для кондотьерских отрядов.

Эмпирическая база исследования опирается на анализ документов, напрямую связанных с родом Сфорца. Так написанная Паоло Джовио для потомков Сфорца в середине XVI в., обширная биография этой семьи [6] начиная с того, кто первый стал себя так именовать: Муцио Атендоло-Сфорца. Другой важной работой является труд История Милана Бернардино Корियो, который описал историю Милана до 1499 г. и внес в неё некоторые данные, которые касались выдающихся деятелей города и их семьям, среди которых были и потомки Муцио Атендоло-Сфорца [3].

Анализ. Известно, что клан Атендоло-Сфорца¹ был одним из самых значимых среди семей кондотьеров. Он вел свое начало от достаточно богатых романьольских землевладельцев средней руки, хотя и до Муцио Атендоло-Сфорца уже были известны, как командиры войск, имена которых история не сохранила. Атендоло не были знатными, а скорее принадлежали к зажиточным слоям среднего класса, однако они уже конкурировали к середине XIV в. с родовитой и благородной семьей Пазолини за господство в Романье [1, с.10].

¹ Помещение данных фамилий через дефис связан с тем, что Муцио использовал не только свою фамилию, которую получил при рождении, но и прозвище, которое сделал своей фамилией весь, последовавший от него, род.

Вот что писал о его семье один из первых биографов Сфорца Паоло Джовио (1483–1552)¹: «Муцио Сфорца родился в Котиньоле, древней земле Романи, недалеко от Виа Эмилия, в сельской местности Фаэнцы: его отца звали Джованни из семьи Аттендоло, скорее более уважаемой, нежели благородной. Семья была многочисленной за счет молодых поколений, стремящихся к воинской доблести, и преисполненных энергией духа и тела, чтобы поддержать репутацию фамилии, с оружием в руках, что доказывает длительная вражда с родом Пазолини, столь же сильным, как и они... В то время в домах Аттендоло можно было увидеть залы и комнаты, украшенные не картинами и гобеленами, а щитами и доспехами, а также очень большие кровати без одеял, на которых беспорядочно спали отряды вооруженных родственников» [6, р.10].

Согласно данным биографа, Паоло Джовио, Муцио Аттендоло попал в один из проезжавших мимо их места кондотьерских отрядов благодаря тому, что смог проявить себя перед их капитаном. Когда в 1384 г., однажды вечером, Муцио был занят по хозяйству, люди из отряда Больдрино да Пенникале² (ок 1331 – 1391) проходили мимо в поисках новобранцев. «К тому времени несколько мужчин из семьи Аттендоло уже состояли на службе в различных войсках, и вербовщикам, которые раньше не знали Муцио, достаточно было одного взгляда, чтобы заметить, что этот парень подходит для нужд наемных отрядов. Они остановились поболтать с ним, поддразнивая его, призывая его быть мужчиной, присоединиться к ним и узнать, что такое настоящая удача» [1, с.20].

Несомненно, его братья и иные родственники, когда появлялись дома на время отпуска, говорили ему то же самое, хвастая награбленным добром и своим успехом у женщин. В те времена ранней зрелости пятнадцать лет не считались слишком юным возрастом для начала карьеры. После некоторых колебаний Муцио взял свою мотыгу (Зарра) и метнул её на дерево, заявив, что если мотыга повиснет в ветвях, то он отправится с людьми Больдрино; если же она упадет на землю, то он останется дома. Мотыга повисла в дереве, и той же ночью Муцио ушел из дома, прихватив с собой коня из отцовской конюшни [1, с.20].

Эта история, рано получившая известность, выглядит довольно правдивой, хоть и несколько романтизированной для того, чтобы показать характер молодого Муцио. Она стала семейным преданием, и когда Франческо II Мария Сфорца (1495–1535), правнук Муцио Аттендоло-Сфорца, который был герцогом Милана и показывал свой миланский замок Паоло Джовио, то

Франческо II заметил, весело поглядывая вокруг, что всем этим они обязаны «роковой мотыге, застрявшей на дереве» [6, р.12].

Однако, из-под пера миланского историка Бернардино Корио (1459–1519), служившего у Людовико Сфорца (1452–1508), более реалистична. Она ссылается на то, что, один из наиболее великих итальянских кондотьеров Альберико да Барбиано (1348–1409), который был родом из соседнего с семьей Аттендоло местечка, заявлял, что Молодой Муцио на его примере мог убедиться, что человек занятый войной, в состоянии стяжать славу, имея определенные способности. Это и побудило пятнадцатилетнего юнца бежать из дома, прихватив отцовского коня, присоединиться к Больдрино [3, р. 255].

Когда спустя четыре года Муцио вернется домой, его отец, видя, что юноша расположен к военной карьере, отпустит сына из дома с четырьмя лошадьми (щедрый подарок для человека среднего достатка своему отпрыску) и отеческим благословением. Что интересно, не вся его семья Аттендоло была рада такому повороту событий: по словам Паоло Джовио всецело поддержал юного Муцио только отец: «Родственники Муцио обвинили его в расходах: «Увел с собой четыре лошади», что было серьезной тратой даже для не столь уж бедной семьи Аттендоло, но на это молодой человек сказал: «Будете счастливы принять меня обратно, потому что получив на службе деньги, я все заплачу, либо, даже если моя судьба погибнуть в битве, то мое наследство полностью оплатит всё» [6, р.15]. Вскоре, после первых сражений, он стал руководителем группы³, затем роты⁴, успешно сражаясь под командованием Альберико да Барбиано». Таким образом, получив хорошую экипировку, Муцио смог присоединиться к известному в те времена кондотьеру Альберико да Барбиано, который способствовал его быстрому продвижению по службе.

В начале 1390-х он оставался с Альберико да Барбиано, развивая военную карьеру от командира роты, до предводителя собственного отряда кондотты в количестве 75 кавалеристов [4, р. 67]. Любопытно, что именно Альберико да Барбиано первый кондотьер, которому служил Муцио, как свидетельствуют источники того времени, создал подобие кавалерийской школы: его ученики сражались верхом на лошадях и совершенствовались кавалерийские навыки, хотя и разделились на два подхода организации конного войска. Одни стали последователями Аттендоло-Сфорца, веря в эффективность огромных эскадронов, а другие, усвоили опыт кондотьера и капитана наемников Браччо де Монтоне

¹¹ Историк и гуманист, описывавший деятельность семьи Сфорца начиная с Муцио Аттендоло

² Кондотьер, действовавший в центральных регионах Италии

³ Возможно, имеется ввиду что он был десятником с 10-20 человек в подчинении.

⁴ Размер роты, для того периода, составлял в среднем от 25 человек.

(1368–1424), который ранее так же служил некоторое время под знаменами Альбериги, но выступал за немногочисленные отряды. Первый способ требовал в большей степени силового ведения войны, второй опирался на скорость, мобильность и изощренные приемы воинской хитрости [7, р. 305].

В компании Альбериги да Барбиано наш персонаж Муцио Атендоло получил свое второе имя «Сфорца» давшее начало пошедшему от него роду, сыгравшему огромную роль в истории Милана XV в. Вот что писал о получении этого прозвища Джовио: «Когда между солдатами возник спор при дележе добычи, Муцио жаловался на то, что добыча не делилась поровну, поэтому спорные вопросы были переданы на рассмотрение капитану Альбериги. Тот высказал свое мнение, но Муцио остался недоволен, повернулся к Альбериги с угрожающим лицом и сказал ему: «С этим вашим решением, Сэр, часть добычи, которая должна достаться мне, была забрана у меня по ошибке, поэтому я никогда не смогу вынести такое оскорбление в будущем», на что Альбериги ответил почти смеясь: «Возможно, вы, молодой человек, привыкли поступать так с другими, и тоже примените силу? Поэтому возьмите имя Сфорца, отказавшись от имени Муцио», затем он приказал, чтобы все называли его Сфорца, что на латыни означает «жестокый»» [6, р.20]. Таким образом, мы видим, что новое «имя», по словам этого хрониста, Муцио приобрел в достаточно раннем возрасте, после чего это прозвище было узнаваемо всеми кондотьерами.

Будучи кондотьером, снискавшим славу в довольно раннем возрасте, Муцио проявлял великодушие и благородство к своему старому сопернику Браччо, с которым Муцио Атендоло вместе служил под руководством Альбериги да Барбиано, и где они стали боевыми товарищами. И на многие годы сохранили дружбу, пока, по словам биографа, Браччо не предал Муцио, начав грабить его земли, а также, не расплатившись с одним из его родственников, который служил в его отряде, что стало началом для длительной вражды между родами Браччо и Сфорца [6, р. 24].

Убийство и предательство были не в характере Муцио Сфорца. Ему нравилось превосходить своих товарищей, а не смещать их. Его собственная служба у Альбериги закончилась, когда ему было около двадцати семи лет, в то время он сражался вместе с Альбериги в основном в армиях предводителем которых был Джан Галеаццо Висконти. После того как Муцио ушел от Альбериги да Барбиано, он принял в качестве командира двухлетнюю кондотту в Перудже, но Джан Галеаццо Висконти не хотел видеть этого многообещающего кондотьера на службе у города, который он сам планировал аннексировать, и он устранил потенциальные трудности,

договорившись со Сфорца, что тот за двойную плату перейдет служить в другое место. Однако эта обоюдная сделка продлилась недолго. Сфорца, по утверждению биографа, стал объектом завистливой клеветы, а другой капитан Перино да Тартон обвинил Муцио в том, что он хочет предать весь миланский народ и герцога, что было выгодно самому герцогу Висконти, который опасался усиливающегося влияния молодого кондотьера, и пользуясь этими обвинениями, освободил Муцио от контракта [6, р. 24], который сразу, в 1397–1398 гг. нашел новую службу во Флоренции, нуждающейся в опытных командирах, будучи в состоянии войны с Пизой, Пиза же при поддержке Милана пользовалась услугами Альбериги да Барбиано. Таким образом, бывший учитель и ученик оказались на противоположных фронтах. Указанный факт показывал, что в профессиональном плане Сфорца уже сравнивался со своим первым Капитаном.

В 1402 г. Сфорца перешел на службу к Флоренции, которая нуждалась в многообещающем военачальнике, для войны с Пизой. Он находился в составе флорентийской армии в Казалеккьо – крепости, которая находилась на севере от Флоренции. Там он был взят в плен, но был освобожден флорентийцами, выкупившими его, как одного из ведущих командиров, в которых нуждалась республика в кампании против Пизы. К тому времени у него в отряде было уже 180 копий [4, р. 67], и он был на пути к тому, чтобы стать одним из ведущих капитанов Италии.

После падения Пизы в 1406 г. он поступил на службу к Никколо д'Эсте, правителю Феррары, и стал генерал-капитаном феррарской армии воюющей против Оттобуоно Терцо, капитана, служившего герцогу Висконти, и захватившего близкую к Ферраре Парму. К 1409 г. Оттобуоно был побежден и убит в сражении со Сфорца, которого Никколо д'Эсте награждал замком Монтеккьо в Эмилии [4, р. 67].

Сам Муцио Сфорца гордился этой победой и тем, что она дала ему: «И не останавливаясь, Сфорца двинул войска в сторону Пармы, где он был принят гражданами с особым уважением, поскольку освободил их от тирана Оттобуоно которого он был убит по его приказу. Эта удача положила конец не только жизни Оттобуоно, но и его попыткам создать, опираясь на Парму, подобие империи. Проведя эту кампанию за два года, Сфорца, получил от Никколо д'Эсте в подарок замок Монтеккьо близ Пармы, а также знамя, на полотнище которого был изображен бриллиант, привязанный к золотому кольцу, ставший символом этой победы, который он и его потомки всегда носили с собой» [6, р. 29].

Затем Сфорца двинулся на юг и присоединился к армии Папско-анжуйско-флорентийского союза против Ладислава Неаполитанского (1377–1414), в котором сыграл решающую роль в победе при Роккасеки, (крепости, нахо-

дившейся между Римом и Неаполем), разбив неаполитанцев в 1411 г. В награду за этот успех Сфорца был произведен в графы города Котиньолы Папой Иоанном XXIII (1410–1415), признавшим его господство, а затем и правление его родственников. Однако, в следующем году, по словам исследователя феномена наемничества Майкла Маллета, Муцио Сфорца покинул служение папскому престолу и присоединился к королю Ладиславу Неаполитанскому, получив кондотту на 830 копий [4, р. 68].

Таким образом, к 1412 г. Муцио Сфорца достиг вершины своей карьеры. Стоит отметить, что этому способствовали следующие факторы: его большая и воинственная семья, многие представители которой служили в его компаниях, а также в Котиньоле – крепости на северо-востоке Папской области, откуда можно было набирать людей, но более всего впечатляющий успех Муцио реально зависел от его военного мастерства, ему также способствовали осторожность и дальновидность в тактике и стратегии.

Меняя нанимателей, он стремился поступить на службу к такому, который мог бы обеспечить ему наиболее комфортные условия для перспективного роста, в частности, он перешел в армию Джан Галеацио Висконти за двойную цену из Перуджи, а затем оставил службу Папе Иоанну XXIII после того, как тот подтвердил за ним право на Котиньолу. С помощью таких дальновидных решений, он смог не только сохранять отряды, но и приумножать свой воинский опыт и усиливать свое влияние на тех, кто ему служил.

Паоло Джовио, личный биограф семьи Сфорца, поэтому ему свойственна определенная предвзятость, заметная в его характеристике самого Муцио: «Более чем обычно красив, с суровыми чертами лица и мощным телосложением... Он был умным и хитрым, но не терпел лицемерия, обладая удивительной памятью на вещи и имена, он помнил не только имена солдат, но даже и лошадей, поэтому никогда не ошибался в выплате жалования» [6, р. 99]. Следует учитывать при этом, что Джовио, разумеется, был склонен к предвзятости идеализируя своего персонажа.

Сфорца был гораздо менее успешен как политический деятель: в Неаполе, находясь на службе, у короля Ладислава Неаполитанского, он после смерти своего нанимателя попытался вмешиваться в политические интриги, во главе которых стоял камергер двора Пандольфо Пескопо по прозвищу «Плешивый», являющийся доверенным лицом королевы Джованны II (1414–1435 гг.). Пандольфо распускал слухи, что кондотьер желает вступить с ней в брак. По этой причине, Муцио оказался в тюрьме, и ждал там скорой смерти от руки палача: «Он считал, что следует опасаться непокорных и своевольных и женоподобных мужчин, которые из-за своего

позорного страха проявляют жестокость» [6, р. 51], имея ввиду Пандольфо.

Видимо они соперничали в том, кто будет в большей степени влиять на королеву. Джовио утверждает, что подозрения со стороны Пандольфо в любовной связи между Муцио Сфорца и королевой Джованной II стали причиной того, что Муцио был помещен в темницу: «Так неаполитанцы по обычаю греков, были очень готовы к лести, стремились почитать Алопо»¹, который был камергером, то есть первым человеком после королевы и обладал высокой властью. «Этот Пандольфо видел в Сфорца соперника, потому что королева, вместо консультаций по важным вопросам, очень фамильярно и с любовью шутила со Сфорца» [6, р. 52] – подобные заявления не кажутся особо правдоподобными, однако тем не менее, Сфорца был обвинен в заговоре с целью жениться на королеве, и мог бы быть избран ее мужем» [6, р. 53].

Несмотря на столь серьезные обвинения, влияния Пандольфо не хватило, чтобы организовать быстрое разбирательство по делу Сфорца, капитаны которого продолжали полностью ему подчиняться, а видя нанесенные оскорбления своему командиру, хотели лишь мести за поправленную честь лидера: последствием этих усилий Пандольфо был вынужден заключить с Муцио брачный союз выдав за него свою сестру Катерину: «Потому что Алопо, движимый необходимостью сохранения устоявшегося порядка вещей, понял, что нет никого, кто лучше и сильнее Сфорца, мог бы защитить королеву от притязаний со стороны иных сил, прежде всего бунтующего дворянства. Таким образом заметно в описании биографа стремление Пандольфо Пескопо к компромиссу» [6, р. 53].

Возможно предположить, что Муцио Сфорца спасся в значительной степени благодаря своему прославленному имени, а также стойкости, и верности его солдат, которые оказали вооруженное давление на окружение завадшей престолом королевы.

Однако нельзя сказать, что Муцио был отпущен прежде, чем дал определенные гарантии, он формально поклялся в верности королеве, оставив ей в заложниках некоторых из своих детей, в том числе и Франческо, наиболее удачливого из своих сыновей. Франческо Сфорца (1401–1466) вместе с братьями 3 года оставался при анжуйском дворе в Неаполе [5]. В марте 1415 г. Муцио возвращен на свою должность снова в Неаполь с вознаграждением в 8000 дукатов и предоставлением феодальной синьории в Беневенто, Манфредонии и других местах на юге Италии.

По словам того же Джовио, в заключении Сфорца проводил время, упражняясь в написа-

¹ Прозвище, данное придворному Пескопо биографом Джовио.

нии собственной монограммы, которой он впоследствии подписывал свои документы, поскольку по убеждению биографа, Муцио не имел никакого образования, но усердно изучал труды великих историков древности, переводы которых составлялись по его заказу: «Он не знал смысла латинских букв, но восхищался ими, хотя, вслед за тосканцами пользовался вульгарными буквами, которые казались ему более удобными для необходимостей войны. Тем не менее, он очень извинялся за незнание букв, говоря, что не смог научиться держать и книгу, и меч в одной руке. Он так же никогда не писал писем собственноручно, за исключением торопливых очерков, а обычно он диктовал письма уже написанные его канцлерами, а в виде подписи изображал фигуры, после чего отправлял их» [6, р. 99].

Несмотря на явную лесть в адрес Сфорца, Джовио показывает его в первую очередь как полководца, который не всегда был искусным в проведении переговоров, политических игр, но при этом сообщает, что он ценил образованных людей. Заказав перевод некоторых трудов Цезаря и Саллюстия, в которых речь велась о ведении войн, он в благодарность за труд подарил переводчику хороший дом и сад. Сфорца разделял уважение своих современников к знаниям и образованности. Ему нравилось зимними вечерами или в плохую погоду на лагерной стоянке слушать поэмы о жизни Карла Великого и его рыцарей, он комментировал их подвиги и ставил их в пример своим воинам. Письма Сфорца диктовал, предпочитая использовать в качестве секретарей монахов, о которых он любил говорить, что они склонны совать свои носы во все дела, и нет ничего такого, во что они бы ни вмешивались от имени религии, а также что им свойственно безудержное и всегда безнаказанное лицемерие [6, р. 100].

Как Великий констебль королевы Джованны II, преемницы Ладислава Неаполитанский, Муцио по ее приказу двинулся на север в январе 1424 г., против кондотьера Браччо де Монтоне, осаждавшего город Аквилу, но при попытке снятия осады Муцио Сфорца погиб. Можно утверждать, что сама смерть Муцио Аттендоло-Сфорца была апофеозом его военной карьеры: в январе Сфорца вынужден был использовать дорогу вдоль побережья Адриатического моря, чтобы обойти осаждавших, а не наносить удары прямо через горы из-за сложности местности. Он решил перейти реку Пескара¹ в ее устье, чтобы обойти город Аквилу [4, р. 66]. По словам итальянского историка Дуццио Белаэстраччи: «С Адриатики дул штормовой ветер, что сделало переправу чрезвычайно опасной, но Сфорца успешно провел вперед свой авангард и обнаружил, что основная армия остановилась, опа-

саясь переправы позади него. У полководца не осталось другого выхода, кроме того, чтобы вернуться и самому повести остальную часть своих войск через реку. Пока кондотьер руководил операцией переправы, он заметил, что один из его пажей попал в трудную ситуацию: его понесло речным потоком. Полководец, повернув коня, приблизился к нему, пытаясь посадить его на свою лошадь, но в тот самый момент она потеряла равновесие, и опрокинулась в поток вместе с кондотьером и солдатом, которые, будучи в тяжелых доспехах, не спаслись» [2, р. 56]. Так по сохранившейся легенде, Муцио Аттендоло-Сфорца представлен предводителем, нашедшем смерть в порыве героизма, спасая солдата при переправе через бурлящую реку.

Данная история была многократно героизирована, в частности об этом писали и Джовио, и Бернардино Корио, при потомках Муцио Сфорца, которые стремились украсить не только свою биографию, но и воспеть благородные деяния семьи Аттендоло-Сфорца.

Смерть Муцио произвела впечатление на его давнего соперника кондотьера Браччо, который был очень взволнован этим известием, так, что поначалу даже отказывался в него верить, поскольку Браччо было дано предсказание, что ему суждено ненадолго пережить Сфорца, бывшего лишь на несколько месяцев старше его [6, р. 108].

Действительно, в июне того же 1424 г., Браччо де Монтоне, осадив Аквилу, был побежден в бою родственниками Сфорца – его сыном Франческо Сфорца и племянником Микеле Аттендоло. Джовио утверждал, что Браччо, узнав, кто ему противостоит, заметил, что эти командиры – истинные сыны Сфорца, в тот момент, когда Микеле (Миклетто) Аттендоло приказал своим людям стрелять по лошадям, что быстро вывело из строя около тысячи латников, а внезапная вылазка людей из осажденной Аквилы, завершила разгром отрядов Браччо. Чтобы остаться неузнанным, Браччо сбросил свой шлем, украшенный серебряным венком, и малиновый плащ, но все же был смертельно ранен неким бойцом. Раненого Браччо на щите отнесли в его палатку, где он лежал три дня, отказываясь от всякой пищи и не произнося ни слова, затем скончался, не приходя в сознание [1, с. 40].

Муцио оставил для сына некоторые наставления, которые могли бы помочь ему в дальнейшей жизни. Кондотьер пытался привить сыну мудрость и добродетели, которых он сам придерживался. Паоло Джовио писал: «Муцио воспитывал своего сына, Франческо Сфорца в соответствии со строгой дисциплиной, затем отправил его в Калабрию, в земли, принадлежавшие семье Сфорца, предоставив в распоряжение сына своих наиболее ценных капитанов и солдат, которые в мирной жизни и на войне помогали Франческо в молодости. Сын Муцио, как утверждал Джовио, соблюдал благочестие и

¹ Крупная река, в центральной части Италии, впадающая в Адриатическое море

справедливость, и мог на примере отца убедиться, что слава и богатство приобретаются скорее добродетелью, чем дурными деяниями» [6, р. 97]. При некоторой идеализации биографом Джовио членов семьи Сфорца, следует отметить, что Франческо Сфорца достойно показал себя на службе у Неаполитанского королевства при правителе-регенте Людовике III (1403–1434), который, ведя войну с Арагоном, направил Франческо Сфорца в Калабрию, в качестве своего заместителя и с титулом вице-короля. Обосновавшись в Козенце и командуя войсками, Франческо отражал атаки арагонцев, заключая союзы с некоторыми правителями соседних земель, а также опираясь на те воинские контингенты, которые присылал ему отец, таким образом Франческо добиваясь разгрома некоторых мятежных капитанов. Благодаря верности и воинской поддержке Сфорца Неаполитанская королева Джованна II, признала Людовика III Анжуйского в качестве своего приемного сына, и избавилась от претензий Альфонсо V Великодушного (1396–1458) [5]. Муцио представлял сына в управлении отрядами: «В первую очередь доблестный капитан должен быть благородным и иметь высокие моральные нормы, согласованные с христианскими предписаниями: он никогда не должен смотреть алчущим взглядом на жену своего друга или вассала. Он никому не станет причинять вреда и никого не будет избивать слишком сильно, в этом случае ему следует

тщательно соразмерять вину и наказание. Если с полководцем случится порыв гнева, он должен заставить себя немедленно успокоиться и отправить обиженному какой-нибудь стоящий подарок» [6, р. 97]. По словам Джовио, эти советы отца сыграли исключительно положительную роль в жизни Франческо, который «Тщательно соблюдал эти заповеди отца, что способствовало его удаче не только в сражениях, но и в управлении крепостями и городами: таким образом он оправдал надежды своего отца» [6, р. 97].

Результаты. На основе вышесказанного следует сделать вывод, что Муцио Сфорца сочетал в себе качества хорошего полководца и тактика, при этом не имея серьезных политических амбиций, поскольку он не ставил своей задачей захватывать каких-либо крупных городов-государств, довольствуясь в основном, замками (Монтеккьо близ Пармы) и небольшими городами (Котиньола в провинции Эмилия), которые он получал под управление за свою воинскую службу, укрепляя таким образом положение своей семьи. Хотя события в Неаполитанском королевстве (1414 г.) едва не стоили Муцио жизни, но они поспособствовали его сыну Франческо, оставленному заложником в Неаполе, приобрести некоторый опыт управления государством, и продолжать укреплять статус семьи Атендоло-Сфорца, а в конечном счете захватить Миланское Герцогство.

Литература

1. Коллинсон-Морлей Лесли. История Династии Сфорца. СПб.: Евразия, 2005. 352 с.
2. Balestracci Duccio. Le armi, i cavalla, l'oro. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del Trecento. Roma-Bari.: Laterza, 2003. 310 p.
3. Corio B. L' Historia di Milano. Milano.: Per Giovan Maria Bonelli, 1554. 557 p.
4. Mallett M. Mercenaries and their Masters: Warfare in Renaissance Italy. Barnsley.: Pen & Sword Military, 2009. 284 p.
5. Menniti. I. A. Francesco I Sforza, duca di Milano; Dizionario Biografico degli Italiani - Volume 50 (1998). [https://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-i-sforza-duca-di-milano_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-i-sforza-duca-di-milano_(Dizionario-Biografico)/) (accessed: 08.01.2026)
6. Paolo Giovio. Vite Degli Sforzeschi. Milano.: presso franc. Colombo libraio-editore, 1853. 311 p.
7. Sir Charles Oman. A History of the Art of War in the Middle Ages Volume Two 1278-1485. London.: Methuen & Co., 1978. 459 p.

References

1. Kollinson-Morlej Lesli. The story of Sforza Dynasty. St. Petersburg: Eurasia, 2005. 352 p. (In Russ)
2. Balestracci Duccio. Le armi, i cavalla, l'oro. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del Trecento. Roma-Bari.: Laterza, 2003. 310 p.
3. Corio B. L' Historia di Milano. Milano.: Per Giovan Maria Bonelli, 1554. 557 p.
4. Mallett Michael, Mercenaries and their Masters: Warfare in Renaissance Italy. Barnsley.: Pen & Sword Military, 2009. 284 p.
5. Menniti. I. A. Francesco I Sforza, duca di Milano; Dizionario Biografico degli Italiani - Volume 50 (1998). [https://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-i-sforza-duca-di-milano_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-i-sforza-duca-di-milano_(Dizionario-Biografico)/) (accessed: 08.01.2026)
6. Paolo Giovio. Vite Degli Sforzeschi. Milano.: presso franc. Colombo libraio-editore, 1853. 311 p.
7. Sir Charles Oman. A History of the Art of War in the Middle Ages Volume Two 1278-1485. London.: Methuen & Co., 1978. 459 p.

Научная статья

УДК: 94(47).084.072(470.62)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.13>

ЭПИЗОДЫ ДЕТСКОГО ПЛЕНПРОДАВСТВА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Никита Сергеевич Степаненко

ЧОУ гимназия «Эрудит» (д. 98 ул. Сормовская, 350000, Краснодар, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, учитель

stepanenkonikita1993@yandex.ru; <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2020-2-58-67>

Аннотация. Введение. Набеги с целью похищения людей на Северо-Западном Кавказе были серьезной проблемой для России, которая полностью овладела регионом после российско-османской войны 1828 – 1829 гг. В данной работе анализируются отдельные жизненные ситуации, связанные с пленением детей на южном побережье империи. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе документов и материалов из фондов Государственного архива Краснодарского края. При работе использовались опубликованные архивные материалы и мемуары. На основе анализа различных видов источников, содержащих информацию об особенностях захвата детей на Северо-Западном Кавказе во второй трети XIX в., выявляются специфические черты явления пленопродавства. **Анализ.** Анализ материалов показал, что захват детей-пленников носил преимущественно коммерческий характер. Их использовали в качестве рабов в хозяйстве, могли перепродать или вернуть родственникам за выкуп. **Результаты.** Можно сделать вывод о том, что похищения детей осуществлялись преимущественно на закате солнца или в пасмурную погоду. Так легче можно было уйти от преследова-

ния. Захватом невольников занимались не только представители немирных горских обществ, но и беглые казаки. В плен попадали как представители восточнославянского населения, так и выходцы из коренных этнических групп. Многие невольники бежали в российские укрепления, желая обрести свободу. Пленопродавство вызывало резкое эмоциональное неприятие среди российских подданных различного социального и этнического происхождения.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, XIX век, пленопродавство, рабство, дети, горцы, казаки

Для цитирования: Степаненко Н. С. Эпизоды детского пленопродавства на Северо-Западном Кавказе во второй трети XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 105–110. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.13>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 22.10.2025

Статья одобрена после рецензирования: 03.01.2026

Статья принята к публикации: 18.02.2026

Research article

EPISODES OF CHILD CAPTIVES' TRADE IN THE NORTHWEST CAUCASUS IN THE SECOND THIRD OF THE 19TH CENTURY

Nikita S. Stepanenko

Private Educational Gymnasium Erudite (98, Sormovskaya St., 350000, Krasnodar, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), teacher

stepanenkonikita1993@yandex.ru; <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2020-2-58-67>

Abstract. Introduction. Raids with the purpose of kidnapping people in the Northwest Caucasus were a serious problem for Russia, which completely took over the region after the Russian-Ottoman War of 1828 – 1829. This paper analyzes individual life situations related to the captivity of children on the southern border of the empire. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of documents and materials from the funds of the State Archives of Krasnodar Krai. Published archival materials and memoirs were used in the work. Based on the analysis of various types of sources containing information on the peculiarities of the capture of children in the Northwest Caucasus in the second third of the 19th century, specific features of the phenomenon of captivity sale are revealed. **Analysis.** The analysis of the materials showed that the capture of children was mainly commercial in nature. They were used as slaves on the farm, could be resold or returned to relatives for ransom. **Results.** It can be concluded that child abductions were carried out mainly at sunset or in cloudy weather. This made it easier to escape pursuit. Not only representatives of the unpeaceful moun-

tain communities, but also fugitive Cossacks were involved in the capture of slaves. Both representatives of the East Slavic population and native ethnic groups were captured. Many slaves fled to Russian fortifications, wishing to gain freedom. The sale of captives caused a sharp emotional rejection among Russian subjects of various social and ethnic origins.

Keywords: North-West Caucasus, 19th century, captivity sale, slavery, children, highlanders, Cossacks

For citation: Stepanenko NS. Episodes of child captives' trade in the Northwest Caucasus in the second third of the 19th century. Humanities and law research. 2026;13(1):105-110. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.13>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 22.10.2025

The article was approved after reviewing: 03.01.2026

The article was accepted for publication: 18.02.2026

Введение. Проблема набегов, целью которых являлся захват людей в неволю, являлась серьезным вызовом для России на Северо-Западном Кавказе во второй трети XIX в. В 1929 г.

согласно условиям Адрианопольского мирного договора данный регион юридически был включен в её состав. Проблема пленопродавства перестала быть вопросом межгосударственных от-

ношений и превратилась во внутривосполитический вызов. Угроза быть похищенным с целью дальнейшего получения выкупа или порабощения существовала для представителей всех социальных и этнических групп, проживавших в регионе. Дореволюционный историк Ф. А. Щербина считал, что военные действия со стороны немирных горцев представляли собой череду отдельных набегов, целью которых была военная добыча. Пленники являлись одной из наиболее ценных ее частей. Их можно было продать, обратить в рабов и использовать как рабочую силу [12, с. 615–616]. Целью данной статьи является характеристика особенностей пленения, нахождения в неволе и освобождения детей, ставших жертвами пленопродавства на Северо-Западном Кавказе во второй трети XIX в., на примере отдельных жизненных историй.

Материалы и методы. Исследование основано на принципе историзма. Он предполагает такой подход к пониманию истории, при котором рассмотрение любого явления или периода ведётся в конкретных исторических условиях. Тема захвата пленников на Северо-Западном Кавказе в XIX в. в той или иной степени интересует современных исследователей. Ю. Ю. Клычников акцентирует внимание на негативных последствиях пленопродавства. Исследователь пишет о том, что набеги, грабежи, похищения людей ломали судьбы не только военнослужащих, но и представителей мирного населения. «Особенно наглядно весь драматизм ситуации раскрывают истории детей, похищенных из родного дома и нередко навсегда пропадающих на чужбине», – отмечает автор [10, с. 160]. Объёмную работу по сбору и анализу документов, посвящённых проблеме плена и работорговли на Северо-Западном Кавказе в 1790–1860-е гг., провёл А. А. Черкасов. Среди сотен документов, выявленных в Государственном архиве Краснодарского края, имеются свидетельства нахождения в неволе как казачьих, так и горских детей [13]. Д. С. Дударев в результате работы с мемуарами бывших пленников пришёл к выводу, что их нахождение в неволе способствовало более глубокому пониманию мировосприятия горцев [8, с. 40]. За счёт длительного пребывания в новой для похищенных детей социальной среде они усваивали язык и модели поведения окружавшего их общества. Малолетние пленники вовсе проходили процесс первичной социализации в горах и узнавали о своём происхождении от других людей.

Анализ. Обстоятельства пленения юных невольников подробно зафиксированы в делопроизводственной документации тех лет. Рассмотрим ряд таких ситуаций. 10 апреля 1850 г. конно-артиллерийской казачьей № 14 бригады канонир Иван Калитинов и 2-го Лабинского полка служащий казак Дмитрий Азаров с двумя малолетними детьми Степаном и Иваном находились в поле на севе хлеба. Вечером Азаров-старший, выполняя приказ старшего урядника Ерёменко, поспешил возвратиться в станицу Вознесенскую. Детей он оставил в

поле под присмотром канонира Калитинова. Тот, в свою очередь, отправил их домой поздним вечером на подводе с сеном, сам же остался в поле ночевать без разрешения. Мальчики из-за истощения запряжённых волов не успели добраться до станицы засветло. Они были застигнуты хищниками (так в исследуемый период называли похитителей людей) ночью на расстоянии 1 версты до Вознесенской. Среди них был, как впоследствии говорили дети, вернувшиеся из плена, беглый урядник Колосов, который тоже являлся уроженцем станицы Вознесенской. Это никак не мешало ему похищать детей своих соседей. Наоборот, он возглавлял горские партии и осуществлял набеги на Линию. Ивана Калитинова освободили от взыскания на основании манифеста 27 марта 1855 года «О дарованных милостях и облегчении участи преступников по случаю восшествия на престол». Но строго предписали впредь не ночевать в поле без разрешения [5, л.10].

Осенью того же года в станице Вознесенской вновь произошла трагедия. Исполняющий обязанности командира второй бригады Кавказского линейного казачьего войска старшина Котляров сообщил полковнику Туганову о похищении мальчиков из станицы Вознесенской Никона Хлопкова и Григория Сергеева [4, л. 1]. 14 октября 1850 года казаки Степан Слюнин и Спиридон Сергеев дали знать, что были на работе в поле. Вечером они отправились обратно в станицу и погнали две пары быков без упряжи. Два мальчика Григорий Сергеев и Николай Хлопков, поехали на гружённой мешками с зерном телеге позади. Казак Сергеев вышел к воротам, чтобы встретить ребят. Там он увидел только волов, запряжённых в воз, которых гнал казак Дмитрий Демьянов. Ночные поиски не дали результата.

Дмитрий Демьянов сообщил, что возвращался с мельницы и увидел пару волов с телегой без людей. На его окрик никто не отозвался. Он пригнал быков в станицу, где встретил казака Сергеева. Старшина Котляров пришёл к выводу, что виновными в данной ситуации являлись Степан Слюнин и Спиридон Сергеев. Они не должны были оставлять детей без присмотра, видя наступающую темноту. Этим воспользовались хищники, которые увлекли детей в плен. Котляров предложил наказать провинившихся казаков розгами [4, л. 2].

Начальник правого фланга Кавказской линии генерал-майор Дебу сообщил начальнику Лабинской линии 8 ноября 1856 года решение о наказании виновных казаков Слюнина и Сергеева. Их следовало бить розгами. Ответственным за происшествие командование также посчитало начальника станицы Воздвиженской хорунжего Новикова. Именно он позволил находиться в поле до поздней ночи [4, л. 9]. Взыскания не последовало из-за Манифеста 27 марта 1855 г.

Обстоятельства похищения мальчика Ивана Ермолаева изложены в предписании командующе-

го войсками правого фланга Кавказской линии генерал-лейтенанта Козловского генерал-майору Дебу от 31 декабря 1856 г. Юноша был наёмным работником у казака станицы Прочноокопской Никифора Гонторева. 18 октября 1854 г. в числе прочих он пас скот и лошадей возле реки Кубань в пяти верстах от поста Царицынского. На закате солнца партия хищников, воспользовавшись пасмурной погодой и туманом, переправилась скрытно через Кубань. В плен захватили Ермолаева и 21 лошадь ценой 275 рублей серебром. Виновными были признаны начальник Царицынского поста урядник Захаров и хорунжий Криволапов. Они не организовали преследование. Первого вне очереди направили на службу сроком в 6 месяцев на Кисловодскую линию, второго – на Черноморскую сроком на 4 месяца [7, л. 1].

Жертвами похищений были и девочки. 11 июня 1850 года казачка станицы Урупской Надежда Лозовая возвращалась из Баталпашинска со своей двухлетней дочерью и 14-летней девушкой Авдотьей Морозовой. Они остановились переночевать на посту Западном. Утром следующего дня вновь отправились в путь. Морозова с возом ушла вперёд, а сама Надежда Лозовая задержалась у пруда, чтобы помыть вещи. Затем, догоняя детей, она увидела трёх пеших людей, которые направились к повозке, схватили дочь казачки и Авдотью Морозову и скрылись в лесу. Надежда Лозовая побежала в сторону Западного поста. Проезжавший мимо казак Бугаёв сказал ей, что сообщит о случившемся. После этого она вернулась к повозке. Начальник Западного поста урядник Колесников, по его словам, тотчас отправился на поиск хищников и на опушке леса нашёл дочь Лозовой. Авдотью Морозову обнаружить не удалось. Командование посчитало усилия урядника недостаточными. Был обнаружен ряд нарушений в несении службы. За это Колесникова отправили весной 1852 года в Белореченское укрепление на 6 месяцев [3, л. 2].

Приведённые примеры показывают тактику захвата пленников. Как правило, будущих невольников выслеживали за пределами населённых пунктов. Злоумышленники ждали, когда дети останутся без присмотра взрослых во время полевых работ, выпаса скота или в дороге. Большую роль играла погода и время суток. Преимущественно похищения совершались на закате солнца или в туманную погоду. Это значительно повышало шансы скрыться от казачьей погони. Подростки являлись одним из наиболее ценных видов добычи во время набега. Чтобы успешнее скрыться, участники набега оставляли волов и даже малолетних детей. Ответственность за осуществлённые похищения несли казаки, которые обеспечивали безопасность станиц, постов и близлежащей территории.

Отдельно следует отметить участие перебежчиков в похищениях подростков. В 1853 г. беглый казак Егор Разсветаев попытался выкрасть с товарищем 15-летнего малолетка Копцова из ста-

ницы Лабинской. Из-за погони злоумышленники были вынуждены бросить ребёнка и скрыться в лесу [6, л. 1]. В пленении братьев Азаровых принял участие печально известный на Кавказской линии урядник Колосов, уроженец станицы Вознесенской. О его нападении с партией немирных горцев на станицу Владимирскую и бесславном конце писал современник тех событий, офицер Аполлон Шпаковский: «Недолго после этого беглец разбойничал: его поймали в низовых станицах и повесили своим судом, самосудом!» [11]. С. Л. Дударев в одной из своих работ сформулировал важный тезис: «Важной частью модели поведения ряда россиян, склонных к девиации, была причастность к захвату пленников и торговля ими. При этом этих субъектов не смущало то, что захваченные ими люди были соотечественниками, принадлежали к одному с ними этносу и вероисповеданию». В похищениях людей и работорговле на Северо-Западном Кавказе принимали участие представители различных этнических и конфессиональных групп. Среди них были горцы, турки, занимавшиеся преимущественно покупкой невольников и их транспортировкой в Османскую империю, а также беглые казаки.

Приведённые выше примеры показывают обстоятельства похищения детей. Подробная история пленения, пребывания в неволе и освобождения изложена в рассказе уроженца селения Бешпагирского Ставропольской губернии Максима Филипповича Кофанова. Будучи 83-летним стариком в 1900 г., он надиктовал воспоминания сыну – Харлампию Кофанову [2, с. 3-10]. 1830-е гг. пожилой мужчина охарактеризовал опасным временем. Жители села выезжали на сельскохозяйственные работы вооружёнными. Они опасались набегов жителей гор Западного Кавказа. По мнению рассказчика, их основной целью являлись грабёж и кража детей и взрослых, которые в дальнейшем становились предметом торга.

Обстоятельства своего пленения Максим Кофанов изложил следующим образом. Будучи тринадцатилетним подростком 24 сентября 1830 г., он пас скот около своего села. Недалеко от него следили за овцами его сверстники: Гавриил Шевелев и Степан Рыженков. На закате, когда подростки уже направлялись домой, появилась партия немирных горцев. Трое пастухов были схвачены. Они стали свидетелями пленения одиннадцатилетнего мальчика Тимофея Савенкова и жестокой расправы над сопровождавшим его стариком, который являлся работником в их семье.

Невольники были посажены на коней, и вся вооружённая партия направились на юг. Недалеко от станицы Невинномысской участники набега обнаружили, что Гавриил Шевелев скончался. Его тело отвязали от седла и оставили на дороге. Вскоре группа переправилась через Кубань и разделилась. Максима Кофанова и часть пленников повезли в верховья реки Уруп. Некоторое время спустя его отдали в услужение небогатому черкесу. Оправившись от ран, полученных от езды без седла на

верховой лошади, юный пленник стал вязать просо на поле своего владельца. Весь период неволи он занимался тяжёлой сельскохозяйственной работой. Максима Кофанова несколько раз перепродавали. Его владельцами были три горца и один турок. Старик с горечью вспоминал, что подвергся сексуальному насилию с его стороны. В августе 1831 г. юношу выкупили из плена при посредничестве армянского торговца за 300 рублей. Его товарищ по несчастью Степан Рыженков вернулся на родину только в 1864 г.

Находясь в неволе, юноша работал в поле, пас скот, рубил дрова и выполнял другие тяжёлые обязанности. Видя его трудолюбие, владельцы относились к Максиму Кофанову нестрого. В то же время он терпел побои и издевательства со стороны представителей зависимых категорий горского общества и детей. Ходил в лохмотьях. Из-за отсутствия обуви на его ногах образовывались наросты, которые зимой трескались и причиняли боль.

Максим Кофанов попал в плен уже сформировавшейся личностью и пробыл там относительно недолгое время. Трагичные истории иного рода изложены в архивных документах, опубликованных А. А. Черкасовым. В 1836 г. в Анапу из гор выбежал молодой мужчина с женой и тремя детьми. Беглец представился Гассаном, от роду ему было 28 лет. Он находился в рабском состоянии и несколько раз перепродавался. Его владельцы называли его русским. Он не помнил своё настоящее имя, потому что был похищен бжедухами малолетним ребёнком [13, с. 1779].

В мае 1839 г. в канцелярию наказного атамана поступило донесение из Екатеринодарского частного карантинного о вышедшем с левобережья Кубани человеке, представившемся Василием. Ему было 28 лет, считал себя русским, православным христианином. Место рождения и своих родителей он не знал. Русского языка не понимал, потому что был захвачен в плен малолетним. Его неоднократно перепродавали, пока Василий не оказался у натухайца по имени Гавеш, у которого прожил 8 лет. Когда невольник достиг совершеннолетия, владелец решил женить его на русской пленной девице Ксении. Фамилии своей она не помнила, но родом была из Кавказской линии. Она также была похищена в малолетстве. Её отца звали Потап, а мать Анна. У Василия и Ксении было два ребёнка – 4-х летний сын и годовалая дочь. Глава семейства изыскивал средства для освобождения. Из-за того, что владелец не хотел их отпускать, Василий упрямился натухайца Берзека Сханука украсть их у Гавеша и продать человеку, живущему ближе к Кубани. Таким образом он попал к греку Тодору, проживавшему на речке Чаш (Чам) в 10 верстах от Черноморской кордонной линии. Новый хозяин предложил Василию, чтобы он, «перейдя в Россию, изыскал средства выкупить у него и семейство его, которого он по недостаточному своему состоянию не

соглашается отпустить без вознаграждения» [13, с. 1798–1799]. До Константиновского поста невольника сопровождал зять владельца – Ян Хадонемитров. Оттуда Василия отправили в Екатеринодарский частный карантин для очищения. Именно там этот несчастный человек изложил свою историю и просил наказного атамана позволить ему отправиться на Кавказскую линию, чтобы найти родственников жены. Он надеялся на то, что они помогут ему выкупить супругу и детей. В опубликованных архивных документах содержится информация и о других «Иванах, не помнящих родства», попавших в плен малолетних детей, которые вырастали в горах, а затем спасались от неволи в российских укреплениях.

Жертвами работорговли на Северо-Западном Кавказе являлись не только представители восточнославянского населения, но и горцы. Несколько подобных жизненных историй содержится в делопроизводственной документации второй трети XIX в. 28 марта 1830 года атаману Черноморского казачьего войска генерал-майору А. Д. Безкровному был представлен текст опроса черкеса Гасана. Он сообщил, что ему было 30 лет, исповедовал ислам, не женат. Родился в Закубанье среди натухайцев. О своих родителях Гасан ничего не помнил, потому что, будучи ребёнком, он был «захвачен того же владения простыми черкесами», после чего его продали туркам в крепость Анапу. Оттуда его доставили в Стамбул. В этом городе ребёнок прожил около года, затем невольника перепродавали в город Мессир некоему Абраму. У него Гасан прожил около десяти лет. Затем его выкупил «закубанский простой черкесин натухайского владения Натхо». С ним мальчик вернулся на Кавказ. От своего нового владельца он претерпел много «обид и притеснений». Поэтому решил бежать под российское покровительство и выразил желание поселиться в Гривенском ауле [13, с. 1749].

Материалы опроса кабардинца Янхота Шака показывают ещё более тяжёлую жизненную ситуацию. 13 сентября 1845 г. выбежавший из плена от горцев житель Большой Кабарды Инанух Янхот Шак рассказал, что покинул владельца вместе с двухлетним сыном Хациком Шаком. От роду ему было 42 года, являлся мусульманином. В детстве он был взят горцами в плен и доставлен к князю Шеретлуку на речку Афипс. Там Янхот Шак вырос, а затем и женился. В семье родились трое сыновей. После смерти супруги хозяин невольника оставил у себя двух его малолетних детей, а самого кабардинца с меньшим сыном продал другому «простому черкесину» Хуни Казу. Он проживал на речке Антхир от которой было примерно 25 вёрст до Абинского укрепления. Опасаясь дальнейшей перепродажи, Янхот Шак бежал в Абинское укрепление. Вышедший из неволи кабардинец хотел поселиться в Гривенском ауле.

Результаты. Приведённые истории личных трагедий отдельных людей, ставших жертвами пленопродавства, показывают негативные послед-

ствия этого явления. Дети становились приоритетной целью похитителей, потому что они не могли оказать должного сопротивления и являлись ликвидным товаром. Пленения происходили зачастую вечером или в пасмурную погоду. Пользуясь сумерками или туманом, похитители скрывались от погони вместе со своими жертвами. Захват пленников носил коммерческий характер. Будучи в плену, дети становились собственностью своего владельца. Их могли перепродать или принудить выполнять тяжёлые работы. Многие малолетние жертвы пленопродавства вырастали у своих хозяев. Невольники были бессильны перед произволом своих владельцев. Рабов перепродавали, разделяя семьи, подвергали различным формам насилия. Механизмы социальной защиты невольников в горских обществах были неэффективны. Современные исследования доказывают масштабное пренебрежение черкесским обычным правом, когда нарушались даже законы гостеприимства, в результате чего гость становился объектом работорговли [13, с. 1423].

Территорию Северо-Западного Кавказа во второй трети XIX века можно считать частью северокавказского фронта, своеобразной территории неопределённости [1]. Набеги и пленопродавство стали определяющим фактором отсут-

ствия условий для мирной жизни. Похищения детей вызывали резкое эмоциональное неприятие этого явления и тягостные настроения в обществе. Своё видение данной ситуации озвучил генерал Н. И. Евдокимов. Находясь в столице, он говорил: «Проезжая по кавказским станицам и сёлам, достаточно наслушался воплей матерей по детям, жён по мужьям, сестёр по братьям, уведённым в горькую неволю...» [9, с. 210].

Рабское состояние не стало моральной нормой для многих невольников, захваченных в детстве и выросших в горах. Они прилагали серьёзные усилия для того, чтобы избавиться от своего тяжёлого положения. Например, совершали побег в российские укрепления. Жертвами похищений и порабощения являлись не только представители восточнославянского населения, но и горские дети. В то же время следует отметить, что захватом невольников занимались не только представители автохтонного населения Кавказа, но и беглые казаки. Российские власти предпринимали усилия для социальной адаптации бывших представителей зависимых категорий горских обществ. Оказавшись на правом берегу Кубани, они получали личную свободу и возможность мирно трудиться.

Литература

1. Барретт Т.М. Линии неопределённости: северокавказский фронт России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология. Самара, 2000. Т. 2. Императорский период. С. 163–194. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> (дата обращения: 23.07.2024).
2. Кофанов М.В. В плену у горцев в 1830 и 1832 годах. // В плену у горцев. Нальчик, Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. С. 3 – 11.
3. Государственный архив Краснодарского края (Далее - ГАКК). Ф. 256. Оп. 1. Д.167.
4. ГАКК. Ф. 256, Оп. 1, Д. 140.
5. ГАКК. Ф. 256., Оп. 1, Д. 145.
6. ГАКК. Ф. 256, Оп. 1, Д. 200.
7. ГАКК. Ф. 256, Оп. 1, Д. 341.
8. Дударев Д. С. Некоторые произведения мемуарной литературы о «кавказских пленниках» и проблема российского ориентализма // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал Северо-Кавказского Федерального университета. Ставрополь, 2016. № 1. С. 37–41.
9. Клычников Ю. Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск, ПГУ, 2019. 277 с.
10. Клычников Ю. Ю., Цыбулькина А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2011. 256 с.
11. Шаповский А. Записки старого казака URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1840-1860/Spakovskij_A/text4.php (дата обращения 14.07.2024).
12. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Т. II. Екатеринодар: Типография Товарищества печатного и издательского дела под фирмой «Печатник», 1913. 848 с.
13. Черкасов А.А. Черкесские невольничьи повествования // Былые годы. 2020. № 57–1(3–1). С. 1415–2266.

References

1. Barrett TM. Lines of uncertainty: Russia's North Caucasian frontier in American Russian studies. Milestones in historiography of recent years: Anthology. Samara, 2000. Vol. 2. The Imperial period. p. 163-194. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> (accessed: 07.23.2024). (in Russ.).
2. Kofanov MV. In captivity among the highlanders in 1830 and 1832 in In captivity among the highlanders. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov (Poligrafservisi T), 2011. 52 p. (in Russ.).
3. State Archives of Krasnodar Krai (GAKK). F. 256. Inv. 1. D 167. (in Russ.).
4. GAKK. F. 256. Inv. 1. D. 140. (in Russ.).
5. GAKK. F. 256. Inv. 1. D. 145. (in Russ.).
6. GAKK. F. 256. Inv. 1, D. 200. (in Russ.).
7. GAKK. F. 256. Inv. 1, D. 341. (in Russ.).
8. Dudarev DS. Some works of memoir literature about the Caucasian captives and the problem of Russian orientalism. *Gumanitarnye i uridichiskie issledovania*. 2016;1:37-41. (in Russ.).
9. Klychnikov YuYu. Soldier of the empire Nikolai Ivanovich Evdokimov. Pyatigorsk, PSU publ., 2019. 277 p. (in Russ.).

10. Klychnikov YuYu., Tsybulnikova AA. So the laws are squeezing outrageous freedom...: the struggle of Russian statehood with predation in the North Caucasus (historical essays). Pyatigorsk: Advertising and information agency on Kavminvody, 2011. 256 p. (in Russ.).
11. Shpakovsky A. Notes of an old Cossack URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1840-1860/Spakovskij_A/text4.php (accessed: 14.07.2024). (in Russ.).
12. Shcherbina FA. History of the Kuban Cossack Army. Ekaterinodar: Printing house of the Partnership of printing and publishing business under the firm "Pechatnik", 1913. 848 p. (in Russ.).
13. Cherkasov AA. Circassian slave narratives. Bylye Gody. 2020;57–1(3–1):1415–2266. (in Russ.).

Научная статья

УДК 94 (47)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.14>

130 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ СТРАНЫ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТРАНСПОРТА В ЗЕРКАЛЕ ИНСТИТУТСКОЙ ПЕЧАТИ

Анастасия Владимировна Танцева¹, Алексей Владимирович Федякин²

^{1, 2} Российский университет транспорта (МИИТ) (д. 9, стр. 9, ул. Образцова, Москва, 127055, Российская Федерация)

¹ Кандидат исторических наук, доцент

¹ tantsevoa@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-8532-5436>

² Доктор политических наук, профессор

² avf2010@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2387-3846>

Аннотация. Введение. Целью статьи является воссоздание на основе архивных источников и материалов периодической печати этапов становления и развития Российского университета транспорта (МИИТ) от Императорского Московского инженерного училища до ведущего национального транспортного университета страны, рассмотрение роли и места университета в отраслевой транспортной системе подготовки кадров и его вклада в развитие транспортной науки, техники и производства. **Материалы и методы.** Для реализации поставленной цели использовался историко-системный метод, который помог рассмотреть тематику публикаций институтской газеты «Инженер транспорта», ее изменение в связи с разными периодами общественно-политической жизни страны. Для обработки значительного объема периодической печати, в частности, публикаций институтской газеты «Инженер транспорта» с 1924 по 1996 г., использовался метод контент-анализа. Внимание уделялось тематическому анализу статей, авторскому пониманию текста и его интерпретации, фотоматериалам. При изучении институтской газеты «Инженер транспорта» были выявлены ключевые темы (единицы анализа), отражающие академическую, научную и общественно-политическую деятельность МИИТа в рассматриваемый хронологический период. Статья написана на основе принципов историзма, объективности, всесторонности, последовательного применения которых позволило рассмотреть историю вуза в конкретно-исторических условиях. Большая часть материалов институтской газеты «Инженер транспорта», отражающих жизнь главного транспортного университета страны, впервые вводится в научный оборот. **Анализ.** В статье на материалах институтской газеты «Инженер транспорта» и архивных материалах рассматриваются этапы становления и развития Российского университета транспорта (МИИТ), анализируется его трансформация в системообразу-

ющий вуз транспортной отрасли и крупный научно-исследовательский центр транспорта. **Результаты.** Результаты исследования позволяют предположить, что развитие учебного заведения от инженерного училища до головного учебного заведения отрасли, отвечало социально-экономическим, политическим и технологическим задачам, стоящим перед транспортной отраслью страны. Имея производственную целеустановку на подготовку инженерных кадров высшей квалификации для транспортной сферы, институт стал ее опорой. Ученые и выпускники университета принимали участие в проектировании и строительстве ключевых железных дорог страны: Транссибирской магистрали, Байкало-Амурской магистрали и других. Сегодня РУТ (МИИТ) участвует в проектировании первой в стране высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСМ) Москва – Санкт-Петербург и является научно-исследовательской базой транспортного комплекса страны, осуществляя подготовку кадров для всех видов транспорта общего пользования.

Ключевые слова: транспортное образование, подготовка кадров, инженеры транспорта, РУТ (МИИТ), транспорт, ВСМ Москва – Санкт-Петербург, газета «Инженер транспорта»

Для цитирования: Танцева А. В., Федякин А. В. 130 лет на службе транспортной отрасли страны: страницы истории Российского университета транспорта в зеркале институтской печати // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 111–121. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.14>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 22.10.2025

Статья одобрена после рецензирования: 13.01.2026

Статья принята к публикации: 19.01.2026.

Research article

130 YEARS OF SERVING THE NATIONAL TRANSPORT INDUSTRY: THE HISTORY OF THE RUSSIAN UNIVERSITY OF TRANSPORT AS REFLECTED IN THE INSTITUTE PRESS

Anastasia V. Tantsevoa¹, Alexey V. Fedyakin²

^{1, 2} Russian University of Transport (MIIT) (9, Build. 9, Obraztsova Street, Moscow, 127055, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (History), Associate Professor

¹ tantsevoa@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-8532-5436>

² Dr. Sc. (Political sciences), Professor

² avf2010@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2387-3846>

Abstract. Introduction. The purpose of the article is to reconstruct, using archival sources and periodicals, the stages of the formation and development of the Russian University of Transport (MIIT), from the Imperial Moscow Engineering School to the country's leading national transport university. It also examines the role and place of the university in the training system of transport industry and its contribution to the development of transport science, engineering, and production. **Materials and Methods.** To achieve this goal, a historical-systematic approach

was used to examine the topics of publications in the institute newspaper, Engineer of Transport, and their changes over different periods of the national socio-political life. Content analysis was employed to process a significant volume of periodicals, specifically publications in the institute newspaper, Engineer of Transport, from 1924 to 1996. Attention was paid to thematic analysis of articles, the authors' understanding and interpretation of the text, and photographic materials. The study of the institute newspaper, Transport Engineer, identified the key themes (units

of analysis) reflecting the academic, scientific, and socio-political activities of MIIT during the period under review. This article is based on the principles of historicism, objectivity, and comprehensiveness, the consistent application of which allowed us to examine the university history within its specific historical context. Much of the material from the institute newspaper, *Transport Engineer*, reflecting the life of leading national transport university, is being introduced into scholarly circulation for the first time. **Analysis.** The article, using materials from the institute newspaper, *Transport Engineer*, and archival materials, examines the stages of the formation and development of the Russian University of Transport (MIIT), analyzing its transformation into a systemically important university in the transport industry and a major transport research center. **Results.** The results of the study suggest that the development of the educational institution from an engineering school to the leading educational institution in the industry met the socioeconomic, political, and technological challenges facing national transport industry. With a production focus on training highly qualified engineering personnel for the transportation sector, the institute became its pillar. University researchers and graduates participated in

Введение. Российский университет транспорта (МИИТ) – крупнейший отраслевой университет страны с более чем вековой историей. За 130 лет вуз прошел путь от инженерного училища до национального транспортного университета. [47, с.104].

Вековая история РУТ (МИИТ) неразрывно связана с развитием транспорта и техническим прогрессом в стране. За свою историю вуз подготовил более 100 тысяч инженеров для транспортного комплекса [14], его успешная работа по подготовке инженерных и научных кадров была отмечена в советский период истории орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

История вуза неразрывно была связана с развитием отечественной транспортной науки и техники. С момента своего основания университет стал не только ведущим образовательным учреждением транспортной отрасли, но и крупным научным центром. Первыми организаторами училища выступили известные ученые и блестящие педагоги: в области гидравлики – Ф. Е. Максименко; в области строительной механики и мостостроения – Л. Д. Проскураков; в области мостостроения – Е. О. Патон и другие. В разные годы в учебном заведении преподавали академики В. Н. Образцов, С. П. Сыромятников, члены-корреспонденты АН СССР Б. Н. Веденисов, А. В. Горинов, Заслуженные деятели науки и техники РСФСР, профессора А. М. Бабичков, И. П. Прокофьев, П. К. Худяков, Е. В. Михальцев, Г. К. Евграфов, В. Д. Никитин и др.

История Российского университета транспорта, как в зеркале, отразилась на страницах институтской газеты «Инженер транспорта». Газета начала выходить в 1924 г., в год создания МИИТа, под своим первым названием «Красный путеец» и отражала дух времени и новое место института в транспортной системе страны. Перед вузом стояла задача подготовки советских инженеров. На это были направлены усилия профессорско-преподавательского состава и партийной организации вуза. Помогала в осуществлении этой задачи и вузовская печать.

the design and construction of key railways in the country: the Trans-Siberian Railway, the Baikal-Amur Mainline, and others. Today, RUT (MIIT) is participating in the design of the first national high-speed railway (HSR), the Moscow-St. Petersburg line, and serves as a research base for the country's transportation system, training personnel for all modes of public transport.

Keywords: transport education, personnel training, transport engineers, RUT (MIIT), transport, Moscow-Saint Petersburg high-speed railway, *Transport Engineer* newspaper

For citation: Tantsevova AV, Fedyakin AV. 130 years of serving the national transport industry: the history of the Russian university of transport as reflected in the institute press. *Humanities and law research*. 2026;13(1):111-121. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.14>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 22.10.2025

The article was approved after reviewing: 13.01.2026

The article was accepted for publication: 19.01.2026.

С октября 1924 г. газета издавалась под названием «Студент транспортник», с 1927 г. – «Дзержинец», с 1931 г. – «Сталинец», в 1956–2024 гг. – «Инженер транспорта». За годы своего существования газета не выходила лишь в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., постоянный послевоенный выпуск газеты был возобновлён в марте 1949 г. после восьмилетнего перерыва вышел 378-й номер многотиражной газеты [52]. В декабре 1962 г. был издан тысячный номер вузовской газеты. Отметив вековой юбилей, газета «Инженер транспорта» перестала издаваться в июле 2024 г. [43].

Каждый номер газеты был не только рассказом о жизни института, но и отражал социально-экономические и политические процессы, происходившие в стране. Отраслевая институтская газета «Инженер транспорта» сегодня выступает уникальным историческим источником, который сочетает в себе разные виды источников: нормативно-правовые документы, статистические документы (отчеты, статистика), распорядительная документация, источники личного происхождения (воспоминания), фотоматериалы и другие. В материалах газеты нашли отражение научные, трудовые и общественные достижения университета. Особо ценными являются материалы газеты довоенного периода, в которых сохранились опубликованные нормативно-правовые и распорядительные документы (бюллетени, приказы), не сохранившиеся в архивах.

Основная цель работы – на материалах вузовской печати рассмотреть и воссоздать основные этапы развития ведущего транспортного вуза страны – Российского университета транспорта (МИИТ), проанализировать его трансформацию от училища до системообразующего вуза транспортной отрасли. В число задач входил анализ материалов вузовской периодики и архивных материалов, воссоздание этапов развития вуза, выявление его роли и места в транспортной системе страны на протяжении разных исторических периодов.

Материалы и методы. Основным методом в работе являлся историко-системный, который позволил изучить материалы и публикации институтской газеты «Инженер транспорта» в контексте общественно-политической жизни страны. При обработке большого количества материалов печати и при проведении качественного анализа информации институтской газеты «Инженер транспорта» с 1924 по 1996 гг. использовался метод контент-анализа. Этот метод является одним из основных при работе с периодикой, как источником. При работе с материалом институтской газеты «Инженер транспорта» были выявлены ключевые темы (единицы анализа), отражающие академическую, научную и общественно-политическую историю института. В газете сочетались различные виды информации: текстовой и визуальной, которая по-разному была представлена в зависимости от жанра, с помощью которого она передавалась: статьи, фотозаметки и т.д.

В работе использовались основные принципы исторической науки: историзма, объективности, всесторонности. Их последовательное применение способствовало объективному изучению истории транспортного вуза и дало возможность определить его место в системе транспортного образования страны. Ряд материалов институтской газеты «Инженер транспорта» впервые вводится в научный оборот, что дает возможность увидеть разностороннюю деятельность главного транспортного университета страны.

Анализ. Становление и развитие главного транспортного вуза страны было тесно связано с историей России. В различные периоды он носил разные названия: Императорского Московского инженерного училища (ИМИУ); Московского института инженеров путей сообщения (МИИПС), Московского института инженеров транспорта (МИИТ), Российского университета транспорта (РУТ), его деятельность была многогранна и насыщена, но на всех этапах он оставался главной кузницей квалифицированных кадров для сухопутных и водных путей сообщения России.

Императорское Московское инженерное училище (ИМИУ) было основано 23 мая (4 июня) 1896 г. Идеологом его создания по праву считается выдающийся ученый, товарищ министра путей сообщения Николай Павлович Петров (1836–1920), в 2026 г. исполняется 190 лет со дня его рождения. Торжественное открытие училища состоялось 14 (26) сентября 1896 г. Обращаясь к первым студентам, профессор Н. П. Петров призвал их всемерно содействовать развитию отечественной техники: «Сегодня начинается учебная жизнь нового рассадника высших инженерно-технических знаний... Обращаясь к вам, молодые люди, прошу вас, прежде всего, помнить, что успеха на избранном вами пути можно достигнуть только упорным трудом, начав его здесь, в училище, и продолжая его в течение всей вашей

практической деятельности...» [32, с.2]. Училище готовило инженеров-строителей, крайне востребованных в годы бурного железнодорожного строительства. Учебный план учебного заведения был оставлен в соответствии с актуальными задачами транспортной отрасли и включал 4-годичный теоретический курс, затем каждый студент должен был выполнить три дипломных проекта: по мостам, железным дорогам и водным сообщениям или портовым сооружениям. Один из этих проектов, по выбору студента, должен был быть «главным» [20, с.12].

В первое десятилетие существования училища его директором был специалист по гидравлическим двигателям, профессор Ф. Е. Максименко. Среди первых преподавателей училища были выдающиеся педагоги и учёные, энциклопедисты: в области гидравлики – Ф. Е. Максименко; в области строительной механики и мостостроения – Л. Д. Проскуряков; в области мостостроения – Е. О. Патон; создатель школы физикохимиков – И. А. Каблуков и другие.

В июне 1901 г. состоялся первый выпуск инженеров-путейцев ИМИУ. Звание инженера-строителя с правом производства работ и составления проектов были удостоены 18 человек. Среди первых выпускников были: будущие член-корреспондент АН СССР Б. Н. Веденисов; академик АН СССР, член комиссии ГОЭЛРО, выдающийся специалист в области гидротехники и энергетики, автор проекта Днепрогэса И. А. Александров и другие. 1 сентября 1913 г. Императорское Московское инженерное училище было преобразовано в Московский институт инженеров путей сообщения (МИИПС). В этот же период при институте было создано новое подразделение – факультет водных сообщений. В дореволюционный период учебное заведение выпустило 1069 инженеров [3, с.283].

Начиная с 1907 г. стали издаваться «Известия Императорского Московского инженерного училища», сборник научных трудов ученых института (издание было возобновлено в 1926 г.). В дореволюционный период вышло 9 выпусков, содержащих 57 статей ученых института, среди них: работы профессора Н. Е. Жуковского о снежных заносах на железных дорогах; профессора В. Н. Образцова по вопросу доходности железной дороги в зависимости от тарифных ставок др. [23].

Распоряжением Наркомпроса РСФСР № 570 от 19 ноября 1924 г. к Московскому институту инженеров путей сообщения были присоединены Высшие технические курсы при НКПС. Объединенное высшее учебное заведение получило наименование – Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) [29, с.2]. Насущные потребности транспорта определили структуру института, который имел пять факультетов: Строительный с двумя отделениями (постройки железных дорог, инженерных сооружений); Водный с двумя отде-

лениями (речной, морской транспорт); Эксплуатационный; Тяговый; Электротехнический (просуществовал 1 год). Основным факультетом института являлся Эксплуатационный. Вузская газета «Дзержинец» писала в 1924 г. о нем следующее: «Задачи его учебного плана суть создание инженера по эксплуатации железных дорог, инженера, который умел бы сочетать все технические, экономические и организационные средства в целях достижения максимального ускорения и удешевления перевозок и тем наилучшим образом обслужить нужды как СССР в целом, и его частей» [26]. В середине 1920-х гг. в институте работало 344 научных работника и преподавателя, из них 45 профессоров [24, С.23], обучалось 2130 студента [2].

Важную роль в развитии МИИТа сыграл рабфак. Он был открыт в 1919 г. для подготовки молодежи, имевшей производственный опыт для поступления в высшие учебные заведения страны. В 1921 г. рабфак выпустил первых 47 студентов, из которых 44 поступили в МИИТ [44]. В 1926 г. на рабфаке обучалось: на дневной форме 835 человек; на вечерней форме 442 человека [24, с.4]. В 1926 – 1927 гг. примерно половина студентов 1 курса МИИТа были выпускниками рабфака. За время своего существования с 1919 по 1930 гг. рабфак выпустил 1343 человека [16, с.172].

По решению Правления МИИТа 29 ноября 1924 г. было открыто Бюро кафедр общественных наук (БКОН), которое стало постоянным организационным центром по методике преподавания общественно-политических дисциплин в институте. Бюро кафедр общественных наук имело Президиум на правах деканата, состоявший из 3-х лиц: председателя Бюро, его заместителя и секретаря Президиума (представитель от студенчества) [51, л. 42–43.]. Бюро тесно сотрудничало с Агитпропом ячейки ВКП(б) института, увязывало свою работу с академической, партийной и воспитательной работой, проводившейся в вузе [34, с.185].

Задача советского транспортного вуза заключалась в глубоком научном, изучении производства, поэтому составной частью его структуры явились научно-исследовательские кафедры. Среди них: «Изыскания и проектирование железных дорог» (зав. каф. проф. К. А. Оппенгейм); «Станции и узлы» (зав. каф. проф. В. Н. Образцов); кафедра «Мосты» (зав. каф., проф. Г. К. Еврафов); «Основания и фундаменты» (зав. каф., проф. В. К. Дмоховский) и другие. В этот период в стенах института была создана первая в стране учебная лаборатория по испытанию паровозов в условиях, близких к эксплуатации. В паровозной лаборатории МИИТа установили динамометрический вагон и паровоз серии Е с комплексом измерительных приборов, позволявшем определять тяговые характеристики локомотива, КПД и расход топлива [36]. Руководи-

телями лаборатории были выдающиеся ученые, профессора Е. Г. Кестнер, С. П. Сыромятников.

В 1925 г. при МИИТе был организован Научно-исследовательский институт, одной из задач которого была подготовка кадров преподавателей. Возглавил его Ф. Е. Максименко, который также руководил гидротехническим отделом НИИ. В 1932 г. во всех вузах была организована аспирантура с обязательной защитой диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Введение аспирантуры активизировало работу кафедр МИИТа по повышению научной квалификации преподавателей.

В 1926 г. учебно-вспомогательные учреждения МИИТа включали в себя 10 лабораторий, 39 кабинетов, рабфак, рабочий университет, инженерный музей, библиотеку фундаментальную и студенческую, имеющую 120 тысяч книг [24, с.4]. В 1926 г. было возобновлено издание научных трудов института. До 1940 г. было издано 67 сборников, в которых было напечатано 377 научных работ [7]. В материалах научных трудов были напечатаны статьи, посвященные организационным и структурным вопросам развития института, представляющие сегодня уникальный исторический источник.

Начало 1930-х гг. ознаменовало собой новый этап в жизни института. В этот период потребность в профессиональных кадрах для отечественной транспортной отрасли ощущалась особенно остро. Вопрос подготовки инженерных кадров обсуждался на Пленуме ЦК ВКП(б), проходившем 10–17 ноября 1929 г. в Москве. На нем была принята резолюция, в которой отмечалось, что «темпы подготовки новых кадров, не идет ни в какое сравнение с темпами индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства» [30].

О новых задачах, стоящих перед МИИТом, был доклад начальника института Ф. С. Лизарева, опубликованный на страницах институтской газеты «Дзержинец»: «Мы перестраивали программы так, чтобы внедрить в наш институт классовое марксистское изучение техники. Нам предстоит длительная серьезная работа для того, чтобы всем коллективом усвоить эти задачи и выковку специалистов в нашем институте поднять на социалистическую высоту» [1]. Во исполнение этих директив новые учебные планы МИИТа основывались на введение двухпоточной системы обучения по принципу конвейера: один поток на практике, другой – на занятиях в Институте, и наоборот. Двухпоточная система дала возможность рациональнее использовать имеющиеся ресурсы и преподавательский состав, а также увеличить пропускную способность учебных помещений и лабораторий [18, с.7].

Острую нехватку инженерных кадров испытывал железнодорожный транспорт. По первому пятилетнему плану именно он должен был значительно увеличить грузовые перевозки, особенно

за счет индустриальных грузов. В 1930 – 1931 учебном году МИИТ был реорганизован. Вместо многофакультетного института на базе его факультетов были созданы отдельные отраслевые институты. Так, в 1930 г. из состава МИИТа выделился водный факультет, положивший начало Ленинградскому институту инженеров водного транспорта. Вслед за ним по решению СНК СССР от 13 декабря 1930 г. автодорожный факультет МИИТа был преобразован в Московский автодорожный институт (МАДИ). На базе Тягового факультета в 1931 г. с рядом новых дисциплин: «Тепловозы», «Холодильное дело», «Электрификация железных дорог» и других был создан Московский Электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта имени Ф.Э. Дзержинского (МЭМИИТ) [15].

В рамках выполнения решения ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме высшей школы и техникумов» была упорядочена сеть высших учебных заведений и вместо 19 вузов путем слияния и ликвидации параллельных учебных заведений было оставлено 14 вузов. Каждый вуз стал иметь свою специализацию. Вместо 46 раздробленных инженерных специальностей Комитетом по высшей школе при ЦИК СССР была утверждена 21 специальность. Были установлены новые сроки обучения и утверждены новые учебные планы. Согласно приказу НКПС «О перестройке транспортных вузов» от 25 октября 1933 г. № 432/11, опубликованному на страницах институтской газеты «Сталинец», 1933 – 1934 учебный год в институте был начат в новых условиях [25].

Реорганизованный Московский институт инженеров транспорта имени И. В. Сталина стал железнодорожным вузом и начал свой первый учебный год в этом статусе в сентябре 1933 г. МИИТ являлся научно-технической базой советской индустриализации, помогающей отечественному транспорту и его важнейшему звену – эксплуатации. О задачах, которые стояли перед институтом в ходе проводившейся реконструкции транспорта, писал в своей статье начальник МИИТа А. Б. Халатов: «освоить новую технику, улучшить качество работы ... составить широкий развернутый план мероприятий по овладению техникой по всем видам ж.-д. транспорта и в особенности его реконструкции. Надо самым решительным образом предотвратить неоднократно имеющие место явления резкого отставания подготовки кадров от требования техники транспорта. Реконструкция транспорта и необходимость коренного улучшения его работы требуют полного освоения каждым железнодорожником технологического процесса» [48, с. 2]. В 1934 г. институт выпустил 902 инженера по основным специальностям железнодорожного дела: путейцев, строителей, эксплуатационников. В том же году все технические институты

Народного комиссариата путей сообщения выпустили 2 518 инженеров [15].

Институт готовил идейных и высококвалифицированных специалистов. Студенты МИИТа участвовали в подготовке железнодорожного транспорта к осенне-зимним перевозкам 1932–1933 гг. Так, в мае 1932 г. 111 миитовцев-комсомольцев были направлены на оперативную работу, чтобы усилить ответственные участки на железных дорогах Сибири, Урала, Дальнего Востока, Средней Азии [4].

В связи с развертыванием стахановского движения, начатого в 1935 г., особо важное значение приобрела помощь стахановцам на транспорте в овладении техническими знаниями. В мае 1935 г. студенты МИИТа организовали велопробег, чтобы помочь транспортным организациям в реализации приказа о борьбе с авариями и крушениями на транспорте. Однадцать его участников под руководством С. Вахштейна прошли 1600 километров. Основными пунктами маршрута были города: Тула – Орел – Курск – Сталино – Симферополь [4]. В 1937 г. студенты-миитовцы участвовали в строительстве новых мостов в г. Москве, в том числе Крымского, Москворецкого, Устьинского и др.

Помощь транспорту оказывали и ученые МИИТа. В 1931–1934 гг. под руководством начальника сектора конструкций Центрального научно-исследовательского института транспортного строительства НКПС, профессора МИИТа Г. К. Евграфова был выполнен ряд работ проектно-исследовательского, теоретического и экспериментального характера по выявлению новых типов мостовых конструкций, изучению работы мостов под нагрузкой и т. п. [20, с.106]. В 1931–1932 гг. преподаватель кафедры «Мосты» П. Н. Поликарпов провел исследование по установлению расчетной вертикально-подвижной нагрузки для автодорожных мостов страны.

Ученые МИИТа шли в авангарде советской модернизации, создавая уникальные транспортные проекты 1930-х гг. Так, строительство метрополитена проходило при активном участии миитовцев. С осени 1933 г. при МИИТе было организовано отделение по метростроению. Дирекция института выделила на отделение метро 13 лучших студентов-дипломников инженерно-строительного отделения. К 1 июля 1934 г. МИИТ выпустил первых в стране инженеров по метростроению [9]. В 1934 г. руководителем кафедры метростроения МИИТа был назначен профессор В. Л. Николаи, с 1931 г он работал начальником проектного отдела в Метрострое [33]. Он привлек на кафедру ведущих инженеров Метропроекта, читавших единую дисциплину по частям. Получился единственный в учебной практике коллектив преподавателей-совместителей, численностью 18 человек [28]. Кафедра готовила инженеров по восемнадцати специальностям. Особо важными были: гидроизоляция тоннелей, бетон-

ные работы и вентиляция. Под руководством В. Л. Николаи велась подготовка специалистов для метрополитена. Выпускники МИИТа участвовали в сооружении 29 первых станций метро. Первый отечественный тоннельный щит был сконструирован под руководством доцента института В. П. Волкова [46].

Выпускницей 1946 г. факультета «Тоннели и метрополитены» МИИТа была Герой Социалистического Труда Т. В. Федорова. Она стала первой женщиной, возглавившей строительство московского метро. Руководила строительством станций «Новослободская», «Проспект Мира», «Киевская-кольцевая» и др.

О вкладе миитовцев в строительство Московского метрополитена писал в своем поздравлении к пятидесятилетию института заместитель начальника Метростроя, главный инженер генерал-директор пути и строительства А. Г. Танкилевич в 1946 г.: «...Научные работники Вашего института вместе с большим коллективом строителей метро переживали и радость побед, и горечь отдельных неудач и внесли свой большой вклад в дело выполнения воли партии и правительства – постройки лучшего в мире метро. Фамилии крупных учёных Вашего института: академика Образцова В. Н., члена-корреспондента Академии наук СССР Веденисова В. Н., профессоров Николаи В. Л., Митюшина Н. Т. и других вошли в историю строительства Московского метро» [10].

Выпускники и студенты МИИТа участвовали в изыскании трассы Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Первые крупные изыскания трассы Северного Транссиба производились еще в довоенные годы в сложных условиях таежных районов страны. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) в докладе В. М. Молотова о Втором пятилетнем плане отмечалось, что из всех новых железнодорожных строек выделяется грандиозностью сооружения Байкало-Амурская магистраль.

Формирование студенческих партий для проведения инженерных изысканий началось в середине 1930-х гг. Студенты МИИТа входили в изыскательную партию № 33, начальником комплексной изыскательской экспедиции был Д. И. Джусь [39, с.6]. Миитовцы в составе экспедиции прокладывали по местности будущую трассу.

Начальником Бюро по проектированию Байкало-Амурской магистрали в июне 1937 г. был назначен выпускник МИИТа 1928 года И. Н. Шамаев. Говоря о строительстве первых линий БАМ, он отмечал: «По результатам работы изыскателей и проектировщиков «Бамтранс-проекта, было построено несколько участков магистрали, в том числе и 180-километровая ветка БАМ – Тында, строительство которой было начато в 1937 г. и закончено в 1940 г. [12]. Именно БАМ внес свой значимый вклад в победу в Сталинградской битве. В военные годы для

строительства Волжской рокады и других стратегических линий были разобраны все построенные участки БАМа, кроме железной дороги Волочаевская – Комсомольск-на-Амуре. Все административные подразделения БАМпроекта временно прекратили свою работу, профессиональные кадры были переброшены на защиту Сталинграда [12].

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. МИИТ готовил кадры для транспорта и оказывал транспортным и оборонным предприятиям страны техническую помощь. Силами ученых МИИТа за время войны было разработано и внедрено свыше 200 научно-исследовательских тем, часть которых была выполнена по заданию Народного комиссариата обороны [17]. Целый ряд работ ученых института был удостоен Сталинской премии. Среди них труды члена-корреспондента АН СССР Б. Н. Веденисова, действительного члена АН СССР С. П. Сыромятникова, действительного члена АН СССР В. Н. Образцова, действительного члена АН СССР Г. П. Передерия.

В институте учились и работали 10 Героев Советского Союза. «За мужество и героизм, успешное выполнение боевых заданий многие фронтовики-миитовцы были награждены орденами и медалями, из которых 18 орденов Ленина, 1 орден Суворова, 5 орденов Кутузова, 4 ордена Александра Невского, 63 – Красного Знамени, 71 – Отечественной войны, 205 – Красной Звезды, 10 – Славы III степени, 730 медалей и 32 награды других государств», – писала в 1946 г. институтская газета «Сталинец». [8].

В годы войны МИИТ и МЭМИИТ стали центрами, которые оказывали железным дорогам страны помощь в научной разработке и решении технических проблем, обеспечивали ускоренную подготовку инженеров транспорта. За большие заслуги в деле подготовки кадров для железнодорожного транспорта Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 октября 1945 г. Московский электромеханический институт инженеров транспорта им. Ф. Э. Дзержинского (МЭМИИТ) был награжден орденом Трудового Красного Знамени. А в 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря за достигнутые успехи в подготовке кадров, развитии науки и техники и в связи с пятидесятилетием орденом Ленина был награжден Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) [37].

В год 50-летия со дня основания Московского института инженеров железнодорожного транспорта орденами и медалями за выдающиеся заслуги в деле подготовки инженеров для железнодорожного транспорта были награждены 46 преподавателей института. Среди них высшую награду – Орден Ленина – получили трое: заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор геолого-минералогических наук, профессор А. В. Павлов; начальник института, доцент;

Д. Ф. Парфенов; Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор И. П. Прокофьев [41].

В послевоенный период в институте активно велась научно-исследовательская работа, направленная на разрешение проблем пятилетнего плана восстановления и развития железнодорожного транспорта. Среди основных можно назвать работы: «Мероприятия по ускорению оборота вагонов и выполнению графика движения поездов на Московско-Курской железной дороге» (руководитель профессор В. А. Сокович); «Исследование конструкции новых охлаждающих приборов в вагонах-ледниках» (доцент С.Р. Дадыко) и другие [7]. С 1946 г. в МИИТе началась подготовка национальных кадров для зарубежных стран. К 1996 г. институт выпустил более двух с половиной тысяч иностранных выпускников из 62 стран мира. В 1949 г. Московский институт инженеров железнодорожного транспорта являлся одним из крупнейших технических учебных заведений в Советском Союзе. Учебный процесс осуществляли 35 кафедр, располагающие 47 лабораториями и кабинетами. [46].

В июле 1954 г. в соответствии с решением Совета Министров СССР и приказом МПС СССР от 10 июля 1954 г. МИИТ и Московский электромеханический институт инженеров транспорта (МЭМИИТ) были объединены в один вуз – Московский институт инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ). В институте было образовано 33 кафедры, которые объединили около 450 профессоров и преподавателей [50].

Коллектив МИИТа шел в авангарде и трудовых подвигов страны. В 1954 г. в связи с выходом постановления Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна и об освоении целинных земель» в Советском Союзе была начата крупномасштабная кампания по освоению целинных земель в Казахстане, на Урале, в Алтайском и Красноярском краях и на т.д. Первый добровольный целинный отряд МИИТа был отправлен в Казахстан на уборку урожая в 1956 г. В 1956 г. 560 миитовцев работали на 17 пункте Заготзерно на Алтае, из них 400 наиболее отличившихся студентов были награждены значками ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель» и Почетным грамотами крайкома комсомола, а ударная бригада МИИТа была удостоена Почетной грамоты Алтайского крайкома ВЛКСМ [44].

Трудовые подвиги студентов-миитовцев получили самые высокие оценки со стороны хозяйственных, советских и партийных органов. Свидетельством этого являются награды, почетные грамоты и благодарственные письма. В 1965 г. миитовцы получили 85 медалей «За освоение целинных земель», 76 значков ЦК ВЛКСМ «Молодому передовику производства», 522 грамоты Целиноградского крайкома и ЦК

ВЛКС [50]. В 1964 г. МИИТ был награжден медалью «За освоение целинных земель» [22].

В феврале 1956 г. был принят Генеральный план электрификации железных дорог, который предусматривал перевод железных дорог на новые виды тяги. Это поставило новые задачи и перед институтом. На страницах вузовской газеты «Сталинец» было опубликовано выступление ректора МИИТа Ф. П. Кочнева о новых ориентирах в учебной и научной работе института. В нем, в частности, подчеркивалось: «В учебной работе нам предстоит обратить особое внимание на улучшение – и в количественном, и в качественном отношении – подготовки специалистов по эксплуатации и проектированию железных дорог на тепловозной и электрической тяге, специалистов по ремонту и эксплуатации самих тепловозов и электровозов, а также специалистов в области электрификации железных дорог и энергоснабжения» [11].

Еще с 1 сентября 1955 г. в МИИТе было начато обучение по новым учебным планам, которые характеризовались усилением производственного обучения. В институте были созданы новые лаборатории: электротяговая, тепловозная, сборного железобетона и инженерных конструкций. В 1956 г. был проведен последний выпуск инженеров-механиков по паровозам. Студенты младших курсов этой специальности были переведены на тепловозную и электровозную специальности [20, с.62].

МИИТ начал готовить инженеров для работы на электрифицированных железных дорогах страны, которая велась по двум учебным планам: 1) электрический подвижной состав и 2) энергоснабжение. Ежегодный выпуск инженеров-электрификаторов достиг 250 человек.

Произошла и коренная перестройка научной работы в вузе. В план научно-исследовательских работ кафедр были включены актуальные темы: влияние на пропускную и провозную способность железных дорог тепловозной и электрической тяги, организация движения поездов при этих видах тяги, проектирование железных дорог под тепловозную тягу, выбор наиболее рациональных тяговых плеч при прогрессивных видах тяги, вопросы организации работы, ремонта и содержания тепловозов и электровозов, улучшения их конструкций, повышения срока службы деталей подвижного состава и другие [11].

Ученые МИИТа принимали непосредственное участие в научных разработках для коренной технической реконструкции железнодорожного транспорта. Еще в 1948 г. на кафедре «Электрическая тяга» был оборудован динамометрический вагон – создана передвижная исследовательская лаборатория, которая позволила провести ряд исследований по электрификации железных дорог [20, с.116]. Кафедра «Энергоснабжение железных дорог» проводила работу над созданием научных

основ проектирования электрических железных дорог. В 1956 г. доцент А. С. Гордеев создал на кафедре «Детали машин» научно-исследовательскую лабораторию «Гидропередачи» и вместе с коллегами провел ряд фундаментальных исследований, результатом которых явилось обоснование основных параметров гидромеханических передач тепловозов [35].

В 1958 г. в состав МИИТа был включен Московский транспортно-экономический институт (МТЭИ), ставший основой нового, инженерно-экономического факультета. МИИТ стал крупнейшим транспортным вузом в системе высшего технического образования на железнодорожном транспорте с почти 10-тысячным коллективом студентов и сотрудников.

Символом гордости и подвигом стало участие миитовцев в строительстве Байкало-Амурской магистрали. Рядом с профессиональными строителями таёжной трассы с 1972 г. трудилось 13 студенческих строительных отрядов МИИТа. Студенческий строительный отряд «Спецмост» факультета «Мосты и тоннели» строил мост через р. Амур в г. Комсомольск-на-Амуре. В посёлке Чернышевск трудились студенты самого многочисленного факультета МИИТа «Автоматика и вычислительная техника» ССО «Спецсигнал», в г. Белогорске работал отряд «Спецмеханик» механического факультета, на станции работал отряд инженерно-экономического факультета имени Сергея Лазо (отряд был назван в честь героя Гражданской войны Лазо Сергея Георгиевича) [38].

Бойцы студенческих строительных отрядов вели рихтовку пути, балластировку железнодорожного полотна и другие работы, связанные непосредственно с укладкой рельсов. К 1981 г. в студенческих строительных отрядах работало 2 700 студентов института, на строительстве БАМа трудилось 500 человек. На объектах Главмоспромстроя и Моспромстроя работало 1 200 миитовцев. В 1983 г. впервые на линии Москва – Тында был сформирован фирменный поезд, получивший название «Миитовец» [40].

В практику проектирования и строительства мостов на БАМе внедрялись научные разработки научного коллектива кафедры «Мосты» под руководством А. Петропаловского, Л. Иосифского в области создания надёжных в эксплуатации и рациональных в изготовлении мостовых конструкций. Существенную помощь в совершенствовании топографо-геодезических работ при строительстве тоннелей и измерении осадок железнодорожного пути в условиях БАМа оказали сотрудники кафедры «Геодезия», доценты Ю. Визиров, А. Садакова, С. Матвеев и другие. Коллектив кафедры «Вагоны и вагонное хозяйство» под руководством профессора Л. А. Шадура проводил работы по совершенствованию восьмиосных цистерн и полувагонов для работы в условиях БАМа [45].

По итогам Всесоюзного социалистического соревнования за повышение эффективности производства и качества работы, успешное выполнение народнохозяйственного плана МИИТ трижды (1976, 1977, 1978 г.г.) награждался переходящим Красным Знаменем. За достижение наивысших результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании и в связи с 50-летием образования СССР институт был награжден Юбилейным почетным знаком ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС [13].

В 1970-е гг. расширилась подготовка кадров для отраслей народного хозяйства, определявших научно-технический прогресс в стране. В МИИТе функционировало 9 факультетов дневного обучения и один вечерний факультет, подготовка инженеров осуществлялась на 59 кафедрах со штатом преподавателей в 1130 человек [21, с.25]. Научный коллектив института выполнял 100 научно-исследовательских тем по комплексным планам комитетов Совета Министров СССР, различных министерств и ведомств.

За годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.) институт «подготовил около 11500 инженеров и инженеров-экономистов, что составляло 1/3 таких специалистов, выпускаемых всеми институтами железнодорожного транспорта в стране» [6]. В этот период при институте работал единственный в стране факультет повышения квалификации преподавателей транспортных вузов и техникумов.

В начале 1980-х гг. в институте совершенствовалась технологическая подготовка инженеров транспорта с учетом новых технологий перевозок и использования ЭВМ. Важную роль в подготовке специалистов играла Комплексная целевая программа научно-технического сотрудничества института с Московской железной дорогой [21, с.137]. В середине 1980-х гг. МИИТ являлся крупнейшим политехническим вузом в стране. Газета «Инженер транспорта» писала, что на 11 факультетах, осуществлявших подготовку по 22 специальностям в 1986 г. обучалось 15 тысяч студентов. Институт имел большую учебно-производственную базу. В его учебных корпусах располагались 120 учебных кабинетов и лабораторий и 63 кафедры [13].

В июне 1993 г. Московский институт инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ) был переименован в Московский государственный университет путей сообщения Министерства путей сообщения Российской Федерации. На 11 факультетах и в двух институтах университета обучалось около 10 тысяч человек. В структуре университета было свыше 60 кафедр. МИИТ стал базовым вузом учебно-методического объединения по образованию в области железнодорожного транспорта.

Распоряжением Министерства транспорта Российской Федерации № МС-112-р от 27 июня

2017 г. Московский государственный университет путей сообщения имени Николая II был преобразован в Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)). В 2018 г. Координационный совет по транспортному образованию при Минтрансе России поручил РУТ (МИИТ) координировать работу транспортных вузов по совершенствованию транспортного образования. Согласно Указу Президента РФ от 13 апреля 2018 г. РУТ вошел в число вузов, имеющих право самостоятельно разрабатывать и утверждать стандарты высшего образования.

Российский университет транспорта (МИИТ) является крупнейшим научным центром, в котором проводятся фундаментальные исследования в сфере транспорта. В университете действуют 24 научные школы, имеющие общероссийское и международное признание, основоположниками которых были крупные ученые МИИТа: В. Н. Образцов, Г. П. Передерий, Г. К. Евграфов, С. П. Сыромятников и многие другие. В вузе работает 11 диссертационных советов (по 17 научным специальностям) [5]. В составе университета свыше 90 кафедр, среди них и старейшие: «Мосты», «Строительные конструкции, здания и сооружения», «Строительная механика», «Путь и путевое хозяйство», «Гидравлика и водоснабжение» и другие.

РУТ (МИИТ) выступает центром компетенций в области транспортных технологий, транс-

портного строительства, интеллектуальных систем управления, создания информационно-технологических систем, систем управления движением, планирования и развития городских транспортных систем [31]. Важнейшим современным транспортным проектом, в котором университет принимает участие, является строительство высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва – Санкт-Петербург. Передовая инженерная школа «Академия ВСМ» РУТ (МИИТ) проводит исследования по созданию цифрового двойника инфраструктуры ВСМ, измерительного комплекса, цифровых технологий связи и системы сервисного обслуживания пассажиров на ВСМ [27].

За 130 лет своей истории Российский университет транспорта (МИИТ) прошел большой путь становления и развития от Императорского Московского инженерного училища до национального транспортного университета страны. Сегодня Российский университет транспорта (МИИТ) – головной вуз в сфере отраслевого транспортного образования, его высокий кадровый и научный потенциал представляют университет генератором прогрессивных идей и направлений в ряде отраслей транспортной науки, техники и производства. Он, как и прежде, играет важную роль в развитии страны, отвечая запросам и вызовам времени.

Литература

1. Боевые задачи МИИТ в наступающем учебном году. Доклад директора института тов. Лизарева // Дзержинец. 1930. № 16. 19 сентября.
2. Бюллетень № 1. Правления Московского института инженеров транспорта МИИТ. 25 ноября 1924 г. // Студент-транспортник. 1924. № 5. 5 декабря.
3. Всегда в движении. М.: Пан пресс, 2021. 554 с.
4. Время, события, люди. //Инженер транспорта. 1958 г. № 31. 29 октября.
5. Диссертационные советы. Сайт Российского университета транспорта. URL: <https://www.mii.ru/aspirantura/dissosvet> (дата обращения 01.02.2026)
6. Доклад ректора Ф.П. Кочнева на торжественном заседании, посвященном 80 летию МИИТа. Фонд рукописей. Библиотека РУТ (МИИТ).
7. Евграфов Г. Научно-исследовательская работа МИИТа за 50 лет // Сталинец. 1946. Юбилейный выпуск. 28 декабря.
8. Ерохин В. Героическое прошлое. // Инженер транспорта. 1975. № 15. 6 мая.
9. Задача, стоящая перед кафедрой метростроения // Сталинец № 21 1934 г. 31 мая.
10. Из приветствий // Сталинец. 1946. Юбилейный выпуск. 28 декабря.
11. Кочнев Ф. Величественная программа работ // Сталинец. 1956. № 8. 2 марта.
12. Красов И. У истоков БАМа // Инженер транспорта. 1976. № 26. 21 октября.
13. Крупнейший транспортный вуз страны // Инженер транспорта. № 7. 1976 г. 18 марта.
14. Крупнейший транспортный вуз. // Инженер транспорта. 1996. № 16-17. 7 июня.
15. Костицкий Н. Годы первых пятилеток // Инженер транспорта. 1980. № 18. 21 ноября.
16. МИИТ на рубеже веков / под общ. ред. Б. И. Левина. – М.: МИИТ, 2002. 641 с.
17. Московскому институту инженеров транспорта 50 лет. // Сталинец. 1946. Юбилейный выпуск. 28 декабря.
18. Московский институт инженеров транспорта. Реконструкция учебных планов. М.: Транспечать НКПС, 1930. 70 с.
19. Крупнейший транспортный вуз // Инженер транспорта. 1986. № 17. 20 июня.
20. Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени институт инженеров железнодорожного транспорта имени И. В. Сталина за 40 лет Советской власти: Сборник статей / под ред. Д. Л. Юдина. М.: МИИТ, 1957. 36 с.
21. Московский институт инженеров железнодорожного транспорта / под ред. И. В. Белова. М.: Транспорт, 1985. 144 с.
22. Наша юбилейная анкета // Инженер транспорта. 1967. № 32. 3 ноября.
23. Образцов В. Н. Доходность железной дороги и ее графическое изображение в зависимости от тарифных ставок // Известия Императорского Московского инженерного училища. Ч.2: Научные труды. 1907. Вып. I. С.103–118.
24. Отчетный доклад Государственному ученому совету об учебно-методической работе МИИТа: Составлен на 1-е декабря 1926 г. / Моск. ин-т инж-ров транспорта. М.: тип. «Чистая печать», 1927. 62 с.

25. О перестройке транспортных вузов. Из приказа народного комиссара путей сообщения № 432/11 от 25 октября 1933 г. // Сталинец. 1933. № 12. 13 ноября.
26. Первый год МИИТа. // Дзержинец 1924. № 1. 5 октября.
27. Передовая инженерная школа «Академия ВСМ». Сайт Российского университета транспорта. URL: <https://www.miit.ru/depts/28421>. (дата обращения 01.02.2026 г.)
28. Пикуль В. У истоков отечественного метро. // Инженер транспорта. 1994. № 1. 28 января.
29. По Наркомпросу. // Еженедельник народного комиссариата просвещения. № 26. 4 декабря 1924 г. С. 2.
30. Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 10–17 ноября 1929 г. Резолюции пленума. О кадрах народного хозяйства / Печатается по тексту газеты «Правда», 1929, 18 ноября, № 268. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru> (дата обращения: 05.02.2026).
31. Программа развития передовой инженерной школы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет транспорта» на 2023–2030 годы. Сайт Российского университета транспорта. URL: https://rutmiit.ru/content/Программа_Развития%20ПИШ_.pdf?id_wm=985458. (Дата обращения 01.02.2026)
32. Речь, сказанная товарищем министра путей сообщения Н.П. при открытии ИМИУ, Спб.: б.и., 1896. 7 с.
33. Руководителем кафедры метростроения назначен профессор В. Л. Николаи // Сталинец № 20. 1934 г. 25 мая.
34. Селецкий. С. К вопросу о постановке общественных наук в МИИТе. Труды Московского института инженеров транспорта. М. Трансжелдориздат, 1926. С. 185-189.
35. Семидесятилетний путь кафедры «Детали машин. // Инженер транспорта. 1995. № 8. 24 марта.
36. Славный юбилей. // Инженер транспорта. 1995. № 22. 6 октября.
37. Страницы истории // Инженер транспорта. 1967. № 39. 22 декабря.
38. Струнин А. БАМ – адрес мужественных. // Инженер транспорта. 1974. № 25. 30 августа.
39. Тавитов К.Г. БАМ: Комсомольцы-первопроходцы. Орджоникидзе ИР, 1985. 57 с.
40. Тебе, Родина, наш ударный труд! // Инженер транспорта. 1986. №4. 24 сентября
41. Указ Президиума Верховного Совета СССР. // Гудок. 1946 г. №157. 29 декабря.
42. Ул. Образцова, 15. За институт нового, советского типа // Инженер транспорта. 1966. №24. 9 сентября.
43. Университетские СМИ. Сайт Российского университета транспорта. URL: <https://www.miit.ru/org/journals/transport-engineer> (дата обращения 01.02.2026)
44. Участникам уборки урожая на Алтая // Инженер транспорта. 1956. № 31. 5 октября.
45. Учёные МИИТа – БАМу // Инженер транспорта. 1979. № 42. 21 декабря
46. Факты и цифры // Сталинец. 1949. № 26. 7 ноября.
47. Федякин А.В., Медведев С.В., Танцевова А.В. В авангарде транспортного образования и отраслевой науки России: к 125-летию Российского университета транспорта // Мир транспорта. 2021. Т. 19. №3. С. 104-113.
48. Халатов А. Освоить новую технику, улучшить качество работы // В бой за технику. 1933. № 2. С. 1-2.
49. Хроника // Сталинец. 1954. № 25. 1 сентября.
50. Цифры и факты. // Инженер транспорта. 1966. № 35. 25 ноября.
51. Центральный государственный архив Москвы. Ф. Р-406. Оп. 1. Д. 7.
52. Юбилейный. // Сталинец. 1962. № 37. 21 декабря.

References

1. MIIT's Combat Missions in the Coming Academic Year. Report by the Director of the Institute, Comrade Lizarev Dzerzhinec. 1930; 16; September 19. (In Russ.).
2. Bulletin No. 1. of the Board of the Moscow Institute of Transport Engineers MIIT. November 25, 1924. *Student-transportnik*. 1924; 5; December 5. (In Russ.).
3. Always on the Move. Moscow, 2021. 554 p. (In Russ.).
4. Time, Events, People. *Inzhener transporta*. 1958; 31; October 29. (In Russ.).
5. Dissertation Councils. Website of the Russian University of Transport. URL: <https://www.miit.ru/aspirantura/dissovet>. (accessed: 01.02.2026). (In Russ.).
6. Report of Rector F.P. Kochneva at the ceremonial meeting dedicated to the 80th anniversary of MIIT. Manuscript collection. MIIT library. (In Russ.).
7. Evgrafov G. MIIT Research Work for 50 Years. *Stalinets*; 1946; Anniversary Issue. December 28. (In Russ.).
8. Erokhin V. Heroic Past. *Inzhener transporta*. 1975;15; May 6. (In Russ.).
9. The Task Facing the Metro Construction Department. *Stalinets*. 1934; 21; May 31. (In Russ.).
10. From the greetings. *Stalinets*. 1946; Anniversary Issue; December 28. (In Russ.).
11. Kochnev FA. Majestic Work Program. *Stalinets*. 1956; 8; March 2. (In Russ.).
12. Krasov I. At the Origins of the Baikal-Amur Mainline. *Inzhener transporta*. 1976; 26; October 21. (In Russ.).
13. The Largest Transport University in the Country. *Inzhener transporta*. 1976; 7; March 18. (In Russ.).
14. The Largest Transport University. *Inzhener transporta*. 1996; June 7. (In Russ.).
15. Kostitsky N. The Years of the First Five-Year Plans. *Inzhener transporta*. 1980; 18; November 21. (In Russ.).
16. MIIT at the Turn of the Century / under the general editorship of B. I. Levin. – Moscow: MIIT, 2002. 641 p. (In Russ.).
17. Moscow Institute of Transport Engineers is 50 years old. *Stalinets*. 1946. Anniversary issue. December 28. (In Russ.).
18. Moscow Institute of Transport Engineers. Reconstruction of the Curriculum. Moscow: Transpechat NKPS, 1930. 70 p. (In Russ.).
19. The Largest Transport University. *Inzhener transporta*. 1986; 17; June 20. (In Russ.).
20. Moscow Order of Lenin and Order of the Red Banner of Labor Institute of Railway Engineers named after I. V. Stalin for 40 Years of Soviet Power: A Collection of Articles / ed. DL. Yudin. Moscow, 1957. 136 p. (In Russ.).
21. Moscow Institute of Railway Engineers / ed. IV. Belov. Moscow: Transport, 1985. 144 p. (In Russ.).
22. Our Anniversary Questionnaire. *Inzhener transporta*. 1967; 32; November 3. (In Russ.).

23. Obraztsov VN. Railway Profitability and Its Graphic Representation Depending on Tariff Rates in Bulletin of the Imperial Moscow Engineering School. Part 2: Scientific Works. 1907. Issue I. p. 103-118. (In Russ.).
24. Report to the State Academic Council on the Educational and Methodological Work of MIIT: Compiled as of December 1, 1926 / Moscow Institute of Transport Engineers. Moscow: Chistaya Pechat, 1927. 62 p. (In Russ.).
25. On the Restructuring of Transport Technical Colleges. From the Order of the People's Commissar of Railways No. 432/11 of October 25, 1933. *Stalinets*. 1933. No. 12. November 13. (In Russ.).
26. The First Year of MIIT. *Dzerzhinec*. 1924; 1; October 5. (In Russ.).
27. Advanced Engineering School High Speed Rail Academy. Website of the Russian University of Transport. URL: <https://www.mii.ru/depts/28421>. (accessed: 1.02.2026). (In Russ.).
28. Pikul V. At the Origins of the Domestic Metro. *Inzhener transporta*. 1994; 1; January 28. (In Russ.).
29. About the People's Commissariat of Education in Weekly Newspaper of the People's Commissariat of Education. 1924. No. 16. December 4. p. 2. (In Russ.).
30. Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Moscow. November 10–17, 1929. Resolutions of the Plenum. On the Personnel of the National Economy / published based on the text of the Pravda newspaper, 1929, November 18, No. 268. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru> (accessed: 05.02.2026). (In Russ.).
31. Program for the Development of the Advanced Engineering School of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Russian University of Transport for 2023-2030. Website of the Russian University of Transport. URL: https://rutmiit.ru/content/Програм_развития%20ПИШ_.pdf?id_wm=985458. (accessed: 01.02.2026). (In Russ.).
32. Speech given by Deputy Minister of Railways N.P. at the opening of IMIU. St. Petersburg, 1896. 7 p. (In Russ.).
33. Professor V. L. Nikolai appointed head of the Metro Construction Department. *Stalinets*. 1934; 20; May 25. (In Russ.).
34. Seletsky S. On the Organization of Social Sciences at MIIT. Transactions of the Moscow Institute of Transport Engineers. Moscow, 1926. p. 185-189. (In Russ.).
35. The Seventieth Anniversary of the Machine Parts Department. *Inzhener transporta*. 1995; 8; March 24. (In Russ.).
36. A Glorious Anniversary. *Inzhener transporta*. 1995; 22; October 6. (In Russ.).
37. Pages of History. *Inzhener transporta*. 1967; 39; December 22. (In Russ.).
38. Strunin A. BAM – an Address of the Courageous. *Inzhener transporta*. 1974; 25; August 30. (In Russ.).
39. Tavitov KG. BAM: Komsomol Pioneers. Ordzhonikidze, 1985. 57 p. (In Russ.).
40. To You, Motherland, Our Shock Labor! *Inzhener transporta*. 1986; 4; September 24. (In Russ.).
41. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. *Gudok*. 1946; December 29; 157. (In Russ.).
42. Obraztsova Street, 15. For an Institute of the New, Soviet Type. *Inzhener transporta*. 1966; 24; September 9. (In Russ.).
43. University Media. Website of the Russian University of Transport URL: <https://www.mii.ru/org/journals/transport-engineer> (accessed: 01.02.2026). (In Russ.).
44. To Participants in the Harvest in Altai. *Inzhener transporta*. 1956; 31; October 5. (In Russ.).
45. MIIT Scientists – BAM. *Inzhener transporta*. 1979; 45; December 21. (In Russ.).
46. Facts and Figures. *Stalinets*. 1949; 26; November 7. (In Russ.).
47. Fedyakin AV, Medvedev SV, Tantsevova AV At the Vanguard of Transport Education and Industry Science in Russia: On the 125th Anniversary of the Russian University of Transport. *Mir transporta*. 2021; 19; 3:104-113. (In Russ.).
48. Khalatov A. Master New Technology, Improve Work Quality. *V boj za tehniku*. 1933; 2:1-2. (In Russ.).
49. Chronicle. *Stalinets*. 1954; 25; September 1. (In Russ.).
50. Figures and Facts. *Inzhener transporta*. 1966; 35; November 25. (In Russ.).
51. Central State Archives of Moscow. F. R-406. Inv. 1. D. 7. L. 42–43. (In Russ.).
52. Jubilee. *Stalinets*. 1962; 37; December 21. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (620)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.15>

БРИТАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ ЕГИПТА 1882 Г.: ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ АКЦИЯ ИЛИ РЕЗУЛЬТАТ ЧЕРЕДЫ СЛУЧАЙНЫХ СОБЫТИЙ?

Руслан Геннадиевич Харьковский

Луганский государственный университет им. В. Даля (д. 20а, квартал Молодежный, 291034, Луганск, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент
www.ruslan@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-4093-8798>

Аннотация. Введение. Эпоха колониализма, пик которого пришелся на XIX в., начала угасать лишь около столетия назад, а многие государства, ранее находившиеся под властью метрополий, получили независимость только после Второй мировой войны. В связи с этим, феномен колониализма продолжает вызывать у исследователей неподдельный интерес, ведь далеко не все проявления и последствия колониальной политики изучены полностью. Данная работа посвящена вопросу британской оккупации Египта 1882 г. и её мотивам. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе точек зрения современных отечественных историков по отношению к характеру британской оккупации Египта 1882 г., среди которых особое внимание уделено позициям Е. В. Морозова, А. А. Айвазяна и М. С. Бурьяна. Отмечено, что мнения данных историков относительно британского подхода к идее оккупации Египта разнятся. Приведены аргументы, на которых основаны точки зрения данных авторов. При формировании авторской позиции по рассматриваемому вопросу были использованы тексты британских историков, а также некоторые документы, позволяющие проследить настроения, господствовавшие в правительстве Великобритании в данный период. **Анализ.** В работе дана краткая характеристика турецко-египетских войн 1831 – 1833 гг. и 1839 – 1841 гг. в разрезе начала англо-французского противостояния в Египте. Обоснованы причины повышенного интереса к Египту со стороны великих держав в XIX в. Рассмотрено внутреннее и внешнее положение Египта в 1870-х – начале 1880-х

гг. Охарактеризовано восстание Ораби-паши как один из катализаторов британской оккупации региона в 1882 г. Проанализированы высказывания британских государственных деятелей в отношении оккупации Египта, а также рассмотрены действия британской администрации в регионе после ввода на территорию Египта английских войск. **Результаты.** По итогам проведенного исследования, сделан вывод о том, что британская оккупация Египта 1882 г. стала закономерным итогом целенаправленного стремления Лондона усилить своё присутствие в Египте во второй половине XIX в., что подтверждается как высказываниями британских государственных деятелей данного периода, так и тем фактом, что британские войска окончательно покинули Египет и Суэцкий канал лишь в 1956 г.

Ключевые слова: Египет, Северо-Восточная Африка, колониализм, Великобритания, англо-французское противостояние, Суэцкий канал, Касса египетского долга

Для цитирования: Харьковский Р. Г. Британская оккупация Египта 1882 г.: целенаправленная акция или результат череды случайных событий? // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 122–128. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.15>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025

Статья одобрена после рецензирования: 13.02.2026

Статья принята к публикации: 19.02.2026.

Research article

THE BRITISH OCCUPATION OF EGYPT IN 1882: A DELIBERATE ACTION OR THE RESULT OF A SERIES OF RANDOM EVENTS?

Ruslan G. Kharkovskiy

Vladimir Dahl Luhansk State University (20a, Molodezhny dis., 291034, Lugansk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate professor
www.ruslan@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-4093-8798>

Abstract. Introduction. The era of colonialism, which peaked in the 19th century, began to fade only about a century ago, and many states that had previously been under the rule of the metropolises gained independence only after the Second World War. In this regard, the phenomenon of colonialism continues to arouse genuine interest among researchers, because not all the manifestations and consequences of colonial policy have been fully studied. This work is devoted to the issue of the British occupation of Egypt in 1882 and its motives. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of the points of view of modern Russian historians in relation to the nature of the British occupation of Egypt in 1882, among which special attention is paid to the positions of E.V. Morozov, A.A. Ayvazyan and M.S. Buryan. It is noted that the opinions of these historians regarding the British approach to the idea of the occupation of Egypt vary. The study provides the arguments on which the points of view of these authors are based. When forming the author's position on the issue under consideration, the texts of British historians were used, as well as some documents that make it

possible to trace the sentiments prevailing in the British government during this period. **Analysis.** The paper provides a brief description of the Turkish-Egyptian wars of 1831-1833 and 1839-1841 in the context of the beginning of the Anglo-French confrontation in Egypt. The reasons for the increased interest in Egypt on the part of the great powers in the 19th century are substantiated. The internal and external situation of Egypt in the 1870s and early 1880s is considered. The uprising of Orabi Pasha is characterized as one of the catalysts of the British occupation of the region in 1882. The statements of British statesmen regarding the occupation of Egypt are analyzed, as well as the actions of the British administration in the region after the British troops entered Egypt. **Results.** Based on the results of the study, it was concluded that the British occupation of Egypt in 1882 became a natural result of London's purposeful desire to strengthen its presence in Egypt in the second half of the 19th century, which is confirmed both by the statements of British statesmen of this period and by the fact that British troops finally left Egypt and the Suez Canal only in 1956.

© Харьковский Р. Г., 2026

Keywords: Egypt, North-East Africa, colonialism, Great Britain, Anglo-French confrontation, Suez Canal, Egyptian Debt Office

For citation: Kharkovskiy RG. The British occupation of Egypt in 1882: a deliberate action or the result of a series of random events? Humanities and law research. 2026;13(1):122-128. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.15>

Введение. В современном мире колониализм считается пережитком прошлого, однако, не стоит забывать, что эпоха господства метрополий закончилась лишь около века назад. Фактически, пик колониализма пришелся на XIX в. и стал угасать лишь после Первой мировой войны, в связи с чем данное явление всё ещё находит отражение в развитии некоторых относительно недавно обретших независимость современных государств.

Британская империя по праву считается наиболее могущественной метрополией XIX – XX вв. В этот период территория Великобритании вместе с её колониальными владениями занимала практически четвертую часть земной суши. В то же время, когда на сегодняшний день говорят о британском колониализме, чаще всего упоминают Индию, тем самым непреднамеренно отводя колониальное противостояние в Африке на задний план. На наш взгляд, такое положение вещей связано с тем фактом, что Индия получила независимость лишь после окончания Второй мировой войны, в то время как апогей колониализма в Африке пришелся на вторую половину XIX в., в связи с чем отечественные и зарубежные ученые уже неоднократно обращались к истории колониального противостояния на африканском континенте.

Тем не менее, необходимо отметить, что колониализм – понятие крайне обширное и далеко не все его аспекты остались в должной степени исследованы. В данной работе будет рассмотрена британская оккупация Египта 1882 г. с точки зрения намерений высшего руководства Великобритании в отношении данного региона во второй половине XIX в.

Материалы и методы. Отдельные аспекты британской политики в Северо-Восточной Африке ранее были исследованы в работах ряда советских и российских, а также зарубежных историков: М. С. Бурьяна, М. П. Айзенштата, Б. М. Данцига, Н. В. Дроновой, Е. И. Зеленева, Н. А. Ерофеева, Н. С. Киняпиной, Г. Аното, Х. Бонина, А. Вандаля, Б. Агриваля, Ж. Видалена, А. Дебидура, К. Борна, Р. Буллена, Ч. Вебстера и др. Более детально вопрос британской оккупации Египта в отечественной историографии последних лет поднимался в научных статьях А. Х. Хизриева, а также диссертационных исследованиях А. А. Айвазян и Е. В. Морозова. При этом, несмотря на столь широкий интерес к заданной проблематике, до сих пор дискуссионным остается вопрос о том, насколько оккупация Египта британскими войсками была запланирована и могла ли Великобритания

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 22.12.2025

The article was approved after reviewing: 13.02.2026

The article was accepted for publication: 19.02.2026.

оставить данный регион после подавления в нём волнений.

По нашему мнению, исследование указанного вопроса представляется весьма актуальным для понимания самой концепции британской политики. Ведь Великобритания совсем недавно рассталась со своими последними колониальными владениями, большинство из которых впоследствии стали членами Британского Содружества, главенствующую роль в котором, несмотря на то что формально Содружество является объединением суверенных государств, всё так же занимает Лондон. В связи с этим, необходимо отметить, что ряд держав, ранее находившихся под непосредственным управлением метрополий, на сегодняшний день переживают этап «постколониализма», характеризующийся значительным остаточным влиянием бывших колониальных империй на свои прежние владения. Следовательно, всестороннее изучение колониальной политики бывших метрополий позволит лучше понять текущее положение стран, подвластных им в прошлом. Кроме того, на примере рассмотрения британской колониальной политики в отношении Египта в период оккупации можно выделить основные принципы внешней политики Великобритании, которые, в отличие от её форм, практически не претерпели изменений.

Анализ. Переходя непосредственно к исследованию, необходимо охарактеризовать ситуацию, предшествовавшую британской оккупации Египта. Долгое время данный регион находился под властью Османской империи, и даже в период ослабления Порты и увеличения интереса к Северо-Восточной Африке со стороны Великобритании и Франции, активно лоббировавших в Египте свои экономические интересы, формально данная территория всё ещё оставалась под турецким владычеством, что ограничивало возможности активного вмешательства зарубежных государств в дела Каира.

Тем не менее, уже с 30-х гг. XIX в. наблюдается значительное усиление как самого Египта, так и европейского влияния в регионе. В 1831 г. египетский паша Мухаммед Али, политика которого во Франции встречала искреннее сочувствие, обрел достаточно сил и власти, чтобы претендовать на освобождение Египта из-под владычества Османской империи. Объявив об отказе подчиниться турецкому султану, египетский правитель направил войска в Южную Сирию, где последние, в свою очередь, одержали ряд побед и вызвали беспокойство не только в

Порте, но и в других государствах. Таким образом, турецко-египетский кризис 1831 г. из локальной проблемы, а именно так в европейских государствах и воспринимались попытки Мухаммеда Али добиться независимости Египта, достаточно быстро стал вопросом международного масштаба.

Успех сопутствовал египтянам и в 1832 г. над столицей Османской империи нависла реальная угроза, в связи с чем турецкий султан Махмуд II был вынужден в экстренном порядке обратиться за помощью к европейским странам. Однако, как было сказано ранее, политика Мухаммеда Али находила отклик у французской буржуазии, уже имевшей определенное влияние в регионе и рассчитывавшей расширить его за счет ликвидации османского контроля над Египтом. По этой причине Франция не оказала Порте реальной поддержки и более того, подталкивала последнюю на принятие условий египетского паши. Британское правительство также не торопилось с принятием каких-либо решительных мер ввиду того, что не было окончательно уверено, какую из сторон выгоднее будет занять в текущем положении.

В конечном счете выйти из кризиса Османской империи помогла Россия, которой было крайне невыгодно существенное ослабление Порты и изменение баланса сил в пользу Великобритании и Франции. Николай I направил в Александрию и Константинополь дипломатическую миссию во главе с генералом Н. Н. Муравьевым-Карским, которая была призвана пресечь попытки Мухаммеда Али продвинуться к Стамбулу. Дипломатическая миссия, подкрепленная русской армией и флотом, привела к урегулированию конфликта, а также подписанию в 1833 г. двух соглашений: Кютахийского – временно урегулировавшего турецко-египетские разногласия, и Ункяр-Искелесийского договора, который де факто являлся русско-турецким оборонительным союзом и усиливал позиции России на Ближнем Востоке.

Следует отметить, что турецко-египетская война 1831 – 1833 гг. стала лишь одним из первых событий, значительно увеличивших интерес к Египту со стороны других государств. Заключенное в 1833 г. Кютахийское соглашение в полной мере не удовлетворяло интересам ни одной из сторон, в связи с чем в 1839 г. между Египтом и Османской империей разразился новый конфликт, который, как и предыдущий, не обошелся без участия европейских держав. Окончательное решение турецко-египетского противостояния было вынесено на рассмотрение пяти стран: Франции, Великобритании, России, Австрии и Пруссии, – которые должны были урегулировать турецко-египетские разногласия на Лондонской конференции 1840 г.

В 1840 г. между Османской империей с одной стороны и Великобританией, Россией,

Австрией и Пруссией с другой, была подписана Лондонская конвенция об оказании Стамбулу помощи в подавлении очередного бунта мятежного вассала. Необходимо подчеркнуть, что в ходе конференции Франция активно поддерживала Египет и стремилась обеспечить Мухаммеду Али удовлетворение его основных требований. Тем не менее, другие государства не разделяли французской позиции, поэтому Лондонская конвенция 1840 г. была подписана без участия Парижа.

Фактически, англо-французское противостояние в Египте, затянувшееся на долгие годы, во многом было предопределенно именно на Лондонской конференции 1840 г., т.к. в этот период интересы Франции и Великобритании по отношению к Египту и Османской империи стали постепенно расходиться.

Несколько десятилетий спустя, с завершением в 1869 г. строительства Суэцкого канала, Египет привлек значительное внимание со стороны всего международного сообщества. С появлением нового морского пути в Индию, данный регион приобрел стратегическое значение, а для британского правительства стал объектом активной внешней политики, т.к. в Лондоне не могли позволить кому-либо другому установить контроль над кратчайшим путем к Жемчужине британской короны.

В 1876 г. из-за огромного государственного долга, Египет был передан под международный финансовый контроль, осуществлявшийся Кассой египетского долга. Касса представляла собой организацию кредиторов, главные роли в которой играли представители Франции и Великобритании. Как отмечает Е. В. Морозов, «у хедива появилось два финансовых советника: англичанин контролировал доходы, а француз – расходы египетской казны» [6, с. 31]. Сложившееся положение устраивало как Лондон, так и Париж. Их представители имели значительное влияние на египетского правителя и даже убедили его создать в 1878 г. новое министерство под руководством Нубар-паши (1825–1899) – политика крайне лояльного по отношению к европейцам. Нубару, в силу своего армянского происхождения, в своей деятельности было легче опираться на европейцев-христиан, чем на преимущественно мусульманское население Османской империи. Более того, у египетского премьер-министра имелись тесные связи с британским представителем, что предопределило как состав министерства, так и египетскую политику, выгодную зарубежным кредиторам, но только не населению самого Египта.

Европейское засилье с каждым днем вызывало у местных жителей всё большее недовольство. Кабинет Нубара пал уже на следующий год после своего образования. В том же 1879 г. правитель Египта Исмаил-паша (1863–1879) под давлением националистически

настроенного офицерства, отрекся от престола в пользу своего сына Тевфика (1879–1892), унаследовавшего страну в крайне бедственном положении. С приходом нового правителя, положение Египта ничуть не улучшилось, страна продолжала прозябать в неуклонно растущих долгах, а европейские представители Кассы египетского долга всё так же оказывали значительное влияние на политику Каира.

В сентябре 1881 г. накаленные настроения египетских офицеров переросли в вооруженное восстание под предводительством Ораби-паши (1841–1911), опиравшееся, как отмечают исследователи, на поддержку широких слоев египетского населения, выступавшего против иностранного участия в государственном управлении [13, р. 14]. Хедив был вынужден пойти на уступки бунтовщикам, поэтому наиболее важные посты в правительстве были отданы сторонникам Ораби, в то время как сам Тевфик лишился реальной власти. В сложившихся условиях, европейский контроль над государством к 1882 г. был практически полностью упразднен.

Разразившийся кризис вызвал сильное беспокойство у всех зарубежных кредиторов, однако, наиболее острую реакцию данные события встретили во Франции и Великобритании – государствах, которые до восстания Ораби, занимая ведущие роли в Кассе египетского долга, могли оказывать прямое влияние на политику Каира. Игнорировать восставших они не могли, но и предпринимать какие-либо активные действия ни одна из сторон пока не решалась.

Впоследствии, Великобритания, не обращая внимания на мнение французского правительства, в одностороннем порядке вмешалась в сложившуюся ситуацию, подавив мятежников в 1882 г. и разместив в Египте оккупационные войска, находившиеся на территории государства вплоть до 1956 г. В связи с этим, возникает вопрос: являлась ли британская оккупация Египта 1882 г. целенаправленной акцией или же она стала результатом череды случайных событий?

В отечественной историографии последних лет можно найти прямо противоположные ответы на поставленный вопрос. По мнению А. А. Айвазян, «английская операция все же была неожиданной и незапланированной» [1, с. 73], в то время как Е. В. Морозов, характеризуя политику Великобритании в период восстания, отмечает следующее: «Французское правительство Л. Гамбетты предложило Англии осуществить совместное военное выступление против Египта, однако британцы уже готовили подобную акцию и не намеревались пускать в эту страну еще и французские войска» [6, с. 33]. Таким образом, если А. А. Айвазян говорит о том, что британцы не собирались предпринимать активных действий в отношении Египта, то Е. В. Морозов придерживается точки зрения, согласно которой британское вторжение в Еги-

пет планировалось с момента начала восстания Ораби, если не раньше.

Несколько иное мнение можно встретить в монографии М. С. Бурьяна «Египет во внешней и колониальной политике Великобритании 20-х гг. XX века», где автор отмечает, что «изменение статуса Египта было лишь вопросом времени. Когда и в какой форме это произойдет, было неясно. Однако то, что перемены не заставят себя долго ждать, не вызывало сомнений» [2, с. 38]. При этом М. С. Бурьян отмечает, что аннексия Египта являлась для Великобритании нежелательным исходом. Тем не менее, в Лондоне были готовы пойти на это в случае, если сохранить англо-французский двойственный контроль над данным регионом не будет более представляться возможным.

Для того чтобы разобраться, какое из представленных мнений следует считать более соответствующим действительности, обратимся к периоду непосредственно перед вторжением Великобритании в Египет и первым годам после размещения английских войск на территории последнего.

Так, в защиту точки зрения А. А. Айвазян, необходимо отметить, что в британской прессе в начале 1882 г. Париж и Лондон выступали как державы, совместно «защищающие Египет» [15]. Более того, в английской газете Times отмечались заслуги главы французского правительства Л. Гамбетты, внесшего значительный вклад в обсуждение вопроса совместного англо-французского выступления для подавления египетского восстания [15]. Следовательно, в общественном мнении Великобритании не было каких-либо устойчивых тенденций, склоняющих Англию к проведению односторонней интервенции в Египет.

Также следует обратить внимание на различного рода корреспонденцию высокопоставленных британских чиновников. Глава Форин Офис Великобритании лорд Гренвилль в своём письме английскому послу в Париже Лиону отмечал, что британское правительство возражает против оккупации Египта, т.к. это вызовет негативную реакцию Османской империи и европейских держав [11]. Практически то же самое утверждает и французский историк Э. Лемонон, говоря, что правительство У. Гладстона опасалось предпринимать какие-либо решительные шаги в отношении Египта ввиду того, что это с большой долей вероятности приведет к протесту стороны Франции [4, с. 16].

Британский историк и современник рассматриваемых событий А. Милнер, характеризуя отношение Лондона к Египту в данный период пишет следующее: «Никто из тех, кто помнит характер британского правительства того времени или глубокое отвращение к иностранным предприятиям, которое питало большинство его сторонников, ни на минуту не усомнится в том, что министер-

ство мистера Гладстона искренне стремилось избежать любого нового вмешательства в дела Египта, тем более такого грандиозного шага, как военная оккупация» [12, р. 15].

С одной стороны, исходя из вышесказанного, можно сделать допущение, что правительство У. Гладстона действительно не намеревалось оккупировать Египет. С другой стороны, нельзя пренебрегать возможностью, что позиция Лондона была ближе к описываемой М. С. Бурьяном, когда аннексия Египта и правда была нежелательным исходом, однако допускалась в случае невозможности остановить кардинальные перемены в политическом положении региона [2, с. 38].

В подтверждение последней точки зрения, можно привести слова лорда Солсбери по отношению к периоду становления англо-французского двойственного финансового контроля: «Можно было либо отступить, либо монополизировать, либо войти в долю. Отступить – значило бы позволить французам расположиться на нашем пути в Индию. Монополизировать – значить пойти на риск войны. Поэтому мы решили войти в долю» [10, р. 331-332]. Следовательно, в британском правительстве уже в 1870-х гг. допускали возможность проведения более активной политики в отношении Египта, однако, не желая идти на прямую конфронтацию с Францией и вызывать негативную реакцию других государств, было принято решение разделить управление Египтом с французами.

Также необходимо обратить внимание на сведения, предоставляемые французскому министру иностранных дел послом Франции в Лондоне Шарлем Тиссо, который доносил, что «Англия намерена действовать одна, в случае если взрыв анархии поставит под угрозу ее интересы» [9]. Источник информации дипломата доподлинно неизвестен, однако, нельзя исключать вероятность того, что передаваемые им сообщения содержали определенную долю истины.

После подавления восстания в 1882 г., британские войска разместились на территории Египта, который фактически стал «колониальным владением Англии» [8, с. 26]. По мнению ряда отечественных исследователей, «англичане стремились обеспечить стабильность в неспокойном регионе, а не эксплуатировать сырьевые и трудовые ресурсы Египта» [7, с. 352], однако, на наш взгляд, данный тезис является несостоятельным. Великобритания, как и некоторые другие европейские страны – была одним из кредиторов Египта и по данным, которые приводит Е. В. Морозов, опираясь на первоисточники, «почти 44 % годового дохода страны пошли на удовлетворение кредиторов. При этом англичане выставили Египту счет за оккупацию и тут же предоставили хедиву новую ссуду на оплату этого счета» [6, с. 36]. Исходя из последнего тезиса, мотивы британцев никак нельзя назвать бескорыстными. Военная интервенция и оккупация

Египта были призваны не защитить регион, а удовлетворить колониальные амбиции Лондона.

В подтверждение данной точки зрения необходимо привести тот факт, что англичане даже не пытались считаться с мнением местного населения, считая египтян «неспособными самостоятельно управлять страной» [5, с. 31]. Более того, несмотря на проведение в государстве ряда реформ и широкого заявления о необходимости повышения уровня образования в Египте, как отмечает А. Ю. Васильева: «На самом же деле, во время британского присутствия в Египте расходы на образование сократились, немногие египтяне посещали школы, и за это время не было открыто ни одного университета» [3, с. 226]. Таким образом, не остается сомнений, что британская оккупация Египта была продиктована исключительно интересами самой Великобритании, но никак не стремлением «защитить» данный регион.

Что же касается присутствия британских войск на территории страны, действующее правительство Великобритании заверяло европейских партнеров в том, что оккупация носит исключительно временный характер. В то же время, У. Гладстон писал следующее: «мы сейчас в положении, когда мы можем выбирать между еще большим или меньшим вмешательством в дела Египта, а также должны ли мы подготовить Египет к будущему самоуправлению. Думаю, что мы уже сделали выбор» [14, р. 422], – явно осознавая, что британские войска вряд ли в скором времени покинут Египет. Следовательно, будет верным согласиться с мнением М.С. Бурьяна, считающего, что заявления Лондона об отсутствии у Великобритании намерений по аннексии Египта или же управлению им, значили лишь то, что «аннексия будет необъявленной» [2, с. 38].

Результаты. Подводя итог, необходимо отметить, что в Лондоне, на наш взгляд, определенно рассматривали возможность проведения более активной политики по отношению к Египту ещё до восстания Ораби. Тем не менее, чрезмерная настойчивость в Долине Нила грозила втянуть Великобританию в серьезное противостояние с Францией и построить другие державы против англичан, в связи с чем британское правительство в качестве временной меры было согласно на поддержание в регионе двойственного англо-французского контроля.

Таким образом, британская оккупация Египта вовсе не была неожиданностью. С нашей точки зрения, будет более верным сказать, что Великобритания никогда всерьез не рассматривала возможность отступить от своих интересов в Египте, в связи с чем, нам ближе позиция М. С. Бурьяна, утверждающего, что хоть аннексия Египта и правда была нежелательной, в условиях невозможности сохранения статус-кво, британцы пошли на более решительный шаг. Следовательно, в 1882 г. британцы уже выбира-

ли не между «отступить», «монополизировать» или «войти в долю», а лишь между двумя последними вариантами, каждый из которых в любом случае подразумевал определенное военное вмешательство в дела Египта.

Что же касается намерений Великобритании относительно продолжительности оккупации региона, на наш взгляд, англичане недолго колебались с решением. Вскоре после подавления восстания и размещения британской армии на территории Египта, британцы начали широкое реформирование политической, военной и экономической сфер данной страны. В случае, если оккупация действительно должна была продлиться лишь до «наведения порядка», не было бы резона в столь масштабных преобразованиях в рамках египетского региона. В связи с этим, есть все основания полагать, что большинство британских заявлений о скором выводе войск были сделаны лишь для того, чтобы ослабить давление на Великобританию со стороны других государств, в частности –

Франции. Последующие международные конференции по Египетскому вопросу не принесли французам желаемого результата, позволив англичанам и дальше беспрепятственно держать в регионе свою армию.

Впоследствии, британские войска окончательно покинули Египет и Суэцкий канал лишь в 1956 г., что говорит нам о более чем 70-летней продолжительности присутствия английских солдат в Египте. По нашему мнению, настолько длительные оккупационные действия априори не могут быть неожиданными, незапланированными или нежеланными, в связи с чем можно подытожить, что усиление британского присутствия в Египте в конце XIX в. было лишь вопросом времени, однако, оно определенно планировалось, о чем свидетельствуют как высказывания британских государственных деятелей на данном этапе, так и непосредственные шаги, предпринимаемые британской администрацией во время оккупации.

Литература

1. Айвазян А. А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014. 306 с.
2. Бурьян М. С. Египет во внешней и колониальной политике Великобритании 20-х гг. XX века. Луганск: БОЯН Ри МП, 1994. 168 с.
3. Васильева А. Ю. К вопросу о британском присутствии в Египте: бизнес фирмы «Томас Кук и Сын» в оценке современников (последняя треть XIX века) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 26 (191). С. 224-232.
4. Лемонон Э. Очерк истории англо-французских отношений. М.: Красная новь, 1923. 100 с.
5. Макеев Д. А. Зарождение национальной интеллигенции Египта в период оккупационного режима (1882 – 1914 гг.) // Интеллигенция и мир. 2012. № 3. С. 30-37.
6. Морозов Е. В. Колониальный фактор в формировании англо-французской Антанты: конец XIX – начало XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2008. 289 с.
7. Турк С. Н., Кияшко М. И. Египет в колониальной политике Великобритании // Эпоха науки. 2020. № 24. С. 351-353.
8. Хизриев А. Х. Проблемы определения статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 21. С. 25-33.
9. Archives Diplomatiques Français. Correspondances politiques, Angleterre, 1882, № 794.
10. Cecil G. Life Of Robert Marquis Of Salisbury. Vol. II. 1921. 390 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.173994/mode/2up> (07.07.2025).
11. Documents Diplomatiques Français (1871-1914). Série 1. T. 4. Doc. 242.
12. Milner A. England in Egypt. L.: Edward Arnold, 1892. 448 p.
13. Sanderson G.N. England, Europe and the upper Nile 1882-1899. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1965. 456 p.
14. The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville 1876-1886 / Ed. by Agatha Ramm. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 1962. 482 p.
15. The Times. 1882. January 4.

References

1. Ayvazyan AA. The Egyptian question in international relations at the end of the XIX – beginning of the XX centuries: thesis. Moscow, 2014. 306 p. (In Russ.)
2. Buryan MS. Egypt in the foreign and colonial policy of Great Britain in the 20s. XX century. Lugansk: BOYAN Ri MP, 1994. 168 p. (In Russ.)
3. Vasilyeva AY. On the issue of the British presence in Egypt: the business of Thomas Cook and Son in the assessment of contemporaries (the last third of the 19th century). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2021;26(191):224-232. (In Russ.)
4. Lemonon E. An essay on the history of Anglo-French relations. Moscow: Krasnaya Nov, 1923. 100 p. (In Russ.)
5. Makeev DA. The emergence of the national intelligentsia of Egypt during the occupation regime (1882 – 1914). *Intelligentsiya i mir*. 2012;3:30-37. (In Russ.)
6. Morozov EV. The colonial factor in the formation of the Anglo-French Entente: the end of the XIX - beginning of the XX centuries.: thesis. St. Petersburg, 2008. 289 p. (In Russ.)
7. Turk SN., Kiyashko MI. Egypt in the colonial policy of Great Britain. *Epokha nauki*. 2020;24:351-353. (In Russ.)

8. Khizriev AH. Problems of determining the status of British troops in Egypt after the occupation of 1882. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016; 21: 25-33. (In Russ.)
9. Archives Diplomatiques Français. Correspondances politiques, Angleterre, 1882, № 794.
10. Cecil G. Life Of Robert Marquis Of Salisbury. Vol. II. 1921. 390 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.173994/mode/2up> (accessed: 07.07.2025).
11. Documents Diplomatiques Français (1871-1914). Série 1. T. 4. Doc. 242.
12. Milner A. England in Egypt. L.: Edward Arnold, 1892. 448 p.
13. Sanderson G.N. England, Europe and the upper Nile 1882-1899. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1965. 456 p.
14. The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville 1876-1886 / Ed. by Agatha Ramm. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 1962. 482 p.
15. The Times. 1882. January 4.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.16>МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫИгорь Александрович Доборез¹, Кирилл Андреевич Долгополов^{2*}¹Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (д. 9, ул. Гоголя, Симферополь, Республика Крым, 295011, Российская Федерация)Кандидат юридических наук, доцент
dobr_ig@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-8128-1650>²Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)Доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой
nadal06@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Публикация посвящена актуальной теме – оценке деяния на предмет его общественной опасности в соответствии с нормами уголовного закона, и, соответственно, определения его в качестве малозначительного по ряду критериев. Правоприменительная и судебная практика в последнее время все чаще сталкивается с тем, что деяния, формально подпадающие под признаки преступления, расцениваются как малозначительные, что влечет прекращение уголовных дел либо отказ в их возбуждении. Следовательно, необходима разработка научно-обоснованных критериев для определения малозначительности в уголовном праве и закрепление их в уголовном законе и на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. **Материалы и методы.** Для выполнения поставленных задач автором использован арсенал научных методов: диалектический, анализа и синтеза, индукции и дедукции, системный, формально-юридический, исторический, сравнительно – правовой, логический. **Анализ.** Изучено действующее законодательство Российской Федерации в рассматриваемой сфере, в том числе трансформация уголовного закона за существенный исторический период, изучены разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения данной нормы уголовного закона и судебная практика, научные работы российских ученых по данной тематике, исследовано уголовное законодательство зарубежных стран. **Результаты.** Выводы исследования, его научная и практическая значимость. Ав-

тор рассматривает проблематику малозначительности в уголовном праве и научно обосновывает необходимость разработки и формального закрепления критериев отнесения деяний к малозначительным, что позволит в правоприменительной практике разграничивать таковые от преступлений. Исследование актуализирует уже имеющиеся научные знания по исследуемой теме, имеет научную новизну в части предлагаемых автором критериев, также автор предлагает редакцию нормы уголовного закона, и некоторые предложения к Пленуму ВС РФ о более детальном изложении ее применения.

Ключевые слова: малозначительность, преступность, наказуемость, ответственность, судебная практика, доказательства, критерии, проступок, преступление, деяние, вина, прекращение

Для цитирования: Доборез И. А., Долгополов К. А. Малозначительность в уголовном праве: теоретические и практические аспекты // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 129–140. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.16>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 23.10.2025

Статья одобрена после рецензирования: 13.02.2026

Статья принята к публикации: 19.02.2026.

Research article

INSIGNIFICANCE IN CRIMINAL LAW: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Igor A. Dobrorez¹, Kirill A. Dolgoplov²¹Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (9, Gogol St., 295011, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation)Cand. Sc. (History), Associate Professor
dobr_ig@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-8128-1650>²North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of Department
nadal06@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

Abstract. Introduction. The article studies an urgent topic – assessing an act for its public danger in accordance with the norms of the criminal law, and, accordingly, defining it as insignificant according to a number of criteria. Law enforcement and judicial practice has recently faced the fact that acts that formally fall under the signs of a crime are regarded as insignificant, which entails the termination of criminal cases or the refusal to

initiate them. Consequently, it is necessary to develop scientifically based criteria for determining insignificance in criminal law and consolidate them in the criminal law and at the level of explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. **Materials and methods.** To fulfill the tasks set by the authors, an arsenal of scientific methods was used: dialectical, analysis and synthesis, induction and deduction, systemic, formal-legal,

historical, relatively legal, logical. **Analysis.** The article studies the current legislation of the Russian Federation in the area under consideration, including the transformation of the criminal law for a significant historical period, the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of this provision of the criminal law and judicial practice, the scientific works of Russian legal scholars on this topic, and the criminal legislation of foreign countries. **Results.** The authors consider the problems of insignificance in criminal law and scientifically justify the need to develop and formally consolidate the criteria for classifying acts as insignificant, which will make it possible in law enforcement practice to distinguish them from crimes. The study updates the existing scientific knowledge on the topic under consideration, has a scientific novelty in terms of the criteria proposed by the authors. The authors also propose a revision of the criminal law, and some suggestions to the

Введение. Научное исследование и практическое решение проблемы определения малозначительности деяния в уголовном праве представляется актуальным, поскольку, в правоприменительной, и в частности, в судебной практике, в последнее время возникает достаточное количество ситуаций, когда ввиду малозначительности прекращаются возбужденные уголовные дела на различных стадиях уголовного процесса.

Для достижения научной цели данного исследования необходимо выполнить ряд задач: исследовать складывающиеся научные подходы к определению малозначительности, рассмотреть примеры из судебной практики, и с учетом результатов исследования предложить критерии разграничения малозначительных деяний от преступлений, а также – разработать соответствующие изменения в уголовный закон.

Материалы и методы. Исследование носит междисциплинарный характер. Помимо вопросов, связанных с уголовным правом (общественная опасность деяния, анализ судебной практики, зарубежный и российский опыт правового регулирования малозначительности и т.д.), автор для выполнения поставленных задач обращается к возможностям научного познания при помощи использования широкого арсенала общенаучных и специальных научных методов: диалектический, анализа и синтеза, индукции и дедукции, системный, формально-юридический,

Plenum of the RF Armed Forces on a more detailed presentation of its application.

Keywords: insignificance, crime, punishability, responsibility, judicial practice, evidence, criteria, misconduct, crime, act, guilt, termination

For citation: Dobroreze IA, Dolgoplov KA. Insignificance in criminal law: theoretical and practical aspects. Humanities and law research. 2026;13(1):129-140. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.16>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 23.10.2025

The article was approved after reviewing: 13.02.2026

The article was accepted for publication: 19.02.2026

исторический, сравнительно – правовой, логический, статистический, контент-анализа. Автором изучены действующие в Российской Федерации законы и подзаконные нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере, показана их историческая трансформация, доказывается необходимость дальнейшего совершенствования, поскольку в данном случае правовое регулирование явно не успевает за фактически складывающимися общественными отношениями. Кроме того, автором использованы материалы надзорной и судебной практики, ведомственные правовые акты, информационные письма, анализы и обобщения правоохранительных органов, оценки ситуации от руководителей правоохранительных и надзорных органов, экспертные оценки. Важной частью исследования послужило обращение автора к научным работам российских ученых-правоведов по данной тематике. Использован сравнительно-правовой метод для исследования зарубежного опыта правового регулирования малозначительности в уголовном праве.

Анализ. Исторические аспекты появления и развития института малозначительности в уголовном праве.

Раскрывая данный вопрос, считаем необходимым осуществить ретроспективное исследование, отразив его результаты в виде сравнительной таблицы.

Таблица 1/ Table 1

Сравнительный анализ появления и развития института малозначительности в уголовном праве / Comparative analysis of the emergence and development of the institution of insignificance in criminal law

№	Уголовный закон и его норма	Текст	Примечание
1	2	3	4
1.	Действующая редакция УК РФ, ч. 2 ст. 14	Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности	
2.	Редакция УК РФ до принятия ФЗ от 25.06.2008 № 92-ФЗ	Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству	

1	2	3	4
3.	УК РСФСР 1960 года, ч. 2 ст. 7	Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности	
4.	УК РСФСР 1926 года, примечание к ст. 6	Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного	
5.	УК РСФСР 1922 года	Понятие малозначительности отсутствует	См. ниже по тексту
6.	Уголовное уложение 1903 года	Понятие малозначительности отсутствует	См. ниже по тексту
7.	Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года	Понятие малозначительности отсутствует	См. ниже по тексту

Из данных, приведенных в таблице, следует вывод о том, что правовое регулирование института малозначительности и формальное закрепление его в уголовном законе было впервые осуществлено в советский период, претерпевало некоторые видоизменения, и в несколько лаконичном виде, содержится в действующем уголовном кодексе.

УК РСФСР 1922 г. понятия малозначительности не содержал, однако, предусматривал следующие нормы, позволявшие определять преступление и отграничивать от него иные деяния: «6. Преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени. 7. Опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку».

В досоветский период, в царской России, уголовный закон также не содержал норм о малозначительности. Так, например, Уголовное уложение 1903 г. понимало под преступлением деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания, и предусматривало, в зависимости от тяжести наказания, три его вида: тяжкое преступление, преступление, проступок. При этом действие уложения 1903 г. не распространялось на деяния, наказуемые по законам церковным, воинскому и военноморскому уставу о наказаниях, уставам дисциплинарным, уставу о ссыльных и уставам казенных и административных управлений и т.д.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не содержало понятие малозначительности, но предусматривало разделение деяний на преступления и проступки, исходя из объекта посягательства.

Таким образом, за исследованный нами почти двухсотлетний период развития российского уголовного закона, институт малозначи-

тельности был впервые закреплён и выделен в качестве самостоятельного только во второй половине XX в. в советском уголовном законе. В то же время, исследование исторической трансформации подходов к его определению вплоть до современной редакции уголовного закона вызывает вопросы к безупречности действующей формулировки, и прежде всего – к отсутствию четко установленных критериев малозначительности. Соответственно, можно утверждать, что данный институт еще будет развиваться и совершенствоваться.

Малозначительность в уголовном законодательстве других стран.

Сравнение норм уголовного закона разных стран имеет важное научно-практическое значение, и как метод научного познания, позволяет вырабатывать подходы к усовершенствованию национального законодательства на основании передовых достижений зарубежной юридической мысли и законотворческой техники.

Практически тождественные российским определения малозначительности содержатся в уголовных кодексах Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 17), Кыргызской Республики (ч. 2 ст. 18).

Уголовное уложение Федеративной Республики Германия не содержит института малозначительности, имеет свою специфику, выделяя несколько категорий противоправных деяний исходя из тяжести деликтов: уголовные преступления и уголовные проступки.

УК Словакии разделяет преступления и проступки (ст. 10 и 11), при этом малозначительность возможна только для последних: «деяние не является проступком, если, принимая во внимание способ совершения деяния и его последствия, обстоятельства, при которых оно было совершено, степень вины и мотивы преступника, его тяжесть незначительна».

В соответствии с ч. 1 ст. 10 УК Республики Казахстан, уголовные правонарушения в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости подразделяются на преступления и уголовные проступки.

Таблица 2 / Table 2

Сравнение норм уголовного закона разных стран /
Comparison of criminal law provisions in different countries

№	Уголовный закон государства	Формулировка
1	УК Китайской Народной Республики, ст. 13	Явно малозначительное деяние небольшой опасности не признается преступлением
2	УК Республики Беларусь, ч. 4 ст. 11	Не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности, не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания.
3	УК Республики Казахстан, ч. 4 ст. 10	Не является уголовным правонарушением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.
4	УК Республики Болгария, ч. 2 ст. 9	Не является преступным деяние, которое хотя формально и имеет признаки предусмотренного законом преступления, но в силу своей малозначительности не является общественно опасным или его общественная опасность явно незначительна
5	УК Азербайджанской Республики, ч. 2 ст. 14	Не является преступлением деяние (действие или бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству.
6	УК Республики Армения, ч. 2 ст. 18	Не признается преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу своей малозначительности не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее и не могущее причинить существенного вреда физическому или юридическому лицу, обществу или государству
7	УК Монголии, ч. 4 ст. 2.1	Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности общественной опасности такого деяния, а также лица, его совершившего, не причинившее реального вреда или ущерба охраняемым настоящим Кодексом интересам
8	УК Туркменистана	Не содержит понятия малозначительности

В соответствии со ст. 36 УК Республики Узбекистан, не является преступлением действие или бездействие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного настоящим Кодексом в качестве преступления, но не обладающее общественной опасностью в силу малозначительности. При этом ст. 36 содержится в Главе IX УК Республики Узбекистан «Понятие и виды обстоятельств, исключающие преступность деяния». В соответствии со ст. 35 данной Главы, исключающими преступность признаются обстоятельства, при которых деяние, содержащее предусмотренные настоящим Кодексом признаки, не является преступлением, ввиду отсутствия общественной опасности, противоправности или вины.

Исходя из изложенных примеров, можно сделать следующие выводы. Уголовные законы большинства из рассмотренных нами государств содержат понятие малозначительности, определяя его схожим образом (УК России, Республики Таджикистан, Кыргызской Республики). В ряде случаев имеются отличия, например, когда законодатель отдельно выделяет в качестве мало-

значительности отсутствие общественной опасности лица, совершившего деяние (Монголия), либо детализирует в законе перечень лиц, которым не был причинен вред – «отсутствие вреда физическому или юридическому лицу, обществу или государству» (Армения). Достаточно успешной, на наш взгляд, следует признать определение малозначительности, содержащееся в УК Республики Беларусь. В УК Республики Узбекистан малозначительность выведена в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния. В ряде случаев уголовный закон некоторых государств содержит разделение деяний на преступления и проступки (Казахстан, Германия, Словакия).

Таким образом, изученный зарубежный опыт и различные подходы законодателей разных стран к определению малозначительности заслуживают внимания с точки зрения их научного исследования и возможного заимствования лучших практик отечественными правоведами и законодателями.

Научные исследования проблематики малозначительности в уголовном праве осуществ-

лялись и в советский период: В. Г. Макашвили, А. Н. Трайнин, Т. В. Церетели, П. А. Фефелов, Н. М. Якименко, и др., и в последнее время – рядом российских ученых, в числе которых Ч. М. Багиров, В. Н. Винокуров, Д. С. Волковой, Д. А. Гарбатович, И. А. Гизатуллин, Л. А. Колпакова, Д. Ю. Корсун, Д. Ю. Краев, Ю. Е. Пудовочкин, и др.

Так, значимым с научной точки зрения является диссертационное исследование на рассматриваемую тему, осуществленное Д. Ю. Корсуном, и выводы автора о противоречии между абстрактностью уголовно-правовых норм и конкретностью запрещенных им деяний; отставании консервативной системы уголовно-правовых запретов от динамики социальных отношений; избыточной криминализации деяний и т.д., а также выводы о необходимости законодательного закрепления в УПК РФ самостоятельного основания отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращении в связи с малозначительностью, корректировке норм УК РФ (ст. 8) и сложившихся представлений о юридическом основании квалификации, которое не должно ограничиваться составом преступления, а должно включать доказывание наличия уголовно значимой общественной опасности [10].

Ряд работ В.Н. Винокурова содержат как теоретические положения, так и практические примеры, демонстрирующие недостаточность правового регулирования проблематики малозначительности, что влечет проблемы правоприменения [2; 3; 4].

Результаты осуществленных Ю. Е. Пудовочкиным исследований малозначительности деяния в контексте учения об общественной опасности и о составе преступления обращают внимание на логическое заблуждение в существующих концептуальных подходах (нормативистская концепция состава преступления и концепция реального состава преступления) к малозначительности, призывают доктрину и практику определиться с выбором, ориентируясь на соображения уголовной и судебной политики [15; 16].

Работы на данную тематику иных авторов также имеют важное научно-практическое значение [1; 7; 8; 9; 12].

Несмотря на достаточное внимание к данной тематике со стороны ученых, в практической правоприменительной деятельности ее актуальность остается достаточно высокой, что свидетельствует в том числе о необходимости формального закрепления критериев малозначительности. В то же время, такие формально закрепленные критерии должны соответствовать меняющимся социально-экономическим и общественно-политическим условиям развития государства в конкретный исторический период его развития. Следовательно, законодатель должен успевать вносить в закон изменения, чтобы он не был архаичным и не вызывал сомнений в

своей справедливости и актуальности. Также следует законодательно закрепить алгоритм применения норм материального и процессуального закона для тех случаев, когда за малозначительное с точки зрения уголовного закона деяние должна наступать иная юридическая ответственность. Требуется дальнейшего изучения вопроса о малозначительности деяния в условиях неочевидности, то есть не установления причастности к его совершению конкретного лица, что лишает правоохранительные органы и суд возможности сделать вывод о, например, возможной антиобщественной направленности личности (серийный преступник, вор-карманник, и т.п.). Помимо защиты интересов лица, совершившего малозначительное противоправное деяние, нельзя забывать и о защите интересов потерпевших, следовательно, данный вопрос также должен быть исследован при принятии соответствующего процессуального решения правоохранительными органами и судом.

Таким образом, эти и многие другие вопросы теоретического и прикладного характера должны находить разрешение в ходе исследований рассматриваемой тематики, а желательное – быть урегулированы законодательным путем либо же на уровне соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ.

Исследование разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, определений Конституционного Суда РФ, определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по вопросам малозначительности.

Следует отметить, что ряд постановлений Пленума Верховного Суда РФ (далее – ПП ВС РФ) ориентирует суды на применение ч. 2 ст. 14 УК РФ, одновременно обращая внимание на некоторые критерии как основание для этого.

Например, по делам о преступлениях против военной службы, следует учитывать: характер совершенного деяния, роль лица в его совершении, тяжесть наступивших последствий, содержание мотивов и целей и иных обстоятельств, не представляющих общественной опасности. Но обстоятельства, относящиеся к личности, постыпному поведению, например, оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и компенсация морального вреда, если ущерб и вред причинены в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения, они могут учитываться при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности или при назначении уголовного наказания.

По делам в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ), когда не

использовались способы массового истребления водных биологических ресурсов, суд вправе прекратить уголовное дело на основании части 2 статьи 14 УК РФ. Малозначительными при этом могут служить, например, незначительные количество и стоимость выловленной рыбы, отсутствие вредных последствий для окружающей среды, а также используемый способ добычи, который не являлся опасным для биологических, в том числе и рыбных, ресурсов.

По уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации), суд должен принимать во внимание размер неуплаченных сумм, длительность периода, за который уплата алиментов осуществлена не полностью, мотивы, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), и иные обстоятельства дела.

По делам о нарушениях в сферах обращения официальных и иных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков, акцизных марок, специальных марок, знаков соответствия, государственного учета транспортных средств, судам следует принимать во внимание количественные и качественные характеристики предмета преступления, мотив и цель, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), обстоятельства, способствовавшие совершению деяния, и др.

По делам о незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, судам необходимо учитывать совокупность таких обстоятельств, как количественные характеристики (хранение нескольких патронов) и качественные показатели предмета, мотив и цель, которыми руководствовалось лицо, поведение, предшествующее совершению деяния и (или) в период совершения деяния.

По уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности судам следует исходить из характера и степени общественной опасности содеянного и учитывать, в частности, размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию.

По делам о краже, грабеже и разбое судам необходимо учитывать совокупность таких обстоятельств, как степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния, и др.

Но в ряде случаев критерии для отнесения деяния к малозначительным Верховный Суд РФ не приводит. Например, такие критерии не содержатся в п. 18.3 ПП ВС РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодатель-

ства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», и это с учетом курса на гуманизацию ответственности за преступления в указанной сфере, и предложения о декриминализации некоторых составов преступлений. Иным примером является п. 33 ПП ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», а ведь эти категории дел зачастую вызывают общественный резонанс, поскольку такие деяния зачастую граничат с гражданско-правовыми отношениями. Между тем, данные категории дел имеют важное значение, нуждаются в определении единообразных подходов в интересах правоприменения, в том числе в выработке критериев малозначительности.

Для наглядности приведем вышеизложенное в виде сравнительной таблицы, которая даст представление о некоторых различиях в подходах к определению малозначительности Верховным Судом РФ.

Как видно из приведенных в таблице данных, единообразия в подходах Верховного Суда РФ к определению и установлению критериев малозначительности сообразно элементам состава преступления нет. Между тем, по нашему мнению, необходимо внесение соответствующих изменений и дополнений в приведенные в качестве примеров и иные постановления Пленумов Верховного Суда РФ, согласно предложенной нами схеме.

Следует отметить и то, что в некоторых случаях, согласно судебным актам, в качестве таких критериев выступают по сути обстоятельства, относящиеся к смягчающим, согласно ст. 61 УК РФ, и данные о личности обвиняемого (в чем можно убедиться далее, при рассмотрении нами примеров применения ч. 2 ст. 14 УК судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ), в этом также усматриваются явные противоречия между разъяснениями и определениями Верховного Суда РФ, нуждающиеся в устраниении.

Помимо Верховного Суда, по поводу малозначительности неоднократно высказывался и Конституционный Суд РФ: «... как вводимые законодателем меры уголовной ответственности, так и их реализация в правоприменительной деятельности не предполагают ее возложения за деяния, лишь формально подпадающие под признаки статьи Особенной части УК Российской Федерации, но не представляющие того минимума опасности, которая является необходимым свойством преступления, либо представляющие опасность в столь малой степени, что восстановление нарушенных общественных отношений, социальной справедливости может быть обеспечено и при освобождении от уголовной ответственности или от наказания.

Таблица 3 / Table 3

Различия в подходах к определению малозначительности Верховным Судом РФ / Differences in approaches to determining insignificance by the Supreme Court of the Russian Federation

№	Постановление Пленума Верховного Суда РФ	Обстоятельства, которые должны учитываться судами при определении деяний малозначительными (для наглядности размещены согласно элементам состава преступления)
		А) объект Б) Объективная сторона В) Субъективная сторона Г) субъект Д) Не относящиеся к составу преступления/ либо примечание
1	ПП ВС РФ от 18.05. 2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», п. 5	А) ----- Б) Тяжесть наступивших последствий В) Содержание мотивов и целей Г) ----- Д) Обстоятельства, относящиеся к личности и постпреступному поведению, например оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и компенсация морального вреда, если ущерб и вред причинены в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения, они могут учитываться при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности или при назначении уголовного наказания.
2	ПП ВС РФ от 23.11. 2010 № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)», п. 12	А) незначительные количество и стоимость выловленной рыбы, Б) не использовались способы массового истребления водных биологических ресурсов; отсутствие вредных последствий для окружающей среды, а также используемый способ добычи, который не являлся опасным для биологических, в том числе и рыбных, ресурсов. В) ----- Г) -----
3	ПП ВС РФ от 22.12. 2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)», п. 9	А) Размер не уплаченных сумм Б) длительность периода, за который уплата алиментов осуществлена не полностью, В) мотивы, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый) Г) Д) иные обстоятельства дела
4	ПП ВС РФ от 17.12. 2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 - 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», п. 18	А) количественные и качественные характеристики предмета преступления Б) обстоятельства, способствовавшие совершению деяния В) мотив и цель, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый) С) -----
5	ПП ВС РФ от 09.07. 2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» п. 18	А) ----- Б) ----- В) мотив и цель, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), его отношения с лицом, в связи с которым были нарушены положения миграционного законодательства (например, при фиктивной регистрации близкого родственника по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации). Г) -----
6	ПП ВС РФ от 28.06. 2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» п. 8.1	А) ----- Б) размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию. В) ----- Г) -----

7	ПП ВС РФ от 27.12. 2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»	А) размер похищенного Б) степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния В) ---- Г) ----
8	ПП ВС РФ от 12.03. 2002 N 5 (ред. от 11.06.2019) "О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств" п. 22.1	количественные характеристики (хранение нескольких патронов) и качественные показатели предмета поведения, предшествующее совершению деяния и (или) в период совершения деяния. мотив и цель, которыми руководствовалось лицо
9	ПП ВС РФ 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» П. 33	А) --- Б) --- В) --- Г) --- Д) Не содержит критериев, а лишь возможность применения ч. 2 ст. 14 УК РФ
10	ПП ВС РФ от 15.11. 2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» П. 18.3	А) ---- Б) ---- В) ---- Г) ---- Д) Не содержит критериев, а лишь возможность применения ч. 2 ст. 14 УК РФ
11	ПП ВС РФ от 04.12. 2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»	Не содержит пункта о малозначительности
12	ПП ВС РФ от 17.01. 1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»	Не содержит пункта о малозначительности

Сказанное не означает отказ от учета формальных признаков деяния, запрещенного в Особенной части УК Российской Федерации, которые непреложны для суда, обязанного руководствоваться ими при квалификации любого инкриминируемого лицу преступления. Тем не менее выявление формальных признаков состава преступления в совершенном деянии не всегда предопределяет признание его преступным, поскольку содеянное в силу поведения самого виновного может и не достигать того уровня опасности, который легитимизирует уголовное преследование. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, в правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым. Приведенная правовая позиция имеет общий характер, предполагает применение с учетом норм Общей части данного Кодекса, на

основе объективной и всесторонней оценки судом установленных по делу обстоятельств содеянного, личности правонарушителя, степени его вины в совершении инкриминируемого деяния и иных имеющих значение для правильного разрешения конкретного дела фактов, в том числе уменьшающих общественную опасность преступления до такого уровня, который позволяет освободить лицо - принимая во внимание, в частности, его поведение, наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств - от уголовной ответственности или от наказания либо признать это деяние малозначительным».

Важное значение имеет судебная практика по конкретным уголовным делам, в особенности определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ (далее – СКФУ ВС РФ), которые являются ориентиром для нижестоящих судов при рассмотрении аналогичных уголовных дел. Приведем несколько примеров таких определений по делам различных категорий.

Определением СКФУ ВС РФ от 29.05.2024 № 55-УД24-1-К8 уголовное дело в отношении Ц.

прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления ввиду его малозначительности. Ц. был осужден по ч. 3 ст. 160 УК РФ с дальнейшей переквалификацией на ч. 1 ст. 160 УК РФ за присвоение, то есть хищение вверенного ему имущества, за то, что он, являясь заместителем начальника ОМВД России по г. Ч., используя выданную ему для заправки служебного автомобиля топливную карту, дважды осуществил заправку топливом автомобиля, принадлежащего его супруге, и один раз осуществил заправку топлива в принадлежащую ему канистру, присвоив в общей сложности бензин в объеме 99,1 литра и причинив ущерб ФКУ «ЦХиСО МВД по Республике Х.» в размере 4094 рубля 81 коп. Отменяя постановленные судебные решения по делу, коллегия отметила, что обстоятельства совершенного Ц. деяния, небольшая сумма материального ущерба – 4094 рубля 81 коп., отсутствие доказательств того, что содеянное Ц. причинило существенный вред ФКУ «ЦХиСО МВД по Республике Хакасия» или федеральному бюджету Российской Федерации, позволяють сделать вывод о том, что данное деяние, в силу его малозначительности, как не представляющее общественной опасности, не является преступлением.

Определением СКУД ВС РФ от 04.02.2025 № 41-УД24-54-К4 уголовное дело в отношении С. прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления ввиду его малозначительности. С. осужден за незаконное хранение взрывчатого вещества – бездымного охотничьего пороха весом 51,74 грамма. Указанные действия были совершены в период с 28 февраля 2017 г. по 2 августа 2023 г. на хуторе Х. Материалами дела установлено, что С. осенью 2013 г., являясь законным владельцем охотничьего гладкоствольного оружия, для самостоятельного изготовления патронов приобрел одну банку бездымного охотничьего пороха массой 51,74 грамма, которую хранил на территории своего домовладения. С 28 февраля 2017 г., уже не являясь владельцем охотничьего оружия, С. продолжал хранить указанное взрывчатое вещество, которое 2 августа 2023 г. было обнаружено и изъято. С. показал, что он являлся охотником, около двадцати лет назад он приобрел порох, который хранил в сейфе, но забыл о нем. Когда к нему приехали сотрудники полиции для проведения оперативно-розыскных мероприятий, он добровольно выдал этот порох. Отменяя постановленные судебные решения по делу, СКУД ВС РФ отметила, что если этот порох был приобретен привлекаемым к ответственности лицом законно, а в последующем незаконно хранился в количестве, не ставящем под сомнение его использование по назначению в личных целях, справедливость и соразмерность уголовно-правовой оценки содеянного может быть произведена, в том числе, путем применения таких

предусмотренных УК РФ инструментов, как решение вопроса о малозначительности деяния. Данное сочетание фактов должно расцениваться как обстоятельство, существенно уменьшающее степень общественной опасности деяния, инкриминируемого лицу, самого этого лица или дающее основание для отказа от привлечения его к уголовной ответственности.

Отвергая доводы о малозначительности совершенного С. деяния, суд первой инстанции сослался на особенности предмета преступного посягательства, фактические обстоятельства совершения преступления, а также на то, что хранение С. взрывчатого вещества создало реальную угрозу причинения существенного вреда не только самому себе, но и другим лицам, а также обществу. Между тем, указанные судом мотивы носят общий характер, и не отражают конкретных обстоятельств данного дела. Суд не указал, какие именно особенности изъятого предмета, и какие фактические обстоятельства содеянного свидетельствуют о его общественной опасности. Не указано также, какую именно угрозу причинения вреда самому себе, другим лицам, или обществу создавало хранение взрывчатого вещества при указанных в приговоре обстоятельствах.

Между тем, из материалов дела усматривается, что С. хранил взрывчатое вещество в небольшом количестве, в металлическом сейфе, что исключало доступ к нему посторонних лиц. Ранее он имел лицензию на хранение охотничьего ружья, которая выдается гражданам только после прохождения им соответствующей подготовки. Следовательно, он имел навыки безопасного обращения с оружием и боеприпасами. С. не судим, характеризуется положительно, на учетах у врачей нарколога и психиатра не состоит, является пенсионером, отцом троих детей, один из которых находится в зоне проведения специальной военной операции. Указанные фактические обстоятельства дела в совокупности, с данными о личности С. дают основания для оценки его действий как, хотя формально и содержащих признаки деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющих общественной опасности.

Определением СКУД ВС РФ от 25.02.2025 № 84-УДК24-9-К3 уголовное дело в отношении Н. прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления ввиду его малозначительности. По приговору мирового судьи судебного участка Н., не судимый, признан виновным в незаконной рубке лесных насаждений в значительном размере, осужден по ч. 1 ст. 260 УК РФ к штрафу в размере 10 тыс. руб. Отменяя постановленные судебные решения по делу, коллегия отметила, что мировой судья не учел объем материального ущерба, который лишь на 2 303 руб. 65 коп. превышает размер, до которого ответственность за

его причинение предусмотрена ст. 8.28 КоАП РФ, не принял во внимание, что Н. полностью возместил причиненный им ущерб, кроме того не дал оценки породе и возрасту срубленного дерева, а также наличию оформленного со стороны лесничества договора купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд, и не привел мотивы, по которым счел, что действия Н. обладают признаками достаточной общественной опасности, которые позволили бы признать содеянное им преступлением.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что при решении вопроса о малозначительности деяния, по делам различных категорий, суды должны выходить за рамки формального наличия состава преступления, исследовать и давать оценку относящимся к каждому элементу состава преступления фактам и обстоятельствам, перечень которых широк и не является исчерпывающим.

На практике это оказывается достаточно сложно, трудоемко, с учетом значительной нагрузки на судей, а также в условиях профессионального убеждения о необходимости следования исключительно закону, что закреплено в уголовно-процессуальном законе, ст. ст. 7, 8, 8.1, 17. В таких обстоятельствах не следует ожидать, что судьи будут массово применять ч. 2 ст. 14 УК РФ даже при наличии на то оснований.

Таким образом, из данной части исследования можно сделать следующие выводы. Пленум Верховный Суд РФ не всегда придерживается последовательной позиции в определении критериев малозначительности по различным категориям преступлений. Автором обоснована необходимость внесения соответствующих изменений и дополнений в действующие разъяснения в части применения ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Развитие института малозначительности является частью гуманизации отечественной уголовной политики, наряду с декриминализацией и иными предлагаемыми мерами. В то же время, при избрании меры ответственности для лица, совершившего противоправное деяние, следует не забывать о тех, кто претерпел негативные последствия такого деяния, об интересах общества, государства. Необходим поиск таких решений, которые, с одной стороны, не приводили бы к безнаказанности правонарушителей, а с другой - наоборот, укрепляли веру в справедливость, в том числе через явную для общества и для потерпевшего соразмерность и эффективность применяемой государством монополистом юридической ответственности. Следовательно, должны быть созданы механизмы для привлечения к иной юридической ответственности лиц, чьи деяния были признаны малозначительными согласно нормам уголовного закона. Соответственно, и в этом вопросе видится перспектива законодательного созидания.

Нельзя не учитывать и постоянно меняющиеся социально-экономические, культурные и цивилизационные условия, которые, следует признать, разнообразны в разных странах, и иногда имеют диаметрально противоположные векторы развития, в том числе в отношении реакции государства и общества на противоправные деяния. В одних странах вполне легально допускается производство наркотиков, в других – наблюдается возврат к архаичным средневековым традициям и практикам казней за деяния, считающиеся максимум аморальными в современных обществах.

В России, с ростом экономики и благосостояния граждан, следует гибко и динамично пересматривать размер ущерба, с которого возможна уголовная ответственность (применяя иные виды юридической ответственности). Следует также пересмотреть целесообразность существования действующих и введения новых уголовных запретов в тех сферах, где возможно иное общественное воздействие (речь идет прежде всего о преступлениях с формальным составом, либо о таких, которые не влекут реального материального ущерба). В этом направлении, помимо правовых, немаловажными представляются и соответствующие социологические исследования.

Результаты. Из всего изложенного следуют выводы и предложения. Малозначительность должна быть на законодательном уровне предусмотрена в качестве обстоятельства, исключającego преступность деяния с включением в Главу 8 УК РФ, а также предусмотрена в качестве самостоятельного основания для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела в Главе 4 УПК РФ.

Формальное закрепление в уголовном законе основных критериев малозначительности будет способствовать практической реализации данного института, единообразию его применения правоохранительными органами и судами. Необходима дальнейшая активная работа Пленума Верховного Суда РФ по подготовке разъяснений, содержащих критерии для отнесения деяний к малозначительным по различным видам преступлений.

Следует законодательно увеличить размер мелкого хищения по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ, например, установив его в размере до половины федерального прожиточного минимума в России. Соответственно, для ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ стоимость похищенного должна составлять свыше половины и до одного размера федерального прожиточного минимума в России. Прозрачный и обоснованный механизм его расчета и ежегодного пересмотра Правительством РФ, с учетом динамики социально-экономического развития, позволит говорить о соответствии размера ущерба социально-экономическим реалиям в государстве. Такой шаг снизит количество преступлений против собственности

при сохранении административной ответственности за такие деяния. Значительный ущерб согласно ч. 2 ст. 158 УК РФ предлагаем определять с учетом имущественного положения лица, но не менее двух размеров федерального прожиточного минимума в РФ. В то же время, ст. 158.1 УК РФ позволит сохранить возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, ранее подвергнутых административному наказанию.

Декриминализация некоторых составов преступлений ввиду их несоответствия критерию общественной опасности с возможным переводом в разряд административно наказуемых должна стать частью уголовной политики, поскольку гуманизация должна осуществляться не только на правоприменительном, но и на законодательном уровне. Излишняя криминализация деяний, особенно с формальным составом, не

способствует укреплению законности и правопорядка, порождая в обществе недоверие к правоохранительным институтам и подрывая веру в справедливость.

Правоохранительным органам и прокуратуре необходимо принимать меры организационного характера по недопущению уголовного преследования по малозначительным деяниям, рассматривать такие факты на коллегиях, координационных и межведомственных совещаниях.

Ряд предложений автора возможно отнести к дискуссионным, однако и такое приглашение к дискуссии является полезным с точки зрения расширения научных знаний и обсуждения возможных усовершенствований закона и мер организационного характера в деятельности правоохранительных органов и судов.

Литература

1. Великая Е. В. К вопросу о прекращении уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности в связи с малозначительностью деяния // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. №1. С. 61–71.
2. Винокуров В. Н. Структура общественной опасности и основание признания деяния малозначительным // Журнал российского права. 2024. № 1. С. 120 - 131.
3. Винокуров В. Н. Определение малозначительности деяния в аспекте системного применения норм уголовного и административного права // Законность. 2022. № 9. С. 35 - 39.
4. Винокуров В. Н. Общественная опасность и малозначительность деяния // Уголовное право. 2023. № 10. С. 3-11.
5. Волковой Д. С. Институт малозначительности деяния как проявление максимы *summum jus, summa injuria* в отечественном уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. С. 71–81.
6. Гаврилов Б. Я., Крымов В. А., Шпагина Ю. В. Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 115–139.
7. Гарбатович Д. А. Непреступные уголовно-правовые деяния и дефекты криминализации // Российская юстиция. 2023. N 2. С. 28–33.
8. Гизатуллин И. А. Малозначительность уголовно-правового деяния: процессуальный аспект // Российская юстиция. 2023. № 8. С. 21–27.
9. Колпакова Л. А. Малозначительность преступления (ч. 2 ст. 14 УК РФ): вопросы юридической герменевтики // Уголовное судопроизводство. 2024. N 3. С. 23–28.
10. Корсун Д. Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 231 с.
11. Краев Д. Ю. Малозначительное деяние (ч. 2 ст. 14 УК): общественная опасность и юридическая ответственность // Законность. 2024. № 8. С. 31–38.
12. Куцык В. П. Допустимость признания малозначительным деяния, формально содержащего признаки преступления, предусмотренного статьей 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский судья. 2024. N 8. С. 27-32.
13. Лазарева Н. Ю., Чентеш И. Понятие преступления и его виды по уголовному кодексу словацкой Республики // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. №3. С. 86–90.
14. Пичугина М. А. О малозначительности деяний в формальных составах преступлений (на примере ст. 200.3 УК РФ) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. N 2. С. 153–165.
15. Пудовочкин Ю. Е. Малозначительность деяния в контексте учения об общественной опасности и о составе преступления // Уголовное право. 2025. № 1. С. 61–83.
16. Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. М.: РГУП, 2019. 244 с.
17. Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М.: Юрид. Издат. Минюста СССР, 1946. 185 с.

References

1. Velikaya EV. On the issue of termination of criminal cases of corruption-related crimes due to the insignificance of the act. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii*. 2023;1:61-71. (In Russ).
2. Vinokurov VN. The structure of public danger and the basis for recognizing the act as insignificant. *ZHurnal rossijskogo prava*. 2024;1:120-131. (In Russ).
3. Vinokurov VN. Determination of the insignificance of the act in terms of the systematic application of the norms of criminal and administrative law. *Zakonnost'*. 2022;9:35-39. (In Russ).
4. Vinokurov VN. Public danger and insignificance of the act. *Ugolovnoe pravo*. 2023;10:3-11. (In Russ).
5. Volkova DS. Institute of insignificance of the act as a manifestation of the maxim *summum jus, summa injuria* in domestic criminal law. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 11. Right. 2022;6:71-81. (In Russ).
6. Gavrilov BYa., Krymov VA., Shpagina YuV. Criminal offense: new facets of Russian legislation. *Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki*. 2022;1:115-139. (In Russ).
7. Garbatovich DA. Incessant criminal law acts and defects of criminalization. *Rossijskaya yusticiya*. 2023;2:28-33. (In Russ).

8. Gizatullin IA. Insignificance of a criminal law act: procedural aspect. *Rossiyskaya yusticiya*. 2023;8:21-27. (In Russ).
9. Kolpakova LA. The insignificance of the crime (part 2 of article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of legal hermeneutics. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. 2024;3:23-28. (In Russ).
10. Korsun D. Yu. Insignificant act in criminal law: problems of theory and practice: thesis. Moscow, 2019. 231 p. (In Russ).
11. Kraev D.Yu. Insignificant act (part 2 of article 14 of the Criminal Code): public danger and legal responsibility. *Zakonnost'*. 2024;8:31-38. (In Russ).
12. Kutsyk V.P. Admissibility of recognizing as insignificant an act formally containing signs of a crime under Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiyskij sud'ya*. 2024;8:27-32. (In Russ).
13. Lazareva NYu., Centes I. The concept of crime and its types under the criminal code of the Slovak Republic. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. 2014;3:86-90. (In Russ).
14. Pichugina MA. On the insignificance of acts in formal compositions of crimes (on the example of Article 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 11. Right. 2022;2:153-165. (In Russ).
15. Pudovochkin YuE. Insignificance of the act in the context of the doctrine of public danger and the corpus delicti. *Ugolovnoe pravo*. 2025;1:61-83. (In Russ).
16. Pudovochkin YuE. Assessment by the court of the public danger of crime: Scientific and practical manual. Moscow.: RSUP publ., 2019. 244 p. (In Russ).
17. Trainin AN. The doctrine of the corpus delicti. Moscow: Ministry of Justice of the USSR publ., 1946. 185 p. (In Russ).

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.17>**ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА
ГРАЖДАНСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ: ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ****Данил Владимирович Хвостиков**

Саратовская государственная юридическая академия (зд.104, ул. Чернышевского Н.Г., 410056, Саратов, Российская Федерация)
Аспирант
mister.khvostikov@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-4751-8826>

Аннотация. Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий и интеллектуальных транспортных систем правовое регулирование высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС) приобретает стратегическое значение. В статье рассматриваются теоретико-правовые подходы к классификации высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС). **Материалы и методы.** Исследование основано на анализе норм российского законодательства, программных и стратегических документов, а также международных стандартов и рекомендаций в сфере высокоавтоматизированного транспорта. В качестве теоретической базы использованы труды российских административистов и теоретиков права, посвящённые вопросам классификации и системного подхода. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, позволяющие выявить взаимосвязь технических характеристик ВАТС и их правового статуса. **Анализ.** В рамках статьи выделены и научно обоснованы ключевые критерии классификации ВАТС, включая уровень автоматизации, сферу применения, среду эксплуатации и характер взаимодействия с дорожной инфраструктурой и иными участниками движения. Предложена авторская четырёхуровневая модель классификации, учитывающая как технические параметры функционирования ВАТС, так и их нормативно-правовое значение. Показано, что отсутствие юридически устойчивой

классификации затрудняет решение вопросов сертификации, допуска к участию в дорожном движении, распределения юридической ответственности, а также интеграции ВАТС в цифровые платформы управления транспортными потоками. **Результаты.** По итогам проведённого анализа сделан вывод о необходимости нормативного закрепления классификации высокоавтоматизированных транспортных средств в российском законодательстве в целях обеспечения правовой определённости, системности и согласованности межотраслевого регулирования.

Ключевые слова: высокоавтоматизированное транспортное средство, классификация, цифровое регулирование, правовой режим, инфраструктурная интеграция, экспериментальный правовой режим, эксплуатация, международный опыт

Для цитирования: Хвостиков Д. В. Высокоавтоматизированные транспортные средства гражданского назначения: вопросы классификации // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 141–147. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Статья одобрена после рецензирования: 23.02.2026

Статья принята к публикации: 27.02.2026.

Research article

HIGHLY AUTOMATED CIVILIAN VEHICLES: CLASSIFICATION ISSUES**Danil V. Khvostikov**

Saratov State Law Academy (104, Chernyshevsky str., 410056, Saratov, Russian Federation)
Postgraduate student
mister.khvostikov@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-4751-8826>

Abstract. Introduction. In the context of the rapid development of digital technologies and intelligent transportation systems, the legal regulation of highly automated vehicles (HAVs) is becoming strategically significant. The article examines theoretical and legal approaches to the classification of highly automated vehicles (HAVs). **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of Russian legislation, program and strategic documents, as well as international standards and recommendations in the field of highly automated transport. Works by Russian administrative scholars and legal theorists, focusing on classification issues and a systematic approach, were used as the theoretical foundation. The methodological basis of the study includes formal-legal, comparative-legal, and systemic methods, which allow identifying the relationship between the technical characteristics of HAVs and their legal status. **Analysis.** The article identifies and scientifically substantiates the key criteria for classifying HAVs, including the level of automation, area of application, operating environment, and nature of interaction with road infrastructure and other road users. An original four-level classification model is proposed, taking into account both the technical parameters of HAV operation and their regulatory and legal significance. It is shown that the lack of a legally stable classification complicates is-

suues of certification, permission to participate in road traffic, allocation of legal responsibility, as well as the integration of HAVs into digital traffic management platforms. **Results.** Based on the analysis conducted, it is concluded that there is a need to legally establish the classification of highly automated vehicles in Russian legislation in order to ensure legal certainty, systematization, and coherence in cross-sectoral regulation.

Keywords: highly automated vehicle, classification, digital regulation, legal regime, infrastructural integration, experimental legal regime, operation, international experience

For citation: Khvostikov DV. Highly automated civilian vehicles: classification issues. Humanities and law research. 2026;13(1):141-147. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.17>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 25.10.2025

The article was approved after reviewing: 23.02.2026

The article was accepted for publication: 27.02.2026.

Введение. Формирование эффективного административно-правового регулирования в условиях цифровой трансформации публичного управления предполагает системную и опережающую разработку правовых механизмов, способных охватывать новые формы технологически сложных и динамично развивающихся объектов правового регулирования. В отличие от традиционных объектов административно-правового воздействия, такие объекты характеризуются высокой степенью технологической автономности, использованием алгоритмов принятия решений и тесной интеграцией с цифровой инфраструктурой, что существенно усложняет их правовую квалификацию и нормативное оформление.

Одной из наиболее показательных форм таких объектов являются высокоавтоматизированные транспортные средства гражданского назначения, функционирование которых выходит за рамки классических представлений о транспортных средствах как объектах управления человеком. Их эксплуатация затрагивает не только вопросы обеспечения безопасности дорожного движения, но и более широкий круг общественных отношений, включая взаимодействие граждан, операторов автоматизированных систем, производителей, разработчиков программного обеспечения, а также органов публичной власти, осуществляющих контроль, надзор и регулирование в транспортной и цифровой сферах.

Специфика высокоавтоматизированного транспорта заключается в высоком уровне технологического риска, обусловленного возможными сбоями программного обеспечения, отказами сенсорных систем, уязвимостями цифровых каналов связи и неопределённостью поведения автоматизированных алгоритмов в нестандартных дорожных ситуациях. Одновременно данные транспортные средства характеризуются различной степенью автономности, предполагающей постепенное вытеснение человека из процесса управления, что ставит под сомнение применимость традиционных правовых конструкций, основанных на фигуре водителя как центрального субъекта ответственности.

Кроме того, регулирование высокоавтоматизированного транспорта носит междисциплинарный характер, находясь на стыке административного, транспортного, информационного, гражданского и, в отдельных аспектах, уголовного права, а также технических и инженерных стандартов. В таких условиях фрагментарное или ситуативное нормативное воздействие оказывается недостаточным и не обеспечивает правовой определённости.

В связи с этим возникает необходимость разработки юридически значимой классификации высокоавтоматизированных транспортных средств, которая выступала бы не просто вспо-

могательным научным инструментом, а структурирующим элементом административно-правового регулирования.

Анализ. Понятие «классификация» в правовой науке представляет собой логико-юридический приём, направленный на упорядочение сложных или многообразных явлений путём их деления по существенным признакам. Философская трактовка классификации, представленная в трудах И. Канта и позднее М. Вебера, акцентирует внимание на том, что любая классификация основывается на телеологической цели – выявлении структуры для последующего анализа и нормативного вмешательства [11]. Согласно С. С. Алексееву, классификация как правовой инструмент позволяет не только структурировать предмет исследования, но и установить связи между элементами правовой системы, выявить закономерности её функционирования [2]. В административном праве, В. М. Манохин отмечал, что «классификацию стоит рассматривать как научный приём систематизации, заключающийся в распределении явлений, институтов или норм по группам на основе существенных признаков, позволяющий выявить их внутренние связи и закономерности» [4]. А. Б. Зеленцов подчеркивает, что классификация необходима для выработки стабильных регуляторных моделей, позволяющих надлежащим образом распределить ответственность, разграничить полномочия органов власти и сформировать оптимальные режимы правового воздействия [3, с. 4-9].

Следовательно, термин «классификация» понимается не только как научный метод, но и результат систематизации правовых явлений, основанный на их делении по существенным признакам с целью раскрытия структуры, функций и закономерностей правового регулирования.

Применительно к высокоавтоматизированным транспортным средствам (далее – ВАС) классификация служит не только средством технического различения объектов, но и юридическим механизмом управления рисками, распределения ответственности и определения правового режима. Таким образом, правовая классификация ВАС представляет собой важнейший аналитический этап, предваряющий формирование нормативных требований и условий допуска таких средств к эксплуатации на дорогах общего пользования.

Цифровизация транспортного сектора ставит перед правовой наукой и законодателем задачу определения статуса и правового режима новых технических объектов – высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАС).

В условиях отсутствия закреплённой классификации в российском праве наблюдается разрыв между техническим прогрессом и нормативной базой. При этом системная классификация ВАС является необходимым условием по-

строения эффективной модели административно-правового регулирования, в том числе в рамках экспериментальных правовых режимов [1].

На сегодняшний день, законодательство в области использования ВАС в нашей стране, находится лишь на уровне экспериментальных разработок и обсуждений, поэтому вопрос формирования единообразной юридической терминологии в данной области продолжает оставаться дискуссионным не только среди экспертов, но и среди международного сообщества, занимающихся проблемами дорожного движения. Действительно, правила дорожного движения, действующие в России, не содержат точного юридического определения ВАС, но, несмотря на это, первые попытки закрепления понятийного аппарата начали формироваться в некоторых законодательных актах:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» [8], в котором закрепляется ряд терминов, касающихся ВАС, в том числе, и понятие «высокоавтоматизированное транспортное средство», то есть транспортное средство, выпущенное в обращение на территории Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), допущенное к участию в дорожном движении на территории Российской Федерации, в конструкцию которого внесены изменения, связанные с его оснащением автоматизированной системой вождения, и не подлежащее отчуждению в период проведения эксперимента». В данном определении законодатель учел лишь некоторые характеристики данного вида транспортного средства: выпускается на территории ЕАЭС; имеет допуск к дорожному движению в нашей стране; оснащено высокоавтоматизированной системой вождения.

2. Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации ВАС» [9]. Именно эксплуатация высокоавтоматизированных транспортных средств на дорогах общего пользования в рамках экспериментального правового режима на основании практического опыта определить ключевые проблемы в использовании данного вида транспортного средства. В свою очередь, данное постановление утверждает Программу экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации ВАС, в которой и приводится 14 основных терминов, выделяемых законодателем, в том числе: ВАС – это транспортное средство, сертифицированное в установленном законодательством Российской Федерации по-

рядке, в конструкцию которого внесены изменения, связанные с его оснащением автоматизированной системой управления. Однако, в указанной программе сразу же дается разграничение ВАС на высокоавтоматизированное транспортное средство 1 и 2 категории (отличие заключается лишь в присутствии в ВАС 1 категории водителя-испытателя).

3. В распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» [10] законодатель также обозначил понятие ВАС, под которым понимается транспортное средство, оснащенное автоматизированной системой вождения, которая действует в пределах конкретной среды штатной эксплуатации применительно к некоторым или всем поездкам без необходимости вмешательства человека в качестве запасного варианта обеспечения безопасности дорожного движения. Стоит отметить, что указанный термин был заимствован из Резолюции «О внедрении в практику высоко- и полностью автоматизированных транспортных средств в условиях дорожного движения», принятой по итогам 78-й сессии глобального форума по безопасности дорожного движения, полноправным членом которого является Российская Федерация, в связи с чем законодатель дополняет его в своей редакции словами «транспортное средство находится под управлением автоматизированной системы вождения». Следовательно, данным термин отражает международную позицию в области формирования единой терминологии по использованию высокоавтоматизированного транспорта.

4. Проект Федерального закона Российской Федерации от 8 июня 2021 г. «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», разработанный Министерством транспорта Российской Федерации [7]. Указанный проект ФЗ также содержит некоторую терминологию, касающуюся области использования ВАС. В данном случае под высокоавтоматизированным транспортным средством понимается транспортное средство, оснащенное автоматизированной системой вождения и допущенное к участию в дорожном движении на территории Российской Федерации. Анализируя этот термин, можно выделить следующие характеристики ВАС со стороны Минтранса: оснащено автоматизированной системой вождения и допущено к участию в дорожном движении в нашей стране.

Учитывая недостаточную определенность в правовом закреплении категорий высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАС) [6, с. 55 – 63] в действующем российском законодательстве и опираясь на зарубежный и оте-

чественный научный опыт, представляется целесообразным ввести многоуровневую классификацию BATC, основанную на системном подходе, в соответствии с которым высокоавтоматизированные транспортные средства рассматриваются не изолированно, а как элементы целостной системы общественных отношений, включающей технические средства, программное обеспечение, субъектов эксплуатации, инфраструктуру, а также нормы публичного и частного права.

Введение классификационной системы в нормативное регулирование BATC в России обусловлено необходимостью следующих задач: обеспечить дифференцированный подход к правовому регулированию; создать устойчивую терминологическую и правовую основу для экспериментальных, коммерческих и гражданских форм эксплуатации BATC, а также адаптировать международный опыт с учётом российской правовой системы и транспортной инфраструктуры.

В связи с тем, что степень (уровень) автоматизации высокоавтоматизированных транспортных средств в наибольшей степени отражает функциональную роль человека и технической системы в процессе управления такого вида транспортного средства, а следовательно - имеет непосредственное юридическое значение для целей правового регулирования, предлагаются следующие базовые критерии классификации:

1. В зависимости от степени (уровня) автоматизации (основано на международных стандартах (SAE J3016, NHTSA), адаптированных к национальной правовой системе) [5, с. 17–22; 12]:

а) класс А (частичная автоматизация) – уровень автоматизации 2: система управления выполняет отдельные функции (рулевое управление, ускорение/торможение), но контроль сохраняется за человеком.

В данном случае, класс А представляет собой переходную категорию (носит вспомогательный характер и функционирует исключительно в пределах заданных параметров), в которой автоматизация не подменяет человеческое управление, а дополняет его, не изменяя фундаментальных правовых конструкций, лежащих в основе регулирования дорожного движения.

б) класс В (условная автоматизация) – уровень автоматизации 3.

К данному классу относятся высокоавтоматизированные транспортные средства, соответствующие третьему уровню автоматизации, при котором автоматизированная система управления способна самостоятельно выполнять динамическую задачу вождения в пределах заранее определённых условий эксплуатации, включая восприятие дорожной обстановки, принятие решений и управление движением. Отличительной особенностью класса В является то, что система управления осуществляет основной контроль за процессом движения, однако не ис-

ключает необходимости участия человека. Водитель не обязан осуществлять постоянный мониторинг дорожной обстановки, но должен находиться в состоянии готовности к принятию управления.

в) класс С (высокая автоматизация) – уровень автоматизации 4: высокоавтоматизированное транспортное средство способно двигаться полностью автономно в определённой среде эксплуатации, человек фактически утрачивает статус водителя, что требует пересмотра традиционных правовых конструкций, включая понятия субъекта управления и субъекта ответственности.

г) класс D (полная автоматизация) – уровень автоматизации 5: высокоавтоматизированное транспортное средство осуществляет движение в любых условиях без участия человека.

Данный класс предполагает полное исключение человека из процесса управления, включая отсутствие необходимости в органах ручного управления и возможности вмешательства в процесс движения. Транспортное средство функционирует как самостоятельная техническая система, способная адаптироваться к изменяющейся дорожной обстановке и принимать решения в режиме реального времени.

Введение аналогичной, но адаптированной градации в российское законодательство:

– создаёт единый технический и правовой язык;

– позволяет устанавливать дифференцированные требования к сертификации, страховке, участию в дорожном движении;

– облегчает международную интеграцию и признание российских стандартов.

Для отечественной правовой системы необходимо не только рассмотреть данную классификацию, но и установить связь между уровнем автоматизации и режимом ответственности (в частности, между водителем, разработчиком, оператором, производителем).

2. В зависимости от сферы применения (данный критерий учитывает цели и особенности эксплуатации BATC), следует различать высокоавтоматизированные транспортные средства:

а) гражданского назначения (перевозка пассажиров и/или грузов в общественных, коммерческих или личных целях);

б) промышленного назначения (функционирование в закрытых зонах – шахтах, складах, терминалах, строительных площадках);

в) военного и специального назначения (использование в целях национальной обороны и чрезвычайных ситуаций);

г) экспериментального назначения (BATC, применяемые в рамках научно-исследовательских, экспериментальных проектов и правовых экспериментов).

В условиях внедрения BATC через экспериментальные правовые режимы (Постановление

Правительства № 309 от 09.03.2022) [9] важно юридически различать экспериментальные образцы и допущенные к гражданскому обороту.

Промышленные и военные сегменты требуют отдельного регулирования, не подлежащего общим нормам правил дорожного движения.

Гражданское назначение – основной приоритет для массовой интеграции ВАС в дорожную сеть России и правового закрепления в Гражданском Кодексе Российской Федерации и Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации.

3. В качестве самостоятельного критерия классификации высокоавтоматизированных транспортных средств предлагается использовать характер среды эксплуатации, поскольку именно условия функционирования ВАС в значительной степени определяют допустимый уровень автоматизации, степень участия человека в управлении, а также специфику правового режима эксплуатации.

С учётом степени контролируемости пространства и сложности дорожной обстановки предлагается выделять следующие виды среды эксплуатации:

а) закрытую среду (контролируемая территория: испытательные полигоны, кампусы, технопарки, промышленные и логистические зоны);

б) полуоткрытую среду (дорожные участки с ограниченным доступом либо с особыми условиями движения, включая автомагистрали, дороги с контролируемым въездом, а также выделенные полосы для движения автоматизированных или высокоавтоматизированных транспортных средств);

в) открытую среду (дороги общего пользования, включая улично-дорожную сеть населённых пунктов и загородные трассы, на которых осуществляется движение в условиях смешанного трафика с участием традиционных транспортных средств, пешеходов и иных участников дорожного движения).

Тем самым, различие условий эксплуатации (город, трасса, испытательный полигон) влияет на необходимость участия человека, структуру ответственности и требования к инфраструктуре (например, наличие цифровых карт, связи V2X).

Включение этого критерия в качестве самостоятельного позволит гибко внедрять ВАС по регионам и секторам, начиная с контролируемых пространств.

4. В зависимости от уровня взаимодействия с дорожной инфраструктурой и иными участниками движения, что напрямую влияет на безопасность дорожного движения, эффективность координации транспортных потоков, а также на степень регулируемости эксплуатации ВАС со стороны публичной власти:

а) изолированные ВАС (функционируют автономно и не осуществляют обмен данными с

внешней дорожной инфраструктурой либо иными участниками дорожного движения);

б) интегрированные ВАС (подключены к элементам дорожной инфраструктуры и навигационным системам, а также способны получать и использовать информацию от иных участников движения в рамках концепции C-ITS (Cooperative Intelligent Transport Systems);

в) кооперативные ВАС (осуществляют активный двусторонний обмен данными в режиме реального времени с иными транспортными средствами, объектами дорожной инфраструктуры, пешеходами и иными элементами транспортной системы в формате V2X (vehicle-to-everything)).

Учет уровня взаимодействия высокоавтоматизированных транспортных средств с дорожной инфраструктурой и иными участниками движения приобретает особое значение в контексте реализуемых в Российской Федерации стратегических и программных документов, направленных на цифровую трансформацию транспортной сферы. Так, в рамках национальных проектов, в частности Цифровая экономика Российской Федерации, уже заложены основы формирования и развития интеллектуальных («умных») транспортных систем, предполагающих широкое использование цифровых платформ мониторинга, анализа и управления дорожным движением.

В этой связи классификация ВАС по уровню интеграции с дорожной инфраструктурой позволяет увязать правовое регулирование эксплуатации таких транспортных средств с архитектурой цифровых транспортных платформ, обеспечивающих сбор, обработку и передачу данных в режиме реального времени. В частности, переход от изолированных к интегрированным и кооперативным ВАС объективно предполагает возрастание роли государственных и квазигосударственных информационных систем, а также необходимость их нормативного сопряжения с автоматизированными системами управления транспортными средствами.

Особенно значимым данный аспект становится применительно к кооперативным ВАС, функционирование которых невозможно без стабильного и непрерывного информационного взаимодействия с внешней средой. В таких условиях инфраструктура связи и данных фактически превращается в элемент обеспечения безопасности дорожного движения, что требует её нормативного признания в качестве самостоятельного объекта публично-правового регулирования.

Результаты. Подводя итог, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Предлагаемая классификация учитывает как технические, так и правовые аспекты эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств, создавая основу для построения гибкой

системы административно-правового регулирования. Она позволяет внедрять поэтапное регулирование с учётом рисков и зрелости технологий, а также эффективно адаптировать международный опыт к российским условиям.

2. Предлагаемые критерии классификации (степень (уровень) автоматизации; сфера применения; среда эксплуатации ВАС; уровень взаимодействия с дорожной инфраструктурой и иными участниками движения) соответствуют научной и международной практике, позволяют построить гибкую и адаптируемую модель регулирования, учитывают российскую правовую традицию, экспериментальный характер внедрения высокоавтоматизированных транспорт-

ных средств и необходимость межотраслевой координации.

Их законодательное закрепление имеет принципиальное значение для формирования системного и внутренне согласованного правового регулирования в сфере эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств. Нормативное оформление соответствующих классификационных критериев позволяет структурировать правовое регулирование ВАС не фрагментарно, а в виде целостной и иерархически выстроенной системы норм, в рамках которой каждому виду транспортных средств, среде эксплуатации и уровню интеграции соответствует определённый правовой режим.

Литература

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. Теория права. М.: Норма, 2008. 445 с.
3. Зеленцов А. Б. Административно-правовые режимы: постановка проблемы и ее развитие // Административное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 4–9.
4. Манохин В. М. Административное право России: учебник. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011. 137 с.
5. Незнамов А. В. Правовое регулирование автономных транспортных систем: проблемы и перспективы // Информационное право. 2019. № 3. С. 17–22.
6. Румянцев Н. В., Журавлёв В. В. Теоретико-правовые основы регулирования автономного транспорта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 3. С. 55–63.
7. О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Федерального закона Российской Федерации от 8 июня 2021 года (подготовлен Минтрансом России, ID проекта 02/04/06-21/00116763) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.06.2021). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.12.2025).
8. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 года № 1415 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (ч. VI). ст. 7619.
9. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств: Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 года № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 12. ст. 1817.
10. Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 года № 724-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 13. ст. 1995.
11. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen: Mohr Siebeck, 2001. P. 847. URL: <https://cdn.mohrsiebeck.com/54,ce692d537f420f8fea76ee8ad24ad4.pdf> (accessed: 11.11.2025).
12. SAE International. Taxonomy and Definitions for Terms Related to Driving Automation Systems for On-Road Motor Vehicles. J3016\ 202104. URL: <https://ca-times.brightspotcdn.com/54/02/2d5919914cfe9549e79721b12e66/j3016-202104.pdf> (accessed: 11.11.2025).

References

1. Administrative Law of the Russian Federation: a textbook for undergraduates / ed. by AYu. Sokolov. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Norma: INFRA-M, 2018. 352 p. (In Russ.).
2. Alekseev SS. General Theory of Law. In 2 vols. Vol. 1. Theory of Law. Moscow: Norma, 2008. 445 p. (In Russ.).
3. Zelentsov AB. Administrative-Legal Regimes: problem statement and development. *Administrativnoe i municipal'noe pravo*. 2015;9:4–9. (In Russ.).
4. Manokhin VM. Administrative Law of Russia: textbook / VM. Manokhin. Saratov: IPR Media, 2011. 137 p. (In Russ.).
5. Neznamov AV. Legal Regulation of Autonomous Transport Systems: problems and prospects. *Informacionnoe pravo*. 2019;3:17–22. (In Russ.).
6. Rumyantsev NV, Zhuravlyov VV. Theoretical and Legal Foundations of Autonomous Transport Regulation. *Vestnik VGU. Series: Pravo*. 2021;3:55–63. (In Russ.).
7. On Highly Automated Vehicles and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Draft Federal Law of the Russian Federation dated June 8, 2021 (prepared by the Ministry of Transport of Russia, project ID 02/04/06-21/00116763) (not submitted to the State Duma of the Russian Federation, text as of 10.06.2021). URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed: 12.12.2025). (In Russ.).
8. On Conducting an Experiment on the Trial Operation of Highly Automated Vehicles on Public Roads: Decree of the Government of the Russian Federation dated November 26, 2018 No. 1415 in Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 49 (part VI). Art. 7619. (In Russ.).

9. On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and the approval of the Program of the experimental legal regime in the field of digital innovations for the operation of highly automated vehicles: Decree of the Government of the Russian Federation dated March 9, 2022 No. 309 in Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 12. Article 1817. (In Russ.).
10. On the approval of the Concept for ensuring road traffic safety with the participation of unmanned vehicles on public roads: Order of the Government of the Russian Federation dated March 25, 2020 No. 724-r in Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 13. Article 1995. (In Russ.).
11. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen: Mohr Siebeck, 2001. P. 847. URL: <https://cdn.mohrsiebeck.com/54,ce692d537f420f8fea76ee8ad24ad4.pdf> (accessed: 11.11.2025). (In Russ.).
12. SAE International. Taxonomy and Definitions for Terms Related to Driving Automation Systems for On-Road Motor Vehicles. J3016_202104. URL: <https://ca-times.brightspotcdn.com/54/02/2d5919914cfe9549e79721b12e66/j3016-202104.pdf> (accessed: 11.11.2025). (In Russ.).

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.18>

ЭКСПЕРТИЗА КАК СПОСОБ ДОКАЗЫВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Размик Сергеевич Чилингарян

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

raz.s.ch@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2789-987X>

Аннотация. Введение. В ходе административного процесса довольно часто возникают вопросы, требующие разрешения при помощи специальных познаний. Не являются исключением и правонарушения, совершаемые на особо охраняемых территориях (ООТ) и в их охранных зонах. В этих целях уполномоченные органы, производящие административные расследования и суды, рассматривающие дела об административных правонарушениях назначают экспертизы, в том числе экологические. Досудебные и судебные экспертизы проводятся государственными и негосударственными экспертными учреждениями и организациями. **Материалы и методы.** При написании статьи автором использовались как общенаучные методы познания, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, так и специально-правовые: юридико-технический и другие актуальные методы исследования. **Анализ.** Экспертиза в административном процессе представляет собой вид деятельности, направленной на разрешение вопросов, касающихся обстоятельств, подлежащих доказыванию, на основе специальных знаний, которыми обладают эксперты. Базовым федеральным законом, регулирующим судебную экспертизу выступает ФЗ от 31 мая № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», ис-

точниками института выступают КоАП РФ и КАС РФ. Одним из видов досудебных и судебных экспертиз в большинстве экспертных учреждений является экологическая и связанные с ней иные виды экспертизы. **Результаты.** Несмотря на наличие правовой базы, обилие экспертных учреждений и организаций существует ряд проблем, свойственных на сегодняшний день этому институту.

Ключевые слова: административный процесс, досудебная и судебная экспертизы, государственные и негосударственные экспертные учреждения, особо охраняемые территории

Для цитирования: Чилингарян Р. С. Экспертиза как способ доказывания в административном процессе по делам об экологических правонарушениях на особо охраняемых территориях // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 148–154. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.18>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Статья одобрена после рецензирования: 23.02.2026

Статья принята к публикации: 27.02.2026.

Research article

EXPERTISE AS A METHOD OF PROOF IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS ON ENVIRONMENTAL VIOLATIONS IN SPECIALLY PROTECTED AREAS

Razmik S. Chilingaryan

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina str., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

raz.s.ch@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2789-987X>

Abstract. Introduction. Administrative proceedings frequently raise issues requiring resolution using specialized knowledge. Offenses committed in specially protected areas (SPAs) and their buffer zones are no exception. For these purposes, authorized bodies conducting administrative investigations and courts hearing administrative offense cases commission expert examinations, including environmental ones. Pre-trial and forensic examinations are conducted by state and non-state expert institutions and organizations. **Materials and Methods.** The author uses both general scientific methods of inquiry, such as analysis, synthesis, induction, and deduction, and specialized legal methods: legal, technical, and other relevant research methods. **Analysis.** Expert examination in administrative proceedings is an activity aimed at resolving issues related to circumstances subject to proof, based on the specialized knowledge possessed by experts. The fundamental federal law regulating forensic examination is Federal Law No. 73-FZ of May 31 On State Forensic Activity in the Russian Federation. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation serve as the sources of the

institution. One of the types of pre-trial and forensic examinations in most expert institutions is environmental and related examinations. **Results.** Despite the existence of a legal framework and the abundance of expert institutions and organizations, a number of problems currently exist within this institution.

Keywords: administrative process, pre-trial and forensic examinations, state and non-state expert institutions, specially protected areas.

For citation: Chilingaryan RS. Expertise as a method of proof in administrative proceedings on environmental violations in specially protected areas. Humanities and law research. 2026;13(1):148-154. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.18>

Conflict of interest: the author declares no conflict of interests.

The article was submitted: 15.09.2025

The article was approved after reviewing: 23.02.2026

The article was accepted for publication: 27.02.2026

Введение. Прежде всего следует разграничить несколько видов экспертиз: экологическую и государственную экспертизу намечаемой

хозяйственной и иной деятельности, включающей экспертизу проектной документации на возводимые объекты капитального строительства

или реконструкцию соответствующих объектов и экспертизой, проводимой вследствие совершенного деяния, по признакам, нарушающим законодательство в области охраны окружающей среды и природопользования.

Экологическая экспертиза (государственная и общественная) базируется на нормах ФЗ от 23.11.1995 № 174-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «Об экологической экспертизе» [12]. Ее принципиальная особенность – проверка документов предполагаемой хозяйственной или деятельности на предмет соответствия требованиям охраны окружающей среды. Не вся проектная документация проходит экологическую экспертизу. Объекты этого вида экспертизы указаны в ст. 11 и 12 этого закона. Часть документации, обосновывающей будущую хозяйственную или иную деятельность, подвергаются так называемой государственной экспертизе, основывающейся на нормах Градостроительного кодекса РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 28.08.2024) [3], носящей комплексный характер и одной из составляющих которой выступает экологическая экспертиза (ее объекты указаны в ч. 6 ст. 49 ГрК РФ).

Проведение экспертизы в административном процессе возникает в случаях, когда в производстве по делу требуются специальные познания (ст. 26.4 КоАП РФ).

Назначение экспертизы возможно в случае проведения административного расследования, если, согласно ст. 28.7 КоАП РФ, после выявления административного правонарушения, в том числе в области охраны окружающей среды и природопользования возникает необходимость сбора дополнительных доказательств, которые можно получить только при проведении специальных исследований. Она также может быть назначена в ходе судебного процесса. В литературе, как правило, их называют судебными экспертизами, хотя правильнее, как представляется, именовать их досудебной (или внесудебной) и судебной экспертизами, в зависимости от стадии административного процесса и лица (органа) их назначающего. Обратим внимание, что в этих двух случаях экспертиза приобретает юридический статус, независимо от того кто из участников процесса заявляет требование о ее проведении (речь идет о судебном процессе, поскольку при проведении административного расследования экспертизу назначает лицо, ведущее производство), хотя выводы из заключения экспертизы не являются обязательными для учета судом.

Материалы и методы. Статья основывается на исследовании двух групп объектов: собственно досудебной и судебной экспертизе как одного из способов доказывания при помощи использования специальных знаний, ее правовой основе, видах, статуса органов, осуществляющих экспертные исследования и особенностей экологической экспертизы, которая проводится на особо охраняемых территориях (ООТ)

при совершении административных правонарушений.

Исследование базируется на общенаучных методах познания: анализе, синтезе, индукции, дедукции, иных актуальных методах. Кроме того, мы опирались на использование частно-научных методов, основными из которых является формально-юридический, применяемый при анализе правовых норм, регулирующих экспертные отношения, метод научного толкования в сочетании с анализом юридических текстов позволили не только уяснить смысл действующих и проектируемых правовых норм и выявить их недостатки, но и сформулировать предложения по их совершенствованию.

Анализ

1. Государственная экспертиза

По большинству составов, связанных с нарушениями режима особо охраняемых территорий и объектов (ООТ), дела об административных правонарушениях вправе рассматривать уполномоченные органы, осуществляющие надзорную деятельность в соответствующей области экологических (в широком смысле) отношений. Так, например, органы санэпиднадзора рассматривают дела по статьям 7.2 (в связи с повреждением или уничтожения знаков зон округов санитарной или горно-санитарной охраны курортов) и 8.5 КоАП (в части информации, касающейся атмосферного воздуха); наибольшая компетенция в области проверки соблюдения режима ООТ у Росприроднадзора – за ними закреплены полномочия в отношении особо охраняемых природных территорий федерального значения (ООПТ) (ст. 8.39 КоАП), в сфере обращения с отходами (ст. 8.2 КоАП). Уполномоченные органы субъектов РФ реализуют указанные права в части охраны ООПТ регионального значения и при реализации делегированных полномочий (федеральных полномочий, переданных на исполнение органам субъектов РФ).

В штате этих органов имеются квалифицированные специалисты, обладающие набором соответствующих компетенций, вследствие чего они могут не прибегать к услугам экспертов. Хотя это касается лишь тех органов, где есть соответствующая инструментальная база. Более того, как показывает практика, например, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Ставропольского края проводит экспертные исследования по заказу организаций и при этом в ряде случаев в ходе административного расследования само прибегает к привлечению сторонних экспертов. В частности, краевое МПР проводит экспертные исследования, касающиеся состояния некоторых природных объектов, но обращается в иные экспертные учреждения при необходимости, например, выяснения вида строения (недвижимость или движимое имущество) на территории ООТ или определения соотношения кадастровой и рыночной стоимости земельных участков.

Бланкетный характер норм, регулирующих отношения в сфере административной ответственности за нарушение режима ООТ, требует не просто обращения к нормативным правовым актам. Большинство экологических правонарушений сопряжены с нарушением специальных норм и правил, а также с причинением вреда природным объектам, требующего для определения его размеров наличия специальных познаний и специального оборудования. Экспертизы как судебные, так и досудебные могут иметь место и при необходимости отграничения административного правонарушения и преступления.

Зачастую, чтобы доказать наличие самого противоправного деяния, либо вину правонарушителя, например, необходимо знать относится ли место совершенного деяния к ООТ (иногда бывает сложно установить где проходит граница охранных зон округов горно-санитарной охраны природных лечебных ресурсов курортов, особенно в случаях, когда границы зоны установлены, но не поставлены на кадастровый учет); следует выяснить, есть ли вина предполагаемого правонарушителя в причинении вреда природным объектам ООТ, если такой вред явился следствием хозяйственной деятельности субъекта, осуществляемой на прилегающей к этому ООТ территории и в рамках выданных разрешительных документов. В этих случаях назначается экспертиза. Она может проводиться, как уже отмечалось, в рамках административного расследования или в процессе судебного рассмотрения дела.

Различают экспертизы двух уровней: государственную и негосударственную.

Государственные экспертизы в целом обеспечены нормативно-правовой основой на законодательном и на подзаконном уровнях. Помимо базового закона – КоАП РФ, соответствующие разделы содержатся в кодифицированном процессуальном законодательстве. Разъяснения, касающиеся экспертиз, содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 (в редакции от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ» [5].

ФЗ от 31 мая № 73-ФЗ (в редакции от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» [14] (далее 73-ФЗ) регламентирует базовые установки в исследуемой области отношений, включающие: определение правовой основы судебной экспертной деятельности, принципов, на которых она проводится, объекты исследований, требования, предъявляемые к судебно-экспертным организациям и экспертам, производство экспертизы, финансовое, организационное, научно-методическое и информационное обеспечение ее проведения.

Судебные, равно как и досудебные экологические и связанные с ними экспертные исследования, проводятся различными организациями.

Наиболее широкий спектр экспертиз проводят экспертные учреждения, подведомственные Министерству юстиции РФ. Так, действует соответствующий приказ Минюста РФ от 20.04.2023 N 72 (в редакции от 31.01.2024) [7].

Создана система государственных экспертных учреждений при ряде других правоохранительных органов.

Два вида судебных экспертиз проводятся в экспертно-криминалистических подразделениях МВД: ботаническая и почвоведческая [6].

Еще один орган, имеющий в своем подчинении экспертное подразделение – Следственный комитет России. Такой вид деятельности обозначен в качестве задачи этого органа в Указе Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (в ред. от 14.11.2024) «Вопросы деятельности Следственного комитета РФ» [11]. Один из видов исследований – экологическая экспертиза, включающая экологическое состояние объектов почвенно-геологического происхождения, естественных и искусственных биocenозов, городской среды, водных объектов. И хотя Следственный комитет РФ проводит судебные экспертизы в рамках уголовных дел, теоретически возможно, что по результатам экспертизы преступление будет переквалифицировано в административное правонарушение.

В систему МЧС России входит Федеральная противопожарная служба, которая, в свою очередь, имеет в своем подчинении экспертные подразделения, специализирующиеся на проведении пожарно-технической экспертизы, регламентированные соответствующими правовыми документами [8].

Как уже отмечалось, судебные и досудебные экспертные исследования могут проводиться уполномоченными органами, в нашем случае, надзорными органами в области природных ресурсов и охраны окружающей среды.

2. Негосударственная экспертиза

Наряду с государственными экспертными учреждениями, экспертиза может проводиться негосударственными организациями. Для нас этот вопрос актуален уже в силу того, что в СКФУ успешно действует НОЦ судебной экспертизы и судебных исследований.

На федеральном уровне отсутствует базовый нормативно-правовой акт, подробно регламентирующий негосударственную экспертную деятельность по аналогии с 73-ФЗ, хотя она упоминается достаточно часто, включая федеральные законы (например, в ФЗ от 28.12.2013 № 412 (редакция от 24.07.2023) «Об аккредитации в национальной системе аккредитации») [14],

Есть несколько причин обращения сторон административного процесса к негосударственным экспертным организациям. Первая из них – сроки выполнения экспертных работ. Государственные экспертные учреждения, как правило, крайне загружены.

Вторая причина – отсутствие специалистов проводящих, в частности, экологическую экспертизу и некоторые ее разновидности. Например, ФБУ «Северо-Кавказский региональный центр судебных экспертиз» Минюста РФ не имеют в штате экспертов, выполняющие подобные экспертизы, в результате чего заинтересованные в ней участники процесса вынуждены обращаться в государственные экспертные учреждения, расположенные в других городах, что увеличивает длительность ожидания результатов, либо в негосударственные экспертные организации.

Третья причина – стоимость экспертизы. Как правило, в государственных экспертных учреждениях она выше, чем в негосударственных.

Еще одной причиной обращения к негосударственной экспертной организации является наличие у последней более совершенной инструментальной базы. Например, в Северо-Кавказском федеральном университете имеется в наличии оборудование, используемое для проведения экспертиз, которого нет, в частности, у ФБУ «Северо-Кавказский региональный центр судебных экспертиз» Минюста РФ.

Пятая причина – возможная ангажированность государственных экспертов. Это подтверждает анализ судебной практики по делам об определении кадастровой стоимости земельных участков, в том числе, расположенных на землях ООТ. Здесь требуются пояснения. Дело в том что, например, кадастровая оценка или кадастровая стоимость земельных участков является основой для установления ставок налогов и размера арендной платы, то есть чем выше кадастровая стоимость, тем большие суммы поступают в бюджеты. Известны случаи, когда кадастровая стоимость значительно превышает рыночную. При этом в подавляющем большинстве изученных нами судебных решений по делам, где оспаривается кадастровая оценка земельных участков, судебные решения, основанные на экспертных заключениях, не меняют размеров кадастровых оценок. Приведем пример. ФГУП НПЦ им. М. В. Хруничева обратилось с административным иском об изменении кадастровой стоимости, значительно превышающей рыночную, в отношении земельного участка из земель ООТ, на котором расположена принадлежащая НПЦ база отдыха. Решение суда было предсказуемым: административный иск не был удовлетворен [2].

В литературе рассматривается положение негосударственных экспертов и негосударственных экспертных организаций, и высказываются предложения по совершенствованию их нормативно правовой базы, оценки эффективности их деятельности, с некоторыми из которых можно согласиться. Так, плодотворны предложения о необходимости принятия федерального закона, регламентирующего проведение судебных экспертиз такими организациями [1]. Соответствующий законопроект ФЗ N 306504-6 «О судебно-

экспертной деятельности в РФ» был рассмотрен Госдумой России в первом чтении еще в 2013 году, однако в качестве закона он так и не был принят. Действительно, наряду с нормами, которые могли бы повысить эффективность судебных экспертиз, некоторые положения проекта вызывают вопросы. Так, в отличие от 73-ФЗ, в законопроекте одновременно регламентируется деятельность обеих видов экспертиз; уточняются требования, предъявляемые к экспертам (предполагается сертификация их деятельности, подтверждающая квалификацию экспертов).

Существенные же, на наш взгляд, недостатки сводятся к следующим.

Во-первых, проект допускает в случае, когда государственное экспертное учреждение не может провести соответствующее исследование по территориальной принадлежности обратиться в другое территориальное экспертное учреждение, но это и сейчас не запрещено.

Во-вторых, проект предусматривает возможность создания негосударственных экспертных формирований только как некоммерческих организаций и в случае, если уставными документами экспертиза названа в качестве основного вида деятельности. Такой подход ограничивает возможность коммерческих целей экспертных организаций (хотя НКО вправе заниматься коммерческой деятельностью, но в ограниченных пределах); значительно сужается спектр видов деятельности, например, СКФУ имеет в качестве основного вида образовательную деятельность, что не мешает существованию в его структуре НОЦ судебной экспертизы и судебных исследований, положительно зарекомендовавший себя на рынке экспертных услуг, поскольку в его штате работают высокопрофессиональные преподаватели различных специальностей и в наличии имеется высокотехнологичная инструментальная база.

В-третьих, вызывает вопросы перечень органов и лиц, имеющих право назначать судебную экспертизу. Пункт 5 ст. 1 законопроекта, наряду с судами и судьями, включает дознавателей и органы дознания, субъектов, в чьем производстве находятся дела об административных правонарушениях, следователей. Как представляется, здесь следует обозначить экспертизу как досудебную, но не судебную.

Отсутствие нормативно-правовой базы негосударственной экспертизы и пробелы в правовом регулировании государственной экспертизы побуждают ученых высказывать предложения, направленные на совершенствование деятельности судебно-экспертных организаций (СЭО). Можно, например, согласиться с Ю. А. Антилевской и ряда других авторов о необходимости создания Единого реестра судебных экспертов и экспертных организаций (правда, автор говорит лишь о негосударственных экспертных организациях). По мнению автора, созданию реестра должна предшествовать государственная аккредитация, которую

следует проводить Росаккредитации как органу, являющемуся не только уполномоченным в этой сфере общественных отношений, но и не участвующим в проведении судебных экспертиз, что подчеркивает его ведомственную незаинтересованность и независимость [1].

По нашему мнению, такой реестр, как информационный ресурс, должен включать всех субъектов судебной экспертной деятельности с указанием выполняемых ими видов экспертиз.

Однако не все виды интересующих нас экспертиз могут проводить негосударственные экспертные организации. На этот счет принято распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р в редакции от 31.10.2023 «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» [9]. К таковым относятся: сегмент судебных землеустроительных экспертиз, связанных с уже упоминавшийся экспертизой рыночной стоимости земельных участков при оспаривании их кадастровой стоимости, и строительно-техническая экспертиза; судебные экспертизы по гражданским делам, по поводу самовольного строительства. Критикуя такой подход, в литературе называют это решение «государственным протекционизмом» и нарушением принципа состязательности в судебных процессах [4]. Об ангажированности государственных экспертных организаций при установлении соотношения кадастровой и рыночной стоимости земельных участков мы уже говорили. Правда, такой вид экспертизы подпадает категорию «оценочная экспертиза», однако в уже упомянутом постановлении Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р он поименован как строительно-техническая экспертиз, содержание которой гораздо шире по содержанию чем оценочная, и включает иные, кроме оценочной экспертизы, виды исследований, которые дозволено проводить негосударственным организациям.

Что же касается собственно экологических и связанных с ними судебных и досудебных экспертиз, то их значение трудно переоценить, с точки зрения соблюдения режима ООТ, недопущения уменьшения их территории, нарушения природных связей между компонентами окружающей среды, исчисления ущерба, причиненного ООТ.

Зачастую, чтобы доказать наличие самого противоправного деяния, либо вину правонарушителя, например, необходимо знать относится ли место совершенного деяния к ООТ (иногда бывает сложно установить где проходит граница охранных зон округов горно-санитарной охраны природных лечебных ресурсов курортов, особенно в случаях, когда границы зоны установлены, но не поставлены на кадастровый учет); следует выяснить, есть ли вина предполагаемого правонарушителя в причинении вреда природным объектам ООТ, если такой вред явился следствием хозяйственной деятельности субъ-

екта, осуществляемой на прилегающей к этому ООТ территории и в рамках выданных разрешительных документов. В этих случаях назначается экспертиза. Она может проводиться, как уже отмечалось, в рамках административного расследования или в процессе судебного рассмотрения дела.

Приведем несколько примеров, показывающих какие вопросы решают экологические и связанные с ними исследования.

Так, почвоведческая экспертиза может иметь своей целью выявление места совершения правонарушения, причем это касается как общеуголовных составов преступлений, например, таких преступлений как убийство, так и специально экологических, в частности, от определения места совершения экологического правонарушения до вреда, причиненного почвам, в том числе на территориях ООТ.

Сугубо экологической, как представляется, с точки зрения объектов судебной экологической экспертизы, являются исследования биоценозов. Этот вид экспертизы именуется также эколого-биологической экспертизой. Биоценоз, как известно, представляет собой устойчивое, исторически сложившееся сообщество представителей растительного и животного мира на определенной территории (участке земли или водного объекта) и взаимодействующие как между собой, так и с другими, расположенными в этих пределах компонентами окружающей среды. Задача этого вида экспертизы – выявить источник и степень негативного влияния хозяйственной и (или) иной деятельности на подвергшийся ей биоценоз, а также установить причинно-следственную связь между ними.

Поскольку биоценозы или экологические экосистемы многокомпонентны, объектом такой экспертизы может выступать один или несколько из них. Так, АО «Мосводоканал» был привлечен к административной ответственности в виде штрафа в сумме 400000 руб. по ст. 8.42 КоАП РФ – использование прибрежной защитной полосы водного объекта, водоохранной зоны водного объекта с нарушением ограничений хозяйственной и иной деятельности (это территории с особыми условиями использования, которые должны квалифицироваться как ООТ). Не согласившись с постановлением надзорного органа, АО обратилось в суд. Решением судьи районного суда постановление было оставлено в силе. Фабула дела такова: рейдовая проверка надзорного органа в пределах береговой полосы реки Москва обнаружила погибшую рыбу. В ходе проведения административного расследования была назначена ихтиологическая экспертиза, результаты которой показали значительное превышение загрязняющих веществ в сточных водах очистных сооружений, принадлежащих АО «Мосводоканал». Московский городской суд, основываясь на экспертном заключении, протоколе результатов биотестирования,

протоколах тестирования проб воды оставил решение судьи районного суда без изменений. Таким образом, можно говорить о комплексном объекте экспертизы: воды реки Москва, условий обитания водных биологических ресурсов, территории прибрежной защитной полосы [10].

В то же время возникает ряд вопросов относительно объектов экспертной деятельности.

Так, например, в экспертных учреждениях, находящихся в системе Минюста РФ, могут выполняться следующие виды экспертиз: почвоведческая (исследуются объекты почвенного происхождения), экологическая, в качестве объектов которой выступают исследования экологического состояния: почвенно-геологических объектов, биоценозов, городской среды, водных объектов, а также определение стоимости восстановления нарушенных (поврежденных) природных объектов. Леса включены в объекты биологических экспертиз, поименованные как исследования объектов растительного и животного происхождения.

То есть, с одной стороны, наблюдается дублирование видов экспертиз, с другой, - в этом экспертном органе по каким-то причинам «разорваны» звенья одной цепи, ведь все эти виды экспертиз связаны единым объектом – экологической системой и отдельными ее компонентами.

В литературе приводятся примеры, когда необходимо проведение комплексной землеустроительной и экологической экспертизы: на землях обнаружены строительные и коммунальные отходы, в результате чего имеет место загрязнение земель, либо снятие грунта или почвенно-растительного покрова. При этом эксперт по землеустройству будет определять пространственные параметры (площадь несанкционированной свалки, объемы изъятых грунтов), тогда как эксперты-экологи – состав загрязняющих веществ и их соединений, оценку ущерба и суммы,

необходимые для его возмещения. Здесь также налицо пересечение компетенций экспертов-экологов и экспертов-землеустроителей.

Результаты. Проведенный анализ института экспертизы в административном процессе позволяет сделать определенные выводы, направленные на его совершенствование.

Отсутствие нормативной правовой базы негосударственной экспертизы затрудняет деятельность организаций, которые ее проводят, в связи с чем мы поддерживаем идею принятия соответствующего федерального закона. Это может быть специализированный закон о негосударственной судебной экспертизе, либо редакция 73-ФЗ, включающая соответствующие нормы, более подробно регламентирующие данный институт. Отсутствие критериев создания негосударственных экспертных организаций, должного государственного контроля за их деятельностью снижает эффективность использования данного инструментария. Требуется уточнение терминология. Полагаем, что экспертизы, назначаемые в ходе проведения административного расследования обозначать как досудебную или внесудебную экспертизу. По нашему мнению, необходимо унифицировать названия видов экспертиз.

Кроме того, следует создать Единый реестр судебных экспертов и экспертных организаций, как информационный ресурс, который должен включать всех субъектов судебной экспертной деятельности, с указанием выполняемых ими видов экспертиз.

Еще одна проблема, требующая решения – нехватка экспертных кадров в области проведения экологической экспертизы при том, что отечественные вузы готовят специалистов (бакалавров и магистров) по направлению подготовки «Экология и природопользование».

Литература

1. Антилевская Ю. А. Единый реестр экспертных кадров: основа обеспечения качества судебно-экспертной деятельности и верифицированный ресурс для правоохранительных органов // СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное решение Московского областного суда по делу № 33-9783/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 28.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Комиссаров Г.А. Государственный протекционизм в делах об оспаривании кадастровой стоимости // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 (в редакции от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ МВД России от 29.06.2005, № 511 (в редакции от 27.09.2023) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел МВД России» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Приказ Минюста России от 20.04.2023 (в ред. от 31.01.2024) Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных организациях Минюста России // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ МЧС РФ от 19.08.2005 № 640, утвердивший Инструкцию по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях Федеральной противопожарной службы // СПС «КонсультантПлюс».
9. Распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р в редакции от 31.10.2023 «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Решение Московского городского суда от 16.01.2018 № 7-60/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (в ред. от 14.11.2024) «Вопросы деятельности Следственного комитета РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «Об экологической экспертизе» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Федеральный закон от 28.12.2013 № 412 (редакция от 24.07.2023) «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 31 мая № 73-ФЗ (в редакции от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Antilevskaya YuA. Unified Register of Expert Personnel: A Basis for Ensuring the Quality of Forensic Expertise and a Verified Resource for Law Enforcement Agencies in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
2. Appellate Decision of the Moscow Regional Court in Case No. 33-9783/2016 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
3. Urban Development Code of the Russian Federation of December 29, 2004, No. 190-FZ (as amended on August 28, 2024) in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
4. Komissarov GA. State Protectionism in Cases Contesting Cadastral Value in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2005 (as amended on December 23, 2021) On Certain Issues Arising in Courts When Applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of June 29, 2005, No. 511 (as amended on September 27, 2023) Issues of Organizing the Production of Forensic Examinations in the Forensic Units of the Internal Affairs Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
7. Order of the Ministry of Justice of Russia of April 20, 2023 (as amended on January 31, 2024) On Approval of the List of Types of Forensic Examinations Performed in Federal Budgetary Forensic Organizations of the Ministry of Justice of Russia in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
8. Order of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation dated August 19, 2005, No. 640, approving the Instructions for the Organization and Conduct of Forensic Examinations in Forensic Institutions and Expert Units of the Federal Fire Service in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
9. Order of the Government of the Russian Federation dated November 16, 2021 No. 3214-r, as amended on October 31, 2023, On the List of Types of Forensic Examinations Conducted Exclusively by State Forensic Organizations in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
10. Decision of the Moscow City Court dated January 16, 2018 No. 7-60/2018 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
11. Decree of the President of the Russian Federation of January 14, 2011, No. 38 (as amended on November 14, 2024) On the Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
12. Federal Law of November 23, 1995, No. 174-FZ (as amended on August 8, 2024) On Environmental Expertise in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
13. Federal Law of December 28, 2013, No. 412 (as amended on July 24, 2023) "On Accreditation in the National Accreditation System" in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
14. Federal Law of May 31 No. 73-FZ (as amended on July 22, 2024) On state forensic activity in the Russian Federation in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.19>

К ПРОБЛЕМАТИКЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕАДДИТИВНОСТИ МОТИВИРОВАННЫХ ЛЕКСЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Виолетта Михайловна Грязнова

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

Доктор филологических наук, профессор

violetta-sgy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9594>

Аннотация. Введение. Проблематика неаддитивности в лингвистике рассматривается в структурном и семантическом аспектах по отношению как к членимым, так и псевдочленимым лексемам. Актуальность статьи основана на отсутствии работ, посвященных разграничению семантической идиоматичности в мотивированном слове на лексическую и словообразовательную. Цель статьи – выявить сущностные характеристики видов семантической идиоматичности в мотивированных именах существительных. **Материалы и методы.** Материалом послужили дефиниции ряда лексем в толковых словарях русского языка XIX – XXI вв. и выборка текстов, включающих данные номинации, из Национального корпуса русского языка. Использовались следующие методы: компонентный анализ, метод дефиниционного анализа словарных статей, сопоставительный метод, метод контекстологического анализа. **Анализ.** На основе собранного материала автор выявляет два типа идиоматичности в семантике мотивированных и членимых имен существительных: а) словообразовательную идиоматичность, б) лексическую идиоматичность. Автор выявляет, что словообразовательная идиоматичность основана на конвенции, предполагающей знание носителем языка веера значений того или иного словообразовательного типа, для нее характерна прозрачная семантическая связь мотивирующего и мотивированного слов, базирующаяся на основной семе исходной лексемы. Лексическая фразеологичность возникает в силу ряда прагматических факторов: изменений в обществе, культурологи-

ческих и иных ассоциаций в сознании носителя языка. Это индивидуальное лексическое наращение, которое невозможно вывести ни из значения мотивирующей лексемы, ни из возможных значений словообразовательного типа. Семантическая связь мотивирующего и мотивированного слов является непрозрачной, вершинная сема исходной лексемы находится на периферии значения мотивированного слова. В этом случае нормативный договор находится вне системы возможных модификаций словообразовательного типа. **Результаты.** В целом материал позволяет автору сделать вывод о том, что семантическая неаддитивность мотивированного и членимого слова может быть разной степени и требует от носителя языка знаний в области словообразовательной и лексической конвенции.

Ключевые слова: неаддитивность, семантика, мотивированные имена, словообразовательный тип

Для цитирования: Грязнова В. М. К проблематике семантической неаддитивности мотивированных лексем в русском языке // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 155–160. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.19>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2025

Статья одобрена после рецензирования: 23.02.2026

Статья принята к публикации: 27.02.2026.

Research article

ON THE PROBLEM OF SEMANTIC NON-ADDITIVITY OF MOTIVATED LEXEMES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Violetta M. Gryaznova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

violetta-sgy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9594>

Abstract. Introduction. The article examines the features of the semantics and pragmatics of lexemes with the metaphorical quantitative meaning “indefinite large number”, which occurs in colloquial speech in the process of nominating a large (more than the norm, measure) number of things, objects, and artifacts. **Materials and methods.** The material consisted of dictionary entries of lexemes *arsenal, pile, bulk, pile, blockage, pile, box, pile, row, fountain, stack* and fragments of colloquial speech, including these words in a figurative sense. Using general scientific methods, as well as linguistic ones, primarily the method of component analysis, the definitions of dictionary entries of these lexemes were analyzed, the features of their semantics, pragmatics and their lexical compatibility in everyday communication were considered. **Analysis.** In the course of the work, the metaphorical quantitative meaning of the studied words was characterized, the dynamics of its formation during the XX-XXI centuries was shown based on the definitions of explanatory dictionaries and colloquial texts. The peculiarities of the semantic structure of each lexeme in the named meaning are revealed during the analysis of its lexical com-

patibility and in comparison with the lexical compatibility of the nominations included in the studied group. **Results.** The use of the named names of things, objects, and artifacts in everyday speech as metaphorical quantitative nominations with the meaning of “indefinite large number” is specific to each lexeme and is determined by its specific lexical compatibility. The degree of loss of nominative meaning in the studied lexemes is different, which is related to the possibility or impossibility of their interchangeability in similar contexts.

Key words: semantics, pragmatics, metaphorization, quantifiers, usage, nomination

For citation: Gryaznova VM. On the problem of semantic non-additivity of motivated lexemes in the Russian language. Humanities and law research. 2026;13(1):155-160. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.19>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests. The article was submitted: 15.09.2025

The article was approved after reviewing: 23.02.2026

The article was accepted for publication: 27.02.2026

Введение. Проблематика сегментации словоформы (слова) в современном языкознании описывается на основе аддитивной модели морфологии, которая предполагает, что а) сумма формальных составных частей словоформы (с учетом фонетических и исторических чередований) равна целому, т.е. словоформе, б) сумма семантических компонентов составных частей словоформы равна значению словоформы в целом.

Современные лингвисты обратили внимание на тот факт, что простое соединение грамматических и лексических значений составных частей лексемы довольно часто не приводит к той информации, которая выражается словом в целом. Поиски лексикологов и морфологов в русском и зарубежном языкознании привели к выявлению феномена идиоматичности (фразеологичности) слова (основы слова).

Понятие идиоматичности в языкознании применяется, как правило, по отношению к лексической семантике членимых и мотивированных слов. Идиоматичность (фразеологичность) семантики слова большинство исследователей понимает как несводимость лексического значения членимой и мотивированной лексемы к произведению (сумме) значений его частей. Так, М.В. Панов пишет: «Целое есть не только произведение частей, но и добавленная некая величина: $A \times B + (X)$ » [3, с. 146; 2, с. 73-80; 1, с.116-117]. Аналогично понимает идиоматичность как свойство лексической семантики членимых и мотивированных слов В. А. Плунгян, о чем свидетельствуют примеры идиоматичности в его работах (анализ значения слов типа *белок*, *желток*) [4, с. 48].

В то же время к проблематике идиоматичности относят значения и псевдочленимых, немотивированных в синхронном аспекте лексем типа *чулок*, *песок* или *брусника*, *клубника* [4, с.49, 50].

Несмотря на наличие работ по проблематике семантической неаддитивности, разграничение семантической идиоматичности на лексическую и словообразовательную в мотивированном слове еще не изучено.

Объектом нашей работы является совокупность случаев идиоматичности в содержании членимых и мотивированных существительных в современном русском языке. Предмет работы – виды семантической идиоматичности названных мотивированных лексем.

Цель статьи – выявить сущностные характеристики видов семантической идиоматичности в мотивированных именах существительных.

Материалы и методы. Материалом работы послужили значения мотивированных имен существительных, выбранных из толковых словарей XIX–XXI вв., а также значения данных лексем в текстах, зафиксированных в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). Кроме общенаучных исследовательских методов использовались следующие специальные лингвистические методы: компонентный ана-

лиз значения языковых единиц, метод дефиниционного анализа словарных статей, метод контекстологического анализа, метод лингвистического наблюдения.

Анализ. Анализ собранного материала выявил две разновидности лексической идиоматичности.

Первый вид предполагает прозрачные отношения мотивации мотивирующего и мотивированного слов, основанные на центральной семе лексического значения мотивирующей языковой единицы. Первый вид идиоматичности является обусловленным многозначностью суффикса, которая определяет и многозначность словообразовательного типа с данным суффиксом, репрезентирующегося веером словообразовательных моделей. Таков суффикс *-(н)ик* (*-овник*, *-арник*, *-атник*) в отсубстантивных моделях. В трудах по русскому словообразованию традиционно значения данного суффикса считаются входящими в одну семантическую структуру, т.е. многозначными, хотя эти значения могут характеризовать как предмет ('то, что'), так и лицо ('тот, кто'), и не имеют общего семантического словообразовательного признака. Поскольку граница между полисемией и омонимией на шкале семантической связанности в принципе является неотчетливой, в данной работе мы склоняемся к традиционному взгляду на семантическое содержание суффикса *-(н)ик* и его алломорфов и считаем значения данного суффикса многозначными, соответственно и словообразовательный тип, основу форманта которого составляет данный суффикс, относим к многозначным.

Суффикс *-(н)ик* (*-овник*, *-арник*, *-атник*) может быть формантом в существительных, мотивированных также существительными (конкретными, абстрактными, вещественными), различных словообразовательных моделей (далее СМ) многозначного словообразовательного типа «со словообразовательным значением 'предмет (одушевленный или неодушевленный) характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом'» [5, с. 183]. Эти СМ можно объединить в две группы:

1. имя существительное: суффикс *-(н)ик* с общим словообразовательным значением неодушевленного предмета. Это может быть
 - собственно неодушевленный предмет (*градусник*),
 - вместилище разного рода: а) помещение (*коровник*), б) пространство (*виноградник*), в) сосуд (*салатник*), г) сочинение (*задачник*),
 - растение (*пустырник*);
2. имя существительное: суффикс *-(н)ик* с общим словообразовательным значением одушевленного предмета. Это может быть
 - лицо по профессии, роду занятий (*фокусник*, *булочник*, *скатертник*),
 - лицо по внешнему или внутреннему признаку (*причудник*, *завистник*, *фрачник*, *сюртучник*),

- животное (*крапивник* – ‘птица’).

Для ряда слов указанных моделей характерна множественность мотивации, мотивирующее слово может быть как существительным, так и прилагательным: *капризник* (мотивирующее слово *капризы* и *капризный*), *горчичник* (мотивирующее слово *горчица* и *горчишный*).

Понимание большинства приведенных выше мотивированных существительных с суффиксом -ник зависит от лексико-семантической принадлежности лексического значения мотивирующего слова. Если мотивирующее слово называет различные склонности человека (*причуды* - *причудник*, *зависть* - *завистник*), то носитель языка без труда определяет добавленную величину в содержании лексемы – ту или иную характеристику человека – и без труда понимает значение мотивированного слова, в соответствии со значением мотивирующего слова. В подобных словах семантическая неаддитивность отсутствует. Сумма семантических компонентов составных частей основы слова равна значению слова в целом.

В то же время, если мотивирующее слово называет различные неодушевленные предметы или животных, которые человек может применять в своей профессиональной деятельности, то определить добавленный смысл можно только конвенционально. Например, наименования по предметам:

- изготовления (*веник* – *веничник*),
- охоты (*медведь* – *медвежатник*),
- выращивания (*гусь* – *гусятник*),
- продажи (*лоскуты* – *лоскутник*),
- одежды (*кафтанник*),
- продуктов питания, кушаний (*сметана* – *сметанник*),
- приспособлений, инструментов (*рожок* - *рожекник*).

Для того чтобы знать конвенцию, нужно владеть словообразовательными и лексическими нормами, которые носитель языка усваивает в процессе овладения мотивированной лексикой русского языка. Ведь *коровник* может обозначать человека, ухаживающего за коровами, и помещение для коров; *тетережатник* – помещение для разведения тетеревов и охотника, промыслящего ловлей тетеревов; существительные *супник*, *соусник* могут обозначать лиц, готовящих супы, соусы, а также емкости; слово *виноградник* может обозначать людей, занимающихся разведением винограда, и территорию; существительное *задачник* может обозначать людей, занимающихся составлением сборников задач, и вместилище составленных задач.

Словообразовательная семантика подобных существительных потенциально многозначна, это веер возможных предметных и личных словообразовательных значений, которые в разные эпохи реализуются в нормативном языке. Причем в одно и то же время предметные и личные значения разных лексем могут реализоваться как совместно, так и раздельно. Данные значения

являются фактом языка, нормой, между ними существуют явные и неявные связи. Контекст не играет определяющей роли в опознавании того или иного словообразовательного и лексического значения, так как паттерны, шаблоны значений многозначного слова существуют в языковом сознании носителя, они формируются в процессе усвоения языка, контекст только актуализирует то или иное значение. Перед нами явление словообразовательной семантической фразеологичности. Сумма семантических компонентов составных частей слова неравна значению слова в целом. Носитель языка понимает значение такого мотивированного слова, опираясь на знания значений вариантов данного словообразовательного типа, а также на широкий контекст.

Совмещение предметных и личных значений может быть в разных вариантах, что зафиксировано в толковых словарях XIX – XX вв. Так, по данным Сл. 1847 г., существительное *картофельник* называло *вид травы* (предметное СЗ ‘то, что является совокупностью растений, названных мотивирующим словом’) и *человека* (личное СЗ ‘тот, чьи вкусовые предпочтения связаны с предметом, названным мотивирующим словом’), любящего употреблять в пищу картофель. *Картофельник* 1. Картофельная трава. 2. Охотник до картофеля [9, с. 164].

Многозначная лексема *кофейник* называло вместилище и любителя кофе. *Кофейник* 1. Суд, в котором варят кофе (предметное СЗ ‘то, что является вместилищем для приготовления того предмета, который назван мотивирующим словом’). 2. Охотник до кофея (личное СЗ ‘тот, чьи вкусовые предпочтения связаны с предметом, названным мотивирующим словом’) (9, с. 201).

Многозначное слово *табачник* могло называть *человека по профессии* и *любителя табака*: *Табачник* 1. Продающий табак (личное СЗ ‘тот, кто профессионально использует предмет, названный мотивирующим словом’). 2. Охотник нюхать или курить табак (личное СЗ ‘тот, чьи вкусовые предпочтения связаны с предметом, названным мотивирующим словом’) [9, с. 266].

Многозначная лексема *гусятник* по данным БАС называет *человека по профессии, определенную птицу и вид травы*: *Гусятник* 1. Погонщик или продавец гусей. 2. Большой ястреб, который ловит диких гусей. 3. Травянистое растение семейства розоцветных, то же, что гусиная трава (БАС).

Встречаются лексемы, в семантической структуре которых реализуются практически все возможные реализации словообразовательных моделей, возможных для изучаемого СТ «отыменное существительное + суффикс (н)ик». Так, существительное *ягодник* в первой половине и середине XIX столетия имело шесть значений, из которых четыре обозначали предметы, а два – лицо. *Ягодник* 1. Варенье, приготавливаемое из ягод (предметное СЗ ‘то, что является кушаньем, изготовленным из предмета, названного мотивирую-

щим словом'). 2. Пирог с ягодами (предметное СЗ 'то, что является кушаньем, изготовленным с применением предмета, названного мотивирующим словом'). 3. Наливка из ягод (предметное СЗ 'то, что является питьем, изготовленным из предмета, названного мотивирующим словом'). 4. Огород для развода ягод (предметное СЗ 'то, что является территорией для разведения предмета, названного мотивирующим словом'). 5. Охотник до ягод (личное СЗ 'тот, чьи вкусовые предпочтения связаны с предметом, названным мотивирующим словом'), 6. Продавец ягод (личное СЗ 'тот, кто профессионально использует предмет, названный мотивирующим словом') [9, с. 480].

В БАС у слова *ягодник* количество как предметных, так и личных значений сократилось. Они таковы: 1. Место, где растут ягоды, разводят ягоды растения (предметное СЗ 'то, что является территорией для разведения предмета, названного мотивирующим словом'). 2. Ягодное растение (предметное СЗ 'то, что является совокупностью растений, названных мотивирующим словом'). 3. Разг. Тот, кто собирает или любит собирать ягоды (личное СЗ 'тот, чьи вкусовые предпочтения связаны с предметом, названным мотивирующим словом') [7, с. 2036].

В широком контексте носитель языка легко различает названные значения, основываясь на знании словообразовательной конвенции в процессе выбора нужного в данной речевой ситуации определенного значения. (примеры взяты из НКРЯ).

- «Но как хорошо было в *ягодниках* и сосновых пустошах, державшихся недалеко от берега, чтоб подгонять рыжик густыми, дающими рост туманами... [Валентин Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана (2003) // «Наш современник», 15.11.2003]. «С таким псом маленьких девочек отпускают на дальние *ягодники*, за полдня пути». [Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)] – значение 'место'.

- «Сад стал крупнейшей коллекцией северных урало-сибирских сортов яблонь и *ягодников*, базой для лаборатории биологически активных веществ». [Ю. Вигоров. Занимался в науке, чем хотел и чем мог // «Наука и жизнь», 2008] – значение 'совокупность растений'.

- «Пришли мы с ним на базар, подошли к дощатым лоткам, на которых продавали «дары леса» грибки и *ягодники*». [Б. А. Роцин. Встречи (1985)] значение 'продавец ягод'.

- «От говора птенцов, от шума птиц, от запаха цветущих трав, от босоногих *ягодников*, то и дело пробегающих через льны, – ох уж они, эти *ягодники*! – от всех от них, пожалуй, пришла пора отдохнуть». [Ю. Н. Куранов. Дни сентября (1969) // «Роман-газета», 1987, №17, 1987] – значение 'сборщик ягод'.

Необходимо учитывать, что изучаемые лексемы могут развивать переносные значения, которые не относятся к объекту и предмету нашего изучения, так как находятся вне сферы слово-

образования. Например, существительное *макаронник*, кроме прямых значений, имеет в БАС и переносное метафорическое значение, возникшее на основе сходства: *Макаронник* запеканка из макарон. 3. Собир. Деревянная стружка [7, с. 506]. Лексема *гусятник*, по данным Сл. 1847 г., имела в своем содержании переносное метонимическое ассоциативное значение: *Гусятник* 1. Погонщик или продавец гусей. 2. Простон. Название дня 15 сентября, потому что в это время обыкновенно бьют гусей [9, с. 304].

Первый вид семантической фразеологичности мотивированного слова является неполной идиоматизацией значения лексемы, так как возможные варианты ее значения легко вычисляются путем их перебора в сознании носителя языка, а связь с мотивирующим словом является прозрачной. Подобного рода фразеологичность определяется нами как явление словообразовательной семантики.

Второй вид идиоматичности. Словообразовательное и лексическое значение мотивированного и членимого слова так же, как и в первом виде идиоматичности, является конвенциональным, но нормативный договор находится вне системы возможных модификаций словообразовательного типа, относится к лексическим нормам. Это индивидуальное лексическое наращение, которое невозможно вывести ни из значения мотивирующей лексемы, ни из возможных значений словообразовательного типа. Лексическое значение такого слова только опирается на определенную, причем неосновную сему в содержании мотивирующей языковой единицы. Словообразовательное значение отягощается рядом тех или иных компонентов смысла. Подобного рода фразеологичность определяется нами как явление лексической семантики.

Напр., слово *молочник* в литературном языке XIX в. обладало пятью значениями, из которых четыре относятся к первому виду идиоматичности (№ 1, 3, 4 и 5). Эти значения выводятся из основной ядерной семы мотивирующего слова *молоко*: *Молочник* 1. Сосуд, употребляемый для держания молока (предметное СЗ 'то, что является вместилищем для приготовления того предмета, который назван мотивирующим словом'). 3. Охотник до молока (личное СЗ 'тот, чьи вкусовые предпочтения связаны с предметом, названным мотивирующим словом'). 4. Торгующий молоком, поставляющий куда-л. молоко (личное СЗ 'тот, кто профессионально использует предмет, названный мотивирующим словом'). 5. Растение (предметное СЗ 'то, что является совокупностью растений, названных по мотивирующему слову' – сок этого растения называют млечным, т.к. он напоминает молоко – В.Г.) [9, с. 213].

В то же время такое значение существительного *молочник*, как 'детеныш какого-н. животного', не вписывается в веер возможных модификаций многозначного словообразовательного типа

с суффиксом -ник и его алломорфами, обладающе-го «словообразовательным значением 'предмет (одушевленный или неодушевленный) характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом'» (РГ-80). Хотя се-ма 'детеныш' и находится на дальней периферии содержания мотивирующего слова *молоко*, в целом названное значение находится вне словообразова-тельных вариаций изучаемого СТ. Мотивирован-ность слова *молочник* в значении 'детеныш какого-н. животного' ослабевает, но остается, отношения мо-тивации лексем *молоко* и *молочник* становятся не-прозрачными, но все же наличествуют.

Наличие неявной мотивации лексем *моло-ко* и *молочник* в названном значении подтверждает анализ лексической и словообразовательной семантики аналогичного значения существитель-ного *кашник*. Это слово имело в литературном языке XIX века имело три значения, два из кото-рых относятся в идиоматичности первого вида, т.к. мотивируются основной семой в значении су-ществительного *каша* (№ 1 и 2): *Кашник* 1. Горшок для варения каши (предметное СЗ 'то, что явля-ется вместилищем для приготовления того пред-мета, который назван мотивирующим словом'). 2. Охотник до каши (личное СЗ 'тот, чьи вкусовые предпочтения связаны с предметом, названным мотивирующим словом'). 3. Ребенок, дитя [9, с.163]. Третье значение 'ребенок, дитя' относится к идиоматичности второго вида, так как не обла-дает полной выводимостью из содержания слова *каша*; мотивация происходит на основе второсте-пенной и периферийной семы существительного *каша* - 'обычная еда детей'.

Второй вид идиоматичности мог возникать в результате появления у лексем, находящихся в отношениях мотивации, социокультурных второ-степенных сем. Таковы значения № 2 у существи-тельных *макаронник* и *кумысник*: *Макаронник* 1 Запеканка из макарон. 2. Устар. Шутливое про-звище итальянцев [7, с. 506]. *Кумысник* 1. Разг. Тот, кто пьет кумыс, лечится кумысом. 2. Устас. Простор. Пренебрежительное название башкир-цев (7, с. 1838). Мотивирующие слова *макаронны* и *кумыс* на дальней периферии своего значения содержат сему 'представитель определенного эт-носа, выделяющий данный продукт из прочих', именно этот семантический компонент мотивиру-ет названные значения, хотя отношения мотива-ции слов *макаронны* и *макаронник* в значении 'ита-льянец', *кумыс* и *кумысник* в значении 'башкирец' являются неявными.

И.С. Улукханов, описывая значение мотиви-рованного глагола *белить* ('делать белым мелом, известью') характеризует его как имеющее лекси-ческую фразеологичность вследствие наличия дополнительных семантических компонентов 'ме-лом, известью' [6, с. 97].

Явление семантической неаддитивности характерно и для мотивированных других слово-образовательных типов. Так, в значении ряда мо-тивированных имен, относящихся к словообразо-

вательному типу глагол + суффикс -льник с лич-ным значением, реализующимся в ряде частных моделей, находим явление фразеологичности их семантики первого и второго вида.

К первому виду семантической неаддитивно-сти, на основании толкований в Сл. 1847 г., относят-ся, например, значения лексем *радельник* – радею-щий о чем, усердствующий кому [9, с. 4]; *обиталь-ник* - обитающий где-л., житель [9, с. 13]; *молчаль-ник* – наложивший на себя обет всегдашнего молча-ния [9, с. 321]; *синильник* – ремесленник, окрашива-ющий что-л. в синюю краску [9, с. 23].

Содержание данных существительных ос-новано на заимствованной из мотивирующего гла-гола (соответственно *радеть*, *обитать*, *молчать*) основной семе – обозначение того или иного со-стояния или процесса. Словообразовательное зна-чение данных лексем является неодинаковым. У существительных *радельник*, *обитальник* – это агентивное значение «тот, кто совершает действие, названное мотивирующим глаголом». У слова *мол-чальник* – это атрибутивное значение «тот, кто ха-рактеризуется по действию мотивирующего глаго-ла, склонен к нему». Лексема *синильник* обладает значением рода занятий.

Носитель языка не может определить слово-образовательное значение (агентивное или атрибу-тивное, или рода занятий) лексем, относящихся к словообразовательному типу глагол + суффикс -льник, без знания конвенции. Конвенция предпо-лагает владение словообразовательными норма-ми в части знания вариантов значений словообразова-тельных моделей словообразовательного типа гла-гол + суффикс -льник, которые усваиваются в про-цессе овладения мотивированной лексикой. Перед нами случай *словообразовательной* семантической фразеологичности первого вида.

Существительное *сидельник* – сидящий у кого-л. по ночам для разговора при бессоннице и у постели больного для прислуги [9, с. 123], за-фиксированное в Сл. 1847 г., по нашему мнению, относится к явлению *лексической* семантической фразеологичности второго вида. Лексема *сидель-ник* обладает словообразовательным значением рода занятий «тот, кто характеризуется по опре-деленному роду занятий, которое он выполняет, используя действие, обозначенное мотивирую-щим глаголом». Связь с содержанием мотивиру-ющего глагола непрозрачная: основная сема мо-тивированного слова находится на дальней пери-ферии и не считается слушающим. Актанты глагола *сидеть* (по ночам, для разговора при бес-соннице, у постели больного, для прислуги) выра-жают необязательные, факультативные, по клас-сификации Ю.Д. Апресяна [1, с. 125-126], семан-тические роли: временной промежуток ('по ночам', цель ('для разговора при бессоннице' // 'для при-слуги'), место ('у постели больного') и не вытекают из содержания предиката *сидеть*. Конвенция в данном случае требует обращения к словарю, к лексическим нормам языка.

Результаты. Семантическая неаддитивность проявляется в содержании мотивированного слова как неоднородное явление – как словообразовательная (первый тип пдиоматичности) и лексическая фразеологичность (второй тип пдиоматичности). Первый тип семантической неаддитивности обусловлен вариативностью словообразовательных значений одного и того же словообразовательного типа, реализующегося в разных

по семантике моделях, что вынуждает носителя языка знать и уметь распознавать нормы словообразования. Второй тип семантической неаддитивности связан с развитием семантики мотивированного слова, обусловленной ассоциативными, историческими, социокультурными причинами, что вынуждает носителя языка знать и уметь применять лексические нормы языка.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: ЯРК, 1995. 367 с.
 2. Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». // Вопросы языкознания, 1960, № 4. С. 73-80.
 3. Панов М. В. О слове как единице языка // Уч. записки Московского пед. института им. В.П. Потемкина. 1956. Т. 51. Вып. 5. С. 143-150.
 4. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
 5. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т.1. 783 с.
 6. Улукханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М.: Наука, 1977. 256 с.
- Словари и источники*
7. БАС: Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950–1965.
 8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.11.2025).
 9. Словарь церковно–славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. 1–4. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847.

References

1. Apresyan YuD. *Lexical semantics: synonymous means of language*. Moscow: YaRK, 1995. 367 p. (in Russ.).
 2. Melchuk IA. On the terms 'sustainability' and 'idiomaticity'. *Voprosy yazy'koznaniya*. 1960;4:73-80. (in Russ.).
 3. Panov MV. On the word as a unit of language. *Uchenye zapiski Moskovskogo pedagogicheskogo instituta im. V.P. Potemkina*. 1956;51;5:143-150. (in Russ.).
 4. Plungyan VA. *General morphology. Introduction to the problem*. Moscow: E`ditorial URSS, 2000. 384 p. (in Russ.).
 5. *Russian Grammar*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980. 783 p. (in Russ.).
 6. Ulukhanov IS. Word-formation semantics in Russian language. Moscow: Nauka, 1977. 256 p. (in Russ.).
- Dictionaries and sources*
7. BAS: Dictionary of the modern Russian literary language. In 17 volumes. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950–1965. (in Russ.).
 8. National Corpus of the Russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 16.11.2025). (in Russ.).
 9. Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Section of the Academy of Sciences. Vols. 1–4. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1847. (in Russ.).

Научная статья

УДК 81'27+ 81'42+ 811.161.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.20>

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМЬИ В СИСТЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Ала Суменовна Микичан¹, Татьяна Владимировна Марченко^{2*}

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

¹ Аспирант

mikichyan.ala@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-7841-2424>

² Доктор филологических наук, доцент

tatiana-marchenko-25@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

*Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья посвящена лингвоаксиологической интерпретации семьи в контексте парадигмы культурных ценностей. Цель исследования состоит в характеристике аксиосферы семьи через призму этно- и общекультурных ценностей и уточнении специфики семиотического инкодирования семейных ценностей в современном медиапространстве. Для достижения поставленной цели решается ряд исследовательских задач: (1) уточнение понятия ценности как таковой; (2) выявление соотношения *ценности* и сопряженных понятий лингвокогнитологии; (3) определение специфики взаимодействия этно- и общекультурных ценностей; (4) выявление ценностного потенциала семьи в корреляции с этно- и общекультурными ценностями; (5) уточнение особенностей семиотического инкодирования семейных ценностей в современном медиапространстве. **Материалы и методы.** Теоретическим материалом исследования послужили источники по вопросам этнокультурных и общекультурных ценностей и их лингвосемиотической репрезентации. Эмпирическим материалом выступили русскоязычные поликодовые тексты в количестве 120 единиц, содержащие референцию к семье и семейным ценностям в вербальном и /или визуальном семиотических кодах. Методология исследования опирается на общенаучные теоретические и частнонаучные методы, включающие контент-анализ и аксиологическую интерпретацию текстового корпуса. Лингвосемиотический анализ был использован в целях интерпретации взаимодействия семиотических кодов в процессе инкодирования культурных ценностей. **Анализ.** Категория ценностей имеет онтологический статус и непосредственно связана с категорией оценки как процессом и результатом закрепления субъективного восприятия и оценочного отношения к предмету речи. Семья относится к социальным ценностям и находится в тесной взаимосвязи с витальными, моральными, религиозными и другими ценностями. В современном медиадискурсе образ семьи и семейных ценностей исследован преимущественно на вербальном материале, однако тенденция к повышению визуализации культуры актуализирует рефлексию семиотически конвергентного инкодирования семейных ценностей. В поликодовых текстах референция к семейным

ценностям представлена в визуальном и вербальном кодах. Данные тексты целесообразно разделить на три категории: (1) эксплицитная или имплицитная социальная реклама, размещенная на сайтах органов государственной власти и организаций, деятельность которых связана с вопросами семьи; (2) публицистические материалы; (3) бытовая дискурсивная рефлексия (комментарии, мемы, др.). В категории социальной рекламы визуальный компонент содержит фотографические изображения, транслирующие образы счастливой семьи: родители и дети, позирующие на камеру или представленные в разных жизненных ситуациях. Вербальный код раскрывает специфику взаимодействия членов семьи и прагматику сообщения. Для публицистических материалов и пользовательского контента характерна более широкая аксиологическая палитра интерпретации семейных ценностей, опирающаяся на выразительные средства и стилистические приемы, а также разнообразный визуальный ряд: фотографии, коллажи, графические рисунки и параграфемные символы, например, эмодзи. **Результаты.** Проведенный лингвосемиотический анализ позволяет сделать вывод о высоком потенциале семиотически вариативного инкодирования семейных ценностей в медиатекстах.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, аксиология семейных ценностей, семиотическая репрезентация ценностей, интернет-мем, социальная реклама

Для цитирования: Микичан А. С., Марченко Т. В. Лингвоаксиологическая интерпретация семьи в системе этнокультурных и общекультурных ценностей // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 161–168. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.20>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 25.09.2025

Статья одобрена после рецензирования: 21.02.2026

Статья принята к публикации: 27.02.2026.

Review article

LINGUISTIC AND AXIOLOGICAL INTERPRETATION OF THE FAMILY IN THE SYSTEM OF ETHNOCULTURAL AND GENERAL CULTURAL VALUES

Ala S. Mikichyan¹, Tatiana V. Marchenko^{2*}

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

¹ Postgraduate student

mikichyan.ala@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-7841-2424>

² Dr. Sc. (Philology), Associate Professor

tatiana-marchenko-25@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2779-4010>

*Corresponding author

Abstract. Introduction. The article offers linguo-axiological interpretation of family in the context of the cultural values paradigm. The study aims to characterize the family axiosphere through the prism of ethno- and general cultural values and to clarify the specifics of semiotic encoding of family values in the modern media space. A set of research

tasks are solved: (1) clarifying the concept of value as such; (2) the relationship between value and the related concepts of linguocognition; (3) determining the system and specifics of interaction between ethno- and general cultural values; (4) identifying the value potential of the family in correlation with ethno- and general cultural values; (5) clarifying the fea-

tures of semiotic encoding of family values in the media space. **Materials and Methods.** The theoretical sources on ethnocultural and general cultural values and their linguo-semiotic representation served the material for the study. The empirical material comprised 120 Russian-language polycode texts containing references to family and family values in verbal and / or visual semiotic codes. The research methodology relies on general scientific theoretical and specific scientific methods, including content analysis and axiological interpretation of the text corpus. Semio-linguistic analysis was used to interpret the interaction of semiotic codes in the process of encoding cultural values. **Analysis.** The category of values has ontological status and is directly linked to the category of evaluation as the process and result of reinforcing subjective perception and evaluative attitudes toward the subject of discourse. Family is a social value and is interconnected with other categories: vital, moral, religious, and other values. In contemporary media discourse, the image of family and family values has been studied primarily through verbal material; however, the trend toward increased visualization of culture actualizes reflection on the semiotically convergent encoding of family values. In polycode texts, reference to family values is presented in visual and verbal codes. These texts can be divided into three categories: (1) explicit or implicit social advertising posted on the websites of government agencies and organizations whose activities are related to family issues; (2) journalistic materials; (3) everyday discursive reflection (comments, memes, etc.). In the category of social advertising, the visual component contains photographic images conveying images of a happy

Введение. Семья как один из основополагающих социальных институтов является структурным элементом ценностной системы любого общества. Ценность семьи как таковой является неоспоримым жизненным приоритетом в любой культуре, однако представления о семейных ценностях, принципах и закономерностях функционирования семьи, приемлемости / неприемлемости поступков и эмоциональных реакций, облигаторности / опциональности тех или иных действий и других релевантных аспектах, детерминирующих внутрисемейные отношения и специфику взаимодействия с внешней средой, вариативны и неоднозначны не только в контексте сравнения разных культур, но и в рамках одного лингвосообщества. Так, А. И. Павловский справедливо отмечает, что понятие «счастливая семейная жизнь» для ортодоксального верующего молодого человека и эмансипированной европейской девушки может быть идентичным с точки зрения релевантности, но принципиально отличным в содержательном плане [18, с.29], что неизменно будет формировать две разные системы семейных ценностей.

Цель исследования состоит в характеристике аксиосферы семьи через призму этно- и общекультурных ценностей и общей характеристике специфики семиотического инкодирования семейных ценностей в современном медиапространстве.

Лингвоаксиологическая параметризация семьи в системе этнокультурных и общекультурных ценностей требует решения ряда исследовательских задач и уточнения нескольких теоретико-методологических предпосылок: (1) понятие ценности как таковой; (2) соотношение *ценности* и сопряженных понятий лингвокогнитологии; (3) определение системы и специфики взаимодействия этно- и общекультурных ценностей; (4) выявление ценностного потенциала семьи в корреляции с этно- и общекультурными ценностями; (5) уточнение специфики семиотического инкодирования семейных ценностей в современ-

ном медиапространстве. Детализация упомянутых предпосылок служит основанием для дальнейшего анализа дискурсивной практики с позиций лингвоаксиологического подхода, направленного на идентификацию ценностно-оценочных параметров, с одной стороны, влияющих на формирование специфики лингвосемиотической репрезентации объектов социокультурной реальности, с другой стороны, маркирующих актуальные изменения аксиосферной репрезентации в соответствии с интенциями коммуникантов.

Keywords: family, family values, axiology of family values, semiotic representation of values, internet meme, social advertising

For citation: Mikichyan AS, Marchenko TV. Linguistic and axiological interpretation of the family in the system of ethnocultural and general cultural values. Humanities and law research. 2026;13(1):161-168. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.20>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 25.09.2025

The article was approved after reviewing: 21.02.2026

The article was accepted for publication: 27.02.2026.

ном медиапространстве. Детализация упомянутых предпосылок служит основанием для дальнейшего анализа дискурсивной практики с позиций лингвоаксиологического подхода, направленного на идентификацию ценностно-оценочных параметров, с одной стороны, влияющих на формирование специфики лингвосемиотической репрезентации объектов социокультурной реальности, с другой стороны, маркирующих актуальные изменения аксиосферной репрезентации в соответствии с интенциями коммуникантов.

Обращение к лингвосемиотическому подходу обусловлено следующими положениями:

– первостепенная роль языка (вербального кода) в фиксации и формировании ценностной картины мира, отражении материальной и духовной культуры народа и хранении ценностей как совокупности определенным образом структурированных знаний, существующих в обществе как в определенный исторический период, так и условно имманентных для определенной культуры. Так, основные культурные ценности отражаются в паремиологическом фонде языка, семантике языковых единиц и оценочных суждениях;

– широкий репертуар семиотически вариативно объективируемых символов и образов (визуальных, аудиальных, синестетических, др.), транслирующих ценностно релевантную культуроспецифичную информацию и формирующих тематические нарративы, например «нарративы синестетической тематики» [14, с.104].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили теоретические источники по вопросам этнокультурных и общекультурных ценностей и их лингвосемиотической репрезентации. В фокусе исследования находится семья как важный структурный элемент общей культурно- и этноспецифичной систем ценностей, а также типологические аспекты его лингвоаксиологической параметризации. Эмпирическим материалом работы

послужили русскоязычные поликодовые тексты в количестве 120 единиц, содержащие референцию к семье и семейным ценностям в вербальном и /или визуальном семиотических кодах. Основанием для включения текста в картотеку исследования было наличие эксплицитно или имплицитно инкодируемой семы семейных ценностей.

Методология исследования опирается на общенаучные теоретические методы абстрагирования, анализа, синтеза и обобщения, логические методы индукции и дедукции, а также эмпирический метод наблюдения как целенаправленной интерпретации объекта исследования. Частнонаучные методы включают контент-анализ и аксиологическую интерпретацию текстового корпуса. Лингвосемиотический анализ был использован в целях интерпретации взаимодействия семиотических кодов в процессе инкодирования культурных ценностей.

Анализ. Понятие *ценности* непосредственным образом связано со *значением*, придаваемым тем или иным явлениям действительности, причем способы и критерии оценивания выступают определенными векторами деятельности человека [27, с.765]. В дефинициях к ключевому слову, представленных в толковых словарях, находим также понятия *важность* и *значимость*:

- «предметы, явления, важные для культуры, духовной жизни какого-л. народа, общества» [23];
- «явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-н. отношении» [25];
- «ценный предмет, явление», нечто важное и нужное [16, с. 759].

Существенность в культурном и духовном отношении и обусловленность культурой являются семами, объединяющими приведенные выше дефиниции.

В лингвокогнитологии *ценности* связаны с категорией оценки как процессом и результатом закрепления субъективного восприятия и оценочного отношения к предмету речи. Процесс оценивания является исходным этапом присвоения чему-либо ценности и последующего закрепления ее в культуре.

Понятия *ценность(и)* и *концепт* коррелируют, но не являются тождественными. Как показал дефиниционный анализ, *ценность* является априори положительным понятием, поскольку определяется степенью важности и полезности. *Концепт*, в свою очередь, амбивалентен, так как может характеризовать понятия как с положительной (*любовь, семья, доброта*, др.), так и с отрицательной оценкой (*враг, война, смерть*, др.). Ценностный аспект является частью структуры концепта.

Онтологический статус категории *ценность* обусловил значительный исследовательский интерес к ней как в отдельных научных областях – философии, социологии, психологии, культурологии, лингвистике и других, так и на их стыке. Так, основы так называемой «материальной аксиоло-

гии» были заложены М. Шелером, признававшим объективный и в определенной степени директивный с точки зрения модификации поведения характер системы ценностей и причислявшим их к «трансцендентальным надэмпирическим сущностям» [29, с.381]. Фокус на значимости как таковой в противовес фактической данности и действительности был одной из основных предпосылок в исследованиях В. Виндельбанда и Р. Риккерта, посвященных вопросам структурирования и построения иерархии ценностей [4; 19, с. 80–84]. Развитие философской мысли в работах П.А. Сорокина связано с осмыслением наличия общественной системы ценностей как условия взаимопонимания в рамках социума [24, с. 490–492]. Культурный ракурс интерпретации подробно раскрыт в работе М. Б. Туровского, полагающего, что критерий включенности в некоторое ценностное отношение опирается на «наделение объекта статусом освоенности (принадлежности к миру культуры)», именно это является первоисточником релевантных определений [26, с. 127].

Дальнейшее развитие трактовка аксиосферы социума получает в культурологическом ключе. В частности, в лингвокультурологии предметом исследований выступают ценность как идеальная сущность, мотивирующий деятельностный фактор в социокультурной практике индивида или основа для сравнения разных лингвокультурных сообществ или социолектов в рамках одного сообщества. Как справедливо отмечает В.И. Карасик, выступая в качестве ориентиров поведения, ценности «обусловлены потребностями» [10, с. 17]. Н.Ф. Алифиренко предложена типология ценностей культуры, опирающаяся на критерий наиболее релевантных сфер жизнедеятельности индивида: 1) витальные (жизнь и ее качество, здоровье, природная среда и др.); 2) социальные (социальное положение, статус, семья, трудолюбие, профессия, терпимость и др.); 3) политические (свобода слова, гражданская свобода, гражданский мир и др.); 4) моральные (добро, любовь, долг, честь, дружба, порядочность и др.); 5) религиозные (Бог, вера, спасение и др.); 6) эстетические (идеал, красота, гармония и др.) [1, с. 7]. Семья представлена в типологии в категории социальных ценностей, однако очевидна ее тесная взаимосвязь с другими категориями: витальные, моральные, религиозные и другие ценности.

Анализ функционирования лексемы *семья* дает основание охарактеризовать его как одно из ключевых для русской культуры [28, с. 305] и в качестве связующей семы для значений, указанных в различных лексикографических источниках, исследователи упоминают *родство*, проявляющее себя явно или опосредованно [28, с. 306]. *Семья* неоднократно становилась объектом лингвистических исследований как концепт или гиперконцепт (например, гиперконцепт *семья – дом*) [5; 11], в историческом ключе [7] или сопоставительных исследованиях на материале русской и китайской [8; 22], датской [6], американской [15] и других культур.

Репрезентация образа семьи в современном медиaprостранстве проанализирована преимущественно на вербальном материале [2; 3], однако общая тенденция к повышению визуализации культуры актуализирует рефлексию семиотически конвергентного инкодирования ценностей [12; 13].

В поликодовых текстах референция к семейным ценностям представлена как в визуальном, так и вербальном кодах. Условно тексты, вошедшие в картотеку исследования, возможно разделить на три категории: 1) эксплицитная или имплицитная социальная реклама, размещенная на сайтах органов государственной власти и организаций, деятельность которых связана с вопросами семьи; 2) публицистические материалы; 3) пользовательский контент (комментарии, мемы, др.).

Как показал анализ эмпирического материала, в рамках первой из обозначенных нами катего-

рий, визуальный компонент, как правило, содержит фотографические изображения, транслирующие образы семьи: родители и дети, позирующие на камеру или представленные в разных жизненных ситуациях. Вербальный код раскрывает специфику взаимодействия членов семьи и прагматику сообщения. Проиллюстрируем наши наблюдения примером из картотеки нашего исследования.

На рис. 1 изображены молодые родители и два малолетних ребенка, играющие на мягкой поверхности дивана или кровати, их лица отражают заинтересованность, безмятежность и удовольствие от совместного времяпрепровождения [20]. Иные артефакты дома отсутствуют, однако внешний облик людей свидетельствует о домашней обстановке. В цветовом отношении визуальная часть сообщения решена в пастельных тонах, контрастируя с красным цветом шрифта.

Рис. 1. Семья бесценна / Fig. 1 Family is priceless

Вербальный компонент сообщения содержит текст, состоящий из трех предложений: *Семья бесценна, когда полноценна! // Когда в ней двое и более детей. // Наделите себя полноценным семейным счастьем!* И использованные стилистические приемы – эпитет *бесценна* – *полноценна* и лексические повторы *полноценна* – *полноценным* и *семья* – *семейным* – реализуют не только аттрактивную и эмфатическую функции, но и вербализуют визуальный образ, акцентируя внимание на следующих позициях: (1) семья – дорогое, милое и любимое; (2) семья с детьми – семья, обладающая всеми необходимыми качествами; (3) желаемое количество детей в семье – двое и больше; (4) полноценное семейное счастье – дети. Текст является примером социальной рекламы и во многом отражает не только общепринятые в русскоязычном лингвосообществе семейные ценности деторождения и воспитания, но и государственную политику, нацеленную на сохранение населения страны за счет повышения рождаемости.

Текст представлен в картотеке исследования в нескольких вариантах. Примечательно, что оригинальное изображение находится на ресурсе создания мемов или поликодовых изображений и снабжено тегами *#for the family*, *#Social advertising*

family, *#happy family*, *#for the whole family*, *#family relations* (*#за семью*, *#социальная реклама семьи*, *#счастливая семья*, *#за полную семью*, *#семейные отношения*) [9].

С точки зрения взаимодействия кодов интерес представляет вариант оформления анализируемого текста на рис. 2, фигурирующий на сайте бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Региональный семейный центр социального обслуживания» [21].

Визуальная часть текста идентична рис. 1, вербальная дополнена уточняющим предложением, оформление которого сочетает обычный шрифт, курсив и выделение жирным: *Оптимальной средой для воспитания и социализации ребенка является семья, в которой воспитываются трое и более детей.* Вербальная часть поликодового текста содержит фактологически амбивалентные пропозиции: *семья бесценна и полноценна, когда в ней двое и более детей* ↔ *семья, в которой воспитываются трое и более детей.* Логические послышки в представленных пропозициях не противоречат друг другу во всей совокупности интегральных компонентов, однако разные данные исходного желаемого количества детей создают диссонанс при восприятии текста.

Приведенный выше текст располагается на главной странице сайта в сопровождении еще одно-

го поликодового единства, интенсифицирующего и раскрывающего семантику семейных ценностей.

Рис. 2. Семья бесценна (2) / Fig. 2 Family is priceless (2)

Визуальный образ на рис. 3 – трогательная фотография ребенка, нежно целующего новорожденного, вербальная часть включает два структурно разделенных компонента: *Один ребенок – счастье! // Два – вдвойне! // Планируйте не меньше трех!*, ниже – *И будьте действительно счастливы!* [21]. Пиковая точка градации – от счастья и счастья вдвойне к «действительному»

состоянию счастья – на параграфемном уровне усилена изменением размера шрифта. Примечательно, что счастье семантизируется как абсолютное, не делимитированное атрибутивом «семейное», что инкодирует сему максимальной ценности и всеобъемлющего влияния детей и семьи на общее качество жизни.

Рис. 3. Один ребенок – это счастье / Fig. 3 One child is happiness

Для публицистических материалов и пользовательского контента характерен более разнообразный визуальный ряд: фотографии, коллажи, графические рисунки и различные параграфемные символы, например, эмодзи. В качестве иллюстрации визуального и вербального кодирования семейных ценностей приведем коллаж, построенный по принципу классического Интернет-мема: *ожидание vs реальность*.

Поликодовый текст на рис. 4 содержит два основных компонента, структурно разделенных вертикальной линией [17]. Восприятие текста в русскоязычной нотации предполагает, что фрагмент слева является исходным. «Ожидание» демонстрирует зарисовку рыбалки с семьей. Идиллическая картинка транслирует образ семьи, объединенной общим делом и получающей от этого удовольствие: отец семейства вместе с двумя

старшими детьми стоят с удочками у водоема, мама с младшим ребенком склонились над рыболовным ведром и разделяют радость улова, ребенок восторженно держит рыбу в руках, иконический символ музыки синестетически передает гармоничный ритм происходящего. Изображение содержит единственный вербальный компонент *Молодец!* – одобрительный возглас мамы, адресованный сыну, восхищенному уловом. Данный семиотически конвергентный компонент сообщения инкодирует семантику радости и удовлетворения от совместного нахождения с близкими, поддержку семьи и общую атмосферу спокойствия и гармонии.

В компоненте, озаглавленном «Реальность», остаются неизменными окружающая обстановка, контекст рыбалки и действующие лица, однако транслируется эмоционально и акционально иной

образ. Все члены семьи изображены в эмоционально нестабильном состоянии: отец в негодовании от запутавшейся лески на удочке, мать взволнованно инструктирует детей: *Осторожней с крючком!*, старший сын схватил рыбу и замахнулся над ней ножом, бравируя фразой *Кто хочет увидеть рыбы мозги?*, дочка в отчаянии обнимает жестяную банку и вызывает к окружающим: *Почему мы убили червей?*, младший ребенок крутится и отрешенно скандирует: *Ля-Ля*. Рыболовное ведро

опрокинуто и улов разбросан вокруг. Визуальные и вербальные элементы сообщения инкодируют разобщенность в рамках предположительно совместной деятельности. Реплика-обращение каждого члена семьи остается без ответа. Разрозненность и значительный эмоциональный накал семантизируются на лексическом и синтаксическом вербальных уровнях, параграфемном, а также на визуальном уровнях текста.

Рис. 4 Ожидание vs реальность / Fig. 4 Expectation vs reality

Таким образом, левая часть сообщения представляет идеализированный образ рыбалки с семьей, лежащий в поле экспектаций индивида, правая – гиперболизированный опыт сложности межпоколенческого взаимодействия и совместной деятельности близких людей разных возрастов. Проведенный лингвосемиотический анализ позволяет сделать вывод о том, что ироничное изображение инкодирует семейные ценности совместного времяпрепровождения и возможности получения удовольствия от этого, однако степень успеха такого мероприятия зависит от каждого ее участника. В пользовательском контенте семейные ценности не отрицаются, но подвержены критическому переосмыслению, их семиотические репрезентанты актуализируют амбивалентный аксиологический потенциал.

Результаты. Проведенный анализ позволил решить поставленные задачи и сделать ряд выводов. Категория ценностей имеет онтологический статус и непосредственно связана с категорией оценки как процессом и результатом закрепления субъективного восприятия и оценочного отношения к предмету речи. Процесс оценивания является исходным этапом присвоения чему-либо ценности и последующего закрепления ее в культуре.

Семья относится к социальным ценностям и находится в тесной взаимосвязи с витальными, моральными, религиозными и другими ценностями.

Репрезентация образа семьи проанализирована на материале разных дискурсивных пространств. В современном медиадискурсе образ семьи и семейных ценностей исследован преимущественно на вербальном материале, однако тенденция к повышению визуализации культуры актуализирует рефлекссию семиотически конвергентного инкодирования семейных ценностей.

В поликодовых текстах референция к семейным ценностям представлена в визуальном и вербальном кодах. Данные тексты возможно разделить на три категории: 1) эксплицитная или имплицитная социальная реклама, размещенная на сайтах органов государственной власти и организаций, деятельность которых связана с вопросами семьи; 2) публицистические материалы; 3) пользовательский контент (комментарии, мемы, др.).

Как показал анализ эмпирического материала, в категории социальной рекламы визуальный компонент, как правило, содержит фотографические изображения, транслирующие образы счастливой семьи: родители и дети, позирующие на камеру или представленные в разных жизненных ситуациях. Вербальный код раскрывает специфику взаимодействия членов семьи и прагматику сообщения.

Для публицистических материалов и пользовательского контента характерна более широкая аксиологическая палитра интерпретации се-

мейных ценностей, которая опирается на выразительные средства и стилистические приемы, а также разнообразный визуальный ряд: фотографии, коллажи, графические рисунки и различные параграфемные символы, например, эмодзи.

Проведенный лингвосемиотический анализ позволяет сделать вывод о высоком потенциале семиотически вариативного инкодирования семейных ценностей в медиатекстах.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, Наука, 2010. 224 с.
2. Белковский С. В. Концепт «Семья» в современной массовой российской прессе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. №4-2. С. 193–199.
3. Богуславская В. В., Чафонова А. Г. Концепт «семья»: актуализация в медиадискурсе российских, датских и финских СМИ // ДИСКУРС. 2019. №6(5). С. 155–165.
4. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. М.: КАНОН-пресс, 1998. 406 с.
5. Вишнякова А. С. Семья как концепт // Проблемы современной науки и образования. 2014. №5(23). С. 56–59.
6. Егорова В. И. Концепт «Семья» в русской и датской лингвокультурах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №3-2. С. 132–136.
7. Жигулина Д. В. История имени концепта «Семья» (XI–XXI веков) // Филология и человек. 2014. №2. С. 182–187.
8. Иванова А. Я. Специфика концепта «семья» в русской и китайской лингвокультурах (на примере пословиц о семье) // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. №7. С. 33–38.
9. Изображение счастливой семьи счастье URL: https://www.meme-arsenal.com/en/create/template/12122929?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera (дата обращения: 10.10.2025).
10. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
11. Кострубина Е. А. Типы концептов: гиперконцепт «Семья – дом» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. №6. С. 51–57.
12. Марченко Т. В. Особенности семиотического инкодирования прецедентного имени или «простой советский человек» в поликодовом тексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. №11(1). С. 175–190. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.20>
13. Марченко Т. В. Советская эпоха в поликодовой прецедентной медиарефлексии, или От каждого по способностям, каждому по потребностям // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. №2. С. 200–219. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-2-200-219>.
14. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Культурогенный потенциал и лингвосемиотика структурных типов синестетических и синестемических мемов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2025. №4. С. 94–107. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2025-4-94-107>.
15. Митрохина О. А. Концепт семья через призму американского и русского сознания. Сравнительный аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №4-2. С. 12–14. doi:10.24411/2500-1000-2019-10740.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1984. 797 с.
17. Ожидание vs реальность счастье URL: https://i01.fotocdn.net/s208/7e073b18f4db3042/public_pin_l/2535219205.jpg. – (дата обращения: 10.10.2025).
18. Павловский А. И. Соотношение типов ценностей в аксиологическом субъекте // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. №10. С. 27–32.
19. Риккерт Г. Наука о природе и науки о культуре // Культурология: XX век: антология / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. М.: Юрист, 1995. 703 с.
20. Семья бесценна URL: <https://images.meme-arsenal.com/9cccb14037240a65755b8c71735e4713.jpg>. – (дата обращения: 10.10.2025).
21. Семья бесценна (2). Один ребенок – это счастье URL: http://xn--b1agybnbl3a.xn--p1ai/sem-ya-bestcenna-kogda-polnotcenna.html?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera. – (дата обращения: 10.10.2025).
22. Синицкая У. Лингвокультурологическая специфика концепта «семья» в русской и китайской культурах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №105. С. 110–115.
23. Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. IV. С-Я. 797 с. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/23/ma464014.htm?cmd=0&istext=1>. – (дата обращения: 20.11.2025).
24. Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 491–503.
25. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4: С – Ящурный. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. – (дата обращения: 20.11.2025).
26. Туровский М. Б. Философское основание культурологии. М.: Росспэн, 1997. 440 с.
27. Философский энциклопедический словарь. Главная редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
28. Швецова О. А. К вопросу о функционировании лексемы «семья» в русском языке // Аксиология и когнитивная лингвистика. Материалы III Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности». Москва, 14–15 ноября 2024 г. М.: Гос. институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2024. С. 305–310.
29. Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем.; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

References

1. Alefirenko NF. Linguocultural Studies: The Value-Semantic Space of Language. Moscow: Flinta, Nauka, 2010. 224 p. (In Russ.).
2. Belkovsky SV. The Concept of 'Family' in the Contemporary Russian Mass Press. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2013;4-2:193–199. (In Russ.).

3. Boguslavskaya VV., Chafonova AG. The Concept of 'Family': Actualization in the Media Discourse of Russian, Danish, and Finnish Media. *DISKURS*. 2019;6(5):155–165. (In Russ.).
4. Windelband V. History of New Philosophy in Its Connection with General Culture and Individual Sciences. Moscow: CANON-press, 1998. 406 p. (In Russ.).
5. Vishnyakova AS. Family as a Concept. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2014;5(23):56–59. (In Russ.).
6. Egorova VI. The Concept of "Family" in Russian and Danish Linguistic Cultures. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2016;3–2:132–136. (In Russ.).
7. Zhigulina DV. History of the Concept of "Family" (XI–XXI c.). *Filologiya i chelovek*. 2014;2:182–187. (In Russ.).
8. Ivanova AY. Specific Features of the Concept of "Family" in Russian and Chinese Linguistic Cultures (Based on Proverbs about Family). *bshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*. 2019;7:33–38. (In Russ.).
9. Image of a happy family happiness. URL: https://www.meme-arsenal.com/en/create/template/12122929?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera. (accessed: 10.10.2025). (In Russ.).
10. Karasik VI. The language matrix of culture. Moscow: Gnosis, 2013. 320 p. (In Russ.).
11. Kostrubina EA. Types of concepts: the hyperconcept "Family – home". *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2010;6:51–57. (In Russ.).
12. Marchenko TV. Features of semiotic encoding of a precedent name or "an ordinary Soviet man" in a polycode text. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2024;11(1):175–190. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.20>. (In Russ.).
13. Marchenko TV. The soviet epoch in polycode precedent media reflection, or From each according to his ability, to each according to his need. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2024;2:200–219. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-2-200-219>. (In Russ.).
14. Marchenko TV., Bredikhin SN. The cultural potential and linguistic semiotics of structural types of synesthetic and synesthetic memes. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2025;4:4–107. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2025-4-94-107>. (In Russ.).
15. Mitrokhina OA. The Concept of Family through the Prism of American and Russian Consciousness. Comparative Aspect. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2019;4–2:12–14. doi:10.24411/2500-1000-2019-10740. (In Russ.).
16. Ozhegov SI. Dictionary of the Russian Language. Edited by N. Yu. Shvedova. Moscow: Russkiy Yazyk, 1984. 797 p. (In Russ.).
17. Expectation vs. Reality: Happiness. URL: https://i01.fotocdn.net/s208/7e073b18f4db3042/public_pin_l/2535219205.jpg. – (accessed: 10.10.2025). (In Russ.).
18. Pavlovsky AI. The Correlation of Value Types in an Axiological Subject. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014;10:27–32. (In Russ.).
19. Rickert G. Natural Sciences and Cultural Sciences in Cultural Studies: 20th Century: Anthology / ed. and compiler S. Ya. Levit. Moscow: Jurist, 1995. 703 p.
20. Family is Priceless. URL: <https://images.meme-arsenal.com/9cccb14037240a65755b8c71735e4713.jpg>. (accessed: 10.10.2025). (In Russ.).
21. Family is Priceless (2). One Child is Happiness. URL: http://xn--b1agybnbl3a.xn--p1ai/sem-ya-bestcenna-kogda-polnotcenna.html?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera. – (accessed: 10.10.2025). (In Russ.).
22. Xinyu W. Linguocultural Specificity of the Family Concept of in Russian and Chinese Cultures. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. 2009;105:110–115. (In Russ.).
23. Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes. Ed. by A. P. Evgenyeva. Moscow: Russkiy Yazyk; Polygraphresources, 1999. Vol. IV. 797 p. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/23/ma464014.htm?cmd=0&istext=1>. – (accessed: 20.11.2025). (In Russ.).
24. Sorokin PA. Causes of War and Conditions of Peace // Publicly Available Sociology Textbook. Articles from different years. Moscow: Nauka, 1994. P. 491–503. (In Russ.).
25. Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes. Ed. D. N. Ushakova. Vol. 4. Moscow: Soviet Encyclopedia: OGI, 1935–1940. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. – (accessed: 20.11.2025). (In Russ.).
26. Turovsky MB. Philosophical basis of cultural studies. Moscow: Rossspan, 1997. 440 p. (In Russ.).
27. Philosophical encyclopedic dictionary. Chief editor: LF. Ilyichev, PN. Fedoseev, SM. Kovalev, VG. Panov. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1983. 840 p. (In Russ.).
28. Shvetsova OA. On the Functioning of the Family Lexeme in Russian in Axiology and Cognitive Linguistics. Proceedings of the III International Scientific Conference The Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity. Moscow, November 14–15, 2024. Moscow: AS Pushkin State Institute of the Russian Language, 2024. P. 305–310. (In Russ.).
29. Sheler M. Selected Works / translated from German; edited by AV Denezhkin. Moscow: Gnosis, 1994. 490 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 81'42; 811.112.22

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.21>

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛЕМИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭНЕРГЕТИКИ)

Юрий Сергеевич Щуринов¹, Светлана Васильевна Серебрякова^{2*}

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

¹ Аспирант

yshchurinov@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8527-1463>

² Доктор филологических наук, профессор

svetla.na@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Данная работа представляет собой лингвопрагматический анализ полемических высказываний в немецкоязычных медиатекстах энергетической тематики. В статье рассматривается коммуникативно-прагматическая специфика полемических высказываний. Акцент сделан на функциональных особенностях эксплицитных и имплицитных полемических высказываний, реализующих разную степень полемичности и оценочности. **Материалы и методы.** В качестве материала исследования выступили немецкоязычные статьи из периодических изданий Германии, Австрии и Швейцарии, опубликованные в 2023–2025 гг. и посвященные актуальным проблемам энергетики. В рамках антропоцентрической парадигмы лингвистического знания использовались приемы дискурс-анализа, лингвопрагматического и контекстологического анализа, позволившие выявить и классифицировать средства и стратегии текстовой реализации полемичности. Особое внимание уделялось анализу языковых средств реализации полемического потенциала высказываний и их прагматических функций. **Анализ.** Исследование демонстрирует, что полемические высказывания в медиатекстах реализуются как эксплицитно посредством прямой вербализации авторской интенции (открытая поддержка или критика реформ в сфере энергетики, позитивная или негативная оценка достижений), так и имплицитно с использованием средств косвенной оценочности и критики, выполняющих скрытые прагматические цели мягкого убеждения и манипуляции. Проведенный анализ показал, что полемический дискурс в исследуемых немецко-

язычных медиатекстах обладает публичным и преимущественно экономическим характером. Он носит регламентированный характер, подчиняясь специфическим правилам медиа-дискурса, при этом авторы активно транслируют позитивное и негативное отношение к объекту полемики. **Результаты.** В процессе исследования установлено, что публицистические полемические тексты являются результатом многоплановой речемыслительной критической деятельности, направленной на выполнение как информативной, так и оценочной функций с целью формирования определённой позиции реципиента.

Ключевые слова: медиадискурс энергетики, полемическая коммуникация, полемическое высказывание, полемическая статья, эксплицитность/имплицитность, оценочность

Для цитирования: Щуринов Ю. С., Серебрякова С. В. Лингвопрагматические характеристики полемических высказываний (на материале немецкоязычных газетных статей по проблемам энергетики) // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 169–176. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.21>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 23.09.2025

Статья одобрена после рецензирования: 11.01.2026

Статья принята к публикации: 29.01.2026.

Review article

LINGUOPRAGMATIC CHARACTERISTICS OF POLEMICAL STATEMENTS (BASED ON THE ANALYSIS OF GERMAN-LANGUAGE NEWSPAPER ARTICLES ON ENERGY ISSUES)

Yuri S. Shchurinov¹, Svetlana V. Serebriakova^{2*}

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin str., 355017, Stavropol, Russian Federation)

¹ Postgraduate student

yshchurinov@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-8527-1463>

² Dr. Sc. (Philology), Professor

svetla.na@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The paper is dedicated to the linguopragmatic analysis of polemical statements in Germanlanguage media texts on energy issues. The article studies communicative and pragmatic features of polemical statements. The emphasis is made on functional features of explicit and implicit polemical statements actualizing different degrees of polemics and evaluation. **Materials and methods.** The research material includes Germanlanguage articles from German, Austrian and Swiss periodicals published in 2023–2025 and deals with topical energy issues. Within the framework of the anthropocentric paradigm of linguistic knowledge, we used discourse analysis, linguopragmatic and contextual analysis techniques, which allowed us to identify and classify the means and strategies of textual implementation of polemics. Special attention was given to the analysis of linguistic means of actualization of polemical potential of statements and their pragmatic functions. **Analysis.** The study demonstrates that polemical statements in media texts are actualized both explicitly through direct verbalisation of the author's intention

(open support or criticism of reforms in the energy sector, positive or negative assessment of achievements) and implicitly through the use of means of indirect evaluation and criticism that fulfill the hidden pragmatic purposes of soft persuasion and manipulation. The conducted analysis has shown that polemical discourse in the studied German-language media texts is public and predominantly economic in nature. It has a regulated character, obeying the specific rules of media discourse, and the authors actively broadcast positive and negative attitudes to the object of polemics. **Results.** In the process of research, it was established that journalistic polemical texts are the result of multifaceted speech and verbal-cognitive critical activity aimed at fulfilling both informative and evaluative functions in order to form a certain position of the recipient.

Keywords: energy media discourse, polemical communication, polemical statement, polemical article, explicitness/implicitness, evaluativeness

For citation: Shchurinov YuS, Serebriakova SV. Linguopragmatic characteristics of polemical statements (based on the analysis of German-language newspaper articles on energy issues). *Humanities and law research*. 2026;13(1):169-176. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.21>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 23.09.2025

The article was approved after reviewing: 11.01.2026

The article was accepted for publication: 29.01.2026.

Введение. В последние годы всё больше внимания уделяется проблемам энергетической безопасности и устойчивого развития энергетики во всем мире. Дискуссии вокруг этих вопросов часто носят полемический характер, отражая разногласия в подходах к обеспечению энергоснабжения, использованию различных источников энергии и регулированию энергетического рынка. Данная тематика вызывает острую общественную обеспокоенность и требует многоаспектного исследования, особенно в контексте глобальных климатических изменений и необходимости перехода к низкоуглеродной экономике. Практически каждое экономическое и политическое решение, касающееся энергетики, вызывает в прессе острые дебаты, наполненные аргументацией, контраргументацией и оценочными суждениями. Полемика в сфере энергетики – это не единичные споры, а комплексная система взаимосвязанных дискуссий, затрагивающих различные аспекты – от технических решений до геополитических вопросов. Анализ публичных дискуссий, отражённых в средствах массовой информации, позволяет выявить специфические лингвопрагматические особенности полемики, стратегии критики и аргументации, используемые участниками этих дебатов.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении коммуникативно-прагматических особенностей полемических высказываний в немецкоязычных газетных статьях об энергетике. В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих задач: определить коммуникативно-прагматические особенности полемических высказываний; установить специфику эксплицитных и имплицитных полемических высказываний; выявить средства и стратегии реализации полемики.

Таким образом, актуальность данной работы обусловлена важностью коммуникативно-прагматического анализа разнонаправленных полемических мнений в энергетической сфере в широком социокультурном контексте.

Научная новизна определяется критическим анализом подходов к определению понятий «полемическое высказывание», «полемический текст», выявлением и обобщением видов и форм полемики в лингвопрагматическом и функциональном аспектах, определением лингвостилистических и функциональных особенностей полемических высказываний, включённых в авторскую картотеку.

Материалы и методы. Основным объектом изучения выступает немецкоязычный дискурс энергетики. Материалом исследования лингвопрагматических особенностей полемических высказываний послужил корпус актуальных немец-

коязычных статей, посвящённых проблемам энергетики и опубликованных в периодических изданиях Германии, Австрии и Швейцарии в 2023 – 2025 гг. [9, 10, 11, 12].

Для решения поставленных задач в рамках антропоцентрического подхода использовались как общенаучные, так и частнолингвистические методы исследования: описательный метод во всех его формах (наблюдение, классификация, интерпретация) был дополнен приёмами контекстологического анализа и дискурс-анализа, позволившими уточнить семантику высказываний с учетом внешних по отношению к тексту условий коммуникации, методом сплошной выборки для формирования исследовательской картотеки, применялись также сравнительно-сопоставительный и дефиниционный методы анализа материала.

Анализ. На сегодняшний день в связи с усовершенствованием способов передачи информации в СМИ и медиа помимо однозначного освещения происходящих событий транслируются различные взгляды и мнения, позволяющие аудитории сформировать цельную картину мира. Однако рассматриваемая под разными углами информация, дополненная комментариями и выводами журналистов, экспертов, политиков, часто не совпадает, вызывая на страницах газет и интернет-сайтов оживленную полемику.

Полемическая коммуникация реализуется в рамках различных типов дискурса – политического, публицистического, научного, отличающихся институциональным характером. В работах последних десятилетий рассматривались структурные и прагматические характеристики полемического дискурса на материале англоязычных и немецкоязычных печатных СМИ [6; 10], рассматривались приемы полемики в научном дискурсе [9]. Интерес для нашего исследования представляет кандидатская диссертация П. А. Черновой, посвященная лингвистическим и экстралингвистическим характеристикам полемического высказывания [11]. В отдельном исследовании нуждается прагматический потенциал полемического дискурса в немецкоязычных СМИ по актуальным проблемам энергетики.

Значимым критерием определения полемического дискурса выступает его речевой жанр, так как он охватывает отличающиеся полемическим характером тексты разных жанров, опубликованные в печатных изданиях и/или в сети Интернет. Кроме того, он включает в себя публикации журналистов, а также реакции читательской аудитории на эти материалы и на другие читательские отклики, если они были размещены в тех же масс-медиа. Любой текст полемического

жанра отличает присутствие полемического компонента, обладающего структурно-семантическими и коммуникативно-прагматическими признаками, реализуемыми конкретными языковыми средствами.

Важной особенностью полемической речи является то, что желающий убедить (полемист) не обращается напрямую к взглядам и предпочтениям своей аудитории, а стремится в контексте своих заявлений их изменить. Автор манипулирует читательским сознанием и направляет взгляды аудитории в нужное русло в своих собственных интересах, немного корректируя их [8, с. 389]. Под полемической коммуникацией в работе понимается взаимодействие субъектов коммуникативного акта с целью донесения или опровержения определённой позиции, характеризующееся столкновением противоположных точек зрения, взглядов, позиций по какому-либо проблемному вопросу. Полемическая коммуникация получает реализацию как в устной, так и в письменной речи, будучи востребованной во всех типах текстов. К основным дискурсивным характеристикам полемического текста можно отнести интенциональность, аргументативность, оценочность [5, с. 59], выражаемые соответствующими лексическими и стилистическими средствами.

Полемическая коммуникация, проявляясь в разнообразных текстовых формах и типах речи – от неформальных до строго регламентированных, характеризуется высокой степенью адаптивности. Необходимость наличия исходного объекта полемики и влияние дискурсивных характеристик в виде интенциональности, аргументативности и оценочности определяют её прагматическую специфику, которая дополнительно модифицируется жанровыми и стилистическими особенностями, особенно заметными в формальных контекстах, где соблюдение норм становится ключевым фактором эффективности полемического воздействия. Под полемическим текстом в работе понимается тип текста, основной коммуникативной целью которого является аргументированное опровержение или поддержка определённой точки зрения, концепции или тезиса и утверждение противоположной позиции по спорному вопросу в процессе дискурса.

Полемика во всех популярных медиа является институционально регламентируемой, то есть имеет определённые ограничения. Однако, так как многие средства массовой информации ориентированы на усреднённого реципиента, авторы могут излишне не углубляться в объект полемики в стремлении донести определённую точку зрения или позицию до большинства, применяя различные аргументативные стратегии, несвойственные текстам с более строгими стилистическими нормами. Анализируемые тексты обладают чертами статусно-ориентированного дискурса, то есть институционального общения или речевого взаимодействия социальных групп или институтов друг с другом, получая реализацию «в рамках сложившихся общественных институтов, число которых опреде-

ляется потребностями общества на конкретном этапе его развития», людьми [3, с. 191].

Ключевым средством реализации полемического общения является полемическое высказывание, которое трактуется в работе как особый тип высказывания в рамках полемической коммуникации, отличающийся рядом специфических черт, среди которых выделяются реактивный, аргументативный и оценочный (позитивный или негативный) компоненты. Как показал анализ, полемическое высказывание получает текстовую реализацию посредством выражения несогласия, использования различных аргументативных стратегий, стратегии опровержения исходного высказывания, негативной его оценки. Процесс обоснования выдвигаемого оппозиционного мнения осуществляется на уровне комплексного полемического высказывания, которое представляет собой сложное речевое действие опровержения, структурными элементами которого выступают простые (зависимые) полемические высказывания.

Лингвопрагматический анализ эксплицитных и имплицитных полемических высказываний осуществлялся на материале немецкоязычных газетно-публицистических текстов по проблемам энергетики, авторами которых являются специализирующиеся на экономических событиях штатные журналисты изданий NZZ, Profil и Merkur. Цель данных изданий – публикация актуальных новостей, статей с углублённым разбором проблем и событий, волнующих жителей Швейцарии, Австрии и Германии. Данные тексты ориентированы на читателя, который проявляет интерес к проблемам экономики и энергетики, а также прогнозу будущих цен на энергоносители вместе с другими товарами и услугами. В рассматриваемых газетно-публицистических текстах транслируются мнения относительно проводимых мер и происходящих событий в сфере энергетики в немецкоязычном ареале. Сторонники и противники пользуются различными аргументативными стратегиями и профессиональными доводами с целью убедить читателей встать на их точку зрения, оказать влияние на лиц, принимающих решения, или улучшить репутацию своего политического движения или коммерческого предприятия.

Анализ показал, что включённые в исследовательский корпус полемические тексты обнаруживают различную степень полемичности, т.е. можно говорить о градуальности её проявления в том или ином тексте: высокой, средней или низкой. По нашим наблюдениям, к медиа текстам с высокой степенью эксплицитно выраженной полемичности можно отнести статьи уже по их заголовочному комплексу, в который часто включаются риторические вопросы, отрицательные высказывания, прецедентные феномены. Важным аспектом при оценке степени полемичности текста является модальность, введённая и дефинируемая в отечественной лингвистике В. В. Виноградовым: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в

той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [1, с. 55]. Субъективно-объективный характер данной категории предполагает как рассмотрение языковых явлений, отражающих отношение информации, сообщаемой в тексте, к реальной действительности, так и позицию говорящего в отношении этой информации. Релевантной для нашего исследования можно считать аксиологическую модальность, актуализируемую операторами хорошо/плохо/безразлично. Отметим «целесообразный характер оценки, наиболее точную и убедительную оценку получают те объекты и процессы, которые необходимы для достижения практических целей» в плане воздействия на собеседника [6, с. 81].

Полемические высказывания в анализируемых текстах по содержательно-тематическому аспекту можно подразделить на аргументы в поддержку реформ, проводимых в сфере энергетики, и против них. По степени текстовой репрезентации можно выделить эксплицитные (прямые) высказывания и имплицитные высказывания (непрямые), представляющие собой косвенные аргументы, намёки, завуалированные высказывания, обнаруживающие разную степень «соотношения выражаемого и невыражаемого» [4, с. 18]. Как уже отмечалось, цель данных текстов состоит в донесении определённого мнения до читателей, для чего приводятся объективные данные, убедительные аргументы и обоснованные оценки с использованием «стратегий убеждения, деконструкции и интерпретации действительности» [7, с. 94].

В процессе анализа газетно-публицистических текстов были выделены и разграничены эксплицитные и имплицитные полемические высказывания, которые представляют собой различные в плане текстовой репрезентации высказывания с определённой полемической интенцией, выражающие несогласие с определённым мнением, точкой зрения, позицией или интерпретацией некоторых объективных фактов и прошедших событий. Так, можно констатировать, что в большинстве статей с высоким уровнем полемичности, в том числе и включённых в нашу картотеку, преобладают эксплицитные высказывания, так как авторы выражают свое или транслируют чужое оценочное отношение к объекту полемики. Конститутивным свойством полемических материалов является оценочность. Е. М. Вольф выделяла абсолютную и сравнительную оценку: «При абсолютной оценке речь идёт, как правило, об одном оценочном объекте, при сравнительной – имеются по крайней мере два объекта или два состояния одного и того же объекта» [2, с. 15]. Так как исследуемые тексты представляют собой в той или форме диалогический дискурс, требующий наличия оппонента или некой исходной точки по-

лемики, то в полемических высказываниях преобладает сравнительная оценка.

Как показал анализ, эксплицитные полемические высказывания часто являются иницилирующими высказываниями, подразумевающими обратную реакцию в виде возражения. Языковое действие в целом, и эксплицитное полемическое высказывание в частности, неразрывно связано с интеракцией [8, с. 16], при этом подобные высказывания могут репрезентировать призывы к действию, прямые оценочные суждения, имеющие определённую обусловленную жанровой и стилистической принадлежностью тональность. Так, в статье «Soll und Haben: Die Ergebnisse der Klimakonferenz» («Дебет и кредит: Результаты конференции по климату»), опубликованной 13.12.2023 г. на сайте profil.at [11], сообщается о международной конференции, посвящённой проблемам климата, в том числе и вопросам об источниках энергии. Коммуникативным заданием текста является информация о проблемной ситуации в сфере экологии на международном уровне, знакомство читателя с ключевыми решениями конференции и их оценкой (как позитивной, так и критической) и, в конечном итоге, формирование определённого отношения к достигнутым соглашениям. При этом авторами статьи приводятся разные точки зрения на озвучиваемые идеи, нацеленные на переход на «зелёную» энергию:

Erstmals werden fossile Energieträger als Hauptverursacher der Klimakrise in einem Abschlussdokument beim Namen genannt – ein wichtiger Fortschritt auf UN-Ebene.

Данное высказывание имеет эксплицитную направленность в поддержку отказа от традиционных источников энергии, при этом впервые отмечается позитивный сдвиг – официальное признание негативной роли ископаемого топлива, при этом даётся прямая положительная оценка: *ein wichtiger Fortschritt (важный прогресс)*.

В статье присутствуют полемические высказывания, характеризующие положительные результаты конференции в отношении принятых и будущих мер:

Bereits am ersten Tag konnte die Konferenz einen Erfolg verbuchen: Der Fonds zur Finanzierung von Verlusten und Schäden wurde endlich fixiert.

В данном эксплицитном полемическом высказывании положительно оцениваются промежуточные итоги конференции – прямо говорится о первом успешном решении уже в начале конференции (*einen Erfolg verbuchen – достигла успеха; Fonds zur Finanzierung ... endlich fixiert – окончательно утверждён фонд для финансирования*).

Следует отметить также прозвучавшие на дебатах характерные для полемики острые критические мнения, касающиеся исходного тезиса и его крайне негативного восприятия:

Der Entwurf, den Konferenzpräsident Sultan Ahmed al Jaber zuerst vorlegte, hatte eine Mehrheit

der teilnehmenden Staaten vor den Kopf gestoßen und einen Proteststurm ausgelöst.

Приведенный выше контекст содержит эксплицитную форму полемического высказывания – прямо описывается сильная негативная реакция большинства стран на предложенный проект соглашения по снижению использования ископаемого топлива. Исследуемый текст обладает средней степенью полемичности, так как в целом подводит итоги прошедшей конференции, транслируя позиции представителей отдельных стран и сторонников разных подходов в области энергетики. Как показал анализ, полемика в данной статье может быть охарактеризована как публичная, открытая, по большей части экономическая, реализованная по модели «сообщение – выражение оценки» к нему. В отношении тональности текста отметим, что это аналитическая статья, но с явно выраженными элементами критической оценки, иронии и полемики. Текст сочетает фактологическое изложение с субъективной интерпретацией и оценочными суждениями.

В статье «Zu viel erneuerbarer Strom in Deutschland – eine Belastung für den Steuerzahler» («Избыток возобновляемой электроэнергии в Германии – бремя для налогоплательщиков»), опубликованной 9.08.2024 г. на сайте <https://merkur.de> [12], рассматривается ситуация с возобновляемыми источниками энергии в Германии, грозящая увеличением налогового бремени. В тексте имеются эксплицитные высказывания в поддержку использования подобной технологии как таковой:

Eigentlich ist es doch eine gute Sache: Der Ausbau der erneuerbaren Energien hat jetzt so richtig an Fahrt aufgenommen.

Преимущества перехода на возобновляемые источники энергии подкрепляются эксплицитными полемическими высказываниями с прямым указанием на выгоду для потребителей от существующей ситуации с избытком энергии от возобновляемых источников, как это следует из приведенного ниже контекста: *kann davon profitieren – могут получить от этого выгоду; Kosten massiv senken – значительно сократить расходы*, однако, как отмечено далее, при наличии динамичного тарифа: *Wer einen dynamischen Stromtarif nutzt, kann davon profitieren und seine Haushaltsstromkosten massiv senken.*

Но уже в финальной части названия статьи акцентируются отрицательные последствия от чрезмерного увеличения данного энергетического ресурса, обуславливающего рост налогов для рядового потребителя (*eine Belastung für den Steuerzahler*). Этот посыл поддерживается эксплицитными высказываниями полемического характера, направленными против реформ, включая указание на проблемы, вызванные бурным развитием возобновляемых источников энергии:

Doch der Zubau der Windkraft- und Solaranlagen sorgt nun auch für Probleme am Strommarkt.

Критике в остром полемическом ключе поддается и разрыв между объемом вырабатыва-

емой этим ресурсом энергии и реальными потребностями:

Denn die Anlagen produzieren ziemlich viel Strom, wenn er gar nicht gebraucht wird.

Негативную оценку получает также недостаточно развитая инфраструктура, так как ненужную энергию приходится накапливать и затем продавать по бросовым ценам:

Weil die Speicherkapazitäten nicht ausreichen, müssen Netzbetreiber den unnützen Strom trotzdem einspeisen und an der Börse verkaufen – für einen Ramschpreis.

Можно констатировать, что рассматриваемая статья имеет среднюю степень полемичности, так как достаточно умеренно иллюстрирует как преимущества, так и недостатки «зелёной» энергетики, однако доминирует вектор отрицательной оценки сложившейся в Германии ситуации. Приводимые аргументы демонстрируют черты публичной полемики с последующей оценочной интерпретацией описываемых событий и фактов, не нарушая норм институционального общения.

В материале от NZZ под заголовком «Wie angespannt ist die Lage am Strommarkt? – Die wichtigsten Energiedaten in Grafiken» («Насколько напряженной является ситуация на рынке электроэнергии? Самые важные данные по энергетике в цифрах»), опубликованном 1.03.2024 г. [9], сообщается об общей картине в сфере энергетике в Швейцарии. В заголовочном комплексе статьи ставится полемический вопрос о текущем положении дел в исследуемой сфере. Изложение данных сопровождается иллюстративными графиками, авторы применяют при этом эксплицитные полемические высказывания, указывая на преимущества гидроэнергетики как надежного источника ввиду большого количества водохранилищ по сравнению с Германией:

Die Schweiz ist in der glücklichen Lage, dass sie im Gegensatz etwa zu Deutschland viele Stauseen hat, die knapp 9 Terawattstunden Strom speichern können.

Степень полемичности данного текста достаточно низкая ввиду однозначно положительной оценки энергетического рынка Швейцарии, подтверждаемой убедительными статистическими данными. Полемический характер статьи, представляющей собой информационное сообщение, формируется соответствующими аргументами и целым рядом оценочных и риторических вопросов, которые ставят под сомнение серьезность прошлых угроз и акцентируют преимущества Швейцарии на европейском энергетическом рынке.

Таким образом, одним из важнейших лингвистических средств выражения полемики является аксиологическая модальность, понимаемая в широком смысле как категория, отражающая отношение высказывания к действительности и отношение говорящего к содержанию высказывания. В контексте полемических высказываний релевантно различение объективной модальности (отношение к реальности/ирреальности) и субъек-

тивной модальности (выражение достоверности/недостоверности).

Анализ полемических высказываний в исследуемых текстах посредством их категоризации по направленности (аргументы «за» или «против» реформ) и по форме выражения (эксплицитные или имплицитные) показал разные формы столкновения оппозитивных точек зрения на обсуждаемые проблемы и предлагаемые решения в области энергетического перехода. Эксплицитные высказывания, с одной стороны, часто поддерживают идеи отказа от традиционных источников энергии, отмечая позитивные результаты, с другой, многие высказывания содержат критику подобных реформ и идей, подкреплённую высказываниями о недостатках или противоречиях.

Более сложную коммуникативно-прагматическую природу имеют имплицитные высказывания, служащие для реализации непрямого воздействия как на оппонента, так и на читателя – мягкой манипуляции или тонкого убеждения. Если эксплицитные полемические высказывания характеризуются прямой вербализацией авторской оценочной позиции, то имплицитные формы, такие как метафоры, ирония, эвфемизмы или аллюзии, передают прагматическую информацию опосредованно, за счёт актуализации фоновых знаний и интерпретационных способностей реципиента.

В статье «Warum die Reform der Industrie-Netzentgelte eine gute Idee ist» («Почему реформа оплаты сетевых тарифов для промышленных потребителей – хорошая идея»), опубликованной в газете *Handelsblatt* 03.09.2024 г. [10], анализируется обоснованность реформы сетевых тарифов для промышленных потребителей в Германии. Авторы утверждают, что действующая система неэффективна, увеличивает стоимость энергетического перехода и снижает конкурентоспособность немецких компаний. Непосредственно в заголовке обозначена позиция авторов по отношению к объекту полемики – реформа напрямую в форме положительно окрашенного эксплицитного высказывания называется *хорошей идеей (eine gute Idee)*. В тексте также присутствуют имплицитные полемические высказывания:

Der Wirtschaftsrat der CDU hat in einem Brandbrief an Wirtschaftsminister Habeck Alarm geschlagen: Die Pläne der Bundesnetzagentur zur Reform der Netzentgelte seien ein „verheerendes Signal für den Wirtschaftsstandort Deutschland“. Sie würden als Erklärung aufgefasst, dass es in einem System volatiler Stromerzeugung durch Wind- und Solarenergie nicht immer möglich sei, die Stromnachfrage zu decken.

Объективность критического информационного посыла поддерживается введением составного термина *volatile Stromerzeugung (нестабильная выработка электроэнергии)*, выполняющего функцию технического описания особенностей и потенциала возобновляемых источников энергии, однако далее, в контексте повествования о не-

возможности покрыть спрос высказывание приобретает негативный критический оттенок, намекая на их ненадежность. Это не прямое заявление, а косвенное выражение проблемности, смягченное модальной конструкцией неуверенности *не всегда возможно (nicht immer möglich sei)*. Авторы ставят своей целью сообщить о критической реакции Экономического совета ХДС на планы реформы, передать его опасения и аргументацию.

Имплицитные полемические высказывания о ситуации в сфере энергетики на внутреннем рынке зачастую сопровождаются специализированными терминами, повышающими степень информативности сообщения и аргументации точек зрения:

Um von der Subvention zu profitieren, müssen Unternehmen bislang ihren Strombezug sehr konstant halten. Dies führt auch dazu, dass Unternehmen ihren Stromverbrauch, anstatt ihre Stromnachfrage flexibel an schwankende Börsenstrompreise anzupassen – denn wenn sie das täten, verlören viele ihren Netzentgeltrabatt.

Для имплицитного выражения своего критического отношения к существующей в энергетике ситуации авторы применяют целую цепочку предикативных конструкций: *profitieren, konstant halten, künstlich verstetigen*, демонстрирующих намеренные действия компаний по получению субсидий, экономически неоправданных, отказываясь от регулирования спроса на электроэнергию (*ihre Stromnachfrage flexibel anzupassen*). Модальность предостережения выражена в данном контексте условными конструкциями сослагательного наклонения (*wenn sie das täten, verlören viele ihren Netzentgeltrabatt* - досл. *если бы они это делали, многие лишились бы субсидий*). Имплицитно акцент делается на большей рациональности и желательности действий компаний по гибкой адаптации спроса на электроэнергию, которые позитивно сказались бы на рынке электроэнергии, однако при этом лишили бы их субсидий. Это также является косвенной критикой неэффективного поведения компаний, вызванного их стремлением получить субсидии. Здесь прямо называется негативный результат, который наступил бы для компаний. Это предостережение против «правильного» с точки зрения рынка, но «неправильного» с точки зрения текущей системы поведения, что подчёркивает системность проблемы.

Это не прямое обвинение, а указание на проблему, возникающую в контексте их внедрения. Критике подвергается текущая система, препятствующая гибкости потребления, поэтому можно констатировать среднюю степень полемичности данного материала.

Таким образом, установлено, что имплицитные полемические высказывания, характеризующиеся косвенным выражением авторской позиции, выполняют функции мягкой критики, предостережения, прогнозирования последствий, реализуя при этом и такие скрытые прагматиче-

ские цели, как тонкое убеждение и манипулятивное воздействие.

Анализ полемического дискурса в исследуемых немецкоязычных медиатекстах, посвященных актуальным проблемам энергетики, показал, что он отличается острым характером публичных дебатов, аргументированной критичностью, аксиологической модальностью. Доминантную роль выполняют при этом эксплицитные полемические высказывания, когда авторы открыто демонстрируют свою позицию, приводят аргументы, подвергают сомнениям и критике складывающуюся в энергетике немецкоязычного ареала ситуацию, прогнозируя возможные последствия.

Результаты. Характерная для современного медиадискурса полемическая коммуникация, репрезентируемая столкновением различных точек зрения по актуальным для социума проблемам, представляет собой прагматически многоплановый процесс, отличающийся институциональной и реактивной природой. Разножанровые газетно-публицистические тексты, реализующие полемический дискурс, служат для аргументированного опровержения или поддержки определённых позиций, что подчёркивает их прагматическую значимость в общественном обсуждении. Коммуникативная среда, понимаемая как совокупность потенциальных коммуникантов и каналов передачи информации, оказывает значительное воздействие на формальные и перцептивные характеристики полемических высказываний. Ключевыми инструментами реализации полемического высказывания выступают эксплицитное выражение несогласия, стратегии аргументации и опровержения, направленные на обоснование защищаемой позиции.

Основой этого процесса выступает полемическое высказывание, определяемое совокупностью коммуникативно-прагматических и лингвистических

признаков: реактивным характером, позитивной или негативной оценочностью и аргументативной направленностью. Ключевыми инструментами реализации полемического высказывания являются эксплицитное выражение несогласия.

Анализ эмпирического материала позволил установить, что в публицистических текстах об энергетике полемический дискурс обладает публичным и преимущественно экономическим характером, отличается регламентированностью и активно транслирует позитивное или негативное отношение к объекту полемики. Преобладание эксплицитных полемических высказываний критического плана свидетельствует о прямой реализации авторской интенции и оценочной позиции, призванной оказать желаемое воздействие как на оппонента, так, конечно, и на читателя. Имплицитные полемические высказывания реализуют прагматические установки опосредованно, выполняя функции мягкой критики, предостережения, тонкого убеждения и мягкого манипулятивного воздействия.

Таким образом, современная полемика, связанная с современной энергетической сферой Германии, Австрии и Швейцарии, обладает достаточно острым и критичным характером. Процесс перехода на возобновляемые источники энергии получает в процессе полемики как положительную оценку (экологически чистые технологии), так и аргументированные возражения против такого энергетического ресурса (увеличение налогообложения, отрицательные перспективы). В заключение отметим, что участники полемики уважительно относятся к оппонентам, приводят стройную систему аргументации, подкрепляют фактами свою позицию, что в целом свидетельствует о достаточно гармоничной дискуссии по весьма острому и чувствительному для большинства немцев, австрийцев и швейцарцев вопросу медийной и политической повестки.

Литература

- Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: избр. тр. / под ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1975. 559 с.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: УРСС, 2002. 290 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Касевич В. Б. Типология языков и типология культур // Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков: тезисы докладов и сообщений межреспубликанской конференции. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1992. С. 17-19.
- Косова И. О. Лингвостратегические признаки полемического текста // Вестник научных конференций. Перспективы развития науки и образования: по материалам международной научно-практической конференции 31 июля 2019 г. Часть 2. 2019. Вып. 7-2(47). С. 58-61.
- Сажина Е. В. Коммуникативно-когнитивная модель полемического дискурса печатных СМИ. Российский социально-гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 253-266.
- Серебрякова С. В., Кибкало Р. И. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на материале текстов В. Г. Сурдина) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2024. Т. 28, 3. С. 72-83.
- Серебрякова С. В., Суетина О. Г. Структурно-семантические и прагматические особенности текстов решений Верховных судов стран англо-саксонской правовой системы: монография. Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф»; 2022. 196 с.
- Соловьева Н. В. Научный полемический дискурс и факторы его формирования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16. С. 41-53.
- Уделькина А. И. Рефлексивное пространство полемического дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. С. 181-188.
- Чернова П. А. Языковая форма и функции полемического высказывания: на материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2009. 197 с.

12. Kruska, A. Polemik und politische Wissenschaft: Resümee. Die Polemik der Restauration: Metapolemische und ideengeschichtliche Betrachtungen zum Initialband der Restaurationsschrift Karl Ludwig. Bielefeld, 2019. 428 S. <https://doi.org/10.14361/9783839446867>
13. Belser, J., Benz, M., Seliger, F. Wie angespannt ist die Lage am Strommarkt? – Die wichtigsten Energiedaten in Grafiken [Электронный ресурс] / Jannik Belser, Matthias Benz, Florian Seliger // NZZ. – Zurich: Neue Zürcher Zeitung AG. URL: <https://web.archive.org/web/20240304233911/https://www.nzz.ch/wirtschaft/wie-angespannt-ist-die-lage-am-strommarkt-id.1697374>. (дата обращения: 15.09.2025).
14. Hirth, L. Koenig, H., Weber, B. Warum die Reform der Industrie-Netzentgelte eine gute Idee ist / Lion Hirth, Hanns Koenig, Bernd Weber // Handelsblatt. Dusseldorf: Handelsblatt Media Group. URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-warum-die-reform-der-industrie-netzentgelte-eine-gute-idee-ist/100064578.html>. (дата обращения: 15.09.2025).
15. Hiptmayr, C., Dzugan, F. Soll und Haben: Die Ergebnisse der Klimakonferenz [Электронный ресурс] / Christina Hiptmayr, Franziska Dzugan // Profil. Vienna: Profil. URL: <https://www.profil.at/wissenschaft/soll-und-haben-die-ergebnisse-der-klimakonferenz/402706939>. (дата обращения: 15.09.2025).
16. Walker, A. Zu viel erneuerbarer Strom in Deutschland – eine Belastung für den Steuerzahler / Amy Walker // Merkur. Munich: IPPEN.MEDIA. URL: <https://www.merkur.de/wirtschaft/zu-viel-erneuerbarer-strom-in-deutschland-eine-belastung-fuer-den-steuerzahler-zr-93227157.html>. (дата обращения: 15.09.2025).

References

1. Vinogradov VV. Studies on Russian grammar: selected works / ed. volume by NY. Shvedov. Moscow: Nauka, 1975. 559 p.
2. Wolf EM. Functional semantics of evaluation. Moscow: URSS, 2002. 290 p.
3. Karasik VI. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 390 p.
4. Kasevich VB. Typology of languages and typology of cultures. Typological and Comparative Study of Slavic and Balkan Languages: Theses of Reports and Messages of the Inter-Republican Conference. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies, 1992. p.17 - 19.
5. Kosova IO. Linguistic and strategic features of polemic text. Bulletin of scientific conferences. Perspectives of development of science and education: on the materials of the international scientific-practical conference 31 July 2019 Part 2. 2019. Issue 7-2(47). p. 58-61.
6. Sazhina EV. Communicative-cognitive model of polemical discourse in print media. Russian Social and Humanitarian Journal. 2022; 1. Pp. 253–266.
7. Serebriakova SV., Kibkalo RI. Evaluation as a pragmatically significant marker of the author's presence in astronomical popular scientific discourse (based on v.g. surdin's texts). *Izvestiya YUFU. Filologicheskie. nauki.* 2024;28(3):72–83.
8. Serebriakova SV., Suetina OG. Structural-semantic and pragmatic features of the texts of the decisions of the Supreme Courts of the countries of the Anglo-Saxon legal system: a monograph. Stavropol: Stavropol publishing house 'Paragraph'; 2022. 196 p.
9. Solovyova NV. Scientific polemical discourse and factors influencing its formation. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya.* 2024;16:41-53.
10. Udelkina AI. Reflective Space of Polemical Discourse. *Vestnik Samarskogouniversiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya.* 2018;24:181–188.
11. Chernova PA. The linguistic form and functions of polemical speech: based on contemporary German language material: dissertation ... candidate of philological sciences. St.Petersburg, 2009. 197 p.
12. Kruska, A. Polemik und politische Wissenschaft: Resümee. Die Polemik der Restauration: Metapolemische und ideengeschichtliche Betrachtungen zum Initialband der Restaurationsschrift Karl Ludwig. Bielefeld, 2019. 428 S. <https://doi.org/10.14361/9783839446867>
13. Belser, J., Benz, M., Seliger, F. Wie angespannt ist die Lage am Strommarkt? – Die wichtigsten Energiedaten in Grafiken [Electronic resource] / Jannik Belser, Matthias Benz, Florian Seliger // NZZ. – Zurich: Neue Zürcher Zeitung AG. URL: <https://web.archive.org/web/20240304233911/https://www.nzz.ch/wirtschaft/wie-angespannt-ist-die-lage-am-strommarkt-id.1697374>. – Accessed: 15.09.2025.
14. Hirth L. Koenig, H., Weber, B. Warum die Reform der Industrie-Netzentgelte eine gute Idee ist [Electronic resource] / Lion Hirth, Hanns Koenig, Bernd Weber // Handelsblatt. Düsseldorf: Handelsblatt Media Group. URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-warum-die-reform-der-industrie-netzentgelte-eine-gute-idee-ist/100064578.html>. (accessed: 20.05.2025).
15. Hiptmayr C., Dzugan F. Soll und Haben: Die Ergebnisse der Klimakonferenz [Electronic resource] / Christina Hiptmayr, Franziska Dzugan // Profil. Wien: Profil. URL: <https://www.profil.at/wissenschaft/soll-und-haben-die-ergebnisse-der-klimakonferenz/402706939>. (accessed: 20.05.2025).
16. Walker A. Zu viel erneuerbarer Strom in Deutschland – eine Belastung für den Steuerzahler // Merkur. Munich: IPPEN.MEDIA. URL: <https://www.merkur.de/wirtschaft/zu-viel-erneuerbarer-strom-in-deutschland-eine-belastung-fuer-den-steuerzahler-zr-93227157.html>. (accessed: 20.05.2025).

РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

Рецензия

УДК 81'42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.22>

ОКОНОВА Л.В. КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАЛМЫКОВ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.: В 5 Ч. ЭЛИСТА: ИЗД-ВО КАЛМ. УН-ТА, 2025. – Ч.4. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ РОССИЙСКИХ КОЧЕВИЙ КАЛМЫКОВ В ПОСЛЕД. ТРЕТИ XVIII – XIX В. 279 С.

Марина Евгеньевна Колесникова

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института, заведующий кафедрой
kolesnikovam2017@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2896-7753>

Для цитирования: Колесникова М. Е. Оконова Л.В. Кочевая цивилизация калмыков в XVII – начале XX вв.: монография: в 5 ч. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2025. – Ч.4. Историческая демография российских кочевий калмыков в посл. трети XVIII в. – XIX в. 279 с. // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 1. С. 177–178. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.22>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.12.2025

Статья одобрена после рецензирования: 11.02.2026

Статья принята к публикации: 28.02.2026.

Review

OKONOVA LV. NOMADIC CIVILIZATION OF THE KALMYKS IN THE 17TH – EARLY 20TH CENTURIES: IN 5 PARTS. ELISTA: PUBLISHING HOUSE OF KALM. UNIVERSITY, 2025. PART 4. HISTORICAL DEMOGRAPHY OF RUSSIAN NOMADIC KALMYKS IN THE LAST THIRD OF THE 18TH – 19TH CENTURIES. 279 P.

Marina Ye. Kolesnikova

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Director of Humanities Institute, Head of Department
kolesnikovam2017@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2896-7753>

For citation: Kolesnikova MYe. Okonova LV. Nomadic civilization of the Kalmyks in the 17th – early 20th centuries: monograph: in 5 parts. Elista: Publishing house of Kalm. University, 2025. – Part 4. Historical demography of Russian nomadic Kalmyks in the last third of the 18th – 19th centuries. 279 p. Humanities and law research. 2026;13(1):177-178. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.1.22>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.12.2025

The article was approved after reviewing: 11.02.2026

The article was accepted for publication: 28.02.2026.

Монография «Кочевая цивилизация калмыков в XVII – начале XX вв. в 5 ч. Ч.4. Историческая демография российских кочевий калмыков в посл. трети XVIII в. – XIX в» подготовлена кандидатом исторических наук, доцентом Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова, специалистом по исторической демографии Л.В. Оконовой.

В монографии подводится итог многолетней работы автора по изучению демографической истории калмыков-кочевников, которые в 1771 г. после раскола калмыцкого этноса остались в России, кочевья которых были сосредоточенные в основном по обеим сторонам низовий р. Волги, и со временем стали называться Калмыцкой степью, приобрета самостоятельный административно-территориальный статус в границах Астрахан-

ской губернии. В основу монографии положены результаты работы автора в рамках исследовательского проекта «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России», выполняемого по гранту Российского научного фонда.

Автор поставил цель – выяснить степень изученности источников по изучению истории калмыцких кочевий, включающий в себя наблюдения и учет в приволжских кочевьях калмыков, отраженные в законодательно-актовых материалах, учетно-нормативной документации и определить информационно-качественную ценность содержащихся в них данных.

Работа основана на широком круге статистических источников, содержащих разного рода

сведения об оседлых поселениях калмыков. В качестве источника по изучению состава населения приволжских кочевий калмыков подробно рассмотрена Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Автором представлен структурно-табличный анализ переписных листов и тематические таблицы, содержащие сведения о месте рождения, половозрастном составе семей калмыков, родных языках, сословиях, семейном составе, вероисповедании, грамотности, хозяйствах, занятиях и о лицах с ограниченными возможностями здоровья.

Интерес представляет, предложенная автором методика подсчета численности населения в кочевьях, которая учитывает особенности мирозрения кочевников.

В результате проведенного исследования автор делает вывод о том, что в условиях индустриально-аграрного развития России Калмыцкая степь относилась к числу регионов, которая была не субъектом, а объектом капиталистического развития.

В монографии дан источниковедческий анализ ранее введенных в научный оборот законодательных, статистических, учетно-нормативных и других материалов, содержащих данные о составе, движении и численности населения калмыцких кочевий. В историографическом плане подробно рассмотрены работы предшественников как специфический вид исторического источника.

Хронологические рамки исследования определены периодом последней трети XVIII–XIX вв., т.е. с момента раскола калмыцкого этноса в 1771 г. и до 1897 г. – года проведения Первой всеобщей

переписи населения Российской империи. Именно материалы переписи, тщательно и всесторонне проанализированные в монографии, представляют уникальные статистическо-демографические сведения о состоянии всего населения России, в том числе и калмыков.

Монография состоит из трех глав, в каждой из которых решаются конкретные задачи, определяемые избранным периодом и тематикой проанализированного материала: «Демографический аспект в историографическом изучении истории калмыцких кочевий» (Глава I), «Демографический аспект в источниковедческом изучении истории калмыцких кочевий» (Глава II), «Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. как источник по изучению состава населения приволжских кочевий калмыков» (Глава III).

Монография хорошо фундирована, основывается на широком круге статистических материалов, новейших исследованиях, снабжена подробной библиографией. Работа содержит список сокращений и условных обозначений. Отдельно необходимо отметить многочисленные статистические таблицы в тексте, представляющие самостоятельную ценность и дающие возможность любому исследователю использовать их в своей работе в области исторической демографии.

Монография рекомендуется к изданию, является важным этапом в изучении исторической демографии российских кочевий калмыков в XVIII–XIX в. Работа представляет интерес для историков, демографов, географов, этнографов, краеведов, всех интересующихся проблемами демографической истории кочевых сообществ.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2026. Том 13. № 1

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал / гл. ред. И. В. Крючков.
Ставрополь, 2026. Т. 13. № 1. 179 с.

— Свободная цена —

Ответственный секретарь К. Р. Амбарцумян
Технический редактор, компьютерная верстка М. И. Толмачев
Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 10.04.2026

Дата выхода в свет 06.05.2026

Формат 60х84 1/8
Бумага офсетная

Усл. п. л. 20,69
Заказ 18

Уч.-изд. л. 19,43
Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2